

С Н Б О Р Щ Е В

ОТ НЕВЫ

ДО
АЛБЫ

С. Н. БОРЩЕВ

ОТ НЕВЫ ДО ЭЛЬБЫ

*Второе,
переработанное и дополненное
издание*

Л Е Н И З Д А Т . 1 9 7 3

Генерал С. Н. Борщев в годы Великой Отечественной войны командовал соединениями, которые участвовали в боях за прорыв и снятие блокады Ленинграда. Под его командованием 46-я стрелковая дивизия прошла с боями от Невы до Эльбы. Те, кто читал мемуары бывшего полковника вермахта Рудольфа Петерсхагена «Мятёжная совесть» и смотрел многосерийный телевизионный фильм «Совесть пробуждается», наверное помнят историю капитуляции старинного города Грейфсвальда. Переговоры с парламентарями вел в ночь с 29 на 30 апреля 1945 года генерал С. Н. Борщев.

Семен Николаевич Борщев родился в 1905 году в семье крестьянина-бедняка. С 12 лет начал он трудовую деятельность. Был батраком, рабочим на заводах Сулина в Ростовской области. В Коммунистическую партию вступил по ленинскому призыву в 1924 году. За боевые заслуги награжден тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова, Кутузова и многими другими правительственными наградами.

Автор выражает глубокую благодарность всем ветеранам 168-й, 268-й, 46-й стрелковых дивизий и 5-й отдельной бригады морской пехоты, поделившимся с ним своими воспоминаниями.

Особую признательность автор выражает журналисту С. М. Бойцову, оказавшему творческую помощь в подготовке рукописи к изданию.

В ЛЕСАХ КАРЕЛИИ

ПО ТРЕВОГЕ

В декабре 1939 года группу выпускников Военной академии имени М. В. Фрунзе направили в резерв Ленинградского военного округа. Среди выпускников был и я. В Ленинграде одним из нас были вручены предписания явиться в штаб 7-й армии, на Карельский перешеек, а другим в штаб 8-й армии, которая вела бои на петрозаводском направлении.

В отделе кадров 8-й армии я получил приказ о назначении на должность начальника оперативного отделения штаба 168-й стрелковой дивизии. Майор, вручавший мне документы, рассказал, что командует дивизией опытный военный, участник гражданской войны, полковник Андрей Леонтьевич Бондарев. За 21 год службы в Красной Армии он прошел путь от красноармейца до комдива.

— Самобытный, умный, волевой командир, — сказал майор и, подумав, добавил: — У него есть чему поучиться. Однако и вам придется помогать комдиву не за страх, а за совесть, особенно в штабном деле. По природе своей, по складу ума и характера — он больше строевик, чем штабист.

Я сказал, что тоже больше всего люблю строевое дело.
— Приказ о вашем назначении подписан командармом, — майор развел руками, — помочь ничем не могу.

Бондарев принял меня в землянке на своем КП, начал разговор сдержанно. Вкратце рассказал о боевой обстановке и положении дел в полосе наступления дивизии. Она в свирепые морозы прошла с тяжелыми боями 120 километров вдоль северного и северо-западного побережья Ладожского озера и овладела городами Сальми и Питкяранта. Сейчас противник оказывает упорное сопротивление.

Я сразу же приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Однако порой обстановка складывалась так, что мне приходилось вести не только штабную работу, но и командовать стрелковыми подразделениями. Однажды, когда противник вышел в тыл дивизии и перерезал дорогу на Питкяранту, полковник Бондарев приказал мне возглавить батальон, уничтожить противника и обеспечить сообщение наших частей с их тылами.

За три с половиной месяца тяжелых, изнурительных боев в лесах Карелии наша дивизия закалилась в огне сражений. Прав оказался и майор из штаба армии. Бондарев, опытный, волевой командир, многому меня научил. Видимо, и я пришелся ему по душе.

Закончилась финская кампания. Местом дислокации нашей дивизии определили район Сортавалы.

В начале мая меня неожиданно вызвали в Главное управление кадров Наркомата обороны СССР. Андрей Леонтьевич Бондарев, вручая мне предписание, неодобрительно покачал головой:

— Только успели сработаться, и уже забирают.

— Если вызывают для переговоров, непременно вернуться.

— В нашу-то глушь? — комдив недоверчиво усмехнулся.

Мне хотелось ответить полковнику, что нашу дивизию считаю родным домом. А карельские леса с их вековыми соснами, голубыми чашами озер, удивительно нежным пением птиц, огромными валунами успел полюбить так, что не променял бы ни на какие областные центры.

Через несколько дней я приехал из Москвы.

— Как дела? — спросил Бондарев. — За семьей?

— Нет, буду продолжать службу на прежнем месте. Еле отбоярился.

— Куда сватали?

— За границу, помощником военного атташе.

— Ну и молодец, что отказался.

Я рассказал комдиву, что полковник, который вел со мной переговоры, на прощание иносказательно заметил: надо держать руку на эфесе шашки.

— Да-а, — комдив помолчал. Его густые кустистые брови сдвинулись у переносья. — Это верно. Вот и командарм говорил нам на совещании, что Гитлер не собирается выводить свои дивизии из Финляндии. Следовательно, бо́льшая война на носу.

На этом в тот день наш разговор и оборвался.

Мы продолжали усиленно возводить укрепления вдоль границы. Батальонные и полковые учения следовали одно за другим. Офицеры штабов дивизии и полков неотлучно находились в частях. Однажды я был свидетелем, как инструктор гарнизонного Дома Красной Армии по женской работе Нина Александровна Гуськова жаловалась начальнику политотдела Григорию Гавриловичу Белоусову:

— Достаем в Ленинграде лучшие киноленты, а на сеансы жены приходят без мужей. Я понимаю — обстановка тревожная, командиры находятся в поле, но и они должны хотя бы один раз в неделю отдыхать.

В один из вечеров, после очередной поездки на линию строившихся укреплений, комдив А. Л. Бондарев, начальник штаба А. И. Королев и я допоздна задержались в штабе. Вначале с одобрением говорили о наших командирах, которые день и ночь трудятся в поле, даже обзавелись измерительными рулетками и строго контролируют выполнение дневного задания. Затем как-то сам собой возник разговор о немецких дивизиях, находившихся в Финляндии. Все чаще «сбивались» с курса и перелетали нашу границу самолеты без опознавательных знаков. В донесениях нам надлежало их именовать «самолетами неизвестной национальности», хотя мы прекрасно понимали, что это немецкие самолеты.

Вошел дежурный и доложил комдиву, что на его имя получен приказ. Бондарев прочитал его, посмотрел на часы и сказал:

— Спать нам осталось три часа. Вызывают на КП командарма.

15 июня 1941 года, в 5 часов утра, мы выехали на КП командарма. В тот день начались командно-штабные учения. Проводил их командующий 7-й армией генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко.

В субботу 21 июня мы усталые вернулись домой, мечта только об одном — хорошенько отоспаться.

На рассвете 22 июня всех офицеров срочно вызвали в штаб. Командир дивизии зачитал нам телеграмму наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз.

Война уже полыхала на западных границах нашей Родины...

Дивизия была поднята по боевой тревоге. По лесным дорогам двигались стрелковые и артиллерийские подразделения, тянулись обозы.

Вскоре наши части заняли оборону на государственной границе от Вяртсиля до Растилахти — северо-западнее Ладожского озера. Общая протяженность ее по фронту составляла 62 километра.

Соседом справа у нас была 71-я стрелковая дивизия полковника В. Н. Федорова (7-я армия), слева — 142-я Краснознаменная стрелковая дивизия генерал-майора С. П. Микульского (23-я армия).

Строительство железобетонных сооружений на границе еще не было завершено. Узлы обороны, созданные на вероятных направлениях наступления противника, состояли из системы деревоземляных огневых точек, окопов и траншей.

— Хорошо хоть это успели построить, — сказал командир дивизии полковник Андрей Леонтьевич Бондарев. — Стоять нам надо будет здесь насмерть!

Как только части заняли оборону, Бондарев приказал командирам полков первого эшелона подполковникам П. Г. Кашинскому и Я. С. Ермакову немедленно приступить к совершенствованию обороны на своих участках. Дел и забот у всех было хоть отбавляй. Андрей Леонтьевич требовал от командиров частей форсировать строительство обороны, а от офицеров штаба и его начальника полковника А. И. Королева — неослабного контроля за ходом работ.

В это время самоотверженно трудились работники тыловых служб. Они обеспечивали всем необходимым части и подразделения. У нас были неприкосновенные запасы продовольствия и зимнего вещевого имущества: полушубков, валенок, шапок-ушанок, рукавиц, ватников, ватных брюк и теплого белья.

Интендант дивизии капитан И. Д. Кривуля, инспектор тыла интендант 3-го ранга В. И. Ионичев, начпрод старший лейтенант Ефимов, начальник обозно-вещевого снабжения Бейлин, завделопроизводствами служб старшина Прибылов, красноармеец И. Д. Бекешев, писарь красноармеец Воронин, ответственный за эвакуацию скота младший лейтенант Галочкин, начальник полевых ремонтных мастерских И. М. Толкачев и многие другие трудились без усталы, буквально днем и ночью, выкраивая себе для сна по 2—3 часа.

Помимо своих основных дел работники тыла дивизии помогали эвакуировать колхозный скот. Запомнился мне такой разговор, происходивший между комдивом А. Л. Бондаревым и интендантом И. Д. Кривулей:

— Какой запас у нас мяса? — спросил комдив.

— Месяцев на восемь, — ответил интендант.

— Учитывая живой скот? — поинтересовался комдив.

— Да!

— Оставьте запас мяса на полгода, а рогатый скот соберите в гурты и своим ходом отправьте в Петрозаводск.

Позже, когда начались бои и врагу удавалось подходить близко к нашим тыловым складам, мы успевали прямо у него из-под носа вывозить продовольствие.

Недалеко от перекрестка одной из шоссеиных дорог находился большой склад с продовольствием и разным военным имуществом. Охранять склад было приказано группе бойцов под командованием помкомвзвода И. А. Иванютина. Надо было удерживать склад до тех пор, пока от туда не будут вывезены все запасы. Три дня бойцы обороняли склад. Из 10 человек в строю осталось 4. Потом еще двое погнбло, остались Иванютин и Терехов. К исходу третьего дня к ним прибыло подкрепление — рота пехотинцев. Почти все продовольствие со склада было вывезено.

В один из трудных дней боев в тылах дивизии действовала одна полевая хлебопекарня. Она явно не могла обеспечить нас хлебом. Комдив приказал капитану Кривуле срочно собрать запасы зерна и к исходу дня наладить выпечку хлеба. Командиры тыловых служб Кравченко, Толкачев, сержанты и бойцы под командой капитана Кривули построили напольные печи. Для этого пришлось разобрать печи в уцелевших пустых домах. Одновременно Ионичев под артиллерийско-минометным обстрелом за сутки вывез из запасов пивного завода Сортавалы около 300 тонн ржи и ячменя. Начпрод дивизии Ефимов нашел

несколько небольших мельниц. К исходу дня, как и приказал комдив, хлеб для всей дивизии был выпечен и доставлен в части и подразделения.

НА ГРАНИЦЕ

По ту сторону границы у финнов в первые дни войны ничего тревожного не наблюдалось. Как-то я заночевал на наблюдательном пункте командира 462-го стрелкового полка подполковника Павла Гурьевича Кашинского. Полк занимал оборону от озера Канчас-ярви до поселка Растилахти. Его поддерживал 453-й артиллерийский полк полковника П. Г. Касперовича. Ночью нас разбудил гул моторов. Мы вышли из землянки, прислушались. Стало ясно: враг подтягивает к границе артиллерию и танки.

На рассвете 2 июля немецко-финские войска перешли в общее наступление.

На нашем левом фланге в районе Растилахти противник в течение всего утра вел интенсивный артиллерийско-минометный огонь. Кашинский докладывал, что горят постройки погранзаставы, лес, кустарник. Вскоре враг окружил погранзаставу. Пограничники под командованием политрука А. Д. Гарькавого заняли круговую оборону и отражали атаки наседавшего врага, во много раз превосходившего их в силах. Они держались несколько часов, пока на выручку им не подошли подразделения нашего 462-го полка.

3 июля противник ввел в бой свои главные силы. Только против нас и двух соседних с нами дивизий он бросил в наступление три армейских корпуса. Бои становились все ожесточеннее. Главный удар враг наносил в стык 7-й и 23-й армий, стремясь прорваться к северо-западному побережью Ладожского озера, расчленив наши две армии и уничтожить их по частям. Мы оборонялись весь день и ни на одном участке не отступили.

4 июля противник продолжал наращивать удар на нашем левом фланге. Силами двух пехотных полков ему удалось прорвать оборону в районе населенных пунктов Растилахти, Сикопохья, Менсуваари и окружить 2-й батальон 461-го полка — нашего соседа слева. Враг стремительно развивал наступление на город Лахденпохья, угрожая выходом в тыл 462-му полку нашей дивизии. П. Г. Кашинский немедленно выдвинул вперед свой 3-й батальон и

приказал его командиру капитану Ф. И. Макарову контратаковать врага.

Вместе с бойцами в атаку поднялся комиссар полка Александр Ефимович Гронь. Бойцы полюбили его еще до войны за исключительное внимание к их нуждам, партийную принципиальность, справедливость, истинно комиссарскую душевность и честность. Сейчас он был для них примером большевистского бесстрашия. Дружный, ошеломивший врага удар в стык его двух полков вынудил финнов откатиться на исходные позиции.

После боя я отправился в 3-й батальон. В землянке комбата Ф. И. Макарова заседало партийное бюро полка. Здесь были комиссар полка А. Е. Гронь и секретарь партийного бюро полка М. И. Гуськов. Партбюро принимало в кандидаты и члены партии воинов, отличившихся в недавнем бою.

Маркел Иванович Гуськов зачитал заявление командира отделения сержанта Чернышева. Мне запомнилось выступление Александра Ефимовича Гроня, который давал Чернышеву рекомендацию.

— Перед нашей контратакой, — сказал комиссар, — нам сильно досаждала вражеская батарея. Нащупать ее было трудно. Орудия быстро меняли огневые позиции. Командир отделения сержант Чернышев получил приказ — вместе со своими бойцами проникнуть в тыл врага и разведать батарею. Чернышев и бойцы его отделения сделали большее. Они обошли финскую батарею, уничтожили расчеты и подорвали орудия. Это во многом помогло успеху нашей контратаки. Чернышев на поле боя доказал, что он достоин быть коммунистом.

Сержанта Чернышева приняли в партию единогласно.

Не успел я вернуться в штаб дивизии, как мой помощник капитан С. Н. Королевич доложил, что враг атаковал наш левый фланг. Бойцы и командиры 462-го полка и соседа слева — 461-го полка, которым командовал полковник В. А. Трубачев, впоследствии удостоенный высокого звания Героя Советского Союза, уже отразили пять или шесть атак противника.

Направляясь в 462-й полк, я встретил секретаря партбюро старшего политрука Маркела Ивановича Гуськова. Он был весь в пыли, на сапогах его засохли комья грязи.

— Откуда? — поинтересовался я.

— От соседа по дому. Жил за стенкой. Тихий такой, ни голоса, ни шагов не было слышно. Да вы его, Семен

Николаевич, знаете. Это командир седьмой роты Григорий Васильевич Абрамов.

Заметив восхищение на лице Гуськова, я спросил:

— Ну, а сейчас он где?

— Его рота занимает оборону повзводно на двух скалах, а между ними заболоченный лес. Вчера Абрамов малыми силами навязал противнику бой у подножия скал, дал ему втянуться в заболоченный лес, а потом с вершин обеих скал уничтожил до двух рот противника.

— Молодец, надо его представить к награде. Все так и опишите в наградном листе.

— Еще подробнее напишем, — продолжал Гуськов, — командный пункт Абрамова находится на одной из скал. Бойцы ее называют «утесом Абрамова».

На лахденпохском направлении враг настойчиво рвался к северо-западному побережью Ладожского озера. На отдельных участках ему удалось потеснить наши подразделения.

5 июля полковник Бондарев ввел в бой свой второй эшелон — 260-й стрелковый полк полковника В. Ф. Алексеева. Все его подразделения были посажены на автомашины и переброшены из района Сортавалы к месту прорыва.

Два дня длились кровопролитные бои. Одна наша контратака сменялась другой. К вечеру 7 июля прорвавшаяся группировка противника была разгромлена. Враг оставил на поле боя только убитыми более 500 человек.

После этого боя 260-й полк был снова выведен в резерв командира дивизии и занял оборону во втором эшелоне в районе Рюттю. Бондарев поставил перед Алексеевым задачу: в случае прорыва противником обороны прикрыть район Рюттю — Сортавала.

Потерпев неудачу на нашем левом фланге в районе Растилахти — Лахденпохья, враг перенес свой удар на правый фланг, стремясь захватить населенные пункты Маткаселькя и Сортавала.

На правом фланге дивизии — от населенного пункта Вяртсиля до озера Кангас-ярви — занимал оборону 402-й Краснознаменный стрелковый полк подполковника Я. С. Ермакова. Его поддерживали 412-й гаубично-артиллерийский полк майора В. Г. Кукина и 60-й отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион капитана И. М. Черкасова.

10 июля ценой больших потерь финнам удалось вкли-

питься в оборону на участке 402-го полка в районе поселков Туртила и Яккима. Первыми приняли бой 4-я и 6-я роты 2-го батальона, занимавшие оборону на участке поселка Туртила и озера Кангас-ярви. 6-я рота лейтенанта Демидова, несмотря на героическое сопротивление, не выдержала натиска превосходящих сил противника и отступила, а 4-я рота лейтенанта И. И. Шишеры не только устояла, но, контратаковав врага, отбросила его за линию государственной границы.

В тот же день противник после сильной артподготовки под прикрытием восьми самолетов-штурмовиков двумя батальонами атаковал позиции 7-й роты лейтенанта М. Х. Биктимирова (3-й батальон 402-го полка), но, попав под губительный огонь стрелков и пулеметчиков 3-й минометной роты лейтенанта А. М. Митина, отступил.

После перегруппировки противник вновь атаковал 7-ю роту. Командир пулеметного взвода лейтенант А. В. Журавлев приказал:

— Не стрелять! Ждать моей команды!

Подпустив врага на близкую дистанцию, бойцы роты открыли огонь. Несмотря на потери, противник продолжал атаковать. В критические минуты боя погиб весь расчет одного из пулеметов. Командир взвода Журавлев бросился к пулемету и открыл огонь.

Все же противнику удалось прорваться на флангах обороны и занять платформу Пяллярви. Командные пункты 7-й стрелковой и 3-й минометной рот были окружены. Стрелки, пулеметчики и минометчики, оставшиеся на КП, под командой лейтенантов Биктимирова и Митина пошли в контратаку и вырвались из окружения.

На другой день бой здесь возобновился с новой силой и продолжался до вечера 11 июля. Только по приказу командира батальона рота отошла к хутору Таппала, который находился в двух километрах юго-восточнее платформы Пяллярви.

За двое суток 7-я стрелковая рота лейтенанта Биктимирова и 3-я минометная рота лейтенанта Митина уничтожили свыше 150 солдат и офицеров противника.

Любопытный эпизод произошел 12 июля. По дороге на Пирттипохья совершенно спокойно, не соблюдая никаких мер предосторожности, ехали два вражеских самокатчика. Чуть в стороне от дороги стояла наша замаскированная 45-мм пушка. Бойцы из артиллерийского расчета 3-го стрелкового батальона выскочили на дорогу и взяли

самокатчиков в плен. Это оказались бригадный врач и его ординарец. Пленных доставили к нам в штаб. Я допрашивал капитана. Он был ошеломлен и растерян.

— В нашем штабе мне сообщили, что Пирттипохья занята нашими передовыми батальонами, — сказал он. — Странно, что мы никого из своих не встретили на дороге. До начала войны немецкие офицеры уверяли нас, что нам, финнам, не придется воевать. Дело с русскими войсками решат они сами, а нам придется лишь закрепляться на завоеванной территории. Потом поступил приказ наступать, при этом старшие офицеры утверждали, что немецкие войска, не встречая особого сопротивления, почти маршем идут на Ленинград с юго-востока, а нам то же самое надо сделать с северо-запада. — Пленный горько усмехнулся. — Насколько я сейчас понимаю, наш марш не удался.

Я попросил пленного начертить маршрут своей «прогулки». Он с готовностью сделал это. Наши разведчики проверили его показания. Финский капитан-медик не врал.

В этот же день батальон противника вклинился в оборону нашего 3-го батальона. Я сообщил командиру батальона 402-го полка капитану Муштукову маршрут, начерченный пленным, и предложил организовать контратаку, чтобы восстановить прежнюю оборону.

Задуманный маневр удался на славу. Как только наши стрелки и минометчики ударили с тыла, солдаты и офицеры противника, бросая велосипеды, оружие и много другого военного имущества, стали в панике разбегаться.

ГЕРОИ СОРТАВАЛЫ

13 июля во второй половине дня противник вновь перешел в наступление. Бойцы во главе с лейтенантом И. И. Шишерой первыми на своем участке успешно отразили все атаки. Не сумев прорвать здесь оборону, противник на второй день наступления предпринял обходный маневр с флангов. Преодолев болотистую местность, он сумел 16 июля окружить 2-й батальон, которым теперь командовал бывший командир роты лейтенант И. И. Шишера, и 1-ю батарею лейтенанта В. И. Нарышкина.

В этот день взвод лейтенанта Петра Будника прикрывал выход 2-го батальона из окружения. Враг, стремясь во что бы то ни стало уничтожить батальон, яростно насе-

дал. Тогда командир взвода лейтенант Будник, крикнув «За мной!», поднял бойцов в контратаку.

Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Лейтенант Петр Будник, стреляя из трофейного автомата, уложил до десятка солдат противника. Но и сам он был сражен автоматной очередью. Когда красноармеец Г. В. Буккин бросился к лейтенанту Буднику, тот уже был мертв.

Комбат приказал командирам рот занять круговую оборону. Начался бой, который длился три часа. Пехотинцев исключительно четко и самоотверженно поддерживали батареи лейтенанта В. И. Нарышкина. Отразив несколько яростных атак противника, 4-я и 5-я роты внезапно перешли в контратаку и прорвали вражеское кольцо окружения.

Всю ночь батальон шел к своим, пробираясь через болото. Днем 21 июля он соединился с подразделениями нашей дивизии. Вскоре вслед за 2-м батальоном вышла из окружения и 1-я батарея. Артиллеристы сохранили все орудия.

Позже из нашей дивизионной газеты «Боевой удар» я узнал подробности боя на батарее Нарышкина. Наводчик Алексей Михайлов в своей статье рассказывал:

«Противник слева, нащупав брешь на стыке с нашим соседом, прорвал фронт. Подразделения 402-го полка заприосили красными ракетами огонь у артиллеристов.

— Отбить атаку пехоты противника! — услышал телефонист в трубке голос командира батареи лейтенанта В. И. Нарышкина...

Проходит семь секунд...

— Готово! — докладывают командиры орудий.

— Ба-та-ре-я, залп! — раздается голос старшего на батарее лейтенанта Степушкина.

Залп, другой, третий. Быстрота невиданная! И откуда только берутся сила и ловкость у заряжающего Чернеца? Не успеешь дать выстрел, как орудие снова заряжено. Силач тракторист Агеев тащит ящики со снарядами, вслед за ним коренастый — грудь нараспашку — Свалов бежит со снарядами на плечах.

— Бейте, громите гадов, ребята, а мы вам «папироски» поднесем, будьте уверены! — весело подбадривает свой расчет тракторист Леонов и бережно ставит у орудия очередной ящик со снарядами.

Боевые друзья-«соперники» — наводчики Бородин, Скогоров, Коваленко — спешат не отстать в залпе.

Жарко было... Бой смолк. Остывали стволы гаубиц. Огневики в сборе на лужайке. Самых лучших, расторопных похваливают. Журить почти некого. В один прием горстка людей выпустила 137 снарядов!

Но вот над батареей пролетел разведчик-«стервятник». И тотчас засвистели мины противника. Недолет, перелет. Вот они уже рвутся рядом, берут наши огневые позиции в «вилку».

Надо бы укрыться в ровики, но наша пехота переходит в контратаку и просит поддержать ее огнем. То и дело красные ракеты взлетают над опушкой леса. Осколки поливают градом, летят на огневые позиции. Не высунуть голов! Опасность все ближе и ближе, а нужно стрелять... Черт поberi, что же делать? Где выход? И вдруг:

— Товарищи, выход есть, — кричит боец Абдулин. — Прислушайтесь. Между разрывами мин пауза в семь-восемь секунд. Это мало, чертовски мало. Ведь на изготовку выстрела нужно пятнадцать-двадцать секунд: навести орудие, установить взрыватель, зарядить... Но мы обязаны поддержать пехоту, обязаны!

— Изготовимся в семь секунд? — уже не спрашивает, а как бы требует командир орудия Володя Вишняков.

И все срываются с места, вихрем бегут к орудиям. Дорога каждая секунда. Отчаянно работают все номера расчетов. Проходят роковые пять... шесть секунд. Слышен отдаленный гул...

— Эй, замковый, быстро сюда заряд!.. Так, так, еще чуть-чуть лафет вправо. — Правильный Романов делает рывок... Еще секунда...

— Готово!

— Огонь!

И, сделав выстрел, опережая буквально секунды, артиллеристы укрываются в ровике. И как раз в это время разрывается мина. Сразу же после этого мы делаем прыжок к орудию.

— Ах, гады, отбили ручку правила! — кричит Романов.

— А ну быстро, быстро. Без суеты! — требует командир.

Пять, шесть... Семь секунд. Я дергаю шнур. Громовой удар разносится по лесу, эхо вторит свисту мины врага, но мы уже снова укрылись в ровике. Так проходит час, два напряженной стрельбы. Быстрота и ловкость перехитрили врага. Реже и реже взлетают над лесом красные ра-

ксты — значит, мы помогли пехоте. Славно стреляет наш Нарышкин!

И вдруг кто-то кричит из ровика:

— Снаряды горят...

Вскакиваем, от дыма у нас слезятся глаза. Потрескивают в огне сухие ветки и доски ящиков. Пламя охватило прицеп, пробирается к зарядам. Штабель снарядов в кольце огня! Взорвался ящик с порохом... Удар оглушает связиста Краюшкина, воздушной волной меня отбрасывает в сторону.

Кто-то кричит:

— Спасайся... В ложину, за скалу!

— Стой! — властно призывает политрук Герасимов. — А гаубицы?.. Расчет — к снарядам!

Опаленные люди, задыхаясь в дыму, бросаются в огонь, разбрасывают ящики, выкатывают снаряды, засыпают землей, пытаются сбить пламя шинелями, но оно словно вырывается и хочет подобраться к снарядам. И тут снова приходят на помощь наши трактористы, которые, рискуя жизнью, буквально за несколько минут успевают оттянуть орудия к лесу.

Уже вечер. Звезды на небе, и тихо вокруг. Сама природа как бы зовет тебя: отдохни, ведь сутки не ел, не пил, измучился. Но нет, не до еды! Враг притаился рядом. Надо выходить из окружения, готовить новые огневые позиции, восстанавливать связь, принимать новые команды, наносить новые удары по противнику, не давать ему передышки. Без усталости, без страха пробивались из окружения артиллеристы. Да, жаркое было время...

У меня сохранилась вырезка из газеты «Красная звезда», где опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года о награждении 101 воина нашей дивизии орденами и медалями СССР. В списке награжденных есть и автор этой статьи красноармеец Виктор Алексеевич Михайлов, который с таким восхищением писал о своих товарищах и почти ничего о себе. Он был награжден орденом Красной Звезды, лейтенант Василий Иванович Нарышкин и политрук Иван Николаевич Герасимов — орденами Красного Знамени, наводчики «соперники» красноармеец Петр Федорович Бородин — орденом Красной Звезды и красноармеец Лука Васильевич Коваленко — медалью «За отвагу».

Героический подвиг совершили, сражаясь в окружении, и артиллеристы 2-го дивизиона капитана С. Ф. Лобарсва.

Тот, кто представляет себе, что такое гаубицы, поймет, как трудно было людям, выходявшим из окружения, тащить тяжелые орудия. Артиллеристы были измучены, окровавлены, одежда на них изорвана, но все же пушки они сохранили. Я разговорился с ними. Они рассказали, что их 2-й дивизион поддерживал огнем 1-й батальон капитана Владимира Артемьевича Уклебы в районе населенного пункта Яккима. Противник, скрываясь за сопками, сумел просочиться мелкими группами, накопить силы и отсечь пехотинцев от артиллеристов. Командир 2-го дивизиона капитан С. Ф. Лобарев, находившийся на своем НП, проявил изумительное самообладание. Прежде всего он приказал командирам двух батарей отходить, а сам организовал их прикрытие. Бой был неравный. В атаку шли до двух пехотных батальонов противника, поддержанных танками и артиллерией. Наши артиллеристы не дрогнули. Капитан Лобарев дал задание комсору дивизиона Шабазову:

— Собери всех в каменном сарае, — сказал он, — и артиллеристов, и пехотинцев, даже раненых, которые в силах еще стрелять, и ружейно-пулеметным огнем отражай атаки противника. У нас, к сожалению, мало снарядов. Но надо во что бы то ни стало отбиться, спасти свои орудия и выйти из этой ловушки.

Шесть часов длился бой. Вырвавшись из окружения, измученные люди прошли 5 километров, спасли орудия и вынесли 20 раненых товарищей.

На другой день деревня Яккима была нами отбита.

В те дни очень трудно приходилось батальонам лейтенантов Шишеры, Воробьева и капитана Уклебы. Враг вел методический артиллерийско-минометный огонь по их боевым порядкам. К тому же десятки бомбардировщиков 5-го немецкого воздушного флота бомбили одну нашу позицию за другой. Противнику казалось, что он уничтожил все живое. Но как только цепи его солдат поднимались в атаку, подразделения 402-го полка подполковника Ермакова встречали их организованным огнем. Особенно отличился в этих боях командир роты, назначенный затем командиром батальона лейтенант Никита Назарович Воробьев. Почти во всех донесениях Ермакова в штаб дивизии говорилось об успешных действиях 3-го батальона.

Мне довелось однажды быть на КП у Воробьева. В тот день один из командиров рот доложил, что противник его окружает.

— Что?! — неистово закричал в трубку Воробьев, и я увидел, как лихорадочно заблестели его глаза. — Запомни: никогда и никто не сможет взять в клещи наш батальон! Не нас окружают, а мы окружаем! Жди! Скоро буду. Пойдем вместе в атаку!

Через час он вернулся на КП, обвешанный трофейным оружием: на груди висел автомат «Суоми», за поясом торчали гранаты.

Слова Воробьева: «Не нас окружают, а мы окружаем!» — облетели все подразделения дивизии и стали нашим девизом.

В середине июля командование Карельской армии финнов ввело в сражение свежие силы, в том числе 19-ю пехотную дивизию. Против трех наших дивизий (168-й, 71-й и 142-й) продолжали наступать три корпуса. Значительное превосходство в живой силе и технике позволило противнику сломить сопротивление 402-го стрелкового полка.

Одновременно была прорвана линия обороны на участке 71-й стрелковой дивизии. 367-й стрелковый и 230-й артиллерийский полки, штаб этой дивизии и ее медсанбат отошли в нашу полосу обороны. Остальные части и подразделения 71-й дивизии, отступая, двигались на Петрозаводск, Питкяранту и Олонец. Вскоре и наша дивизия с тяжелыми боями вынуждена была отходить к железнодорожной станции Пиртипохья.

Тогда командующий 7-й армией генерал Ф. Д. Гореленко приказал комдивам полковникам Бондареву и Федорову совместно подготовиться к контратаке, разгромить прорвавшегося противника и восстановить прежнее положение обороны.

Бондарев решил вновь посадить на автомашины 260-й полк и контратаковать врага. Бой длился в течение пяти часов. Наконец сопротивление врага было сломлено. Полк Алексеева отбросил его на 15 километров. В течение десяти дней 260-й и 402-й полки вели тяжелые оборонительные бои, отстаивая каждый метр родной земли.

На петрозаводском направлении противнику удалось овладеть населенными пунктами Лоймола и Муанто. 11-я пехотная дивизия 7-го армейского корпуса врага вышла в тыл обороняющимся частям 71-й дивизии с востока. Обстановка на фронте резко ухудшилась, прекратилась связь со штабом 7-й армии.

Бондарев приказал Алексееву часть своих сил повернуть на восток и во что бы то ни стало остановить

наступление противника. Двое суток днем и ночью не прекращались атаки и контратаки. Населенные пункты Рускеала, Хямекоски и станция Пирттипохья по несколько раз переходили из рук в руки. Но силы были слишком неравны, и противнику удалось сломить сопротивление 260-го полка. Тогда Алексеев решил контратаковать его своим резервом. Командир полка лично повел бойцов в атаку.

За несколько часов до этого я видел полковника В. Ф. Алексеева на его НП. Он был деятелен, энергичен. Только воспаленные от бессонницы глаза выдавали его усталость.

— Передайте комдиву — приказ выполним! — сказал он мне.

В этом бою полковник погиб. Посмертно В. Ф. Алексеев был награжден орденом Ленина. Тогда же погибли комиссар полка старший политрук Н. Ф. Соколов, командир разведбата дивизии майор Ф. М. Олейников и мой помощник капитан В. Н. Власов.

Командиром 260-го стрелкового полка был назначен майор П. Ф. Брыгин, а комиссаром — старший политрук М. И. Гуськов. Полк продолжал контратаковать врага.

Враг предпринял новый маневр.

Он стремился перерезать дорогу Маткаселькя — Сортавала и окружить 402-й стрелковый полк. На участок прорыва был брошен отряд заграждения — дивизионные саперы. В ночь на 18 июля 260-й полк и 3-й батальон 402-го полка успешно контратаковали противника, отбросили его назад и заняли Саркисюръя.

В этом бою исключительную храбрость проявили лейтенанты Н. Н. Воробьев, В. А. Казаков, парторг минометной роты Чулков. Командир 1-го дивизиона 412-го гаубично-артиллерийского полка капитан Виноградов, отражая атаки врага, пал смертью героя.

Противник снова перешел в наступление, пытаясь прорваться к дороге. Но стойкость наших воинов разрушала все его замыслы. Здесь часто разыгрывались ближние бои и слышались команды Воробьева «на штык!». Противник, не выдерживая нашего удара, отступал, оставляя на поле боя трупы.

В районе поселков Яккима и Кангаскюля 402-й полк Я. С. Ермакова отражал многочисленные атаки. Эти населенные пункты дважды переходили из рук в руки. Строевой здесь уже не было, чернели лишь обгоревшие танки врага и торчали кирпичные трубы среди развалин домов.

В боях за деревню Яккима особую находчивость проявил командир 1-го батальона капитан Уклеба. Дело было так. Подполковнику Ермакову донесли, что силами двух батальонов противник занял деревню. Тогда Ермаков приказал командиру 1-го батальона капитану В. А. Уклебе выбить финнов из Яккима и восстановить прежнее положение. Для обеспечения успеха батальону придавался отдельный истребительно-противотанковый дивизион капитана Черкасова.

Капитан В. А. Уклеба понимал, что даже с помощью артиллерийского дивизиона одному стрелковому батальону трудно вышибить два пехотных батальона противника из населенного пункта, находящегося на высоте. Выручила смекалка. Капитан увидел у артиллеристов тракторы и решил их использовать по-своему. Он приказал замаскировать кабины ветками деревьев, затем посадил на тракторы бойцов одной стрелковой роты, дал им ручные пулеметы и приказал с ходу ворваться в поселок.

Хитрость удалась. Противник принял тракторы за танки и в панике отступил.

Оборона была восстановлена. Десантная рота захватила 6 станковых пулеметов, несколько минометов, 13 автоматов и другие трофеи.

О стойкости и отваге наших красноармейцев и сержантов можно рассказать многое, но я приведу лишь два эпизода, которые весьма убедительно подтверждают слова, сказанные однажды бойцам перед боем начальником политотдела нашей дивизии батальонным комиссаром Григорием Гавриловичем Белоусовым: «Даже один красноармеец с винтовкой — уже гарнизон».

Пулеметчика Максима Михайловича Баженова ранило в правую руку. В тыл идти он отказался. Товарищи наскоро сделали ему перевязку и уложили на берегу реки. Бой продолжался. Но вдруг пулемет замолчал, Максим Михайлович поднялся и увидел, что все его товарищи убиты. Тогда он сам стал стрелять из пулемета.

На берегу небольшой речушки Баженов защищал свой рубеж еще три часа до подхода основных сил роты. Чтобы отбиваться от наседавшего врага, ему приходилось не только стрелять из пулемета, но и пускать в ход гранаты. Товарищи подоспели вовремя: истекая кровью, герой уже терял сознание.

Местность в Карелии, где мы сражались, изобилует высотами и гранитными скалами. В один из знойных дней

июля пулеметный расчет сержанта Дмитриева занял позиции, как поется в песне, «у незнакомого поселка, на безымянной высоте». Семь атак отразили пулеметчики. Но вот упал сраженный насмерть автоматной очередью наводчик Куканов, тяжело ранены подносчики Ильин, Петряков и наблюдатель Дивлекивдиев. Сержант Дмитриев остался сражаться один за пятерых.

Вражеские артиллеристы выкатили противотанковую пушку и стали бить прямой наводкой. Один из снарядов разорвался недалеко от Дмитриева. Его тяжело ранило осколками. Сержант хотел было взять приготовленную на всякий случай связку гранат, но силы оставили его. Очнувшись, он услышал чужую речь и приподнял голову. К нему шли солдаты в серо-зеленых мундирах с закатанными по локоть рукавами. Они не стреляли. Он понял — хотят взять живым.

Рука дотянулась до связки гранат. Дмитриев с трудом поднялся на ноги. Почерневший, окровавленный, он шагнул навстречу вражеским солдатам. Кто-то из них успел выстрелить в него. Но он сделал еще шаг вперед и метнул связку гранат... Двенадцать солдат врага погибли вместе с нашим героем.

Мы бы так и не узнали об этом бессмертном подвиге сержанта Дмитриева, если бы не показания пленного, чудом уцелевшего на той безымянной высоте, когда она вновь перешла в наши руки.

Многих из героев в Карелии я знал лично, часто бывая в батальонах и ротах, видел их в боевой обстановке. Помнится, как порастил меня такой, казалось бы, обыденный на фронте случай. Отделение разведчиков старшего сержанта Николая Быкова, выполнив задание командира роты старшего лейтенанта Левковича, возвращалось к своим. В это время в темноте шальной пулей тяжело ранило командира отделения. Пуля, попав в щеку, раздробила челюсть и засела в мышцах шеи. Разведчики принесли Быкова в расположение роты. Сразу эвакуировать в тыл его не смогли. Он лежал на носилках в беспомощности.

Рота готовилась к бою. На рассвете предстояло штурмовать высоту. Но о расположении огневых точек на ней знал только Быков. В разведке, когда бойцы вели огонь, он успел по ответным вспышкам засечь пулеметы врага.

Командир роты взял у раненого планшет и попытался разобраться в схеме расположения огневых точек против-

ника, нарисованной Быковым. Но вот беда: ограниченное время и темнота не позволили старшему сержанту сделать ясную схему. Видимо, он больше полагался на свою память. Командир роты Левкович надеялся кое-что уточнить у Быкова и с нетерпением ждал, когда тот придет в сознание. К старшему лейтенанту подошел фельдшер.

— Быкову нельзя напрягаться, — сказал он. — Ранение настолько тяжелое, что даже одно слово может оказаться для него роковым.

Занятые разговором, они не заметили, что Быков уже пришел в себя.

— Карту, — послышался слабый голос раненого.

Левкович бросился к Быкову и увидел, как кровь хлынула у него горлом.

— Не надо, — взмолился уже сам Левкович.

Но раненый поднял руку, требуя, чтобы ему не мешали говорить. Глотая кровь, с трудом выговаривая слова, он называл отметки и ориентиры засеченных им пулеметов. Через несколько минут Быков снова потерял сознание и уже больше не приходил в себя. После боя его похоронили на отбитой у врага высоте.

Двадцать пять дней мы стояли насмерть, защищая нашу государственную границу, и двадцать дней удерживали рубеж обороны Сортавала — станция Нива. Вот как здесь протекали последние бои нашей дивизии.

10 августа войска Карельской армии финнов начали новое наступление. Свой главный удар они наносили на лахденпохском направлении. Финны решили вклиниться на стыке нашего 462-го и 708-го полков — соседа слева, входившего в состав 115-й дивизии. После упорных боев противник прорвал оборону 708-го стрелкового полка. Ведя тяжелые оборонительные бои, сосед слева отошел в нашу полосу обороны. В этот же день финны овладели городом Лахденпохья и вышли на побережье Ладожского озера, отрезав нашу дивизию от войск 7-й и 23-й армий. Мы не отступили, но оказались в полуокружении. Теперь только Ладога связывала нас с «Большой землей».

Полковник Бондарев подчинил себе 367-й стрелковый и 230-й артиллерийский полки 71-й дивизии и 708-й стрелковый полк 115-й дивизии. Он принял решение произвести перегруппировку войск и, заняв полуокруговую оборону, сократить линию фронта.

Новый оборонительный рубеж в инженерном отношении не был подготовлен. Противник принимал все меры,

чтобы разгромить 168-ю дивизию. Она сковывала его силы, которые он мог бы использовать на петрозаводском направлении. Враг ежедневно настойчиво штурмовал наши позиции с фронта и с флангов, с севера, запада и с востока. Мы дрались на узкой прибрежной полосе Ладожского озера. Против нас были сосредоточены до 6 пехотных дивизий, 8 артиллерийских и минометных полков, 4 отдельных артиллерийских дивизиона и 2 полка пограничной стражи.

Немецкие и финские летчики, отбомбив наши позиции, сбрасывали листовки на русском языке, в которых угрожали утопить нас в озере, если мы не сдадимся в плен.

11 августа враг начал новый штурм. По всему фронту следовали непрерывные атаки, поддерживаемые ударами авиации и мощным артиллерийско-минометным огнем. Наши воины стойко отражали их. И только после ввода свежих сил, ценой больших потерь в живой силе и технике финнам удалось 12 августа овладеть городом Сортавала. На следующий день они прорвали линию обороны на участках 462-го и 708-го стрелковых полков, захватили станцию Нива и деревню Маткасалькя. Нависла угроза расчленения войск дивизии на две части. Полковник Бондарев снова бросил в контратаку свой резерв — 260-й стрелковый полк. Майору Брыгину была поставлена задача: уничтожить прорвавшуюся группировку противника и восстановить прежнее положение в районе станции Нива и деревни Опала.

15 августа после короткой артиллерийской подготовки полк перешел в контратаку. Совместно с подразделениями 462-го и 708-го полков он разгромил вклинившихся в нашу оборону финнов и освободил станцию Нива.

Но обстановка на нашем участке фронта менялась буквально ежедневно. В последующие дни враг продолжал насаждать на 402-й полк. 16 августа подполковник Ермаков докладывал комдиву:

— Вряд ли смогу продержаться более трех часов.

Противник зашел в тыл полка, создавалась угроза окружения. Но Ермакову было приказано стоять насмерть. Этот приказ был доведен до всего личного состава. Бойцы, командиры и политработники дали клятву: «Ни шагу назад!» И полк выстоял. Он отражал ожесточенные атаки врага не три часа, а двое суток!

Нередко противнику удавалось выходить в наш тыл и окружать отдельные подразделения. Но ни одно из них

не было разгромлено или пленено. Помнится, как мы очень волновались, узнав, что взвод, которым командовал лейтенант В. И. Солодов, пропал без вести. Но через двое суток Солодов и его бойцы появились в расположении 260-го полка. Лейтенант был в изорванной гимнастерке, почерневшей от земли и копоти, но бодрый. Он рассказал:

— Финны окружили взвод и, как всегда, предложили нам сдаться в плен, но мы на это ответили огнем. Отбились двое суток, а потом прорвались.

В этих же боях прославилась 7-я рота, которой командовал старший лейтенант коммунист Григорий Васильевич Абрамов. Противник бросил против роты пехотный батальон, но не смог добиться успеха.

Тогда же я был свидетелем телефонного разговора Абрамова с командиром 462-го полка подполковником Кашиным.

— Как дела? — спросил подполковник.

— Трудно, но держимся! — ответил старший лейтенант Абрамов. — За нас будьте спокойны!

Командир взвода этой роты младший лейтенант Левин умело руководил боем у опорного пункта Хюмпля. Финны окружив его взвод, то и дело кричали в микрофон по-русски: «Сдавайтесь, вам у нас будет хорошо, будем сытно кормить, давать белый хлеб, мясо, шоколад». Бойцы посмеивались: «Дурачков ищут».

Взвод дрался в окружении трое суток. А в это время два взвода роты Абрамова полностью разгромили прорвавшуюся группу противника. Абрамов поблагодарил Левина:

— Ваш взвод здорово нам помог!

Много славных подвигов совершили наши дивизионные разведчики под командой лейтенанта Григория Григорьевича Тюпы. Они не раз ходили в тыл врага, приводили пленных, добывали ценные сведения о численности и огневых средствах противника.

На новые рубежи обороны мы отходили исключительно организованно. Особенно отличилась батарея лейтенанта Александра Николаевича Багрянцева. Артиллеристы действовали в арьергарде вместе с пехотой, меняя огневые позиции повзводно. Один взвод вел огонь по врагу прямой наводкой, а другой в это время менял позиции. Когда кто-нибудь из расчета выходил из строя, командир батареи бросался к панораме орудия и сам вел огонь прямой наводкой. Артиллеристы Багрянцева уничтожили

3 танка, 3 бронетранспортера и до роты солдат противника.

Батарея лейтенанта Ильи Трофимовича Сахно ставила свои орудия в засаду, подпускала противника на 150—200 метров и в упор расстреливала его шрапнелью. Знакомство мое с И. Т. Сахно произошло в несколько необычных условиях. Как-то, наблюдая за стрельбой наших гаубиц, я обратил внимание, что кто-то корректирует огонь в тылу у финнов — уж очень точно ложились снаряды в гуще вражеских цепей. Рядом со мной стоял командир полка В. Г. Кукин. Увидев недоумение на моем лице, Владимир Григорьевич сказал, что корректирует огонь в тылу врага со своего наблюдательного пункта командир 9-й батареи лейтенант Сахно.

— По радию? — спросил я.

— Нет, по телефону, — ответил Кукин и разъяснил, что иногда телефонисты используют для связи своих НП с огневыми позициями финскую колючую проволоку, которая тянется вдоль живых изгородей — кустарников на многие километры.

— Подключиться к этой колючке дело нехитрое, — улыбнулся Кукин, — зато финны, видите, не догадались перерезать ее.

После шестичасового боя, в котором 9-я батарея сыграла решающую роль, я увидел молодого лейтенанта с обветренным лицом.

— Это Сахно, — шепнул мне Кукин.

Я подошел к лейтенанту:

— Спасибо. Действовали вы хорошо. Проявили инициативу, находчивость, смелость. Но и рисковали многим.

— А как же иначе, товарищ капитан, — сказал он голосом человека, знающего себе цену, — на войне без риска пропадешь.

12 августа из штаба командования Северного фронта Бондарев получил приказ: 168-й дивизии и вошедшим в ее состав частям и подразделениям 71-й и 115-й дивизий пробиваться к Ленинграду на соединение с частями 23-й армии.

Штаб дивизии разработал план прорыва из вражеского полуокружения, но осуществлять его не пришлось. На другой день мы получили новый приказ, который гласил: «Выход дивизии на Ленинград отменяется. Продолжать обороняться до эвакуации по Ладожскому озеру на остров Валаам».

Специальная группа гидрографов Ладужской военной флотилии и представители нашего штаба в очень короткий срок обследовали наиболее удобные районы для погрузки войск. Саперы дивизии и моряки-ладожцы срочно соорудили причалы. Матросы и солдаты работали круглые сутки по пояс в воде, под сильным артиллерийско-минометным огнем. Начальниками причалов были назначены капитан Кривуля, интендант 3-го ранга Ионичев и лейтенант Леонович.

15 августа к нам прибыл представитель штаба флотилии, с которым мы составили план эвакуации. Он сообщил нам, что на остров Рахмансаари, расположенный на пути трассы, по которой будут эвакуироваться все наши части и подразделения, высажен батальон 4-й отдельной бригады морской пехоты. Командованию батальона поставлена задача — обеспечить охрану наших судов и ни в коем случае не допустить высадку на этом острове десанта противника. В ночь на 16 августа подошли суда и буксиры с баржами. Началась эвакуация раненых, медико-санитарных батальонов. Им предоставлялись самые надежные суда, имеющие наиболее удобные каюты и кубрики. В последующие дни боев раненых и сопровождающих их медиков также отправляли в первую очередь и на самых лучших судах. Нам удалось вывезти на Валаам всех раненых.

17 августа мы отправили на остров Валаам 367-й, 708-й и 230-й полки, сражавшиеся в последние дни под командованием Бондарева, а также начали готовиться к погрузке 412-го гаубично-артиллерийского полка, который в это время пробивался к бухте по проселочной дороге. В трех километрах до причалов дорога кончилась. Артиллеристам пришлось растаскивать камни, рубить и валить деревья, прокладывать гать через болото. Лошади, везущие орудия, повозки с зарядными ящиками и боеприпасами, до того устали, что покрылись белыми хлопьями пены. Людям самим часто приходилось тащить орудия и зарядные ящики.

Наконец артиллеристы подошли к причалам и начали грузиться.

На рассвете, когда полным ходом шла погрузка батарей, противник открыл огонь. Из-за прямого попадания снаряда на одной из барж возник пожар. Был ранен командир батареи Гучек. Его и остальных артиллеристов сняли с баржи. Затем ее быстро прицепили к катеру и отвели от берега на 300 метров. Баржа горела, один за

другим взрывались снаряды. Через несколько часов она пошла ко дну.

Не так давно я получил письмо от ветерана 168-й стрелковой дивизии А. Павлова, проживающего сейчас в Сортавале. Он рассказывал о том, как спасали баржу, на которой находились документы. «Мне было приказано, — вспоминает он, — доставить на Валаам документы дивизии. Вражеские летчики 4 раза бомбили нашу железную баржу. Одна из бомб угодила в нее. На барже было несколько мешков муки. Мы вмиг бросились к этим мешкам и закрыли ими пробойну. Благодаря этому баржа благополучно дошла до острова Валаам...»

18 августа во второй половине дня 412-й гаубичный полк закончил погрузку. Командир полка майор В. Г. Кукин вызвал начальника штаба 1-го дивизиона капитана А. Н. Литвинова и приказал срочно выделить 2-ю батарею лейтенанта Степушкина, которую снабдить в достаточном количестве боеприпасами и перебросить на ближайший остров для прикрытия эвакуации. Никто тогда не думал, что батарея вернется в полк.

Противник то и дело пытался с ближайших высот вести артиллерийский огонь по нашим судам и баржам, но батарея Степушкина, умело прикрывая наш отход, быстро и точно поражала цели.

Моряки Ладужской военной флотилии трудились в те дни исключительно самоотверженно. Со многими из них мы были уже знакомы. Еще 16 июля командование Северным фронтом поставило перед Ладужской военной флотилией задачу оказать содействие флангам нашей дивизии в районе Лахденпохья — Сортавала. С этой целью был создан специальный Северный отряд флотилии. Моряки доставляли нам боеприпасы, эвакуировали раненых, а также мирных жителей — стариков, женщин и детей — из города Сортавалы.

Когда началась эвакуация дивизии, немецкие и финские самолеты десятки раз пытались бомбить причалы и корабли, прикрывающие отход и погрузку. Канонерские лодки и сторожевые корабли почти непрерывно вели огонь по батареям врага, отражали атаки его самолетов. Катера «МО», подходя к берегу на близкое расстояние, подавляли огневые точки противника.

В сортавальских шхерах сражался отряд катеров под командованием старшего лейтенанта М. П. Рупышева и батальонного комиссара А. И. Федотова. Несколько дней

моряки не давали возможности врагу форсировать залив Мариетсиман-салми и зайти в тыл 168-й дивизии. Но противник продолжал непрерывно штурмовать нашу оборону, стремясь отрезать дивизию от побережья Ладоги. Через несколько дней финны все же прорвались на флангах и вышли на рубеж реки Савайн-йоки в тыл 402-му и 462-му полкам. Однако нам удалось вовремя вывести из-под удара полки и занять оборону вдоль северо-восточного берега реки Савайн-йоки по железнодорожному полотну, западному берегу озера Пялк-ярви и у населенного пункта Миккли.

Командование Карельской армии финнов предприняло новые попытки окружить дивизию. Нас бомбили и обстреливали все светлое время суток.

В ночь на 18 августа были эвакуированы 453-й артиллерийский полк, 187-й отдельный разведывательный батальон и все спецподразделения.

Погрузка проходила под сильным артиллерийско-минометным огнем. 18 августа во время погрузки был ранен интендант 3-го ранга инспектор тыла Ионичев. Маленький осколок вонзился ему в шею. Не обращая внимания на рану, он продолжал руководить погрузкой. Но затем, уже на острове Балаам, почувствовав слабость, сам пошел в медсанбат и лег на операционный стол. Оказалось, что осколочек попал в сонную артерию. Когда хирург извлек его, Василий Иванович Ионичев скончался.

Особенно тяжело нам пришлось 19 августа. В 15 часов после сильной авиационной и артиллерийской подготовки враг перешел в наступление на участке 402-го полка. Финны прорвали нашу оборону и овладели междуозерным дефиле, высотой Клайденмяки, вышли в тыл 462-му полку и вынудили его отступить. Одновременно 260-й полк был отрезан от основных сил дивизии и прижат к побережью Ладоги.

Комдив ввел в бой свой резерв. Он приказал также Ермакову и Кашинскому перейти в контратаку своими вторыми эшелонами.

В этих боях батальоны Шишеры и Воробьева поддерживала артиллерийская батарея 402-го полка под командованием лейтенанта Олейника. Она была прямой наводкой по врагу. Лейтенант Олейник был ранен в голову, но продолжал вести огонь.

С большим трудом нам удалось восстановить оборону в междуозерном дефиле.

Однако 260-й полк оставался отрезанным от основных сил дивизии и продолжал обороняться самостоятельно. Как и мы, он занимал подковообразную оборону по берегу Ладожского озера, а на флангах между ним и 402-м полком находились финны. Что делать? Соединиться с отрезанным полком у нас не было сил. Я приказал своему помощнику капитану Сергею Николаевичу Королевичу сесть на катер и вместе с моряками пробиться к Брыгину, чтобы выяснить обстановку. Через несколько часов Королевич вернулся и доложил, что 260-й полк держится крепко, но снаряды у него на исходе. Я в свою очередь доложил об этом комдиву.

Полковник Бондарев приказал передать майору Брыгину и старшему политруку Гуськову, что снарядов у нас очень мало, а если бы даже они и были в излишке, нет никаких возможностей доставить их.

— Радируйте им, — продолжал комдив, — пусть любыми средствами перебираются на остров Пут-сари и занимают там оборону. Туда к ним подойдет помощь.

Пут-сари находился в 1600 метрах от того места на побережье Ладоги, где оборонялся 260-й полк. Ясного представления, какими средствами может туда переправиться такая большая воинская часть, как полк, у нас не было. Понимали только, что иного выхода нет. Где-то в глубине души у меня, видимо, так же как и у Бондарева, была все же надежда, что наши люди сделают все возможное. Ведь кругом лес, много бревен, из которых можно сколотить плоты. Кроме того, на побережье Ладожского озера непременно должны быть шлюпки и лодки. Наконец, мы знали, что в 260-м полку имеется до 200 лошадей. Известно, что лошади хорошо плавают. На худой конец, и они смогут сослужить свою посильную службу.

И все же тревога за судьбу 260-го полка не оставляла меня. О том, как самоотверженно выполнил приказ командования весь личный состав 260-го полка, я узнал уже на острове Валаам.

Финское командование еще 12 августа сообщило в своей сводке по радио о полном уничтожении южнее Сортавалы русской 168-й дивизии полковника Бондарева. Мы узнали тогда об этом из листовок. 19 августа противник, прижав к берегу все три полка, усилил натиск, решив, видимо, на самом деле покончить с дивизией. Назрела необходимость эвакуировать на остров Валаам штаб во главе с полковниками А. Л. Бондаревым и А. И. Королевым.

Руководство оставшимися частями, их обороной и эвакуацией Бондарев возложил на меня как на начальника оперативного отделения.

— Управление войсками, — приказал комдив, — осуществляйте с командного пункта 402-го полка. Здесь наиболее важный и ответственный участок фронта.

Вместе со штабом дивизии эвакуировались подразделения и работники тыла. Долина, которая вела к первому и второму причалам, была забита автомашинами, походными кухнями, повозками, лошадьми. Часть имущества тыла авиация противника подожгла зажигательными бомбами, надеясь, видимо, вызвать у нас панику. Но погрузка на суда и баржи шла организованно.

Бондарев, Королев и другие офицеры штаба простились со мной. Ночью корабли отошли от берега. С рассветом я направился на КП Ермакова. По дороге шесть раз попадал под сильный обстрел. Случилось так, что шел один, без ординарца и связного. Признаюсь, на этот раз было жутковато. К счастью, все обошлось благополучно.

Ермаков обрадовался моему приходу. Блиндаж, в котором находился КП, содрогался от разрывов снарядов. Шишера, Воробьев и Уклеба докладывали, что противник насаждает, пытаясь прорваться к нашим причалам. О том же докладывали соседи Ермакова — Брыгин и Кашинский. Сдержат бешеный натиск врага, не допустить его выхода к местам переправ можно было только контратаками. Отдавая приказы, я старался подбадривать людей. Нам надо было продержаться до темноты.

Бои шли сейчас за высоту Клайденмяки, враг стремился овладеть ею, чтобы отрезать единственный путь нашим подразделениям в район погрузки. В середине дня противнику удалось овладеть высотой Клайденмяки. Я приказал Ермакову контратаковать и отбить гору, иначе нам не сесть на суда. Бои продолжались несколько часов, гора переходила из рук в руки. Только с наступлением темноты Воробьев и Шишера доложили, что атаки врага прекратились и гора в наших руках.

В ночь с 20 на 21 августа, как нам сообщило командование флотилии, подойдут суда, буксиры и баржи, а также военные корабли прикрытия в районы погрузки: для 402-го полка — в бухту № 1, для 462-го полка — в бухту № 2, для 260-го полка — к острову Пут-сари.

С нетерпением ждали ночи. Стрелки часов показывали два часа, а моряки все еще не давали о себе знать.

— Видимо, нам не удастся сегодня провести эвакуацию, — сказал Ермаков.

Я высказал предположение, что к утру финны прекратят обстрел побережья и атаки, полагая, что сорвали эвакуацию русских. Мы же тем временем на рассвете отведем свои войска, погрузим их на суда и буксиры с баржами и уйдем, что называется, из-под самого носа противника. С волнением смотрели мы на часы: уже третий час ночи, а моряков все нет...

Наконец мне доложили, что в бухту № 1 вошел транспорт для 402-го полка. Ермаков мог уже отводить свои батальоны с участка обороны и начинать их погрузку на корабль. Но я приказал ему ждать, пока в бухту № 2 и к острову Пут-сари не подойдут суда для двух других полков.

— А если они не будут поданы сегодня, что тогда делать? — спросил Ермаков.

— Обороняться еще сутки.

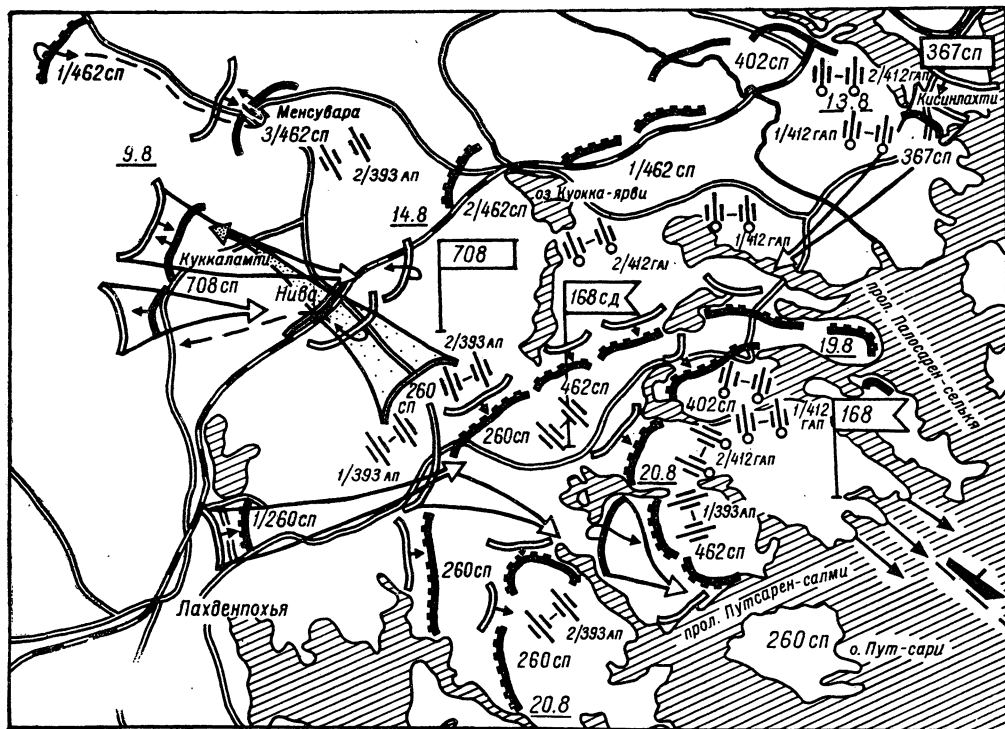
— Правильно, — согласился со мной подполковник. — Вместе — мы сила, а по частям нас разобьют.

Вскоре подошел транспорт для 462-го и 260-го стрелковых полков. На душе сразу посветлело, напряжение спало. Я приказал Ермакову, Кашинскому и Брыгину оставить прикрытие и приступить к отводу и погрузке войск согласно плану эвакуации.

Как мы и предполагали, противник решил, что этой ночью ему удалось сорвать нашу эвакуацию, поэтому в 4 часа утра он прекратил артиллерийский обстрел и атаки. Необычная тишина наступила на всех участках, только изредка слышны были выстрелы отдельных орудий и дробь пулеметов. Это наши артиллеристы и пехотинцы из подразделений прикрытия вели огонь по врагу.

На рассвете я обходил бухты. Слышались тихие короткие команды. Без суеты и суетоки шла посадка людей и погрузка боевой техники на баржи и суда. На первом причале я разговорился с лейтенантом Киселевым. Он, как и другие, понимал, что нас перебрасывают на другой участок фронта, где предстоят еще более тяжелые бои, и надо заботиться о сбережении не только орудий, но и каждого пулемета, каждой винтовки.

После окончания войны я написал письмо бывшему командиру пулеметной роты 1-го стрелкового батальона 402-го полка лейтенанту Н. А. Киселеву и получил ответ: «Уважаемый Семен Николаевич, вы просите мое фото

Боевые действия 168-й стрелковой дивизии на границе и в районе Сортавалы со 2 июля по 21 августа 1941 г.

военного времени, а где его взять? Как говорится, слава богу, что голову и солдатскую честь сберег. Сейчас я ин-валид войны второй группы по зрению, побаливает сердце. Это письмо вам пишет моя жена под мою диктовку, самому мне писать тяжело... Напомню вам, что было перед нашей с вами встречей раненько утром 21 августа 1941 года, когда мой взвод грузился на баржу и вы поинтересовались, все ли наше оружие при нас...

Во время последнего боя перед эвакуацией на остров Валаам один из пулеметов каким-то образом с моста упал в глубокий ручей. Во взводе осталось 2 пулемета. Когда мне было приказано вместе со взводом погружаться на баржу, я попросил разрешения у командира роты прежде спасти утонувший пулемет. Получив разрешение, я вместе с восемью бойцами пошел к ручью. Но в это время кто-то из штабных командиров приказал мне выбить противника, стрелявшего с высоты сопки. Мы подобралась к сопке и выбили противника гранатами. Затем ныряли в ручей до тех пор, пока не достали пулемет. После этого еще вели несколько оборонительных боев, прикрывая посадку наших подразделений на катера, пароходы и баржи. Когда подошли роты прикрытия, мне разрешили сажать на баржу наш взвод. Мы были горды, что выполнили боевую задачу и сохранили свое оружие».

21 августа в 5 часов 30 минут утра командиры полков доложили, что погрузка закончена. Я отдал приказ снять прикрытия. Мы оставили только несколько полковых орудий и пулеметов, чтобы поддержать режим огня и ввести в заблуждение противника. Для эвакуации оставшихся людей выделили бронекатера.

Теперь меня беспокоила судьба лишь 260-го полка. С большим трудом удалось связаться по радию с командным пунктом. Комиссар полка М. И. Гуськов доложил, что всех раненых они отправили на остров Пут-сари... «Молодцы, — подумал я, — сообразили». Но как им удалось организовать переправу, и какие еще плаvasредства имеет полк, и как ведет себя противник, и обеспечена ли оборона не только побережья Ладоги, но и острова Пут-сари, — всего этого я не успел выяснить, так как связь неожиданно оборвалась...

Как же я обрадовался, когда спустя некоторое время М. И. Гуськов сумел наладить с нами связь. Теперь из его доклада я узнал, что на участке их берега имеется старый пирс.

Командир 168-й стрелковой
дивизии полковник А. Л. Бон-
дарев.

Начальник разведотделения
штаба 168-й стрелковой диви-
зии лейтенант Г. Г. Тюпа.

Командир 260-го стрелкового полка майор
П. Ф. Брыгин.

Комиссар 402-го Краснозна-
менного стрелкового полка ба-
тальонный комиссар
М. И. Гуськов.

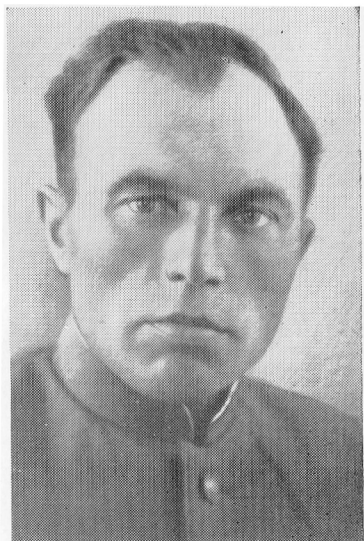
Командир 402-го Краснозна-
менного стрелкового полка пол-
ковник Я. С. Ермаков.

Командир 2-го батальона 260-го
стрелкового полка майор
А. Е. Богданов. 1943 г.

Секретарь партийного бюро
260-го стрелкового полка по-
литрук А. А. Сергеев.

Комиссар 260-го стрелкового
полка старший политрук
В. И. Жидков.

Командир 2-го батальона
402-го Краснознаменного стрел-
кового полка подполковник
И. И. Шишера. 1945 г.

Командир 3-го батальона
402-го Краснознаменного стрел-
кового полка старший лейте-
нант Н. Н. Воробьев.

Санинструктор 260-го стрелко-
вого полка Т. И. Калмыкова.

Помкомвзвода Е. В. Червяков.

Подразделения 260-го стрелкового полка атакуют противника в роще «Фигурная» на «Невском пяточке» в ноябре 1941 г.

Командир 462-го стрелкового полка подполковник П. Г. Кашинский.

Командир 168-й стрелковой дивизии генерал-майор П. А. Зайцев.

Комиссар 462-го стрелкового полка батальонный комиссар А. Е. Гронь.

Командир стрелкового взвода лейтенант П. И. Оленичев.

Командир 5-й батареи 412-го артиллерийского полка старший лейтенант А. Т. Петренко.

Командир стрелкового взвода лейтенант П. Н. Будник (слева).

Стоят (слева направо): командир 412-го гаубичного артиллерийского полка полковник С. В. Ракович и заместитель командира по политчасти подполковник А. М. Сучков.

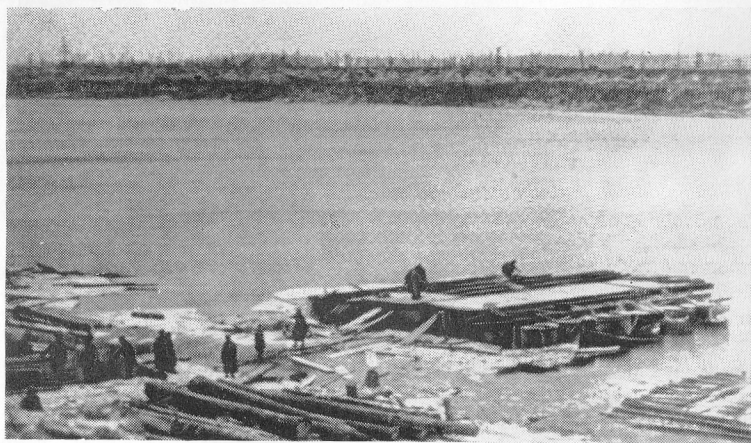

Майор И. Д. Кривуля.

Комиссар 5-й отдельной бригады морской пехоты полковой комиссар И. М. Соколов.

Бойцы 4-го понтонного батальона готовят паром для переправы танков на «Невский пятачок».

Командующий Приморской оперативной группы (ПОГ) генерал-майор А. Н. Астанин ставит задачу на разведку противника боем (второй справа).

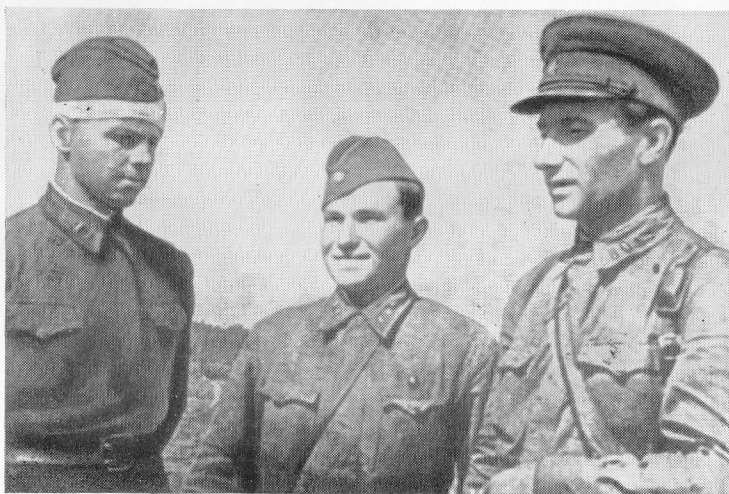

Командир 947-го стрелкового полка подполковник А. И. Важенин (фото 1965 года).

Командир 952-го стрелкового
полка подполковник А. И.
Клюканов.

Командир 942-го стрелкового полка майор В. В. Козино (первый
слева), 1941 г.

Командующий артиллерией
268-й стрелковой дивизии пол-
ковник А. А. Хадоковский.

Комиссар 268-й стрелковой ди-
визии полковой комиссар П. С.
Игнатов.

Помощник начальника опера-
тивного отделения штаба 268-й
стрелковой дивизии капитан
А. И. Казанцев.

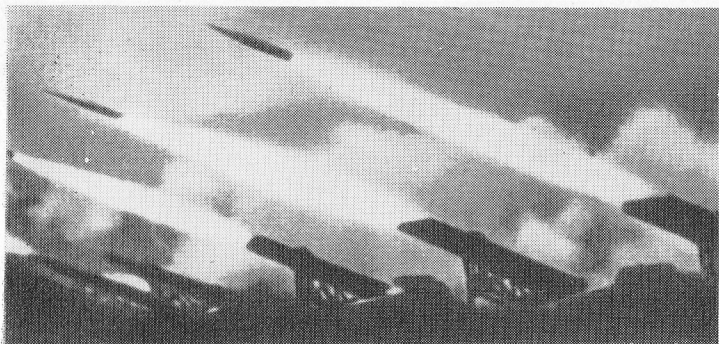
Начальник политотдела 268-й
стрелковой дивизии старший
батальонный комиссар
Ф. К. Золотухин.

Старший политрук А. Н. Саль-
ников.

Адъютант командира дивизии
старший лейтенант Н. И. Ру-
денко.

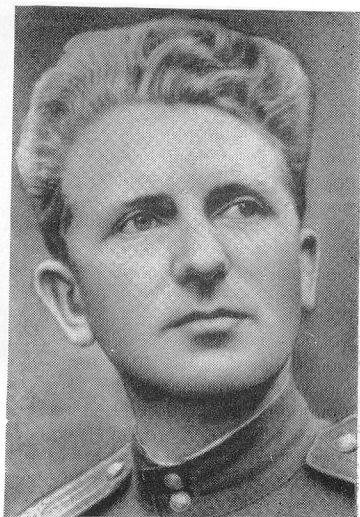
Реактивная артиллерия возвестила о начале наступления по прорыву блокады Ленинграда, 12 января 1943 г.

Стоят (слева направо): начальник штаба 46-й стрелковой дивизии полковник Н. Н. Проскурин и командир отдельного саперного батальона капитан М. Н. Верещагин.

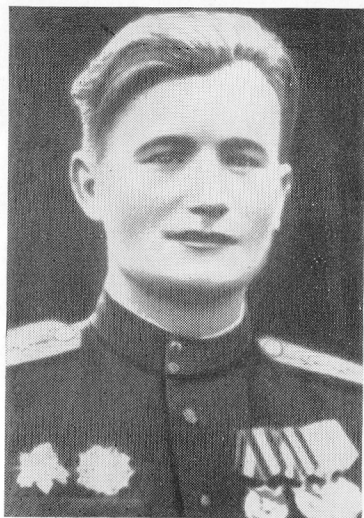
Начальник политотдела 46-й
Лужской стрелковой дивизии
полковник М. П. Меркушев.

Командир 176-го Пярнуского
стрелкового полка подполков-
ник С. Ф. Семенов.

Заместитель командира по по-
литчасти 176-го стрелкового
полка майор В. Г. Рубцов.

Командир 2-го батальона 176-го
стрелкового полка капитан
В. Г. Арсенин.

Командир 1-го батальона 176-го
стрелкового полка майор
А. В. Щербина.

Дети Карамышенского района Псковской области скрываются в
лесах от гитлеровских оккупантов. Февраль 1944 г.

Помощник командира развед-
взвода, кавалер орденов Сла-
вы трех степеней младший
лейтенант В. Я. Тупкаленко.

Старшина 49-й разведывательной
роты кавалер орденов Славы
А. В. Шушанян.

Техника противника после боя в районе деревень Черная и Калитино.

На мой вопрос, где Брыгин, Гуськов ответил, что командир полка организует оборону на острове Пут-сари. Последнее его сообщение комиссару полка гласило: «Ждите, флот идет на помощь».

— А как же сейчас у вас дела? — поинтересовался я, подразумевая обстановку на переднем крае.

— Шумят, толкаются, — ответил Гуськов, — нахожусь у Богданова вторые сутки... Купаться противопоказано, — пошутил в заключение Маркел Иванович.

Нетрудно было догадаться, что комиссар полка Гуськов вместе с командиром 2-го батальона организует контратаки, что полк цепко держится за берег и врагу не удастся ни окружить его, ни опрокинуть в Ладогу...

Закончив разговор по радиии, я мысленно поблагодарил комиссара 260-го полка. Да, спасибо Маркелу Ивановичу, большой груз снял он с моего сердца.

Забегаю вперед, скажу, что вскоре 5 катеров «МО» подошли к берегу Ладоги, где основные силы 260-го полка держали оборону. Пехотинцы встретили моряков криками «ура». Катера разведали подходы к берегу, поддерживали пехотинцев огнем своих пушек и пулеметов и ушли. А после этого пришел большой буксир с баржой. К самому берегу буксир не смог подойти. Люди заходили по грудь в воду и по трапам и шторм-трапам взбирались на буксир и баржу. Никто при этом не оставлял своего оружия. Люди уносили с собой не только винтовки, пулеметы, но и тяжелые минометы. Буксир и баржа забрали более 400 человек. На мелких судах эвакуировалось еще человек 300. Последним с берега Ладоги на Пут-сари переправлялся батальон Богданова. Противник вел интенсивный минометно-пулеметный огонь по переправе. Но с острова Пут-сари подразделения 260-го полка отвечали еще более интенсивным огнем по финнам, чем немало помогли своему последнему батальону благополучно покинуть северный берег Ладоги.

В 6 часов последний транспорт отошел от берега, покинув родную карельскую землю, которую мы отстаивали 45 дней от врага, во много раз превосходившего нас в живой силе и технике. Корабли взяли курс на остров Валаам. Берега северного побережья Ладоги медленно скрывались в предраусветном тумане. И вдруг тишину разорвали оглушительные разрывы снарядов. Противник открыл ураганный артиллерийский огонь по бывшим теперь уже пустым районам погрузки и позициям. Позднее нам стало

известно, что финны в то утро готовились к последнему штурму и разгрому основных сил нашей дивизии.

Мы волновались за людей, которые остались для прикрытия. Обидно, что имена этих героев не сохранились в памяти. Лишь небольшую группу солдат и сержантов во главе с младшим лейтенантом Дрехловым последние катера успели эвакуировать. О судьбе остальных товарищей нам ничего не было известно. Живы ли они?

После выхода в свет первого издания этой книги я получил письмо от рабочего совхоза «Большевик» Сортавальского района бывшего бойца 402-го полка М. Ф. Шумилова, который находился среди этих 30 человек.

«Мы делали все, что могли, — писал мне Шумилов, — чтобы не допустить противника к берегу озера. Окруженная с трех сторон горсточка наших бойцов отбивалась от наседавшего врага. Занимаемая нами позиция была буквально перепахана вражескими снарядами и минами. Все меньше и меньше оставалось защитников. Но мы ясно понимали возложенную на нас задачу. Последнее, что помню на этой позиции, — это пламя, страшный грохот и мертвую тишину. Когда я пришел в сознание, все было кончено. Я услышал чужую, незнакомую мне речь...»

Кроме этого факта, М. Ф. Шумилов сообщал о его участии в боях до того, как он был оставлен в роте прикрытия. Все было точно: и описание местности, и множество подробностей каждого из известных мне боев, когда Шумилову и его боевым друзьям не раз приходилось ходить в контратаки, смотреть смерти в лицо. Между прочим М. Ф. Шумилов рассказывал, что окопы и траншеи одного из наших опорных пунктов проходили рядом с его домом, недалеко от Кааламского сельсовета Сортавальского района.

Я хорошо помню, как героически отстаивало эти позиции одно из подразделений 402-го полка. До глубины души тронули меня простые, бесхитростные строки бывшего солдата: «Семья моя была эвакуирована. В час затишья мы с командиром роты зашли в опустевший дом, посидели, покурили, вспомнили довоенную жизнь, своих родных... И еще большая ненависть к врагу закипела у меня на душе...»

Нет сомнения, что бывший солдат из роты прикрытия сообщал горькую правду о своей дальнейшей судьбе, когда он дрался с врагом до последнего патрона и при стечении тяжелых обстоятельств был взят в плен. Большинство же

воинов, прикрывавших наш отход, пало смертью храбрых. К сожалению, и в памяти М. Ф. Шумилова не сохранились их имена — ведь с тех пор прошло уже 30 лет.

В роте прикрытия находились и артиллеристы. Туда был направлен замполитрука 3-й батареи Бойко, комсорг взвода управления 2-го дивизиона Лыков и командир отделения разведки вычислителей помкомвзвода И. А. Иванов.

Недавно я получил письмо от Ильи Алексеевича Иванютина. Он оказался одним из тех, кому удалось после выполнения боевой задачи спастись.

«Я и красноармеец Лыков, — вспоминает Илья Алексеевич, — помахали руками отплывающим. Один из пехотных командиров повел нашу группу, состоявшую из 5 человек, на гребень берега Ладожского озера (в правую сторону от бухты, примерно в 500 метрах от берега). На нашем участке кроме нас оказалось 30 человек. Небольшая долина между двумя косогорами и бухтой погрузки была охвачена нами полукольцом. После отправки артиллеристов началась погрузка стрелковых полков.

Всем нам приказали после отправки последнего транспорта, в 6 часов утра, вести из всех видов оружия целый час массированный огонь по видимым и невидимым целям противника, а после этого сняться с позиций, быстро прибыть в бухту, где должны быть катера, погрузиться и отплыть на Валаам.

Наступило утро. Отплыл последний транспорт. В этот момент мы открыли массированный огонь по противнику. Прошел час, и мы, выполняя приказ, бросились бежать по направлению к бухте. Но противник открыл ураганный артиллерийский и минометный огонь, строчил из пулеметов и автоматов. Бухта погрузки превратилась в бухту смерти. Но наши люди из группы прикрытия кричали:

— Умираем, но не сдаемся! Прощай, Родина!

Ураганный огонь противника продолжался до позднего вечера. Оставалась горстка воинов из группы прикрытия. Все боеприпасы были израсходованы. Кто-то крикнул:

— Вперед!

Так по берегу мелкими группами, по 2—4 человека, мы стали вырываться из этого пекла. Я оказался в группе, в которой был Лыков и еще один боец.

Пробежав по берегу примерно около 2 километров, мы сняли сапоги, гимнастерки, шаровары, нательное белье.

Свернули все это в плотные свертки, привязали ремнями к спине и бросились вплавь в Ладожское озеро. Я и Лыков добрались до крохотного островка, а третий наш товарищ утонул в Ладоге.

На этом островке было несколько камней-валунов. Мы развернули свертки, оделись. Одежда была свернута до того плотно, что наши комсомольские билеты и другие документы не промокли, чему мы были очень рады. Пробывали мы на островке всю ночь. На Ладоге штормило. Мы сильно окоченели. Всю эту ночь из бухты смерти до нас доносились стоны раненых.

Утром 22 августа послышался рокот мотора. Из-за утреннего тумана мы сначала ничего не видели. Через некоторое время, услышали: «Подвернем сюда». Мы в два голоса крикнули:

— Спасите!

Нас взяли на борт катера моряки Ладоги. Потом они подходили к другим мелким островкам, но тут начался обстрел, и катер взял курс на Валаам. Так я и Лыков прибыли в свой родной дивизион. Нас окружили наши товарищи, обнимали, целовали.

Здесь я узнал, что и батарея Степушкина, с честью выполнив свою задачу, была эвакуирована моряками на Валаам».

Благодаря мужеству и самоотверженности моряков-ладожцев, их организованности и слаженности задание командования фронта было успешно выполнено. 9700 бойцов и командиров только нашей дивизии (не считая личного состава 71-й и 115-й дивизий) моряки переправили на остров Валаам. Вместе с людьми была перевезена и вся боевая техника.

В полдень 21 августа длинная кильватерная колонна пароходов, катеров, буксиров с баржами, охраняемая канонерскими лодками и быстроходными «морскими охотниками», медленно подходила к острову Валаам.

Катер «МО», на котором я шел, замыкал караван тяжело нагруженных судов. В ушах еще стоял гром канонады, но на душе было легко от сознания, что нам удалось сохранить дивизию. Мы приближались к живописному берегу. Небольшую возвышенность в северной оконечности острова венчал пятиглавый купол белокаменного собора. Мне просто не верилось, что на земле есть такой уголок, где глубокую тишину нарушают только всплески волн о гранитные утесы да крики чаек.

Два дня мы отдыхали на острове Валаам, приводили себя в порядок после тяжелых боев.

Особенно много хлопот было у интендантов 260-го полка. Ведь личному составу этой части пришлось эвакуироваться, если можно так выразиться, в два приема: сперва — на остров Пут-сари, а уже потом — на остров Валаам. Переправа на первый остров происходила под сильным огнем. Многие из бойцов, особенно те, которые шли на шлюпках, попав в тяжелое положение, сбрасывали верхнюю одежду, сапоги и так доплывали до острова. Примечательно при этом, что свое оружие они все же спасали. На Валааме мне то и дело попадались на глаза люди в трусах и майках с минометными стволами или винтовками, перевешенными на ремнях через плечо. Этих товарищей из 260-го полка, сумевших при тяжелейших обстоятельствах спасти свое оружие, в шутку называли «абиссинцами». Ведь в памяти у нас еще свежи были события героического сопротивления эфиопского народа итальянскому фашизму.

Одного из таких «абиссинцев» со стволом миномета через плечо я и остановил.

— Эх, жаль, что плиты от миномета нет, — сказал я. — Как стрелять будешь по врагу?

— Плиты спасли, товарищ капитан, — с достоинством ответил мне боец. — В пробитой шлюпке дотащили плиту до острова Пут-сари.

Позже комиссар 260-го полка Маркел Иванович Гуськов рассказывал мне, что как бы трудно ни приходилось им, оружие они не бросали. Например, в шлюпке, в которой переправлялся Маркел Иванович, погибли от осколков 3 человека, сама шлюпка была вся в пробоинах, но миномет и пулемет, находившиеся в ней, были спасены.

Помнится, комдив особенно заботился об экипировке личного состава 260-го полка и, что называется, гонял полковых и дивизионных интендантов, заставляя их не жалеть свои запасы...

На острове Валаам я узнал, что во время эвакуации 260-го полка на острове Пут-сари произошел драматический случай. Когда началась переправа и более 200 лошадей вошли в озеро и поплыли по направлению к Пут-сари, единственный в полку маленький жеребенок остался на берегу, побоявшись войти в воду. Лошади уже проплыли половину пути и были близки к цели. В это время жеребенок неожиданно заржал. Его мать кобылица, плывшая

вперед, вытянула шею, моментально откликнулась на зов, и повернула назад к берегу. А за ней, как по команде, поплыли все лошади. Многие из них погибли под огнем врага.

Мы часто потом вспоминали этот случай...

22 августа начальник штаба полковник А. И. Королев познакомил меня с телеграммой, полученной из штаба Северного фронта. Нам предстояло в ночь на 24 августа переправиться на кораблях Ладожской флотилии к поселку имени Морозова, а оттуда по железной дороге проследовать до станции Павловск (город Слуцк).

Мы погрузились на речные суда, шхуны, баржи и взяли курс на Шлиссельбург.

Закончить эту главу мне хотелось бы рассказом о судьбе одного из батальонов 4-й отдельной бригады морской пехоты, который, как было упомянуто выше, высадился десантом на остров Рахмансаари, чтобы обеспечивать нашу эвакуацию.

Недавно я получил письмо от директора Лахденпохской средней школы Леопольда Леонидовича Нейкена, который сообщил мне, что на острове Рахмансаари обнаружены останки наших воинов. Видимо, они сражались очень храбро, так как финны в знак уважения к их воинской доблести поставили на могиле крест, на котором написали: «Здесь лежат 110 солдат Красной Армии, погибших в бою 7—10 сентября 1941 года».

Леопольд Леонидович спрашивал у меня: «Что за люди вели бой на острове спустя 20 дней после эвакуации вашей дивизии?»

Между нами завязалась переписка. Нейкен возглавил поиск красных следопытов Лахденпохской средней школы. Этот поиск дал свои результаты.

Мне остается только поблагодарить красных следопытов и привести выдержки из статьи, напечатанной в сортавальской районной газете «Красное знамя» 9 мая 1971 года.

«В конце августа на остров Рахмансаари был высажен 3-й батальон 4-й отдельной морской бригады под командованием полковника Каргина и полкового комиссара Бондаренко. Батальону необходимо было обеспечить охрану трассы, по которой проходили суда с эвакуированными частями и подразделениями 168-й стрелковой дивизии, и не допустить высадки десанта противника. Основную задачу батальон выполнил, но продолжал оборонять остров.

К 7 сентября гарнизон острова составлял, видимо, около 250 человек. Морские пехотинцы организовали оборону, у них было достаточно боеприпасов и питания.

Обнаружив присутствие на острове наших подразделений, противник неоднократно предпринимал артиллерийский и минометный обстрел, а затем, подтянув переправочные средства, высадил 7 сентября десант. Численность противника значительно превышала число защитников. Начались непрерывные бои. Одну из групп контратакующих возглавил полковой комиссар Бондаренко. В бою он был убит, его документы позднее были переданы в политотдел бригады.

На помощь рахмансаарцам прибыла небольшая группа с одного из островов, которую возглавил младший лейтенант Громов, и сразу же вступила в бой. С каждым часом ожесточеннее становились схватки. На небольшом островке начало сужаться кольцо окружения.

Каждый час требовал подвига, и подвигов на острове было совершено много. Особенно хочется отметить подвиг матроса Петра Степаненко. Отбивая очередную атаку противника, Степаненко стрелял из карабина. Рядом с ним из снайперской винтовки вел огонь младший лейтенант Громов. Вражеский солдат бросил в офицера гранату, она завертелась в траншее у ног офицера. Степаненко хотел поднять гранату и бросить обратно, но не успел. Граната разорвалась в его руках, и он своим телом прикрыл веер осколков, спасая офицера.

Сознавая тяжесть сложившегося положения, полковник Каргин приказал младшему лейтенанту Громову любой ценой добраться до базы и доложить обстановку. И Громов выполнил приказ. В ночь на 11 сентября, взяв шлюпку, одно весло, обломок доски, личное оружие, ракетницу и пулемет, пятеро бойцов покинули остров. Враги заметили их поздно, поэтому обстрел не дал желаемых результатов. Отойдя на достаточное расстояние, Громов приказал дать очередь трассирующими в воздух: таков был сигнал. Сразу же им навстречу вышло судно. Первая мысль: неужели противник, неужели так глупо погибнуть? Катер оказался наш...

Как вспоминает контр-адмирал Беляков, примерно в эти же дни на Валаам, где находился штаб 4-й отдельной морской бригады, прибыл еще один боец. Его челн был выдолблен из старого трухлявого ствола. Когда утром обнаружили челн, боец был уже мертв.

Снять людей с острова не удалось. Силы были слишком неравными. Но на острове все же было уничтожено около 800 солдат и офицеров противника. Об этих боях сообщалось в сводке Совинформбюро.

Значившийся в списке среди убитых Назарий Иванович Савельев на самом деле жив. Скупое вспоминал он много позже о тех днях. Раненых мы переправили на материк, а здоровым пришлось хоронить убитых. Савельева переправили на материк. Сейчас он живет в Ленинграде.

Из пяти ушедших с острова найдены двое. Громов живет в Ленинграде, Шипов — в Таллине. Судьба краснофлотцев Баля и Перельштейна, а также политрука Заикина пока неизвестна. Каргин умер после войны в Ленинграде или погиб в 1944 году уже после освобождения из плена. Данные о нем противоречивы.

Итак, приоткрыта еще одна героическая страница боевого подвига, совершенного на территории Приладожья в 1941 году».

БОНДАРЕВЦЫ

ПРИЕЗД МАРШАЛА

Весь день 27 августа на станцию Павловск прибывали эшелоны. Полковники А. Л. Бондарев и А. И. Королев были вызваны в Смольный, в штаб фронта. Комдив приказал мне руководить выгрузкой полков.

Батальоны 402-го полка подполковника Ермакова без промедления направлялись в Антропшино, 260-го полка — майора Брыгина — в Тярлево и Глазово, 462-го полка — подполковника Кашинского — в Московскую Славянку и Ям-Ижору.

Больше всего я опасался за нашу дивизионную артиллерию. В тяжелых изнурительных летних боях мы полностью сохранили свои 412-й гаубичный и 453-й артиллерийский полки, поэтому непростительно было бы сейчас потерять под бомбежкой даже одно орудие. Я приказал командирам полков строго соблюдать маскировку и ускорить выгрузку. Все обошлось как нельзя лучше. В районы сосредоточения полки прибыли вовремя, незамеченные вражеской авиацией.

Интенданта дивизии капитана И. Д. Кривулю вызвали в управление тыла фронта. Он позвонил мне и сообщил,

что его принял начальник тыла генерал-лейтенант Лагунов и потребовал заявки на все необходимое для обеспечения дивизии.

— Бегаю из кабинета в кабинет, выписываю наряды, устал чертовски, — кричал в трубку Кривуля. — Но рад — дают все, что нам надо.

Обрадовался и я — ведь после эвакуации на Валаам личный состав дивизии питался лишь сухарями и консервами.

Штаб дивизии обосновался в казармах военного городка на окраине Слуцка. Бондарев и Королев еще находились в Ленинграде.

Утром 28 августа я с группой штабных командиров выехал за город. Признаться, вначале, когда мы отправлялись на рекогносцировку, настроение у меня было приподнятое. «Во-первых, — размышлял я, — хотя дивизии и предстоит действовать на главном направлении, но зато на узком участке, в то время как раньше она вела оборонительные бои на участке в 62 километра по фронту и в полуокружении; во-вторых, если до этого в лесах Карелии мы сражались без танков и авиации, то здесь, под Ленинградом, нам предстоит вести бои в тесном взаимодействии с ними».

Но стоило нашей машине выехать на Московское шоссе, как настроение мое сразу упало. Навстречу нам вдоль обочин группами и в одиночку устало шли красноармейцы в грязных, просаленных гимнастерках. О многом говорили их исхудалые, землистые лица. Шли по шоссе и толпы беженцев: старики, женщины, дети. Они тащили тележки, груженные домашним скарбом. Было ясное утро, каждая травинка, казалось, радовалась солнцу, только люди понуро брели и брели, глядя себе под ноги...

С нами поравнялся всадник. Мы вышли из машины.

— Артиллерист? — спросил я, взглянув на обрубленные постромки.

— Так точно! — Лейтенант соскочил с лошади, встал передо мной во фронт, представился, как положено по уставу.

Как выяснилось, это был командир батареи полковой артиллерии 237-й дивизии. Судя по его словам, батарея оборонялась до тех пор, пока не отошла пехота и артиллеристы не оказались в тылу врага.

— Мы подорвали орудия и еле пробились из окружения. Вот мои батарейцы, — взволнованно закончил лейте-

нант, указав на стоявшую поодаль группу бойцов. — Они готовы хоть сейчас в бой, только бы орудия.

— Надо было свои спасти, — набросился я на лейтенанта. — Думаете, Ленинград битком набит пушками? Вы же, видно, кадровый командир. Как могли бросить свои орудия? Лошадь, небось, для себя сберегли...

— Мы дрались до последнего снаряда и сожгли с десятка танков. Не верите, расстреляйте, только не кричите, — уже спокойно и с достоинством ответил лейтенант.

Я понял, что передо мной стоит не трус. Должно быть, и в самом деле он дрался до последнего снаряда. Я сказал лейтенанту, куда ему надо обратиться, и мы поехали дальше.

Невеселые мысли одолевали меня: «Здесь, пожалуй, будет тяжелее воевать, чем в Карелии». Но в то же время не хотелось верить и всему, что говорили «окруженцы». Я высказал вслух свои мысли. Товарищи, ехавшие со мной в машине, согласились с тем, что вряд ли стоит принимать всерьез информацию людей, вышедших в беспорядке из окружения.

Действительно, как мы убедились потом, многие части выходили из окружения организованно, с боями. 227-й гаубично-артиллерийский полк 70-й дивизии во главе с командиром Ходаковским и его заместителем Подлущим прошли по тылам врага более 150 километров и соединились южнее Колпина со своими войсками, сохранив всю материальную часть.

К концу сентября части и соединения Лужского участка обороны, более полутора месяцев героически сдерживавшие натиск превосходящих сил врага, вышли из окружения и в дальнейшем принимали самое активное участие в боях за город Ленина.

Мы осмотрели укрепленный рубеж вдоль левого берега реки Ижоры. Ленинградцы подготовили для нас окопы, траншеи, щели и блиндажи в 2—3 наката.

К нам подошли женщины с лопатами в руках.

— Нравится наша работа? — спросила одна из них, пожилая, с опаленным от солнца лицом.

— Хорошие окопы и траншеи, — ответил я.

— Неужели вы и их оставите? — продолжала женщина, поглядев на своих подруг. — Мы и под Кингисеппом, и под Лугой, и под Гатчиной на окопах работали. Всякого посмотрелись. — Женщина показала рукой на небо. — Они, эти гады, с утра до вечера нас бомбят!

И тут зашумели все сразу. Я уже не мог разобрать всего, что они говорили, только улавливал отдельные слова.

— Успокойтесь! Не отступим! — заверили мы женщин, прощаясь с ними.

Когда шел к машине, чувствовал на себе их взгляды. Тогда тяжело было нашему брату — военному смотреть в глаза ленинградцам. Иной раз думалось, что от стыда сгоришь. Но каждый раз выходило как-то так, что сами же ленинградцы нас успокаивали. Вот и сейчас уже неслись нам вдогонку добродушные шутки:

— На своих нечего обижаться, злее будете воевать!

— Глядите, не подкачайте, приедем проверять, как защищаете наши окопы.

В тот день, когда мы производили первую рекогносцировку, фашисты методически бомбили дорогу, запруженную беженцами. Стиснув зубы, смотрели мы на трупы детей и женщин...

Только вернулись в штаб, как меня позвали к телефонному аппарату. Звонил командующий фронтом генерал М. М. Попов.

— К вам выехал «хозяин», — сказал командующий. — Встречайте его на окраине Александровки.

Нетрудно было догадаться, что к нам едет главным командующий Северо-Западным направлением маршал К. Е. Ворошилов.

Я долго прождал главкома в указанном месте, но он не появился. Решил вернуться в штаб, позвонить в Смольный и справиться — не изменил ли маршал своего решения. Но минут через двадцать у ворот военного городка столкнулся с К. Е. Ворошиловым. От неожиданности я на секунду замешкался, но сразу опомнился и доложил о себе, как положено по уставу. Климент Ефремович спросил, долго ли я его ждал, и сказал, что по дороге пришлось изменить маршрут и ехать через Пушкин.

— Где у вас здесь можно поговорить? — спросил маршал.

Мы зашли в штаб. Климент Ефремович подошел к столу, на котором была разложена карта. Я старался докладывать предельно коротко и сжато.

Узнав о состоянии и дислокации дивизии, маршал спросил:

— В чем нуждается?

— В пополнении людьми и боеприпасами.

— Сколько в дивизии по спискам на сегодняшний день?

— Девять тысяч семьсот!

Климент Ефремович улыбнулся — дескать, другие могут об этом только мечтать.

— Ну хорошо, получите пополнение. Какой нужен срок для полного сосредоточения?

— Три дня.

— Что ж, пусть будет по-вашему, — после долгого раздумья сказал главком, — только постарайтесь за этот срок привести людей в порядок, пополниться боеприпасами, продовольствием.

Он повернулся к генералам, окружавшим его, и стал давать им указания. После этого маршал вышел из штаба и, попрощавшись, зашагал к машине.

С нетерпением ждал я комдива. Хотелось скорее все рассказать ему, поделиться своими впечатлениями, мыслями.

В делах Бондарев любил ясность, определенность. Всегда — шел ли тяжелый бой, предстояло ли дивизии выполнить сложную задачу — комдив спокойно обдумывал и принимал решения, без суеты отдавал приказание. Его деловитость передавалась всем работникам штаба дивизии, командирам полков, батальонов. Был он человек с юмором. Над нерадивыми больше подшучивал. Отчитывал их в исключительных случаях. Но шутка его действовала на людей лучше любого «разноса». И мы учились у полковника умению, как говорили у нас в штабе, командовать мудро, без «голосовых связок».

Меня Андрей Леонтьевич иногда называл «академиком». Я попал на фронт сразу из Военной академии имени М. В. Фрунзе и, бывало, разрабатывая боевые приказы и плановую таблицу, старался точно придерживаться того, чему нас учили. Если не было, например, необходимых средств усиления, я петушился, расстраивался.

— Эх ты, «академик», — с иронией говорил в таких случаях комдив. — Надо исходить из реальной обстановки. Тут тебе не кафедра военного искусства, а поле боя. И перед тобой не профессор, принимающий экзамен, а враг, которого надо бить в любых условиях.

В другой раз, случалось, накануне очередного боя Андрей Леонтьевич скажет добродушно: «Ишь ты, академик». Это означало, что мои решения ему понравились.

Однако потом он скрупулезно проверял все расчеты, не уставал часами обдумывать ход предстоящего боя, спрашивал у штабных командиров, какие решения примут они, если обстановка сложится не так, как мы предполагали.

Вечером 28 августа из Ленинграда приехали комдив и еще несколько командиров. Начальника штаба полковника Королева среди них не было. Я поинтересовался, где он. Полковник Бондарев, хитровато прищурившись, отшутился:

— Потеряли по дороге.

Я не стал расспрашивать Андрея Леонтьевича, а приступил прямо к делу. Выслушав мой доклад, комдив сказал:

— Держи, товарищ майор, крепкую связь со штабами полков, проверяй, как идут у них дела. — Внимательно посмотрев на меня, спросил: — Почему не радуешься?

— Чему?

— Майором тебя величаю.

— Думал, оговорились.

— Хитришь, вижу по глазам. Сразу все понял. Так как же, майор Борщев, за три дня подготовим полки к обороне?

— Срок более чем достаточный.

— Ну вот и хорошо. Значит сработаемся с новым начальбом.

— Скажите, а куда перевели Королева?

Полковник улыбнулся.

— Назначен командиром девяностой дивизии.

В те тревожные дни так и не пришлось отметить повышение. Было не до этого, не хватало времени даже для сна. Обычно я «отсыпался» в машине, пока ехал из полка в полк. Прикорнешь, бывало, минут на десять — пятнадцать, не больше. За сутки, таким образом, набегало два-три часа. Можно ли было желать лучшего?!

После отъезда главкома наш штаб заработал с удвоенной энергией. На карты наносились районы сосредоточения полков, изучался Красногвардейский укрепленный район, подходы к нему, огневые позиции артиллерии на случай, если придется там обороняться. Однако мы еще не знали, откуда и какими силами будет наступать враг. Было лишь известно, что наши части обороняют Любань.

Неожиданно ночью позвонили из штаба фронта и приказали встречать «хозяина».

— Опять к нам, — сказал полковник Бондарев. — Это неспроста.

Я взглянул на часы. После первого приезда маршала прошло не более девяти часов. Видно, обстановка осложнилась. Не станет же главком ни с того ни с сего в два часа ночи отправляться в ту самую дивизию, где совсем недавно побывал.

— Можно ставить крест на три дня, которые нам дали для подготовки, — сказал я комдиву. — Надо обзвонить командиров полков. Пусть будут наготове.

— Не пори горячку, — полковник нарочито медленно застегнул ремень, оправил гимнастерку. — Пусть хоть поспят лишние десять минут перед боем.

Мы вышли из штаба и направились к воротам военного городка. Слабый свет ручного фонарика еле освещал нам дорогу. Бондарев со мной не разговаривал. Молчал и я, понимая, что комдив думает сейчас, как выпросить у главкома хоть какое-то время на подготовку к обороне. Ведь полки еще не успели отдохнуть после марша. Должно быть, где-то в глубине души у комдива, как и у меня, теплилась маленькая надежда. Мы еще рассчитывали на отсрочку.

Поздоровавшись с нами, главком сказал, что обстановка на фронте резко ухудшилась. Противник овладел поселком и станцией Тосно. Маршал поставил перед нами задачу: остановить наступление гитлеровцев, рвущихся к Слуцку и Колпину. Он приказал посадить один полк на автомашины, форсированным маршем выйти в район Тосно, разгромить во встречном бою противника и не допустить дальнейшего его продвижения. Вторым полком занять рубеж обороны по левому берегу реки Ижоры — от деревни Аннолово до города Колпина. Третий полк держать в резерве и без его, главкома, разрешения не трогать.

Помню, как нас поразили и встревожили тот факт, что главнокомандующий запрещает командиру дивизии без своего особого приказа вводить в бой хотя бы одну часть или подразделение. Разумеется, мы не знали тогда, что положение с резервами на нашем фронте очень тяжелое.

Было решено бросить в бой в районе Тосно 402-й полк подполковника Ермакова. Главком хотел лично поставить боевую задачу командиру 402-го полка. Чтобы сэкономить время, так как Ермаков еще не знал дороги в штаб

дивизии, комдив приказал мне выехать в Антропшино, поднять по тревоге 402-й полк и прибыть в штаб вместе с командиром полка.

Деревня, погруженная в темноту, спала. Кроме окликов часовых, ничто не выдавало здесь присутствия воинской части. Мне удалось быстро разыскать избу командира полка. Его адъютант младший лейтенант Наумец, — такой же высокий и статный, как и сам подполковник Ермаков, — неожиданно вырос из темноты и четко отдал рапорт.

— Почему не спите?

— Дела, — неопределенно ответил адъютант и с тревогой, которую можно было понять, спросил: — Вам подполковника?

— Да, а что — он спит?

— Только что лег.

— Ничего не поделаешь. Позовите.

Адъютант исчез в избе, и вскоре появился Яков Степанович. Узнав о приказе главкома, он сказал:

— Что ж, мы люди военные. Прошу для сборов пару минут.

Я ждал его на улице. Ермаков не задержался. Когда машина тронулась, Яков Степанович доложил, что полк поднят по тревоге и, как приказано, без промедления направится маршем в Слуцк.

С минуту подполковник молчал, потом, вздохнув, произнес:

— Ко мне из Ленинграда два часа назад приехали жена и дочь. Почти год не виделись, а теперь, кто его знает, когда еще встретимся. Велел им дожидаться первого поезда и уезжать в Ленинград.

Когда война разлучает мужа с женой, отцов и детей, могут ли они поручиться, что свидятся вновь? Легко было понять состояние Ермакова. Два месяца назад и я прощался с женой и сыном. Сейчас, слушая, с каким волнением Ермаков рассказывал о пятнадцатилетней дочери, которая не могла сдержать слез, и как нахваливал жену, державшуюся молодцом, я заново переживал расставание со своими. Только теперь на душе было еще горше, чем два месяца назад. Семью я отправил к родным в Красный Сулин, а в сводках Совинформбюро уже сообщалось о жестоких боях на Юго-Западном направлении...

Маршал Ворошилов встретил подполковника Ермакова как старого друга, хотя раньше никогда не видел его. По

всему было видно, что главком хорошо знал о боевых действиях 402-го полка на границе и в лесах Карелии.

Позже полковник Бондарев рассказал, что до нашего приезда Климент Ефремович расспрашивал и о командире полка, и о всех командирах батальонов.

В руках у маршала блеснул орден Красного Знамени. Климент Ефремович подошел к Ермакову. Я заметил, как в этот миг Яков Степанович растерялся.

В начале войны награждали мало, и редко кто получал боевой орден Красного Знамени — знак высшей воинской доблести, мужества и храбрости, овеянный романтикой гражданской войны. Мы знали, что Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом доблесть и мужество 101 человек из нашей дивизии награждены орденами и медалями; 26 товарищей стали кавалерами ордена Красного Знамени. Пока эту боевую награду еще никому не вручали. Ермаков, конечно, не ожидал, что первым будет он. Поздравив Ермакова, Климент Ефремович на минуту задержал его руку в своей.

— Мы на вас надеемся, подполковник, — сказал он, — давайте свою карту.

Ставя задачу, главком, несмотря на всю серьезность обстановки, старался, как мне показалось, не сгущать красок.

— Наведите там порядок, — заключил Климент Ефремович, водя карандашом по карте-километровке вдоль шоссе и железных дорог, подступавших к станции Тосно.

Мы хорошо понимали, что означают последние слова главкома. Линия фронта в те критические для Ленинграда дни быстро перемещалась, неумолимо приближаясь к Гатчине, Слуцку и Колпину. Заняв Вырицу и Тосно, враг как бы занес меч над южными и юго-восточными пригородами Ленинграда. «Навести порядок», «Восстановить положение» — эти слова были тогда особенно в ходу. За ними следовали тяжелые бои. Но враг все еще имел огромное численное превосходство в людях и боевой технике, особенно в танках и авиации. В те дни поэтому редко удавалось восстанавливать прежнее положение, отвоевывать оставленные рубежи.

По мере приближения линии фронта к Ленинграду сопротивление наших войск возрастало. После войны из

опубликованных данных стало известно, что, например, в июле гитлеровцы в среднем преодолевали с боями по 5 километров в сутки, а в августе — сентябре только по 2,2 километра. Но тогда никто из нас не успокаивал себя тем, что в августе гитлеровцы продвигаются медленнее, чем в июле.

Враг тучей надвигался на Ленинград.

И мы приложили все усилия, чтобы с честью выполнить приказ главнокомандующего Северо-Западным направлением маршала К. Е. Ворошилова.

Прошли многие годы, и один из ветеранов 402-го Краснознаменного стрелкового полка А. М. Митин в память о тех грозных днях написал маршалу К. Е. Ворошилову письмо с просьбой дать согласие быть почетным членом и председателем нашего совета ветеранов 168-й стрелковой дивизии, на что Климент Ефремович с присущей ему скромностью ответил:

«Уважаемый тов. Митин!

Мне было приятно узнать, что вы и другие бывшие воины 168-й стрелковой дивизии, занимаясь мирным трудом, сохранили верность боевым традициям и решили создать совет ветеранов дивизии. Это, конечно, хорошо, но вы должны ясно представить себе цель и задачи своего совета, чтобы не только изредка собираться и вспоминать минувшие дни, но и найти свое место в борьбе за упрочение мира и повышение обороноспособности страны, в осуществлении планов новой пятилетки, в пропаганде лучших боевых и трудовых традиций нашего народа.

Вы просите меня дать согласие быть почетным членом и председателем вашего совета ветеранов 168-й с. д. Я думаю, что в этом нет никакой необходимости. Главное не в этом, а в том, чтобы все ваши товарищи по оружию были передовиками производства, жили и работали по-коммунистически, всегда и во всем вели себя достойно, как и подобает вести себя воинам-победителям, славным защитникам нашей Родины.

Желаю вам и вашим боевым друзьям всего наилучшего.

С приветом К. Ворошилов.

24 февраля 1966 года».

И ныне этот завет покойного маршала ветераны 168-й стрелковой дивизии выполняют так же четко, по-военному, как и в лихую годину, 30 лет назад.

ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ

С волнением ожидали мы донесения от Ермакова. Наконец в полдень Яков Степанович передал по радию: «Встретили немецких мотоциклистов-разведчиков, уничтожили их». Далее указывались населенные пункты, куда выслана наша разведка.

Из следующего донесения стало известно, что враг занял деревни Поповку, Ульяновку, Затишье, Красную Горку и другие населенные пункты западнее Тосно. Его пехота, поддерживаемая танками и авиацией, движется по шоссе на Ново-Лисино (Форносово).

Необходимо было как можно скорее нанести удар, иначе враг обнаружит исчезновение своих разведчиков, установит движение 402-го полка и тогда наша союзница — внезапность — будет утеряна.

Бондарев приказал Ермакову:

— Действуйте решительно и без промедления, о результатах встречного боя доложите.

В 18 часов Ермаков со своего наблюдательного пункта, находившегося в церкви деревни Поги, передал по радию:

— Ведем бой с одним из полков сто двадцать первой немецкой пехотной дивизии. Противник развернул легкую артиллерию и минометы. Первый и третий батальоны окружают его.

Беспокойство у нас вызывал 2-й батальон. Его командиру, старшему лейтенанту И. И. Шишере, было приказано оседлать перекресток железной и шоссейной дорог. Связь с батальоном прервалась, когда он подходил к перекрестку. Что могло случиться?

В это время начальник отделения разведки дивизии старший лейтенант Г. Г. Тюпа доложил, что немцы заняли станцию Саблино и поселок Ульяновку. Мы с Бондаревым переглянулись. Это было для нас неожиданно. Бондарев заинтересовался — точны ли эти сведения? Григорий Григорьевич подтвердил их и добавил:

— Немцы ввели в бой свой второй эшелон и обошли полк Ермакова. Заняв Саблино, противник беспрепятственно продвигается вдоль Московского шоссе.

Ясно было, что вражеское командование, встретив сопротивление нашего 402-го полка, решило форсировать продвижение вдоль Московского шоссе на Красный Бор — Колпино. Гитлеровцы стремились развить наступление на двух направлениях: по дороге на Слуцк и Пушкин и по

Московскому шоссе на Саблино, Красный Бор, Ям-Ижору и Колпино.

Обстановка в полосе обороны дивизии осложнилась: 402-й полк подполковника Ермакова вел бой в районе западнее Тосно; 462-й полк подполковника Кашинского занял рубеж обороны по левому берегу реки Ижоры; 260-й полк майора Брыгина (без 2-го батальона) находился во втором эшелоне в деревнях Тярлево и Глазово; 2-й батальон капитана А. Е. Богданова вел сейчас бой с передовыми подразделениями врага в районе Красного Бора.

Комдив приказал мне связаться с оперативным управлением штаба фронта, доложить обстановку и не отходить от телефона, пока нам не будет дано разрешение главкома о вводе в бой 260-го полка. Ждать у телефона долго не пришлось: разрешение было получено сразу же.

На нашем участке фронта, после того как противник занял Саблино, положение ухудшилось. В штабе дивизии шла крайне напряженная работа. Здесь же находились представители штаба фронта и один из порученцев главнокомандующего Северо-Западным направлением.

— Маршал Ворошилов, — сказал порученец, — интересуется данными о противнике.

— Бои в районе Поги, Ульяновка, Красная Горка в самом разгаре, — ответил полковник Бондарев. — Ждем донесения от Ермакова.

Мы вели уже боевые действия, а наши люди не только не успели еще хорошо отдохнуть, привести себя в порядок, но даже в глаза не видели походных кухонь и, конечно же, не ели горячей пищи. Это обстоятельство нас очень волновало.

А. Л. Бондарев вызвал капитана И. Д. Кривулю. Тот доложил, что продовольствие и вещевое имущество выдали, но нет походных кухонь, лошадей, повозок и автомашин. Наши люди получают их сейчас в управлении тыла фронта.

Комдив приказал интенданту к 18.00 во что бы то ни стало накормить всех бойцов и командиров горячей пищей. Это было в полдень. Я посочувствовал нашему интенданту. Очень трудно было за каких-нибудь 5—6 часов доставить машины с продовольствием, лошадей, повозки, упряжь, походные кухни, приготовить горячую пищу и накормить весь личный состав дивизии. Не знаю уж каким чудом, но приказ комдива И. Д. Кривуля выполнил в срок.

Под Ленинградом предстояли большие бои. Многое зависело от работы тыла. И я верил, что работники наших тыловых служб нас не подведут, будут работать самоотверженно, четко, как и в предыдущих боях.

Вечером, получив подробное сообщение о действиях 402-го полка, мы, как говорится, воспрянули духом. Подполковник Ермаков докладывал, что разгромлена большая часть сил одного из полков 121-й немецкой пехотной дивизии. Батальоны капитана Уклебы и старшего лейтенанта Воробьева в тесном взаимодействии с танками и бронемашинами ведут бои на подступах к Тосно. Захвачено 300 пленных, полковое знамя, 46 орудий, 56 пулеметов, 1500 автоматов, несколько десятков автомашин. Капитан Уклеба недавно ранен. Его заменил старший лейтенант Марчук. Действует так же отлично. С батальоном старшего лейтенанта Шишеры установлена связь. Он точно выполнил задачу — захватил важный перекресток железной и шоссейной дорог между Тосно и Саблином и удерживает его.

Бондарев, обычно сдержанный, на этот раз сказал:

— Молодец Ермаков! Великолепно провел бой!

Вскоре была получена телеграмма из штаба фронта, которая извещала, что подполковнику Якову Степановичу Ермакову присвоено звание полковника. Бондарев позвонил и поздравил его. Я не мог, конечно, слышать, что ответил Ермаков, но по тому, что Бондарев сказал: «Брось скромничать, тебе не привыкать — хорошо бил колчаковцев, так же бьешь и гитлеровцев», — понял, что Яков Степанович не ожидал такой высокой оценки своих заслуг.

С передовой вернулся начальник политотдела батальонный комиссар Г. Г. Белоусов. Он был еще под впечатлением успешных боев 402-го полка.

Внезапность удара ошеломила противника, рассказывал он. Передовые подразделения немецкого полка были разбиты наголову в первые же часы боя. Но схавшие на машинах сзади успели рассредоточиться и укрыться в ближайшем лесу, где располагались подразделения тыловых служб 121-й немецкой пехотной дивизии. Здесь гитлеровцы заняли оборону. На опушку леса они выдвинули легкую артиллерию, минометы и открыли огонь. Ермаков послал в обход леса батальон Воробьева.

Вскоре появились вражеские самолеты-разведчики, а затем бомбардировщики. Они стали бомбить и обстреливать из пулеметов боевые порядки 402-го полка. На своем

пути в деревнях Кайболово, Лорвиллово, Шумба, Рамболово батальон Воробьева встретил упорное сопротивление автоматчиков, засевших в домах. Их поддерживали огнем танки и артиллерия. Деревни по несколько раз переходили из рук в руки.

Так же, как и в боях на границе, отлично действовал старший лейтенант Н. Н. Воробьев. Он вовремя вывел свои роты из-под огневого удара артиллерии противника. Продвигаясь по лесисто-болотистой местности, 3-й батальон первым обрушился на врага. Гитлеровцы не ожидали появления нашей пехоты на участке со стороны болот. Артиллеристы противника даже не успели развернуть орудия и минометы. Ворвавшись на огневые позиции, бойцы 3-го батальона в рукопашной схватке уничтожили расчеты нескольких батарей легкой артиллерии и минометов. Вскоре подоспел на помощь с правого фланга 1-й батальон старшего лейтенанта Марчука. После короткого ожесточенного боя оставшиеся в живых гитлеровцы стали сдаваться в плен.

Коммунист младший лейтенант Павлов, парторг роты Семенов, лейтенант Митин (назначенный недавно начальником штаба 3-го батальона) и другие командиры шли впереди, воодушевляли своим примером всех красноармейцев.

Раненые отказывались покидать поле боя. Боец Григорьев сам перевязал свои раны, а затем уложил еще с десяток гитлеровцев.

...В детстве я мог часами слушать рассказы сапожника нашего казачьего хутора деда Савича о подвигах русских солдат, сражавшихся в Болгарии с турками. Высокий, худой дед виделся мне в баталиях молодым богатырем, сокрушающим турков штыком и прикладом. Однажды я, желая подзадорить Савича, спросил, не прибавляет ли он трошки.

Сапожник покосился на меня, выплюнул в коробок гвозди, встал и ушел в горницу. Вернулся он оттуда со старым военным мундиром. На нем я увидел пять боевых медалей и сразу пристал к деду с расспросами. Он ответил мне только, что воевал как положено, вот и его наградили.

Я вспомнил о деду Савиче, когда начальник политотдела Белоусов закончил свой рассказ о действиях 402-го полка словами: «Награждайте каждого и не ошибетесь — все воевали как надо, все герои».

В штаб дивизии привели пленных. Из восемнадцати допрошенных мною только один согласился давать показания. Остальные держались нагло, вызываясь, с тупым упорством маньяков повторяя: «Рус кагут!»

Первого в своей жизни фашиста я увидел на киевских маневрах в 1935 году. Это был не немец, а итальянец — генерал-наблюдатель. Меня тогда поразил такой, казалось бы, мелкий факт. Наш боец, прикомандированный обслуживать иностранных генералов, поливал им из кувшина, когда они умывались. Лишь итальянец демонстративно отказался от услуг красноармейца, брезгливо поморщился и отвернулся. Боец проявил положенные по этикету такт и выдержку — поставил кувшин и ушел.

Но я заметил, как гневно блеснули его глаза. Уж очень, видно, хотелось ему разбить кувшин о голову этого фашиста в генеральском мундире.

Нечто подобное испытывал сейчас и я.

«СЛОЕННЫЙ ПИРОГ»

Полки дивизии вели тяжелые бои на изолированных направлениях с превосходящими силами врага, не имея локтевой связи с соседями. Единственным соседом на левом фланге у нас был батальон Ижорского завода под командованием В. Г. Водопьянова. Между нашими полками и даже батальонами действовали части и подразделения противника.

Когда я докладывал комдиву обстановку, он пошутил:

— Кто на кого наступает, не поймешь. Получается, брат, «слоеный пирог». Надо эту «начинку» перемолоть. Вот в чем наша задача на ближайшие дни.

Мы хорошо понимали, что главные, решающие бои за Ленинград еще впереди и пока подоспеют дивизии, выходящие из окружения и срочно пополнявшиеся ленинградцами, нам надо продержаться несколько дней.

Утром 31 августа к нам в штаб, находившийся в казармах Слуцкого военного городка, приехали из Ленинграда военные корреспонденты. Их было человек десять. Полковник Бондарев поручил мне побеседовать с ними.

Еще до встречи я просмотрел привезенный прямо из типографии, пахнувший краской свежий номер фронтовой газеты «На страже Родины» и удивился. Над всей второй полосой крупным шрифтом было напечатано: «Слава отважным воинам части Бондарева! Будьте стойкими и

бесстрашными, защитники Ленинграда! Сражайтесь, как бондаревцы! Ни пяди земли врагу! Похороните фашистскую нечисть на подступах к нашему городу!»

Так вот оно что! Выходит, успех 402-го полка не следует считать обычным, местным эпизодом. Видимо, он служит вдохновляющим примером для войск, обороняющихся у стен Ленинграда.

Я показал газету комдиву. Он пробежал глазами призыв над полосой, где два раза упоминалось его имя, прочитал стихотворение поэта Бориса Лихарева, в котором оно тоже не раз склонялось, улыбнулся краешками губ.

— Ишь ты, как складно пишут, — сказал он не то с одобрением, не то с укором и, возвращая мне газету, добавил: — Будешь беседовать с корреспондентами, скажи, чтобы не перехваливали. Меня так хлестко разрисовали, только чапаевских усов и шашки не хватает.

Как рассказали мне журналисты, слово «бондаревцы» за один день после нескольких сообщений по радио об успешных боях в районе населенного пункта «Т» стало популярным среди населения.

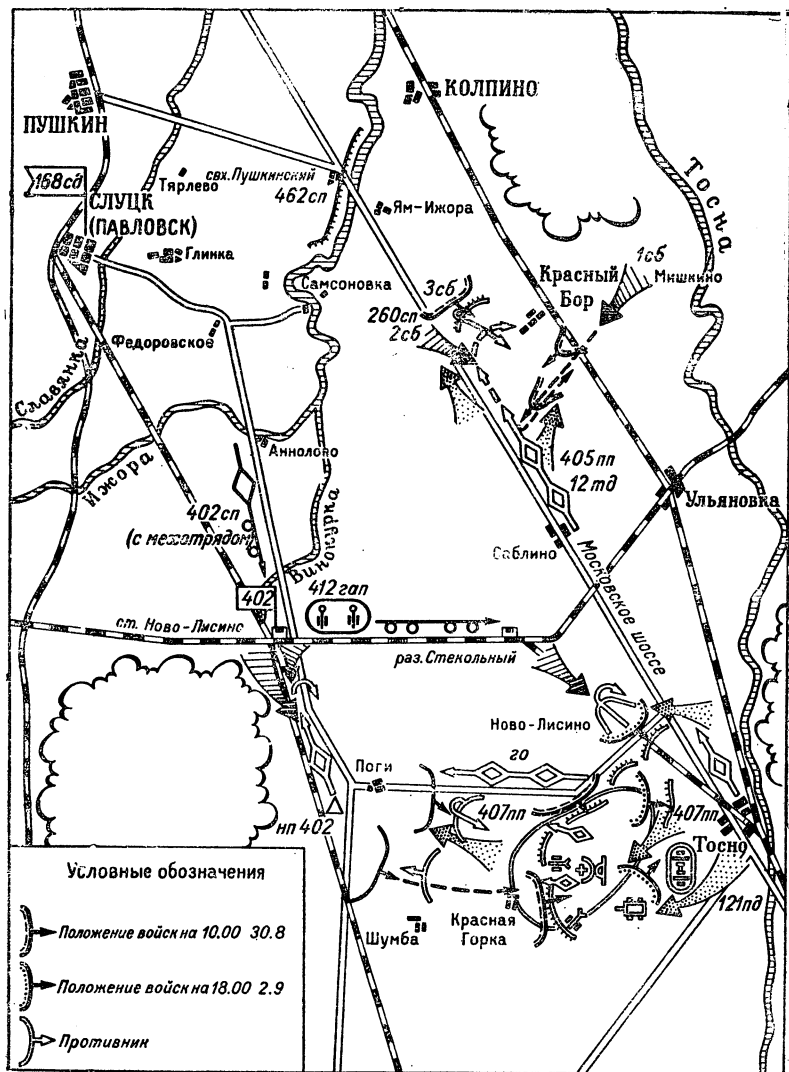
Корреспонденты — люди военные — знали, что Бондарев командует дивизией, которая в общем-то, как говорится, большой погоды сделать не может. Но многие ленинградцы склонны были думать, что на выручку города пришла целая армия. Первые же успехи нашей 168-й дивизии, только вступившей в бой на ближних подступах к Ленинграду в самые критические для его обороны дни, объяснялись просто: она сохранила свои основные силы — рядовой, сержантский, офицерский состав, боевую технику, закалилась в боях на карельской земле и поэтому смогла сейчас противостоять крупным силам противника.

— Хотите узнать о последних боях? — спросил я журналистов. — Доставляйте свои блокноты.

К моему удивлению, они приготовили не только блокноты, но и карты-километровки.

— Здорово дело поставлено. Ну что ж, легче будет нам с вами разговаривать.

Мне хотелось, чтобы корреспонденты уяснили суть нашей главной задачи — как можно больше перемолоть живой силы и техники врага. Вот почему я сразу же стал рассказывать о батальоне капитана Алексея Егоровича Богданова, который совершал тогда героические рейды по тылам врага.

Боевые действия 168-й стрелковой дивизии в районе Тосно с 29 августа по 7 сентября 1941 г.

Батальон вступил в бой вечером 29 августа в районе населенных пунктов Мышкино, Чернышево, Поповка, а затем стал продвигаться вдоль реки Тосны. Если бы 2-й батальон не был выдвинут вперед в сторону станции Поповка, враг мог бы с ходу занять не только Красный Бор, но и другие населенные пункты. Бойцы Богданова внезапно нападали на противника, громили его обозы, колонны. Гитлеровцы не знали, что эти рейды по их тылам совершает всего лишь один батальон. Как выяснилось из показаний пленных, у противника создалось впечатление, что между Саблином и Красным Бором действует большая войсковая часть Красной Армии, имеющая даже тяжелые орудия.

Майор П. Ф. Брыгин рассказывал мне, что, выслушав показания пленных, он и сам никак не мог понять, кто стрелял по вражеским позициям со стороны Поповки из орудий большого калибра. Ведь тяжелой артиллерии у Богданова не было.

А получилось так. Разведчики донесли комбату, что недалеко от Поповки вражеская батарея ведет огонь по нашим подразделениям. Богданов приказал командиру 4-й роты лейтенанту Овсянникову захватить батарею. Бойцы во главе с политруком роты Сафоновым внезапно атаковали вражеские огневые позиции, перебили артиллеристов, повернули орудия и открыли из них огонь по колонне противника, двигавшейся из Саблина на Красный Бор.

Я рассказал корреспондентам о действиях только батальона Богданова. Когда это подразделение громило колонны гитлеровских войск в районе Саблина, другой наш батальон под командой Н. Н. Воробьева наводил панику в тылу у противника под Тосно. Но от Никиты Назаровича мы тогда еще не имели донесений.

Совсем недавно я встретился с бывшим начальником штаба 3-го батальона 402-го полка Александром Михайловичем Митиным. У него сохранилась старенькая схема, на которой отмечен боевой путь по тылам врага подразделения Воробьева. С 30 августа по 3 сентября батальон нападал на тылы врага в районе Тосно, окружал и уничтожал на подходе к линии фронта подразделения, двигавшиеся по дорогам от Любани на Тосно. Недаром после соединения 3-го батальона со своим 402-м полком полковник Бондарев, узнав о подвигах Воробьева, как бы невзначай путал его фамилию, называя Орловым.

Внезапность нападения 3-го батальона настолько застигла немцев врасплох, что они в панике стали отступать, бросая оружие, боеприпасы, военное имущество, лошадей и обозы. Захваченные в плен солдаты в один голос твердили: «Перед нами появилась какая-то страшная русская дивизия».

Стремительный выход батальона Воробьева в тыл немцам был, конечно, неожиданным для них. Вспоминается такой характерный эпизод. Обоз 3-го батальона, следовавший по лесной дороге вслед за наступающими подразделениями, немцы приняли за свой. Фашистский гранатометчик, ехавший на лошади в тыл за минами, пристроился в хвост обоза. Наш старшина Скрипник не растерялся и захватил его в плен.

Мы все время засылали в тыл противника еще и мелкие боевые группы с разными заданиями.

Расскажу лишь о действиях в тылу врага одной из таких многочисленных боевых групп, которой командовал лейтенант Павел Емельянович Божков. В его группу входили лейтенант Майлян, младший лейтенант Попов, старшины Орлов, Логинов, красноармейцы Минаев, Матвеев и еще три человека, фамилии которых пока, к сожалению, установить не удалось. В 2 часа ночи группа форсировала Черную речку, уничтожила боевое охранение врага, захватила трофейные автоматы и пулемет.

Командир группы лейтенант П. Е. Божков, воевавший уже с немецко-фашистскими захватчиками под Кингисепом в составе легендарной курсантской части пехотного училища имени С. М. Кирова, был отважен, дерзок, но и расчетлив. Он всегда стремился прежде всего выполнить боевую задачу. Сейчас его группе надлежало уничтожить расчеты вражеских орудий, которые могли бы помешать намечавшейся на утро контратаке 260-го стрелкового полка, и оседлать перекресток дорог у деревни Черная Речка и Колпина.

Божков хорошо помнил приказ командира полка: «Не зарывайтесь, действуйте наверняка!» Поэтому Павел Емельянович повел группу в глубь леса. Здесь можно было идти быстрым шагом, ориентируясь по вспышкам ракет противника. Когда они вышли к дороге, чуть забрезжил рассвет. Неожиданно послышался гул мотора и лязг гусениц. Божков приказал Попову, Логинову и Минаеву скрытно подползти к тому месту, откуда слышались гул и лязг, и установить силы противника.

Вскоре Попов доложил, что 10 вражеских солдат никак не могут справиться с застрявшим на дороге тягачом и прицепом, груженным ящиками (очевидно, со снарядами). Это осложнило выполнение основной задачи. Обойти дорогу было нельзя. Пришлось уничтожить вражеских солдат и вывести из строя тягач. Во время схватки с группой солдат противника Попова ранило. Ему оказали первую помощь и двинулись дальше. На окраине деревни Черная Речка залегли. Лежали в небольшой канаве, откуда хорошо были видны немецкие артиллеристы. В тот момент, когда они стали готовиться к стрельбе по нашему переднему краю, Божков приказал открыть по ним огонь.

Тут началась наша артподготовка, и вслед за огневым валом пошла пехота. Божков, Майлян, Логинов и Матвеев не могли сдержать своей радости, вместе с идущими в атаку кричали «ура». Противник из подвалов домов, расположенных на окраине деревни, открыл пулеметный огонь по нашему 3-му стрелковому батальону и по опушке леса, откуда появился 2-й батальон. Божков решил уничтожить и эти огневые точки. Вместе с Матвеевым он подобрался к домам, откуда немцы вели огонь, и забросал их гранатами.

Кстати, крупнокалиберные орудия вражеской батареи оказались целыми. Комиссар 260-го полка М. И. Гуськов рассказывал мне, что, когда на буксире тащили трофейные пушки, бойцы повеселели. Ведь им предстояло идти дальше в бой. Трофеи вселяли уверенность в своих силах.

Ленинградцы и воины фронта внимательно следили тогда по газетам за действиями бондаревцев. У нас в дивизии военные корреспонденты бывали довольно часто. Работали они с азартом, помогали друг другу, а иногда не прочь были и по-доброму подшутить над кем-нибудь из своей братии. Журналисты, как правило, не ограничивались только беседами в штабе. Выяснив общую обстановку, они «ради нескольких строчек в газете» шагали под огнем в полки, батальоны и роты, ползком пробирались на передовую. Во время войны мы по-настоящему оценили кажущийся таким незаметным труд фронтовых журналистов.

Я с благодарностью вспоминаю фотокорреспондента фронтовой газеты «На страже Родины» Н. Хандогина. Его снимки нашего комдива Бондарева и бондаревцев, сделанные в сентябрьские дни 1941 года, печатаются сейчас во многих сборниках, исторических трудах и мемуарах.

К нам приезжали в разные дни тревожного сентября и позже писатели Н. Тихонов, В. Саянов, Б. Лихарев, А. Прокофьев, журналисты Л. Ганичев, Д. Руднев («Правда»), М. Гордон, Н. Дедков («Известия»), В. Кочетов, М. Михалев, И. Еремин, Н. Внук («Ленинградская правда»), Я. Потехин, М. Ланской, И. Лившиц, А. Садовский, И. Франтишев («На страже Родины»), В. Карп, С. Полесев, П. Майский, Г. Тесленко, М. Стрешинский, С. Бойцов («На защиту Ленинграда») и многие другие.

Я иногда перелистываю подшивки пожелтевших газет, читаю корреспонденции тех лет, вспоминаю их авторов. Бывало, они доставляли нам много хлопот. Линия фронта часто перемещалась, и журналисты попадали, что называется, в передраги. Приходилось приказывать командирам немедленно отправлять их к нам в штаб. Журналисты на меня обижались, а я оправдывался: дескать, отвечаю за вас перед комдивом. Запомнилась шутка острого на язык Марка Ланского:

— А у нас командировочные предписания на передний край.

Наши бойцы очень дорожили газетами, которые отмечали их подвиги. Они перечитывали их, посылали вырезки родным.

Начальник политотдела дивизии батальонный комиссар Г. Г. Белоусов и его помощник по комсомолу политрук В. М. Домников, старший политрук М. И. Гуськов, секретарь партбюро полка политрук А. А. Сергеев и другие политработники, отправляясь в передовые подразделения, всегда брали с собой свежие газеты.

НА РЕКЕ ИЖОРЕ

В районе Лисино-Корпус и Красного Бора продолжались ожесточенные бои. Артиллерия врага обстреливала уже Слуцк и военный городок. Немецкая авиация с утра до вечера бомбила боевые порядки нашей пехоты и огневые позиции артиллерии. Не было, что называется, ни одного квадратного метра земли, куда бы не падали бомбы. Люди буквально не могли поднять головы. Особенно большие потери нес 402-й полк, находившийся в окружении.

Из Ленинграда к нам стало прибывать пополнение. Среди этих товарищей были политбойцы, отобранные

Ленинградской партийной организацией. Коммунисты с большим житейским опытом — инженеры, знатные рабочие, научные работники — шли рядовыми в роты. Они оказались прекрасными агитаторами и не раз сами вели бойцов в атаки.

В одном из боев под Слуцком политбоец Вацура заменил убитого командира роты. Когда после сильной бомбежки на позицию пошли фашистские танки и молодые бойцы стали отходить в глубь обороны, политбоец остановил их, приказал вернуться и занять свои позиции. В это время наши артиллеристы подбили три танка, а остальные три повернули назад. Вацура принял решение: отвоевать оставленную вчера позицию.

— Кто не трус, за мной! — крикнул он.

В атаку бросились все, даже раненые. Впереди всех бежал Вацура — лучший стрелок, прекрасный агитатор. Враг был отброшен. Командир батальона старший лейтенант Воробьев передал новому командиру роты благодарность.

Двое суток политбоец с горсткой храбрецов удерживал свою позицию. Пикирующие бомбардировщики обрабатывали ее с утра до вечера. Бойцы роты и наши артиллеристы подбили перед своими позициями 9 танков. На исходе вторых суток Вацура погиб.

Кто же он, этот политбоец из Ленинграда? Потом уже мы узнали, что Вацура был одним из членов героического экипажа парохода «Смидович», который в 1936 году доставлял грузы для сражавшейся с фашистами республиканской Испании. Фашистские пираты пленили команду советских моряков. Вот что сказал Вацура на митинге в Архангельске после возвращения на Родину: «Нас пытали, морили голодом. Но разве что-нибудь может сломить дух советского гражданина!»

Утром 4 сентября гитлеровцы после авиационной и артиллерийской подготовки начали танковое наступление на Красный Бор, северную окраину которого оборонял наш 260-й полк. Только на позиции 1-го батальона двигалось 20 танков. Они шли на большой скорости. Вслед за танками продвигались немецкие автоматчики и пулеметчики.

Я находился у телефона, когда командир полка майор П. Ф. Брыгин доложил мне об этом и просил помочь огнем артиллерии. Тут же, рядом со мной, стоял начальник артиллерии дивизии майор В. Г. Кукин.

— Дело решают минуты, — сказал Владимир Григорьев

вич. — Если танки противника прорвут оборону полка, эй сразу же двинутся на Колпино. А Колпино — это Ижорский завод и последний город на пути к Ленинграду.

Я приказал Кукину немедленно связаться по телефону с командиром отдельного истребительного противотанкового дивизиона капитаном И. М. Черкасовым. Вскоре нам сообщили, что дивизион уже отражает атаку танков. Снайперская батарея лейтенанта Зборжавецкого подбила 6 танков. Командир орудия сержант Шутрик и наводчик Крутиков вывели из строя два танка, прорвавшихся было к северной окраине Красного Бора.

Я еще не успел доложить комдиву о наступлении фашистских танков, как снова позвонил майор Брыгин и передал, что на позиции 4-й роты прорвались танки. Их не менее десяти.

— Кто командует ротой, — спросил я у Брыгина, — и сколько человек осталось в этом подразделении?

— Командир погиб, командование ротой принял командир взвода лейтенант Михайлов. В роте осталось тридцать бойцов, — ответил мне командир полка.

На лейтенанта Михайлова, парторга 4-й роты, можно было положиться.

Брыгин продолжал докладывать. В 4-ю роту направлено 10 бойцов — истребителей танков во главе с секретарем партбюро полка Сергеевым. Я его знал. Мы познакомились несколько дней назад. Тогда мне бросились в глаза прикрепленные на гимнастерке Сергеева орден Трудового Красного Знамени и значок депутата Верховного Совета РСФСР. Мы разговорились. Оказалось, что Александр Алексеевич Сергеев до войны работал литейщиком на ленинградском заводе имени Карла Маркса, был одним из зачинателей стахановского движения. К нам в дивизион он прибыл с группой политбойцов, отобранной Ленинградской партийной организацией. Можно было не сомневаться, что два таких коммуниста, как Сергеев и Михайлов, сумеют сплотить бойцов, воодушевить их на бой и будут вместе с ними стоять насмерть.

Танки горели перед позициями 4-й роты Михайлова, а противник продолжал наступать — еще 9 танков были брошены в бой.

Часа через два Брыгин доложил, что, по уточненным данным, 12 танков из 19, прорвавшихся к нашему переднему краю обороны, подбиты пехотинцами и артиллеристами на юго-западной окраине Красного Бора. Особенно

отличились командир роты лейтенант Михайлов, истребители танков бойцы Меркулов, Фазиев, Кононов и секретарь партбюро полка ленинградец Сергеев.

Что скрывалось за этими двумя бывшими у нас всегда в ходу словами «особенно отличились», мы вскоре узнали. Михайлов, Сергеев, Меркулов, Фазиев, Кононов и другие защитники позиций 4-й роты подползали к танкам на близкое расстояние, подрывали их связками гранат и поджигали бутылками с горючей смесью. Многие бойцы, преградив путь танкам, пали смертью храбрых...

Другие подразделения 260-го полка тоже отстояли свои позиции, не пропустив ни одного вражеского танка. Пехотинцам крепко помогали наши артиллеристы — отдельный истребительный противотанковый дивизион под командованием капитана Ивана Михайловича Черкасова и батарея гаубичных орудий под командованием старшего лейтенанта Василия Ивановича Нарышкина.

Так был остановлен 4 сентября бросок немецких танков на Ленинград в районе Красного Бора на Московском шоссе на подступах к Колпину...

С утра 6 сентября противник начал всеобщее наступление под Ленинградом. Сосредоточив огромные силы на шлисельбургском, красносельско-урицком, гатчинско-пулковском и слудском направлениях, гитлеровское командование рассчитывало пререзать все железнодорожные и шоссейные дороги, связывающие Ленинград со страной, а затем с ходу ворваться в город.

Войска нашего фронта героически отражали атаки численно превосходящих сил врага. 8 сентября противник занял Шлисельбург, завершив тем самым окружение Ленинграда с суши.

Сопротивление наших войск нарастало. Все же ценой огромных потерь врагу удалось прорвать оборону в районе Красного Села и развить наступление на Урицк и Петергоф. После этого значительно ухудшилось положение нашей дивизии, оборонявшей Слуцк и Колпино. Мы вели ожесточенные бои на подступах к реке Ижоре, являющейся на этом участке последней естественной преградой к Ленинграду. Фашисты стремились во что бы то ни стало прорвать нашу оборону. Вражеская артиллерия и авиация с утра до вечера обстреливала и бомбила боевые порядки дивизии. Самолеты шли волна за волной, методически сбрасывая бомбы. Перепахав наши окопы, гитлеровцы по нескольку раз в день бросались в атаки.

Командир 340-го стрелкового
полка полковник И. Н. Фа-
десв.

Командир 314-го стрелкового
полка подполковник А. П. Мель-
ников.

Командир 1-го батальона 314-го
стрелкового полка Герой Со-
ветского Союза майор
И. С. Зенин.

Вторая полоса обороны противника на Карельском перешейке.
Июнь 1944 г.

Командир 3-го батальона
340-го стрелкового полка майор
Ф. С. Михалев.

Командир 340-го Мариенбург-
ского стрелкового полка под-
полковник А. И. Зимин.

Командующий артиллерией
46-й Лужской стрелковой диви-
зии полковник А. И. Бальшин.

Командир 393-го Пярнуского
артиллерийского полка полков-
ник С. А. Миль.

Артиллерия разрушает железобетонные огневые точки второй поло-
сы обороны противника на Карельском перешейке. Июнь 1944 г.

Командир 60-го отдельного истребительно - противотанкового артиллерийского дивизиона
майор Г. А. Вольфсон.

Командир 2-го дивизиона
393-го артиллерийского полка
майор Ф. Н. Шевченко.

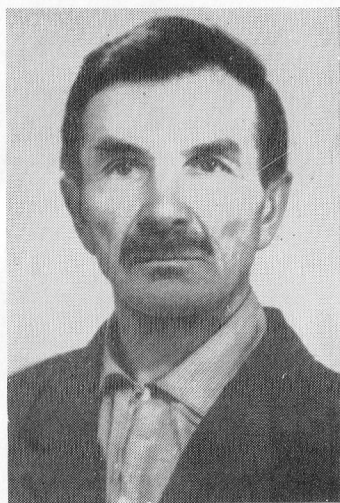
Начальник штаба 2-го артиллерийского дивизиона капитан
А. В. Саченко.

Командир батареи 393-го артиллерийского полка лейтенант
И. С. Сахо.

Саперы проделывают проходы в минных полях противника.

Командир орудия, кавалер орденов Славы сержант И. Д. Голубев.

Минометчики 3-й минометной роты 340-го стрелкового полка
ведут огонь по противнику в районе опорного пункта Ляскеля.

Сержант М. Ф. Иванов.

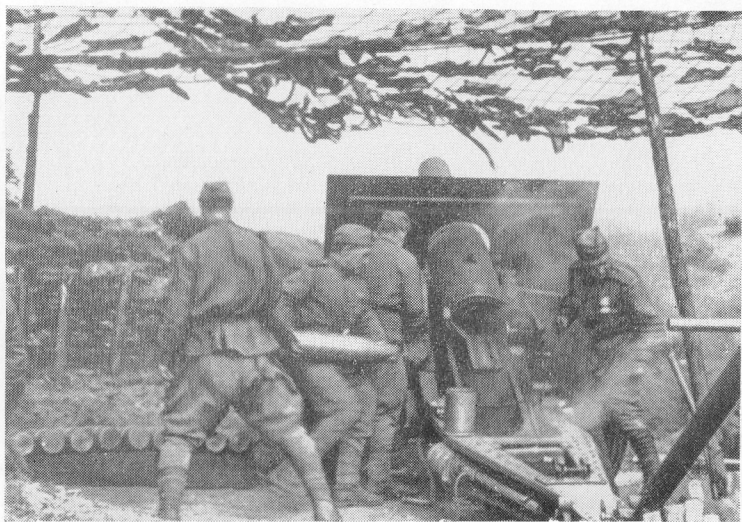

Подразделения 176-го стрелкового полка ведут бой с противником
за хутор Торикко.

Подразделения 314-го стрелкового полка на исходных позициях наступления. 17 сентября 1944 г.

Артиллеристы ведут огонь по противнику в районе населенного пункта Айду.

Танкисты 31-го танкового и пехотинцы 314-го стрелкового полка атакуют противника севернее города Тарту. 17 сентября 1944 г.

Перед боем.

Старшина саперной роты Брянцев.

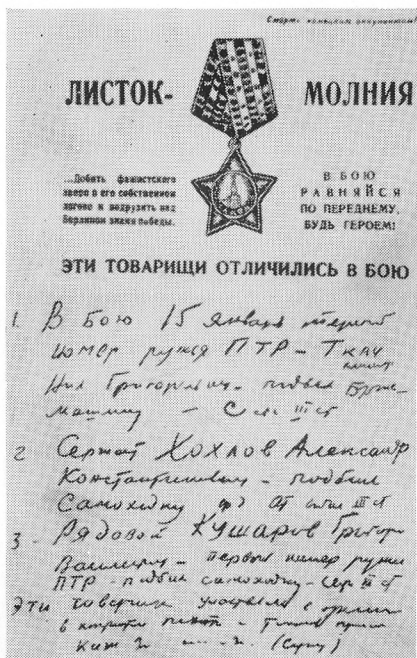
Подразделения 340-го стрелкового полка переправляются через реку
Эмма. 8 сентября 1944 г.

Сидят (справа налево): полковник М. П. Меркушев, командир
108-го стрелкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейте-
нант М. Ф. Тихонов, полковник С. Н. Борщев, полковник Семенов;
стоят: подполковники С. Ф. Семенов, И. Я. Спиридонов, А. И. Баль-
син, А. И. Зимин, А. П. Мельников.

Подразделения 176-го и 340-го стрелковых полков заняли исходные позиции для наступления с Рожанского плацдарма. 14 января 1945 г.

Листок-«молния», выпущенный 15 января 1945 г. после отражения контратаки танков и пехоты противника.

Бывший военный комендант
города Грейфсвальда полковник
Рудольф Петерсхаген. 1965 г.

Так выглядел город Анклам после отступления гитлеровцев.

Дом, в котором проис-
ходили переговоры с
парламентерами о сдаче
войск гарнизона и города
Грейфсвальда без боя,
30 апреля 1945 г.

Жители Грейфсвальда ожидают вступления в город советских войск.
30 апреля 1945 г.

На второй день после освобождения Грейфсвальда в городе началась нормальная жизнь.

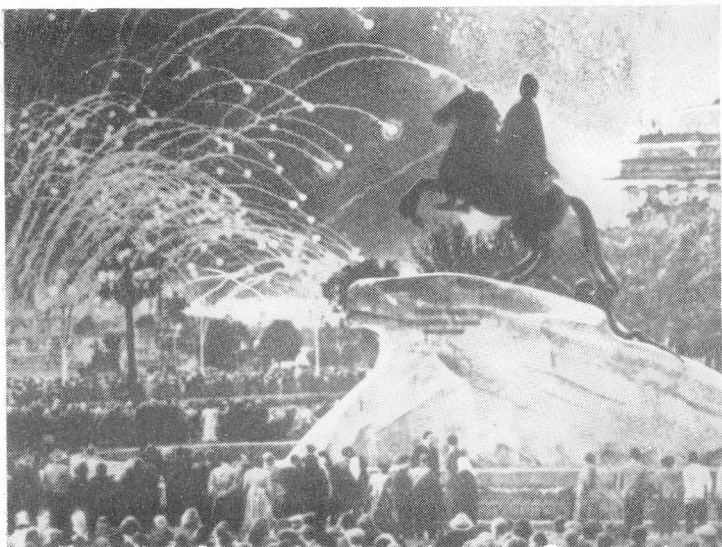

На острове Рюген (справа налево): заместитель командира полка по строевой части подполковник Ильин, начальник оперативного отделения штаба дивизии подполковник Окснер, командир 340-го стрелкового полка подполковник А. И. Зимин, военный корреспондент М. З. Ланской, заместитель командира полка по политической части подполковник А. Г. Закрой.

Бывший узник фашистского концлагеря Б. Л. Матусов (справа)
в гостях у Рудольфа Петерсхагена в 1965 г.

Праздничный салют в Ленинграде.

Казалось чудом, что наши обескровленные полки сдерживают натиск двух пехотных дивизий. Были случаи, когда вражеские танки прорывались через редкие цепи нашей пехоты, но развить наступления не могли. Командиры батарей старшие лейтенанты Нарышкин и Максимов, искусно управляя огнем, расстреливали в упор танки.

Падали сраженные командиры огневых взводов, наводчики. Нарышкин и Максимов сами бросались к пушкам, проявляя при этом исключительное мастерство.

Но долго так продолжаться не могло. Противник, не считаясь с потерями, непрерывно вводил в бой свежие силы, а мы ощущали острую нехватку в людях, технике и боеприпасах. 8 сентября враг прорвал оборону на участке 260-го полка в районе Красного Бора и подошел вплотную к реке Ижоре. Таким образом, 402-й полк полковника Ермакова, героически сражавшийся с врагом в районе Ново-Лисино, фактически оказался окруженным. Но в первую очередь надо было помочь восстановить оборону 260-му полку, так как на его участке решалась судьба Колпина. Мы знали, что штаб полка во главе с командиром отошел в населенный пункт Старая Мыза. Полковник Бондарев приказал мне выехать в этот полк. Дорога к Старой Мызе обстреливалась артиллерией, но наша машина проскочила ее благополучно.

Деревня, где расположился штаб, горела. В подвале каменного дома я увидел командира 260-го полка майора Брыгина и командира 412-го гаубичного полка майора Раковича. При тусклом свете коптилки они наносили на карту расположение своих подразделений.

Павел Федорович Брыгин был бледнее обычного — сказались бессонные ночи и напряжение боев. Увидев меня, он встал и, волнуясь, начал докладывать обстановку. Я успокоил его. В штабе знали — полк сражался самоотверженно. Никто не посмел бы винить майора за то, что после четырехдневных тяжелых кровопролитных боев с превосходящими силами противника полк отступил на несколько километров.

Из доклада Брыгина я узнал, что 1-й и 2-й стрелковые батальоны заняли оборону на южной окраине населенных пунктов Старая Мыза и Черная, а 3-й батальон отведен во второй эшелон — на левый берег реки Ижоры.

— На окраинах деревень Старая Мыза и Черная мы решили закрепиться и в течение ночи организовать здесь оборону, — заключил майор.

Не было сомнения, что противник с утра следующего дня перейдет в наступление, а полк к этому времени не сможет создать сильной обороны. Следовательно, гитлеровцам нетрудно будет опрокинуть его и с ходу форсировать водную преграду. На левом же берегу реки Ижоры были подготовлены траншеи с ходами сообщения, огневые позиции, дзоты и сборные железобетонные доты, часть которых уже занял один из наших ополченческих артиллерийско-пулеметных батальонов укрепленного района. Необходимо было и нам срочно отвести полк на левый берег реки Ижоры, организовать там оборону, а в деревнях Старая Мыза и Черная оставить боевое охранение. Брыгин с этими доводами согласился.

Я доложил по телефону полковнику Бондареву о нашем решении, и он утвердил его.

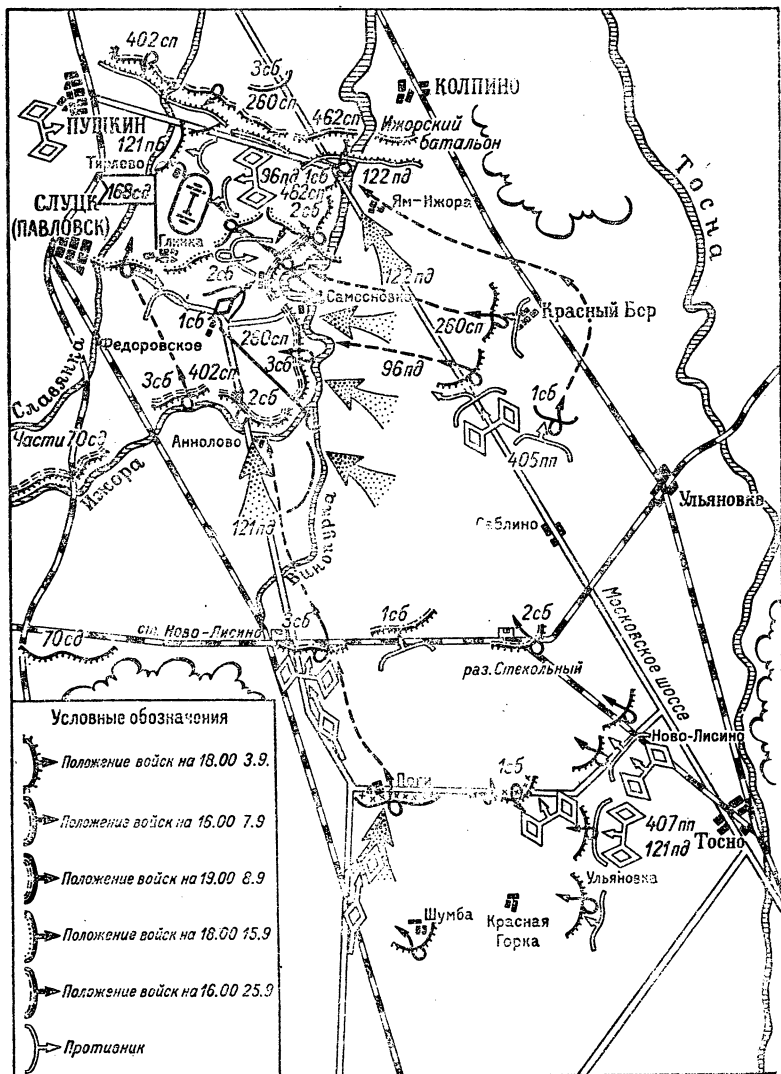
Поздно вечером в штабе дивизии мы с Бондаревым долго сидели над картой, уточняя наши рубежи обороны и расположение войск противника. Комдив пришел к выводу, что необходимо и 402-й полк, который несколько часов назад вышел из окружения, тоже отвести на левый берег реки Ижоры.

Всю ночь работники штаба дивизии майор С. К. Сиваков, капитан С. Н. Королевич и старший лейтенант Г. Г. Тюпа помогали штабам 260-го и 402-го полков выводить подразделения на новые рубежи. События следующего дня показали, насколько правильным было наше решение.

Утром 9 сентября противник после мощной авиационной и артиллерийской подготовки перешел в наступление на слудско-пушкинском и ям-ижорско-московско-славянском направлениях. Пять часов части нашей дивизии, закрепившиеся на левом берегу реки Ижоры, отражали атаки врага. Но ему так и не удалось форсировать реку.

Из штаба 402-го полка связной на мотоцикле доставил пакет. Я вскрыл его. Это были донесения командования этой части. Я перечитывал их и восхищался подвигами воинов 402-го Краснознаменного стрелкового полка, дравшихся до этого в окружении. О некоторых из них стоит рассказать.

Выполняя приказ командира полка, группа бойцов в составе четырех человек во главе с младшим лейтенантом Техневым направилась в тыл врага для установления связи со 2-м батальоном старшего лейтенанта И. И. Шинеры.

Оборонительные бои 168-й стрелковой дивизии на реке Ижоре и в районе Служка (Павловск) с 8 сентября по 27 октября 1941 г.

Группе предстояло перебраться через железнодорожный переезд у Ново-Лисино. Замаскировавшись в кустарнике, бойцы установили наблюдение за переездом. Недалеко от него они заметили 75-мм пушку и большую группу немцев, численностью до роты, а на юго-восточной окраине Ново-Лисино два наших танка «КВ», которые, видимо, искали нашу пехоту. На один из танков гитлеровцы стали наводить пушку. Экипаж второго танка, заметив это, выстрелил первым. Воспользовавшись замешательством солдат противника, группа наших бойцов открыла огонь из автоматов. Гитлеровцы бросили заряженную пушку и удрали.

Технев, указав танкистам, где находятся наши войска, продолжал вместе с бойцами выполнять поставленную задачу. Связь со 2-м батальоном была установлена, и он вскоре пробился к своим. Танкисты прицепили трофейную пушку к танку и доставили в наше расположение.

Командир полковой батареи старший лейтенант Олейник, хорошо знавший устройство трофейной пушки, приспособил ее для стрельбы по немецким танкам. Он подбил несколько вражеских танков, израсходовав все захваченные нашими танкистами снаряды.

Читаю донесения и думаю: а как все же пробивались из окружения наши герои? Нахожу скупые строки.

3-му стрелковому батальону Н. Н. Воробьева было приказано пробиваться из окружения через деревню Черная Речка. Когда батальон подошел туда, то оказалось, что деревня занята немцами. Батальон с ходу атаковал ее, захватив при этом два пулемета и миномет. Однако силы были неравны. Фашисты обрушили на батальон шквал артиллерийского огня и вызвали самолеты. Батальону надо было выходить из-под огня. Командир батальона Н. Н. Воробьев и начальник штаба А. М. Митин ночью вывели батальон в назначенный район к реке Ижоре у деревни Федоровское.

Вскоре Брыгин и Ермаков доложили, что противник просочился в стык 260-го и 402-го стрелковых полков.

— Владимир Григорьевич, на твои гаубицы вся надежда, — сказал я Кукину, назначенному недавно начальником артиллерии дивизии.

Он понял меня с полуслова. Вперед был выдвинут 2-й дивизион. Вскоре капитан С. Ф. Лобарев доложил, что 7 танков горят недалеко от деревни Федоровское. Однако противник, все еще не оставляя надежды захватить Пав-

ловский парк, бросает в бой автоматчиков под прикрытием новых танков.

— Но там их в упор расстреливает Петренко, — закончил свой доклад Лобарев.

Командира 5-й батареи лейтенанта Александра Тимофеевича Петренко я хорошо знал. В военном деле это был, как говорится, мастер на все руки. До войны командовал взводом полковой школы, в начале войны — огневым взводом и вот теперь отлично командует 5-й батареей. Этот устоит. Словно угадав мои мысли, Кукин заверил меня:

— Лобарев и Петренко не подведут... В пятой батарее много бывших ополченцев-ленинградцев. Кремень, а не люди. Обстреляны. Надежны.

И артиллеристы, действительно, оказались такими. Они не только выкурили немцев, просочившихся на стыке наших двух стрелковых полков, наглухо прикрыв этот «коридор», но и сдерживали несколько часов натиск врага в районе Павловского парка и населенных пунктов Федоровское и Ям-Ижора до подхода батальона Богданова.

Позже я узнал, что комсорг дивизиона Гейдар Шахбазов, связист Леонид Беляев и еще человек десять телефонистов помогали своим орудийным расчетам огнем из пулеметов и винтовок отбиваться от наседавших немецких автоматчиков. Фашисты яростно атаковали, шли вперед подвыпившие, стреляя на ходу из автоматов. Шахбазов и его товарищи вели прицельный огонь, косили вражеских солдат шеренгу за шеренгой. Только комсорг Шахбазов, стрелявший из ручного пулемета, сменил 7 дисков.

В 15 часов командир 462-го полка подполковник Кашинский доложил мне по телефону, что до 50 самолетов противника звено за звеном бомбят наш передний край в районе Ям-Ижора — Путролово — Самсоновка. Особенно сильные бомбовые удары пришлись на позиции, занимаемые батальоном капитана Макарова. Второй час «юнкеры» кромсают его окопы, все роты несут потери. Через 3 часа Павел Гурьевич снова позвонил.

— Немецкие танки и пехота прорвали оборону на участке Путролово, — сообщил он. — Своим третьим батальоном при поддержке артиллерии и соседей с флангов мы контратаковали противника, сбросили его в реку и заняли прежние позиции. Захвачены в плен шесть солдат и один унтер-офицер. При допросе они показали, что в бой введены свежие силы девяносто шестой пехотной дивизии. Противник продолжает атаковать.

Вскоре перед 6-й и 8-й ротами 3-го батальона 462-го полка появилось до двух десятков танков. Они устремились вдоль Московского шоссе по направлению к Московской Славянке. Находившиеся там противотанковая батарея и 7-я стрелковая рота коммуниста старшего лейтенанта Григория Васильевича Абрамова уже имели опыт борьбы с фашистскими танками. С нетерпением ждали мы результатов боя. Часа через полтора стало известно, что 9 танков подбили артиллеристы, еще 4 подорвались на противотанковых минах, не достигнув нашего переднего края. Однако 7 танков прорвались на позиции роты и уничтожили несколько орудий.

Неравный бой продолжался. Старший лейтенант Абрамов организовал круговую оборону. Командиру взвода младшему лейтенанту Карандашеву он приказал вместе с группой бойцов подобраться как можно ближе к танкам и забросать их связками гранат.

Младший лейтенант Карандашев, старший сержант Чистяков, бойцы Лагунов, Иванов, Хрыченко и другие выбрались из окопа и, маскируясь, поползли вперед. Два часа длился поединок наших смельчаков с танками врага. Ранен был младший лейтенант Карандашев и еще несколько бойцов.

Санструктор Таня Кольцова перевязывала раненых и перетаскивала их в воронку. Гитлеровцы заметили санструктора. В тот момент, когда Кольцова подползла к Карандашеву, фашисты открыли по ним огонь из пулемета. Младший лейтенант крикнул Тане:

— Оставь меня, ползи в укрытие!

Но Таня продолжала перевязывать раненого. Очередью из пулемета был убит Карандашев и ранена Кольцова. Один из танков развернулся и пошел прямо на Таню. Собрав последние силы, она вынула висевшую за поясом у мертвого Карандашева связку гранат и успела бросить ее под танк, когда тот находился уже в нескольких шагах от нее. Танк был подбит, но погибла и Кольцова.

Старший сержант Чистяков, бойцы-истребители Лагунов, Иванов, Хрыченко и другие продолжали поединок с танками, прорвавшимися на позиции роты. Семь искорверканных и обгоревших остовов остались у деревни Путролово.

Так гитлеровцам и на сей раз не удалось прорвать нашу оборону и выйти к Колпину со стороны Московского шоссе.

Мы старались проникнуть в замыслы противника, перебирали разные варианты его возможных действий. Комдив говорил мне: «Ну-ка, думай за противника». Каждый из нас изучал, оценивал обстановку, делал свои выводы, при этом мы учитывали соотношение сил пехоты, артиллерии, танков, авиации, рельеф местности, состояние дорог, а затем принимали несколько вариантов решений, чтобы в любом случае не быть застигнутыми врасплох, вовремя направить средства усиления на тот участок, где намечается главный удар.

Наш комдив терпеть не мог, когда предлагались шаблонные, догматические решения. О тех, кто придерживался шаблона, он с горечью говорил: «Это же не командир, а мертвая схема».

Обычно комдив управлял полками со своего НП. Но в условиях активной обороны, когда линия фронта менялась с каждым часом, наблюдательный пункт мог оказаться отрезанным от своих войск. А в штабе комдив был гарантирован от всяких случайностей. Напряженная работа над картой, изучение боевых донесений и данных разведки давали ему возможность чувствовать пульс боя, моментально реагировать на малейшие осложнения и быстро принимать верное решение.

Однако бывало и так, что даже штаб оказывался отрезанным от частей. Радиосвязь оставалась единственным средством управления дивизией. И тогда для координации действий комдив посылал в полки одного из своих помощников. Начальники отделений штаба, их заместители, все наши командиры очень ценили доверие полковника Бондарева. Но завоевать его было не так-то легко...

В 1940 году, когда шла война с белофиннами, нас, слушателей выпускного курса Военной академии имени М. В. Фрунзе, отправили на фронт. Как я уже писал, меня назначили начальником оперативного отделения штаба 168-й стрелковой дивизии, сражавшейся на петрозаводском направлении. Комдив полковник Бондарев встретил меня в своей землянке сдержанно, я сказал бы, подчеркнуто официально. В последующие дни я все время чувствовал на себе его испытующий взгляд. Комдив присматривался к моей работе, изучал, «прощупывал» мой характер. Временами огорчал насмешливый тон, с каким полковник обращался ко мне, подчеркивая этим, что я пока еще птенец, вылупившийся из академической «скорлупы». Недели через две Бондарев стал поручать мне ответственные

боевые задания. Бывало, если начинался бой и на участке какого-нибудь подразделения дела шли неважно, он посыла́л меня туда, приказывая разобраться в обстановке и принять необходимые меры.

«Значит, — думал я, — испытание выдержано».

Со временем комдив стал все больше и больше доверять мне. А через полтора года, когда началась Великая Отечественная война, полковник Бондарев уже считал меня ветераном дивизии...

В штабе раздался резкий телефонный звонок. Командир 412-го гаубично-артиллерийского полка майор С. В. Ракович доложил, что немцы форсировали реку Ижору в районе Карделова и Самсоновки и прорвали оборону на участке 260-го полка.

— Наша пехота отступает! — взволнованно кричал в трубку майор Ракович.

Я тут же попытался связаться с командиром 260-го полка майором Брыгиным, но ни телефон, ни рация не работали.

— Брыгин без приказа сменил командный пункт, — вырвалось у меня всердцах, когда я докладывал комдиву обстановку.

Полковник Бондарев ничего не ответил на это, только внимательно и, как мне показалось, с грустью посмотрел на меня и приказал поехать на место, разобраться в обстановке.

— Надо восстановить прежнее положение обороны! — сказал комдив.

Деревня Федоровское находится на высоте, господствующей над всей близлежащей местностью. На ее северной окраине у бревенчатого домика, окруженного стогами сена, я встретил командира нашего гаубично-артиллерийского полка майора С. В. Раковича. Отсюда, как на ладони, был виден бой. Наша пехота отступала, ее преследовали танки и густые цепи автоматчиков. И если бы не артиллеристы 412-го гаубичного полка, враг бы уже ворвался в Павловский парк.

— Смотрите, смотрите! — волнуясь, кричал Станислав Владиславович, отпуская неместные эпитеты по адресу наших пехотинцев. — Противник лезет на мои огневые позиции, а они бегут!

Долго размышлять было некогда. Недалеко от себя я увидел три танка, приказал подошедшему к нам подполковнику Кашинскому посадить на них офицеров штаба,

выслать наперерез нашей отступающей пехоте и остановить ее. Находившиеся здесь начальник политотдела дивизии батальонный комиссар Г. Г. Белоусов, его помощник по комсомолу политрук В. М. Домников, комсорги 260-го полка А. Е. Волков и 412-го гаубичного полка Дерябин также бросились останавливать наших пехотинцев. Бойцы залегли и начали отражать атаку противника. Недалеко от нас находилась гаубичная батарея лейтенанта Степушкина. Она расстреливала вражескую пехоту прямой наводкой. Степушкин был ранен в спину. К нему подбежал санитар и хотел оказать помощь. Степушкин крикнул:

— Потом, уходи, не мешай бить гадов!

Майора Брыгина мне не удалось увидеть, так как он находился в цепях своих бойцов в километре от западной окраины Павловского парка. Через офицера связи я приказал Брыгину организовать контратаку. Подполковнику Кашинскому поставил задачу резервным батальоном совместно с танками атаковать противника со стороны деревни Федоровское.

После короткого огневого удара 412-го гаубичного и 453-го артиллерийского полков наши танки и пехота дружно контратаковали гитлеровцев с флангов и фронта.

— Товарищ майор! — закричал Ракович. — Смотрите, немцы бегут!

На душе стало легче.

— Перенести огонь по отступающему противнику и отрезать ему пути отхода за реку Ижору! — приказал я.

Через час основные силы врага, наступавшие на Федоровское — Павловский парк, были разгромлены, а остатки их отброшены за реку Ижору. Полковнику Бондареву я доложил, что прежнее положение нашей обороны восстановлено.

А на завтра гитлеровцы предприняли новую атаку на Федоровское — Павловский парк. 2-й батальон 260-го полка во главе с его командиром Богдановым и комиссаром полка Гуськовым контратаковал противника и во встречном бою разгромил до двух рот автоматчиков, артиллерийский дивизион, взял трофеи, в том числе 4 тяжелые пушки.

Командир полка Брыгин докладывал, что в этом бою отаилились два экипажа наших танков «КВ».

Я вспомнил вчерашний бой, экипажи трех танков. Видимо, два из них до сих пор не выходили еще из боя.

Других у нас в резерве не было. Часа три назад Гуськов, соединившись с нашим штабом по телефону, кричал в трубку:

— Я у «двойки». Прут напролом. Помогите танками!

Я доложил тогда Бондареву, что немцы снова наступают на Федоровское — Павловский парк. Комиссар 260-го полка Гуськов, который находится во 2-м батальоне, просит поддержать его танками.

— Передай, — ответил Бондарев, — поддержим их артиллерией. Сам знаешь, танков у нас сегодня нет.

Бондарев говорил правду. Батальон танков «КВ», которым командовал майор Ушаков, уже много дней поддерживал нас, но сейчас он сражался на другом участке фронта и только завтра должен был снова вернуться к нам.

Почему отстали от своего батальона и остались у нас два танка? Позже я об этом спросил у Гуськова. И Маркел Иванович рассказал мне интересную историю.

За 20 минут до контратаки он и Богданов слышали гул танковых моторов. «Наши „ка-вэ“, — вырвалось у Гуськова, — побегу, выясню, какая им поставлена задача, может, ребята сумеют и нас поддержать».

Когда Гуськов увидел в низине два танка «КВ», он вздохнул. Машины направлялись в тыл. «Видимо, на ремонт», — решил он, но все же подбежал к одному из танков и забарабанил по броне. Машина остановилась, открылся люк.

— Чего вам? — спросил высунувшийся из танка по пояс лейтенант, видимо командир взвода.

— Братцы! — с отчаяньем в голосе выкрикнул Гуськов, — гитлеровцы прорвались у нас на правом фланге, сейчас будем контратаковать, поддержите нас!

— Не можем, — ответил танкист, — видите, еле ползем на ремонт, ходовая часть неисправна.

— Братцы, — продолжал упрашивать Гуськов, — вы только поставьте танки в засаде и пошумите моторами, попугайте гадов...

— Как так пошуметь и попугать? — уже обиженно сказал танкист. — Мы и огоньком их можем угостить.

— А снаряды есть?

— Запасливые, — ответил лейтенант и добавил: — Мы за деревьями встанем и будем лупить по сволочам прямой наводкой, а вы контратакуйте. Только, чур, пехота, не подводить! И пошлите ваших людей за снарядами, ведь бой может затянуться.

— Спасибо, не подведем! — радостно закричал Гуськов. — И людей вам дадим. Будут подбрасывать они снаряды.

Рассказывая мне об этом эпизоде, Маркел Иванович старался все изобразить в лицах. И я отчетливо видел сперва сурового, несговорчивого, а потом симпатичного парня-танкиста. И хорошо представлял себе самого Гуськова, очень деятельного, быстрого в движениях, с его неизменным словцом «братцы». Бывало, и в лесах Карелии, и здесь под Ленинградом, когда мы отходили с тяжелыми боями, я неоднократно слышал, как он, вроде бы ни к кому не обращаясь, с болью в голосе подшучивал сам над собой: «Эх, братцы, не в ту сторону наступаем». И устало шагавшие бойцы с грустной усмешкой поглядывали на Гуськова. Казалось, в каждом таком взгляде бойца можно было прочесть: «Ничего, комиссар, не за горами то время, когда мы будем наступать в ту сторону, куда надо!»

Маркел Иванович больше всего сокрушался, что не успел записать фамилии танкистов, которые не только помогли им разгромить гитлеровцев во встречном бою, но еще и после этого 12 часов били по ним прямой наводкой, не давая накапливать силы для новой атаки. Предусмотрительным оказался командир танкового взвода — не зря прислал пехотинцев подбрасывать своим экипажам снаряды.

Я мог только сказать Гуськову, что это были танкисты из батальона майора Константина Павловича Ушакова. Его батальон тяжелых танков «КВ» крепко поддерживал нас в боях за Тосно. «Мы — ушаковцы», — с гордостью называли себя танкисты. Изумительно храбро сражались они и сейчас при обороне Колпина, Федоровского, Слуцка и Павловского парка.

В грохоте войны проходил день за днем. Пригороды Ленинграда превратились в арену жесточайших битв воинов Красной Армии с озверелыми фашистскими полчищами.

Мы чувствовали, что предстоят длительные бои, и стремились хорошо обеспечить свои тылы. Инспектор тыла интендант дивизии капитан И. Д. Кривуля проявил много инициативы и энергии, чтобы пополнить наши ресурсы продовольствия.

За время с 29 августа по 6 сентября службы тыла сумели собрать в гурты 600 голов бесхозного скота в прифронтовой зоне и переправить его в район Колтушей

и Всеволожска. В районе Лесное наши тыловики приняли от совхозов Ленинградской области склады, в которых было 100 тонн сена, 200 тонн жмыха, 300 тонн овощей и картофеля. Хорошо, что воины тыла нашей дивизии успели это сделать. Забегая вперед, скажу, что когда Ленинград был отрезан от «Большой земли» и началось резкое сокращение норм снабжения, большинство запасов дивизии было передано управлению тыла Ленинградского фронта.

В ПАВЛОВСКОМ ПАРКЕ

Наш командный пункт разместился в Павловском дворце. Невесело было на душе, когда я подъезжал к новому КП.

У главного подъезда дворца грузили на машины ящики с музейными экспонатами. Всеми работами по погрузке руководила женщина лет тридцати. Она представилась мне:

— Зеленова — начальник объекта ПВО.

— Какого объекта? — переспросил я.

Женщина пронзила меня колючим взглядом и ответила:

— Этого самого!

— Павловского дворца?

— Конечно!

Странно и больно было сознавать, что пригородные дворцы Ленинграда, творения великих зодчих, становятся объектами противовоздушной обороны...

— А где же директор дворца?

— Я и есть директор. Скажите, далеко ли немцы? Мне надо успеть вывезти все ценности.

— Успеете, — ответил я и увидел, как на минуту повеселел ее взгляд.

Одиннадцать дней находился наш штаб в Павловском дворце. Он работал там и тогда, когда бои шли уже в самом парке...

С утра 11 сентября гитлеровские войска вновь начали штурмовать пригороды Ленинграда. Против нашей дивизии в бой были брошены отборные части 96-й, 121-й и 122-й пехотных дивизий врага. Населенные пункты Аннолово, Федоровское, Глинка, Старая Мыза, Путролово, Ям-Ижора по несколько раз переходили из рук в руки.

12 сентября немцам удалось закрепиться в Федоровском. Отдельные их подразделения прорвались к восточной окраине Павловского парка. Развернулся жестокий бой. Наши бойцы несколько раз отбрасывали назад вражеских автоматчиков. Командир 260-го полка Брыгин и секретарь партбюро Сергеев шли в бой во главе передовых подразделений.

Полк три раза контратаковал позиции противника.

Но вот над Павловским парком и районом Ям-Ижоры появились «юнкеры» и стали наносить массированные бомбовые удары по нашему переднему краю и огневым позициям артиллерии. Трудно было поверить, что в этой неразберихе можно поддерживать хоть какой-нибудь порядок.

Помнится, в тот день я вышел из штаба дивизии и направился на командный пункт 260-го полка. Идти надо было не больше 800 метров. На восточной окраине парка я увидел, как «юнкеры» пикируют на огневые позиции батареи старшего лейтенанта В. И. Нарышкина. После каждого захода вражеских бомбардировщиков у меня сжималось сердце. Казалось, погибли все люди, все орудия.

С командного пункта 260-го стрелкового полка я позвонил командиру 412-го гаубичного полка майору Раковичу, чтобы узнать, какие потери понесла батарея Нарышкина. Оказалось, один человек убит, пять — ранено, из трех орудий подбито одно. Несмотря на столь интенсивные налеты вражеской авиации, батарея в этот день вела систематический огонь по наземным целям противника. Люди уходили в укрытия только тогда, когда самолеты пикировали на их огневые позиции. Но стоило очередному звену «юнкеров» улететь, как артиллеристы вновь бросались к орудиям и открывали огонь.

О другом подвиге артиллеристов 412-го гаубичного полка я узнал из рассказа начальника штаба 1-го дивизиона старшего лейтенанта А. Г. Сапрыкина.

Батарея старшего лейтенанта К. А. Максимова 12 сентября заняла оборону у шести сосен на северной окраине Павловского парка, недалеко от деревни Глазово. До батальона пехоты и 11 танков врага атаковали огневые позиции батареи. Командный пункт 1-го дивизиона, в который входила батарея Максимова, находился в домике метеостанции в двух с половиной километрах от ее огневых позиций. Связист передал телефонную трубку начальнику

штаба дивизиона. «Товарищ старший лейтенант! — услышал Сапрыкин взволнованный голос. — Фашисты наступают на нас, прорвались танки! Сам комбат у орудия, он просит...» Связь оборвалась. Сапрыкин не успел переспросить, кто с ним говорит и что просит Максимов. Очевидно, с ним говорил телефонист батареи. Начштаба дивизиона приказал своему связисту отыскать обрыв и восстановить связь.

Долго ждал, нервничал и, наконец, не выдержал, пошел сам на батарею. Два с половиной километра пробылся под обстрелом.

Добежав до батареи, Сапрыкин увидел, что командир огневого взвода, два командира орудия и два наводчика убиты. У левофланговой пушки стоит разгоряченный командир батареи старший лейтенант Максимов и ведет огонь прямой наводкой по вражеской пехоте. Помогают ему подносчик и заряжающий. Метрах в пятидесяти от орудия горят два фашистских танка. На батарею наступают автоматчики. Перебегая от дерева к дереву, они ведут прицельный огонь.

Связи со штабом дивизиона все еще не было. Сапрыкин и те артиллеристы, у которых были подбиты гаубицы, отражали атаку пехоты противника огнем стрелкового оружия. Командир взвода разведки старший сержант Зуб, маскируясь и меняя позиции, стрелял из трофейного автомата.

Враг вынужден был отойти и залечь. Артиллеристы стали приводить в порядок орудия. У двух гаубиц панорамы были разбиты, щиты покорены. Все, что могли исправить, исправили.

Хотелось курить, но папирос не было. Сидели в укрытии и тихо переговаривались.

В это время восстановили связь, Сапрыкин позвонил в штаб дивизиона. Вскоре на батарею доставили по комплекту бронебойных и осколочных снарядов на каждое орудие. И как раз вовремя. Прилетели «юнкеры», отбомбились, а затем вражеские автоматчики вновь поднялись в атаку. Они шли густой цепью, полагая, что после авиационной подготовки никто из артиллеристов не остался в живых. Командир батареи Максимов и командир орудия Козаков открыли огонь из двух гаубиц. Снаряды рвались в гуще наступающих гитлеровцев. По ним же стреляли из скорострельных винтовок бойцы батареи. Вражеская цепь рассыпалась, солдаты залегли. Но вот они попытались

снова подняться, и Максимов снова осколочными снарядами пригвоздил их к земле.

Однако высокий Максимов не мог долго оставаться незамеченным. Фашистский автоматчик сразил его длинной очередью. Падая, Константин Андреевич Максимов успел слабо вскрикнуть: «Огоны!»

Это было последнее слово командира 3-й батареи. Приказ его, не щадя себя, выполняли те, кто еще мог сражаться. Продолжал бить командир орудия Козаков, стреляли из скорострельных винтовок бойцы-телефонисты. Особенно метко, умело выбирая позиции, строчил из трофейного автомата старший сержант Зуб. Сапрыкин управлял огнем батареи.

Вдруг неожиданно артиллеристы услышали «ура!». Оно доносилось с той стороны, откуда наступали гитлеровцы. Как потом выяснилось, командир 462-го стрелкового полка подполковник Кашинский частью своих сил ударил по врагу с тыла.

Героически сражалась пулеметная рота 462-го полка под командованием старшего лейтенанта Майбороды. Она трижды отбивала яростные атаки врага, а когда тот в четвертый раз пошел в наступление, командир поднял людей и повел их в контратаку. Его тяжело ранило. Связной и ординарец подхватили Майбороду под руки, и он некоторое время еще продолжал командовать ротой. Так и скончался на руках у бойцов их любимый командир. Майбороду заменил командир взвода младший лейтенант Нестеров. Гитлеровцы не выдержали натиска, отступили, оставив на поле боя раненых, убитых, пулеметы, минометы и легкие артиллерийские орудия.

Исключительно стойко оборонялся 402-й Краснознаменный стрелковый полк, занимавший участок обороны по реке Ижоре в районе деревни Аннолово. С рассвета до темна здесь шли кровопролитные бои. Много раз гитлеровцы предпринимали попытки форсировать реку Ижору, но каждый раз встречали огонь станковых пулеметов и минометов. Наши люди словно вросли в землю. Когда вышли из строя пулеметы, пулеметчики роты младшего лейтенанта Густерина стали отбивать атаки фашистов ружейным огнем и гранатами. Командир роты Густерин лично уничтожил из винтовки 15 фашистов.

На левом фланге в стыке между 402-м и 260-м полками врагу удалось вклиниться в нашу оборону. Тогда Ермаков приказал комбату Воробьеву повернуть левый фланг

полка на северо-восток. Минометчики роты лейтенанта Деменкова развернули минометы почти на 180 градусов и открыли массированный и точный огонь по вклинившимся в нашу оборону солдатам и офицерам противника. Минометный огонь был настолько сильным, что враг на время прекратил атаки.

В рукопашных схватках бондаревцы, как образно писали потом фронтовые корреспонденты, дрались с врагом подобно львам. Сержант Иванов был дважды ранен, но продолжал сражаться и уложил гранатами и штыком 20 гитлеровцев. Красноармеец Юсовский убил из винтовки вражеского пулеметчика, а затем, заколов штыком другого солдата, спас своего командира лейтенанта Никифорова, на которого гитлеровец замахнулся гранатой.

У противника, не ожидавшего нападения с тыла, началась паника. Бросив раненых, гитлеровцы стали отступать к реке Ижоре. Атака на Павловский парк и на этот раз была отбита.

Здесь снова отличились экипажи танков батальона майора Ушакова. В головном танке находился сам командир батальона.

Случилось так, что война подкатилась в буквальном смысле к самому дому Константина Павловича Ушакова. В Слуцке жила семья комбата. Жена его, Александра Васильевна Ушакова, была председателем райисполкома. Занятые каждый своим делом, они подолгу не виделись. И частенько случалось, что у меня как начальника штаба дивизии, оборонявшей Слуцк, муж и жена после делового разговора справлялись о благополучии друг друга.

Хорошо помню, что вечером того же дня, когда Гусков рассказал мне о подвиге экипажей танков «КВ», поддерживавших контратаку батальона Богданова, Ушаков явился к нам в штаб для координации взаимодействия предстоящего на завтра боя.

В разговоре с Ушаковым я упомянул о подвиге двух экипажей «КВ».

— Не удивляюсь, — скупое ответил комбат, — у нас все ребята такие.

Все же, сделав какие-то пометки в маленьком блокноте, Константин Павлович заверил меня, что поблагодарит героев-танкистов и при первой возможности представит их к награде.

Тот вечер мне запомнился еще и потому, что в полыхавшем огнем Слуцке я стал случайным свидетелем корот-

кой встречи супругов Ушаковых. Мы выходили с Константином Павловичем из штаба, а Александра Васильевна шла нам навстречу. Ушаков задержался на несколько минут. О чем говорил Константин Павлович с женой, не знаю, только, нагнав меня, он просил не говорить ей, что завтра на рассвете лично поведет своих танкистов в бой.

На следующий день Александра Васильевна пришла в штаб дивизии.

— А мы только что разговаривали с вашим мужем, он у себя на КП, — сказал я.

— Он в бою, впереди своей колонны, — тихо проговорила Александра Васильевна и еще тише добавила: — Я-то его, наверно, знаю лучше, чем вы.

Лицо ее было бледным, но говорила она спокойно. Больше о муже я не услышал ни слова. Он выполнял свой долг, она — свой. Райисполкому не хватало машин. Одно из детских учреждений подлежало немедленной эвакуации. Нельзя ли им помочь в этом деле? Справившись с минутным волнением, Александра Васильевна Ушакова говорила уже твердым, энергичным голосом. Конечно же, я распорядился срочно оказать райисполкому нужную помощь.

Она ушла, а я долго между делом ловил себя на мысли, что волнуюсь за Ушакова. Раненный уже несколько раз, он наотрез отказывался от госпитализации. Вечером нам доложили, что танки «КВ» под командованием Ушакова ворвались в расположение противника, подожгли и разбили 12 вражеских танков и 10 орудий. Майор К. П. Ушаков контужен, потерял слух, но не хочет выходить из боя...

Немного опережая события, скажу, что полтора месяца спустя, когда наша дивизия готовилась к переправе на «Невский пятачок», 1 ноября 1941 года, мы узнали печальную весть: отважный комбат танков «КВ» майор Константин Павлович Ушаков пал смертью героя всего в нескольких километрах от своего родного города и дома, где уже хозяйничали фашистские оккупанты, в разгром которых он так свято верил.

Через 3 года мы входили в объятый пламенем освобожденный Павловск (Слуцк) и добрым словом помянули храбрейшего из храбрых танкистов Константина Павловича Ушакова, чей батальон воистину с легендарной храбростью, достойной своего командира, сражался в этих местах осенью 1941 года...

В служебный флигель Павловского дворца переместились командные пункты 402-го стрелкового и 412-го гаубичного полков.

Огневые позиции артиллерийских батарей и передний край обороны были от нас так близко, что даже пешком мы добирались туда за 10—15 минут.

Ожесточенные бои развернулись на окраине парка, недалеко от района «Белых берез», о котором во всех справочниках и путеводителях сказано, что это творение великого архитектора Камерона и вдохновенного художника-декоратора Гонзаго, что в 1814 году здесь состоялось торжество по случаю возвращения полков русской гвардии из Парижа после победы над Наполеоном, что на празднике был молодой Пушкин, приехавший сюда из Царского Села вместе со своими друзьями-лицеистами.

12 сентября 1941 года недалеко от этого памятного места наша 168-я стрелковая дивизия остановила врага, рвавшегося в Слуцк, выиграв еще один день тяжелой битвы за Ленинград.

Хотя на улицах Слуцка и рвались снаряды, но во дворце, находившемся недалеко от передовой, вместе с военными штабами работали дирекция дворца и парка, слуцкие районные партийные и советские организации. Мы всячески старались помогать руководителям организаций и учреждений города поддерживать порядок. Работали магазины, население обеспечивалось продуктами, открыты были бани, парикмахерские; раненым и больным оказывалась медицинская помощь; несли дежурство на своих постах бойцы команд МПВО.

Более двух тысяч больных, инвалидов, стариков, женщин и детей жили в подвалах Павловского дворца. Их эвакуация шла медленно — не хватало машин. Секретарь райкома партии Яков Ильич Данилин и председатель райисполкома Александра Васильевна Ушакова попросили нас помочь обеспечить этих людей питанием. Мы делали все, что было в наших силах.

В те дни штаб дивизии можно было считать и штабом обороны города Слуцка. По каким только вопросам к нам не обращались — начиная от выпечки хлеба и кончая охраной редких пород деревьев и кустарников знаменитого парка.

Об одном интересном эпизоде недавно напомнила мне Анна Ивановна Зеленова, та самая энергичная, деятельная женщина, директор Павловского дворца, благодаря забо-

там которой были спасены уникальные статуи, скульптуры и другие музейные ценности.

В жаркий боевой день сентября 1941 года прибежала она в штаб с жалобой на наших связных, которые поставили свои мотоциклы на газонах Собственного садика, где росли декоративные кустарники, вывезенные из Голландии еще в XVIII веке.

Анна Ивановна, волнуясь, объясняла, какую ценность представляют кустарники, украшающие садик, спланированный самим Камероном.

Именно в тот же день представитель штаба фронта генерал-майор П. А. Зайцев доказывал нам, как важно снять роту бойцов с рубежа обороны на одной из окраин Павловского парка и бросить ее в бой на подкрепление артпультату, оборонявшему один из ближайших участков Московского шоссе.

В жизни иногда трагическое переплетается с комическим. Так было и тогда. Мы изо всех сил обороняли Павловский парк, враг непрерывно бомбил и обстреливал его, генерал-майор Зайцев просил у нас подкрепления, чтобы остановить противника на важном перекрестке дорог, а директор Павловского дворца и парка Зеленова, заботясь об охране голландских кустарников, требовала убрать два мотоцикла с территории Собственного садика — небольшого участка, примыкавшего к западному фасаду дворца, недалеко от которого уже шли жестокие бои.

И если, к сожалению, мы не могли удовлетворить просьбу генерал-майора Зайцева — в ротах у нас оставалось очень мало бойцов, то просьбу директора Павловского дворца нам исполнить было нетрудно. Разве можно было не проникнуться уважением к человеку, который так самоотверженно выполнял порученное ему дело!

Могла ли тогда Анна Ивановна Зеленова знать, что фашистские варвары разрушат дворец и павильоны, вырубят в Павловском парке больше половины деревьев — 70 тысяч из 1111!

Среди мраморных итальянских статуй у дворца на «Больших кругах» есть статуя «Мир». «Перед тем как ее закопали, — вспоминает А. И. Зеленова в своей книге „Павловский парк“, — сделали карандашную надпись „Мы вернемся и найдем тебя“».

Глубоко символичны эти слова!

Бронзовые скульптуры и мраморные статуи закапывали в то время, когда наш штаб находился в Павловском

дворце. Тогда мне некогда было интересоваться тем, что делают работники музея и парка. Каждый выполнял свой долг: они продолжали спасать музейные ценности, а мы обороняли дворец и парк.

Враг все больше теснил нас, а на отдельных участках вклинился в нашу оборону в самом парке. Оставаться здесь всему штабу было нельзя — снаряды и мины рвались уже на территории парка. Командование 18-й немецкой армии, заняв Красное Село, двинуло свои главные силы по дороге на Пушкин. Таким образом, противник заходил в тыл нашей дивизии.

Над нами нависла угроза окружения. 16 сентября комдив решил переместить свой штаб на новый командный пункт — в Московскую Славянку. Мне же было приказано остаться с командирами оперативной группы и управлять боем до тех пор, пока комдив не прибудет на новый КП и не возьмет управление в свои руки. В служебном флигеле с оперативной группой штаба дивизии оставались командные пункты 402-го стрелкового Краснознаменного и 412-го гаубичного полков. Теперь, чтобы отдавать приказания полковнику Ермакову и майору Раковичу, мне не требовался телефон. Действовала, как у нас говорят, живая связь.

Мы входили сейчас в состав 55-й армии. Наш правый сосед — 70-я стрелковая дивизия вела тяжелые бои на юго-западной окраине Пушкина. Мы же упорно отстаивали каждый метр земли в Павловском парке, ожесточенно дрались на окраинах Слуцка, надеясь, что Пушкин будет удержан нашими соседями.

С утра 17 сентября вновь началось большое наступление врага на Павловский парк. Как всегда, противник прежде нанес огневой удар артиллерией и авиацией по нашим боевым порядкам. Фашисты бросили на правый фланг 260-го стрелкового полка 20 танков. Наши артиллеристы расстреливали их. Танки горели, а противник, не обращая внимания на потери, продолжал насаждать. Батальону немецких автоматчиков при поддержке танков удалось просочиться на правом фланге 260-го полка.

Когда майор Брыгин доложил нам об этом по телефону, мы поняли, как тяжело у него на душе. Нет, он не паниковал, не жаловался на трудности или безысходность положения, а продолжал обороняться.

— Организуйте контратаку! — приказал я ему. — Можем поддержать вас только артиллерийским огнем.

Мы установили время начала артподготовки и атаки пехоты, с тем чтобы одновременно обрушить на врага удары с флангов. Контратака была внезапной и сокрушительной. Противник опять был выбит из парка. Командир полка Брыгин, секретарь партбюро Сергеев, командир батальона Богданов, командир батареи Нарышкин и многие другие командиры, бойцы и политработники действовали смело и решительно, мужественно отбивая атаки врага.

Большинство орудий вели огонь прямой наводкой. Они расстреливали вражеских автоматчиков, которые шли в атаку цепь за цепью. Огневые расчеты Владимира Вишнякова, Алексея Михайлова, Петра Бородина, Федора Яковлева, Даниила МаксUTOва, С. Темчука, Б. Никифорова, Луки Коваленко, Ф. Скогорова били по врагу так, что стволы орудий накалялись.

На батарее, которой командовал старший лейтенант Степушкин, недавно принятый в партию, отважно и умело действовали комсомольцы Левин, Черноков, Воронин, Крылов, Мирков, Черняев.

Мы решили сменить огневые позиции 412-го гаубично-артиллерийского полка. Орудия его находились очень близко от противника. Кукин приказал Раковичу закрепиться на новом рубеже северо-восточнее поселка Тярлево — на левом берегу реки Славянки.

Во время форсирования Славянки завязался жестокий бой между вражеской пехотой и нашими артиллеристами. Когда одна из батарей 412-го гаубичного полка стала менять огневые позиции, гитлеровцы начали преследовать наших батарейцев по пятам. На деревянном мосту через реку Славянку у поселка Тярлево командир взвода 8-й батареи лейтенант Гавриил Иванович Сухоруков крикнул:

— Ни шагу назад!

Тут же он приказал помкомвзвода И. А. Иванютину собрать артиллеристов за мостом и занять оборону. Батарейцы быстро окопались на левом берегу реки. Начался обстрел моста. У самого берега шлепнулись в воду один за другим несколько снарядов. Вслед за разрывами шли вражеские автоматчики.

— Развернуть все переправившиеся орудия! — приказал Сухоруков.

«Это было так необычно, — вспоминал потом И. А. Иванютин, — что недалеко лежащий от меня боец зажал уши руками. От огня всех гаубиц батареи, развернутых в один

ряд близко друг от друга, действительно, можно было оглохнуть.

— Ого-онь! — И первый могучий залп потряс воздух.

— Ого-онь!

Второй залп был таким дружным, что казалось, будто выстрелило одно орудие необыкновенной мощи.

Полевые гаубицы, орудия разных калибров, располагаясь на недозволенно близком друг от друга расстоянии, объединенные единой волей командира, вели единственный в своем роде огневой бой с живой силой противника. Враг, не ожидавший такого организованного отпора, стал в панике отходить».

Воспользовавшись передышкой, Сухоруков приказал Иванютину пригнать трактор. Зацепив тросом верхний накат моста, тракторист рванул свою машину. Мост рухнул, обломки его очутились на левом берегу реки. Артиллеристы облили их горючим и подожгли. Трактор ушел в укрытие, мост горел факелом.

Противник, опомнившись, несколько раз пытался на этом участке форсировать Славянку, но 8-я батарея отражала все его атаки.

Подтянув подкрепление, гитлеровцы продолжали наступать уже на позиции наших двух полков — Брыгина и Ермакова. Батальон 402-го полка, оборонявший юго-западную окраину парка, еле сдерживал натиск танков. Старший лейтенант Н. Н. Воробьев докладывал полковнику Я. С. Ермакову:

— Отбиваемся от танков связками гранат, подбили три танка.

В тот день наши связисты, искавшие повреждение на линии, увидели, как в сторону дворца мчится, видимо, заблудившийся немецкий мотоцикл с коляской. Наши бойцы открыли огонь. Сидевший в коляске офицер был убит.

После этого солдат-водитель сдался в плен. В планшете у убитого офицера нашли приказ командира 121-й немецкой пехотной дивизии. Приказ этот угрожал суровым наказанием всем офицерам в случае, если они не обеспечат немедленного взятия Слуцка.

Обстановка между тем все больше усложнялась. Противник занял город Пушкин и навис над флангами 402-го и 260-го полков.

Тотчас же, как только я доложил об этом комдиву, он приказал готовиться к отходу из Слуцка на новый

рубеж обороны. Мы не могли больше оборонять этот город и парк, но и отступать дальше двух-трех километров не имели права. За нами был Ленинград.

Согласно приказу комдива 402-й полк Ермакова должен был занять оборону на участке поселок Шушары — река Славянка, 260-й полк Брыгина — правый берег реки Славянки — совхоз «Пушкинский», 462-й полк Кашинского оборонялся на рубеже совхоз «Пушкинский» — южная окраина Колпина.

Вместе с Ермаковым мы рассматривали на карте новый рубеж обороны. На многих участках местность была болотистой. Мы успокаивали себя только тем, что теперь наши полки и батальоны будут находиться в тесном соприкосновении и смогут поддерживать друг друга на флангах.

В ночь с 17 на 18 сентября организованно прошел отвод войск на новую линию обороны.

ТАМ, ГДЕ ИХ ОСТАНОВИЛИ

18 сентября 1941 года в районе Ям-Ижоры и совхоза «Пушкинский» бои не прекращались с утра и до позднего вечера. Авиация противника через определенные интервалы времени бомбила наш передний край.

Когда «юнкерсы» улетали, огонь открывала артиллерия, а затем шли танки и пехота. Однако ни на одном участке гитлеровцы не смогли прорвать нашу оборону.

Назавтра все вновь повторилось: вражеская авиация, артиллерия, танки, пехота взаимодействовали четко, с немецкой пунктуальностью, но успеха опять не достигли. Наши полки стояли насмерть.

В это время мы устраивали ночные поиски, засады, вылазки в тыл врага. Нам очень нужен был «язык». лейтенант Ф. П. Чепиков и сержант Максимов, сидя в окопе боевого охранения недалеко от совхоза «Пушкинский», заметили четырех вражеских лазутчиков, которые ползли в нашу сторону.

— Видишь, Максимов, им тоже нужен «язык», — шепнул Чепиков, — ишь как стараются. Что ж, пусть стараются, пусть подползут поближе к нашему окопу, легче брать будет. Только смотри, Максимов, всех не перебей, из четырех хоть одного надо взять.

Уже у самого окопа Чепиков, Максимов и еще два бойца из боевого охранения бесшумно прикончили троих лазутчиков, а одного взяли в плен.

23 сентября мы допрашивали пленного ефрейтора. Он был угрюм, подавлен.

— Мы ничего не понимаем, — бормотал ефрейтор, — танков и авиации у вас мало, а у нас хватает для обеспечения каждой атаки. Вы обороняетесь в болотах, а мы, несмотря на то, что наступаем с высот, вот уже неделю топчемся на месте.

— Будете здесь топтаться до тех пор, пока мы вас не раздавим! — сказал ему Бондарев. — И тогда всех фашистов призовем к ответу!

Когда наш переводчик лейтенант Мельгин перевел эти слова пленному, тот залопотал:

— Нет, нет, я не нацист!

Впервые с начала войны мы увидели не наглую самоуверенность, а растерянность на лице у пленного. Среди документов того же пленного ефрейтора нашли случайно сохранившийся обрывок газеты. Там было напечатано сообщение Верховного командования немецких вооруженных сил. Клочок газеты отсырел, истерся, но наш переводчик сумел разобрать следующие слова: «...в боях за Петербург имеем крупные успехи...»

Наконец-то исчезли репортажи о победном марше на Ленинград.

Наши полки, занимавшие оборону в одну линию, отражали от трех до пяти атак в день. Даже все штабы полков находились в первой траншее. Трудно было за короткое время хорошо окопаться в низинах. Дивизия несла большие потери от бомбежек и артиллерийско-минометных обстрелов.

Особое внимание мы, как всегда, обращали на своевременную эвакуацию раненых с поля боя. Среди санинструкторов были ленинградские девушки. Они показывали своим подругам пример отваги, выдержки и выносливости. Да и не только подругам, но и мужчинам. Вот как об этом вспоминает ветеран нашей дивизии Федор Петрович Чепиков:

«Ленинградские девушки, санинструкторы Таня Калмыкова и Катя Барышникова, находившиеся в ротах прямо на поле боя, отличались большим мужеством и храбростью. Они выносили из самой гущи боя по 30 и более раненых в день, причем сперва оказывали им под огнем

противника первую медицинскую помощь. С большим уважением относились к ним все — и раненые, и нераненые. Эти девушки поражали нас своей выносливостью. Не будет преувеличением, если я скажу, что они частенько показывали нам, мужчинам, пример бесстрашия. В перерывах между боями девушки-ленинградки с особой любовью рассказывали нам о своем городе, о своих родных»...

Город Ленина стал фронтом. Невозможно было примириться с этой мыслью. С болью смотрели мы на отсветы пожаров.

Ленинград был связан со страной только через Ладожское озеро. Команды судов и буксиров с баржами почти целиком занимались доставкой в город продовольствия и эвакуацией женщин, детей, стариков, инвалидов и больных. Защитники города могли получать теперь пополнение только из Ленинграда. Но если учесть, что были уже брошены в бой 10 ленинградских дивизий народного ополчения, что город регулярно пополнял кадровые дивизии Красной Армии, части МПВО и другие специальные формирования добровольцами, политбойцами, людьми старших призывных возрастов, станет ясным, почему в это критическое время мы почти не получали людей. Наши полки по количеству штыков можно было считать батальонами, а то и ротами.

Каждый вечер мы у себя в штабе ломали голову над тем, где взять людей. Уже были отправлены на передовую в роты многие командиры и бойцы наших складов, автомобильно-транспортного батальона и других тыловых подразделений.

24 сентября противник, видимо, решил во что бы то ни стало сломить сопротивление наших войск: обойти Колпинно с одной стороны, а с другой пробиться к деревне Московская Славянка и поселку Рыбацкое, взять в клещи 70-ю, 90-ю, 168-ю стрелковые дивизии и другие соединения и части 55-й армии.

Наступление вражеской пехоты, как всегда, поддерживали авиация, танки и артиллерия. Плотность огня была такой, что буквально не было метра земли, где бы не рвались бомбы, снаряды и мины. В этот день наша дивизия отразила пять атак.

Всю ночь с 24 на 25 сентября мы с Бондаревым не спали. Еще и еще раз проверяли готовность всех частей и подразделений, старались хорошо спланировать огонь артиллерии, чтобы с утра, когда враг вновь начнет

наступать, с максимальной эффективностью поддержать нашу сильно поредевшую пехоту.

Предпримет ли враг новые попытки прорвать нашу оборону? Что бы мы ни делали, о чем бы мы ни говорили в ту ночь, эта мысль неотступно преследовала нас.

Утро 25 сентября не предвещало ничего хорошего. В 9 часов, как по расписанию, прилетели «юнкеры», отбомбились и улетели. Затем началась артподготовка. Продолжалась она 45 минут. Что будет дальше? Ждем, волнуемся. И вдруг командиры полков один за другим докладывают: «Немецкая пехота не пошла». Через час они же сообщают нам: «Немцы окопываются!»

— Окапываются? — переспросил Бондарев. — Помолчал, облегченно вздохнул и добавил: — Вот и хорошо, хоть немного отдохнем.

Итак, «ленинградское чудо», которое на Западе ошеломило своей невероятностью даже наших союзников, свершилось. Войска Ленинградского фронта в тесном взаимодействии с моряками Краснознаменного Балтийского флота при активной помощи и поддержке трудящихся города Ленина сумели нанести немецко-фашистским захватчикам невосполнимые потери и остановить их наступление у стен Ленинграда. Дальше враг пройти не смог.

Как свидетельствуют трофейные документы и показания военнопленных, вражеские дивизии, штурмовавшие Ленинград, потеряли две трети личного состава и материальной части. Так, например, 121-я дивизия противника, наступавшая против нашей дивизии, потеряла 60 процентов личного состава и боевой техники.

Начиная с 1 октября наша дивизия вела бои местного значения. Мы постоянно тревожили противника в районах Ям-Ижора — Путролово и совхоза «Пушкинский». Однако у нас по-прежнему не хватало боеприпасов, не было танков и авиации. Противник же с утра и до темна методически обстреливал из артиллерии и минометов наши боевые порядки, тылы и мирных жителей.

Рабочие Ижорского завода изготовили для нас некоторое количество броневых щитков для стрелков, благодаря чему значительно уменьшились наши потери от ружейно-пулеметного огня противника.

В это время в нашей дивизии стало зарождаться снайперское движение. Многие бойцы начали истреблять фашистских захватчиков из засад. Пожилой боец Евдокимов буквально целыми днями охотился за фашистами со снай-

перской винтовкой. Когда один из командиров спросил его: «Как вы будете выносить точку прицеливания при стрельбе подвигающемуся фашисту?», он, показав на местность, ответил: «Вот видите два кустика? Когда фашист движется, я прицел держу на втором кустике, как только он подходит к первому кусту, я нажимаю на спусковой крючок, и фашист готов!»

Евдокимов, видно, здорово «насолил» фашистам. Они решили засечь нашего снайпера и уничтожить. То в одном, то в другом месте гитлеровцы стали выставять чучела, но Евдокимов был не из тех, кого можно было так легко обмануть. Сам он, бывало, в шутку говаривал: «Старого воробья на мякине не проведешь».

В Московской Славянке недалеко от командного пункта дивизии укрывались от вражеского огня старики, женщины, дети. Жили они в оврагах и траншеях, соорудили себе незатейливые, малонадежные укрытия.

Ленинград уже начал испытывать продовольственные затруднения, а эвакуация населения из прифронтовой зоны усложнилась. Жители Московской Славянки, Петрославянки, Колпина и других населенных пунктов пробирались под огнем врага на поля совхоза «Пушкинский», где оставались неубранными картофель, кормовая свекла и капуста. Эти вылазки многим часто стоили жизни. Как ни запрещали мы местным жителям ходить за картофелем и овощами в опасные зоны, но уследить за всеми не удавалось. Голод гнал людей под огонь. Матери, бабушки и дедушки шли на любой риск, лишь бы накормить детишек и немного подкрепиться самим. Фашисты же с каким-то особым, садистским удовольствием стреляли по мирным жителям. Стреляли не только из минометов и автоматов, но даже из снайперских винтовок...

Спустя много лет после войны я побывал в Московской Славянке. В поле на месте нашего бывшего командного пункта еще сохранилось несколько блиндажей. Кто-то из жителей деревни приспособил их для хранения картофеля. Московская Славянка уже давно отстроилась. Лучи весеннего солнца золотили железные и шиферные крыши веселых домиков с крылечками и балкончиками.

Кое-где сохранились и старые дома. Напротив нашего бывшего командного пункта у самого Московского шоссе стоял рубленый дом. Бревна его давно потемнели, и я решил, что это один из тех довоенных домов, который чудом уцелел от бомб и снарядов. И подумалось, живет, может

быть, там человек, деливший с нами осенью 1941 года тяготы войны...

В огороде работала пожилая женщина. Поздоровались, разговорились. Да, она, Анна Дмитриевна Федосеева, двое детей и старик-отец не успели эвакуироваться и жили в траншее, метрах в трехстах от дома. Муж ее, мастер железокотельного цеха Ижорского завода Николай Сергеевич Федосеев, в ноябре погиб, защищая Ленинград. Воевал всего одну неделю. Еще в середине октября он был дома, успел оборудовать в траншее небольшое укрытие для семьи. Старшему сыну было пять лет, младшему — годик. Старшего выходила, вырастила. Работает он сейчас слесарем на Ижорском заводе, а младший был болезненный, не вынес голода... Хлеб и продукты жители Московской Славянки получали по блокадным нормам, как и все ленинградцы.

Как-то она пошла в поле за картофелем вместе с Прасковьей Иванушкиной. Дело было под вечер. Думали, темно, немцы не заметят. Вдруг Прасковья крикнула: «Ой, Нюшка, немцы стреляют трассирующими...» Крикнула и неожиданно смолкла. Бросилась Анна Дмитриевна к Прасковье и видит, что та уже мертва. А в траншее у Прасковьи Иванушкиной осталось трое детей... На капустном поле немцы убили и их соседа, старого рабочего Ижорского завода Петра Ивановича Куприянова. Убили там же и ее, Федосеевой, отца — Дмитрия Филипповича, работавшего до войны объездчиком в совхозе «Пушкинский». Убили и многих других стариков, женщин и детей Колпина, Московской Славянки, Петрославянки, Усть-Славянки...

Даже через четверть века нельзя было без волнения слушать ее рассказ.

Октябрь в сорок первом году выдался холодным, дождливым. Плохое питание и резкая перемена погоды давали себя знать все больше и больше. Наши люди похудели, осунулись. Появились больные. Но ненависть к гитлеровцам, желание отбросить их от Ленинграда были настолько велики, что больные и раненые отказывались от госпитализации, не уходили с передовой.

Пример всем подавал комдив. Андрей Леонтьевич сильно простудился, его мучил кашель. Но комдив всячески старался скрывать свое недомогание. В один из таких дней пришло сообщение о присвоении ему звания генерал-майора.

В «Правде» за 8 октября, где было опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров СССР о присвоении лицам высшего начальствующего состава Красной Армии воинских званий, мы не без гордости читали статью за подписью генерал-майора А. Бондарева, в которой подводились итоги трехмесячных боев нашей дивизии на границе и в боях за Ленинград.

24 октября мы получили приказ командующего фронтом генерал-майора И. И. Федюнинского сдать полосу обороны 7-й отдельной бригаде морской пехоты полковника Т. М. Парафило. В 3 часа ночи 25 октября закончили сдачу своего участка обороны и к исходу дня вывели полки в район Усть-Славянки и Металлостроя. А уже ночью 26 октября после тридцатидвухкилометрового марша дивизия прибыла на новое место сосредоточения — в деревню Есколово. Здесь мы должны были отдохнуть и подготовиться к боям на «Невском пятачке».

Во время нашего похода из района Усть-Славянки и Металлостроя в район Есколово ослабевшие лошади еле везли орудия и все наши грузы. Управление тыла Ленфронта дало указание вместо сена давать лошадям «дубчик» — верхушки лиственных побегов. Приказано было предварительно их мелко рубить и греть в котлах. Но у лошадей появились колики, и они отворачивались от этой еды. Наш интендант И. Д. Кривуля смог уберечь небольшой запас сена, жмыха, овса, отрубей. Норма была катастрофически низкой: два килограмма сена за сутки вместо восьми и один килограмм овса вместо четырех. Иногда отруби шли на присыпку «дубчика». Только благодаря этому конский состав был спасен, орудия и грузы доставлены к месту назначения. Вовсе у нас исчез запас бензина. Работники тыла разыскивали в Ленинграде немного керосина, древесного спирта, скипидара и другого горючего материала, без которого дивизия не могла бы вести боевые действия.

К нам стало прибывать пополнение. В полках началась подготовка к наступательным боям с преодолением водной преграды. Командиры, политработники и бывалые бойцы рассказывали новичкам о славных боевых традициях бондаревцев.

В конце октября 168-я дивизия вошла в состав 8-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Т. И. Шевалдин. Нам была поставлена ближайшая задача — форсировать Неву, перейти в наступление с левобережного

плацдарма, прорвать оборону противника и овладеть его опорными пунктами. В дальнейшем наступать на Синявинские высоты и соединиться с 54-й армией, наступающей нам навстречу с волховского направления.

НА «НЕВСКОМ ПЯТАЧКЕ»

28 октября я приехал на командный пункт штаба 8-й армии, находившийся в лесу недалеко от деревни Есколово. Меня принял начальник штаба генерал-майор П. И. Кокорев. Он развернул на столе карту-километровку и показал плацдарм, на котором сейчас вели боевые действия 115-я, 86-я, 265-я стрелковые дивизии и 20-я дивизия НКВД. Пядь земли, захваченная нами на левом берегу Невы, вытянулась всего на 4 километра по фронту и уходила на 3 километра в глубину.

— Впрочем, мы сейчас уточняем обстановку, — пояснил Кокорев, — на плацдарме она часто меняется.

Генерал обозначил места наших шести переправ с правого берега Невы на левый и предупредил, что все они протреливаются фланговым артиллерийско-пулеметным огнем со стороны 8-й ГЭС и деревни Арбузово. Кроме того, подчеркнул генерал, враг, не жалея мин и снарядов, держит под обстрелом оба берега. Поэтому надо суметь организованно пересправиться на левый берег, сразу же окопаться, чтобы не допустить ощутительных потерь до начала наступления.

Генерал П. И. Кокорев отдавал свои приказания медленно, тихим голосом, как бы обдумывая каждую фразу. За всем этим угадывалась большая внутренняя сила.

Начштаба водил карандашом по карте.

— Вам предстоит взять ключевые позиции обороны противника, — продолжал он, — песчаные карьеры, противотанковый ров, рошу «Фигурная». Следует при этом учесть, что на флангах плацдарма враг имеет сильно укрепленные узлы. Вся местность здесь вплоть до Синявинских высот — лесисто-болотистая. Наступать вам придется в очень трудных условиях.

Кокорев хорошо понимал, что у его собеседника могло возникнуть много вопросов, которые майору не совсем удобно задавать генералу. Желая, видимо, облегчить мое положение, начальник штаба армии сказал:

— Наступать здесь надо на самом узком — не более чем десяти-двенадцатикилометровом участке, отделяющем

нас от пятьдесят четвертой армии, войска которой прорываются к нам с «Большой земли». Мы не скрываем от вас всех трудностей. Операция по деблокаде Ленинграда началась восемь дней назад, но пока сколько-нибудь значительного успеха мы не достигли. Более того, сейчас немецко-фашистские войска развивают наступление на тихвинском направлении, стремясь соединиться с войсками Маннергейма на реке Свири. В случае успеха противника Ленинград лишается Ладоги — последней коммуникации, связывающей его со страной. Ленинградский фронт продолжает отвлекать на себя крупные силы врага и тем самым помогает нашим войскам под Тихвином и Москвой. Ставка приказала войскам нашего фронта, не прекращая боя по деблокаде города, перебросить в район Тихвина несколько дивизий. Такова реальная действительность. — Генерал посмотрел мне в глаза. — Так-то, товарищ майор, думаю, не слишком напугал вас. Могу еще добавить, что за все время войны не помню такого огня, какой обрушивает сейчас враг на каждый метр «Невского пятачка».

Я слушал Кокорева и думал: «В штабах, бывает, преувеличивают силы противника, бывает, и недооценивают их, а он, видимо, один из тех, кто всегда хорошо проинформирован и, ставя задачу подчиненным, излагает суть дела такой, какая она есть».

Попав на «пятачок», я убедился, насколько прав был начальник штаба армии, когда говорил о плотности огня противника. Уже после войны я узнал, что гитлеровцы выпускали по плацдарму, правому берегу, переправам и подходам к ним до двух тысяч снарядов и мин в час.

В разгар нашей беседы вошел командующий армией генерал-лейтенант Т. И. Шевалдин. Он был чем-то расстроен. Торопясь, на ходу осведомился, почему не приехал Бондарев. Я ответил, что комдив болен, у него высокая температура.

Задав мне еще несколько вопросов, командующий внушительно сказал:

— Запомните, не выполняйте задачу, будете отвечать вместе с вашим командиром дивизии. Так и передайте Андрею Леонтьевичу.

Я знал, что передовые подразделения 115-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Ф. Конькова и 4-й бригады морской пехоты генерал-майора Б. П. Ненашева в ночь с 18 на 19 сентября и в последующие ночи конца сентября форсировали Неву и в тяжелых кровопролитных

боях благодаря исключительному мужеству пехотинцев и моряков завоевали и отстояли на левом берегу небольшой плацдарм. С тех пор вот уже полтора месяца идут здесь непрерывные бои. Сейчас осуществляется операция по деблокаде города. Новые дивизии и части переправляются на «пятачок», но все их атаки успеха не имеют. Они несут большие потери. Можно было, конечно, понять нервное состояние командующего армией.

Доложив обо всем генералу А. Л. Бондареву, я отправился на рекогносцировку. Со мной поехали начальник разведки дивизии старший лейтенант Тюпа, начальник артиллерии дивизии майор Кукин и дивизионный инженер Гуреев.

Мы обследовали местность у переправ на правом берегу. Подходящих укрытий для личного состава здесь не было. Бойцы 41-го понтонного батальона старшего лейтенанта Е. М. Клина готовились перевозить людей.

— Враг хорошо пристрелял со стороны Восьмой ГЭС все переправы, — сказал Клим. — Каждый день он выводит из строя понтоны, паромы, лодки. Мы ремонтируем их здесь же, в Невской Дубровке, под огнем.

Следовательно, думал я, переправа затянется. В ожидании ее наши люди могут угодить под вражеский огонь. Чтобы избежать этого, необходимо оборудовать надежные укрытия, вырыть траншеи и ходы сообщения. Надо направить сюда саперный батальон дивизии и придать ему в помощь стрелковый батальон. Так мы потом и сделали, о чем, конечно, не пожалели.

Враг весь вечер и далеко за полночь вел огонь по реке и переправам, поэтому понтонеры в тот день не смогли доставить меня, Кукина, Тюпу и Гуреева на левый берег. Огонь был настолько интенсивным, что казалось — Нева горела. Только на рассвете 29 октября под прикрытием густого тумана наша лодка благополучно причалила к берегу. Мы вошли в первую попавшуюся землянку.

— Отступишь, — кричал в телефонную трубку полковник, — накажем!

Я сразу узнал по голосу и коренастой фигуре командира 115-й стрелковой дивизии полковника А. Ф. Машошина¹. Некоторое время назад он был у нас в 168-й дивизии заместителем Бондарева.

---

¹ Командир 115-й стрелковой дивизии генерал-майор В. Ф. Коньков был назначен командующим Невской оперативной группой.

Полковник закончил телефонный разговор и, обращаясь ко мне, сказал:

— Тут, друг мой, крошечный ад. Скажу тебе прямо — похуже, чем в окружении. Там хоть можно как-то маневрировать. Тут же сплошной огонь. Весь «пятачок» насквозь простреливается пулеметами и автоматами. А снаряды и мины противник тоннами кладет, — полковник зло выругался.

Узнав от меня, что в штабе армии считают, будто плацдарм на левом берегу Невы простирается на 4 километра по фронту и имеет трехкилометровую глубину, полковник махнул рукой.

— Это было вчера, — сказал он со вздохом, — а потом нас сжали. Сейчас «пятачок» имеет два километра по фронту и уходит на семьсот-восемьсот метров в глубину, не больше. Каждый день с утра до вечера то мы атакуем, то нас противник атакует. Слава богу, что и это удержали.

За завтраком, состоявшим из консервов, вспоминали боевых друзей: кто погиб, кто ранен, кто где воюет и чем командует...

Когда мы вышли из землянки и, пригибаясь, пошли по неглубокой траншее, туман начал рассеиваться. Выглянуло солнце. Метров триста отделяло землянку командира дивизии от его наблюдательного пункта. Преодолевали мы это небольшое расстояние с полчаса. На всем протяжении нашего пути — то спереди, то сзади, то слева, то справа, то совсем близко от нас — со свистом шлепались в грязь пули, рвались мины, вздымая кверху землю и камни. В полузасыпанных траншеях и окопах стояла болотная вода, покрытая гарью. Я спросил у полковника: где же Московская Дубровка? Он ответил:

— На штабной карте, а здесь, видишь, даже труб от печей не осталось.

Действительно, вся земля была перепахана, словно тут никогда не было человеческого жилья. А ведь мне рассказывали, что Московская Дубровка еще совсем недавно была довольно-таки большим населенным пунктом.

Мы разглядывали в стереотрубу противотанковый ров и немецкие окопы в сильно поредевшей роще «Фигурная». Враг окопался тут хорошо. Солдат почти не было видно. Редко промелькнет фигура и быстро исчезнет. Другим населенным пунктам «повезло» больше, чем Московской Дубровке. Справа видны были остоны печей, оставшиеся

от деревни Арбузово, слева — полуразрушенные здания Первого городка, эстакадные насыпи и железобетонные здания 8-й ГЭС.

Беседуя с бойцами, наблюдая за ними, прислушиваясь к их тихим разговорам, я не заметил у них ни подавленности, ни страха. Люди спокойно готовились к отражению очередной атаки врага. Каждый был занят своим делом. Кто углублял окоп, кто подправлял обвалившуюся стрелковую ячейку. Удивительно было наблюдать, как мастерски все это делают бойцы. Они всячески старались не демаскировать себя.

Часам к двум мы вернулись в землянку Машошина. Все взмокли, почернели от гари и грязи. Долго ждали здесь окончания артобстрела.

По дороге в штаб дивизии делились впечатлениями. Больше всего тревожило нас то, что на плацдарме нет нигде мало-мальски сносных укрытий, глубоких ходов сообщений, траншей и окопов. Под командные пункты рот, батальонов, полков были приспособлены воронки, ямы и овраги. «Лисьи норы», как называли их на «пяточке», накрывали досками от ящиков из-под боеприпасов, а то и просто плащ-палатками, чтобы только защититься от осыпающейся земли.

Все последующие дни я был занят по горло подготовкой дивизии к форсированию Невы и старался не думать о том, что так беспокоило нас всех.

Комдив еще болел, но, озабоченный предстоящей переправой, переехал в Невскую Дубровку, чтобы самому следить за всем.

31 октября мы поднялись рано. При свете копилки генерал прочитал все донесения о саперных работах на правом и левом берегах, рапорты командиров, придирчиво расспросил меня обо всем, что касалось подготовки к форсированию Невы и занятию исходных позиций.

Я прекрасно понимал состояние Бондарева. Опытный командир, воевавший третью войну, он не мог не видеть всей сложности новой боевой задачи. Нам предстояло наступать в лоб на сильно укрепленные высоты с маленького, открытого, почти не защищенного «пяточка». Из разговоров с ним я догадался, что не только в штабе армии, но и в штабе фронта не хотят менять направление удара и возлагают большие надежды на нашу дивизию. Другие, мол, не справились, а 168-я после пополнения и переформирования сумеет выполнить боевую задачу.

Еще в Еськолове, где дивизия начала усиленно готовиться к новым боям, Бондарев требовал от командиров и политработников всех степеней толково разъяснять рядовому составу боевую задачу. «Красноармейцы, — не раз говорил он, — обязаны хорошо осознать, что от каждого из них зависит успех наступления, что на «Невском пятачке» идет сейчас главная битва за Ленинград».

Командиры и политработники, беседуя с бойцами, неизменно подчеркивали, что в городе люди гибнут от снарядов и бомб, что ленинградцы голодают. И наши бойцы помнили об этом. Они были полны ненависти к врагу, хладнокровно убивавшему мирных жителей, разрушавшему великий город на Неве.

Мы вышли из землянки. Холодный ветер ударил в лицо. Только рассвело, а люди уже работали: углубляли ходы сообщения, кое-где, особенно в топких местах, прокладывали мостки. Бондарев опасался, что намеченные нами работы не будут завершены в срок. Генерал часто останавливался, беседовал с бойцами, объяснял людям, насколько важно завершить сегодня же то дело, которым они заняты.

К вечеру 31 октября все саперные работы были закончены. И как раз вовремя. Утомленные многокилометровым маршем, бойцы и командиры 260-го и 402-го полков стали располагаться в блиндажах на отдых.

Командующий армией генерал-лейтенант Шевалдин несколько раз звонил Бондареву по телефону, торопил, приказывал скорее переправить полки на «пятачок». Бондарев уверял командующего, что подготовка к форсированию Невы идет полным ходом. И хотя пехотинцы спали в блиндажах крепким сном — надо же было хотя бы несколько часов отдохнуть после марша, понтонеры и моряки действительно хлопотали на берегу, проверяя и подготавливая планшета: срочно ремонтировали пробитые осколками и пулями понтоны, паромы, днища лодок самого различного типа.

Всеми работами руководили командир 41-го понтонного батальона старший лейтенант В. М. Клим и его начальник штаба воентехник 1-го ранга В. В. Воронов. Усталые, голодные понтонеры работали на холодном ветру. В это же время другие бойцы, командиры и политработники 41-го понтонного батальона переправляли на «пятачок» пополнение для сражавшихся там дивизий.

Утром 1 ноября, когда мы сетовали, что переправа затягивается, В. М. Клим, вздохнув, проговорил:

— Мы уже переправили вчера больше полутысячи людей для других дивизий да еще с десятков пушек, а ящиков с боеприпасами и не сосчитать.

Сказал он это без злости и какого бы то ни было раздражения. Я взглянул на худое озабоченное лицо комбата и отошел в сторону.

К ночи 1 ноября плавсредства были отремонтированы. Комдив приказал начинать переправу, соблюдая полную маскировку и все меры предосторожности.

Еще задолго до этого мы проинструктировали всех командиров, обязав их проследить за тем, чтобы оружие, котелки, средства связи, хозяйственное имущество были хорошо закреплены, приторочены, не лязгали, не гремели. Предупредили, что курить, громко разговаривать во время сосредоточения у берега, переправы по реке и высадки на «пяточке» строго запрещается. Кроме того, командирам полков было приказано следить за тем, чтобы командный состав подразделений рассредоточивался и переправлялся на левый берег в разное время и в разных лодках.

Когда стали отчаливать, комдив тихо проговорил:

— В добрый путь...

Мы стояли рядом с генералом и всматривались в темную ленту реки. К счастью, этой ночью гитлеровцы реже освещали Неву ракетами. Видимо, они не обнаружили никакого движения на правом берегу.

— Что ж, молодцы! — сказал генерал, обращаясь к начальнику инженерной службы дивизии майору Гуреву, которому еще вчера днем крепко досталось от комдива за разные недоделки. — Теперь и вам не грех поспать до утра.

Сам же Бондарев и не думал об отдыхе, хотя, изнуренный болезнью и напряженной работой, еле держался на ногах.

Мы долго прислушивались к разным шорохам, но сквозь шум ветра так и не смогли уловить всплеска весел.

Вскоре понтонеры и помогавшие им моряки вернулись. Они сказали, что все обошлось благополучно.

Переправа шла всю ночь без особых осложнений. Под утро на последних лодках вместе с группами бойцов 402-го полка решили перебраться на «пяточок» комдив, я и два работника оперативного отделения нашего штаба.

— В самый раз отчаливать, — сказал рослый моряк,

поторапливая нас. — Пока фашисты перенесут огонь на левый берег, мы успеем дойти до середины реки.

Так оно в точности и случилось. Как только мы оказались на середине Невы, снаряды стали рваться на левом берегу. Моряки старались не спешить. Когда гитлеровцы перенесли огонь на правый берег, гребцы налегли на весла и, пробиваясь к «пяточку» сквозь мелкий лед, скоро достигли берега.

Мы озябли и, войдя в жарко натопленную землянку, очень обрадовались теплу. Землянку подготовил для нас командир нашего комендантского взвода.

— Здесь были моряки, — сказал он, показывая нам изорванный и простреленный в нескольких местах китель флотского командира.

Как постом выяснилось, мы заняли землянку штаба 4-й бригады морской пехоты, участвовавшей в захвате плацдарма на левом берегу Невы.

Переправа личного состава дивизии на «пяточок» продолжалась. Проходила она так же организованно, как и в первую ночь.

260-й и 402-й полки заняли исходные позиции для наступления на песчаные карьеры и рошу «Фигурная». 462-й полк находился в полужасыпанных траншеях и окопах во втором эшелоне — в Московской Дубровке, хотя на самом деле на «пяточке» многие понятия носили условный или символический характер: не было, в прямом смысле этого слова, не только Московской Дубровки, но и второго эшелона, командных, наблюдательных пунктов и многого другого. Весь «пяточок», простреливавшийся насквозь огнем автоматического и стрелкового оружия, согласно уставу следовало считать передним краем.

На небольшом расстоянии друг от друга находились врытые в отвесный берег Невы блиндажи и землянки нескольких штабов стрелковых дивизий: 86-й — полковника А. М. Андреева, 168-й — генерала А. Л. Бондарева, 115-й — полковника А. Ф. Машошина, 265-й — полковника Г. К. Буховца и 20-й дивизии НКВД — полковника А. П. Иванова. Штабы дивизий обычно пользовались такой «роскошью», как коптилки. Но в полках, батальонах и ротах, в многочисленных рвах, воронках и «лисьих норах» люди жгли куски рассеченного осколками телефонного кабеля. Резина давала слабый свет. Лица людей были до того закопчены, что не всегда можно было узнать даже друга, если он молчал.

Пищу на «пятачок» доставляли с правого берега в термосах, при этом многие бойцы хозвзводов и старшины погибали. Бывало и так, что добирались они к нам раненные, с простреленными термосами. Нередко люди на «пятачке» сутками оставались без пищи. А случалось, боец только получает в котелке долгожданный блокадный паек и едва успевает поднести ложку ко рту, как противник открывает огонь. И вот уже в стороне валяется котелок — его хозяину он больше не нужен...

Выполняя приказ командарма, мы переправили на «пятачок» 18 походных кухонь. За двое суток все они были разбиты вражескими снарядами и минами.

Бондарев и я часто отчитывали начальников, требуя от них, как теперь мне ясно, невозможного. Но тогда наши тыловые службы все же делали это «невозможное». Бойцы хозвзводов по многу раз на день переправлялись на левый берег и обратно под сильным огнем. Авось, не всех убьют и не все термосы пробьют осколками... И странное дело, с годами я все больше поражаюсь, как можно было доставлять боеприпасы, пищу, газеты, журналы, письма на «Невский пятак» и самим выкраивать время, чтобы прочитать газету, написать ответ на весточку из дома. Тогда этому никто не удивлялся. И на «Невском пятачке», самом опаленном из всех маленьких прибрежных плацдармов минувшей войны, складывался свой будничный быт...

Приближалась 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Как нам хотелось к празднику обрадовать ленинградцев, весь советский народ разгромом противника на синявинском направлении, прорвать здесь его оборону и соединиться с войсками 54-й армии!

Ночью 3 ноября выпал снег. На рассвете после напряженной работы комдив и я вышли из землянки и удивились: снег успел почернеть от дыма и копоти разорвавшихся снарядов и мин. Мы уже десятки раз проверяли готовность к наступлению и, хотя понимали, что у врага огневая мощь намного превосходит нашу, все же надеялись на успех боя.

Очень велик был наступательный порыв всех бойцов и командиров.

В 12 часов началась артиллерийская подготовка. Она продолжалась недолго, всего 20 минут. Нам обещали и небольшую авиационную поддержку. Мы обрадовались, увидев в небе эскадрилью наших штурмовиков, хотя зна-

ли, что кроме этих нескольких самолетов, сделавших всего по два захода над передним краем врага, другие не появятся. Что поделаешь, приходилось считаться с нашими возможностями.

В 12 часов 30 минут 260-й и 402-й полки перешли в наступление. Вскоре майор Брыгин и полковник Ермаков доложили, что овладели первыми траншеями обороны противника. Поначалу все шло как нельзя лучше. Казалось, боевую задачу полки выполняют. Комдив приказал не задерживаться, быстрее развивать наступление и сегодня же овладеть песчаными карьерами и рощей «Фигурная». Только внезапность, только смелый бросок могли решить успех боя. На это мы рассчитывали, обучая бойцов. На это мы надеялись и сейчас.

Но вот минул час, другой, а наступление не развивалось.

Командующий армией генерал-лейтенант Шевалдин, находившийся на правом берегу, звонил Бондареву по телефону, требовал обязать командиров полков возглавить атаку. Но противник открыл такой мощный артиллерийский, минометный, автоматный и пулеметный огонь со стороны 8-й ГЭС, рощи «Фигурная» и деревни Арбузово, что бойцы и командиры, находившиеся у него на виду, на открытом месте, не могли даже поднять головы.

Наша артиллерия была не в силах хоть сколько-нибудь эффективно обработать передний край противника — система его огня нисколько не была нарушена.

Стало совершенно очевидным, что для выполнения боевой задачи нужны танки, хорошее артиллерийское и авиационное обеспечение. Однако, к сожалению, несмотря на все наши старания, танки не удалось переправить на левый берег, авиации у нас было очень мало, а пушек хотя и хватало, но расход снарядов по-прежнему сильно ограничивался. К тому же артиллерия дивизии, армии, фронта и все артиллерийские начальники находились на правом берегу, в то время как командиры стрелковых соединений и частей — на левом, на «пяточке». Поэтому тесного взаимодействия между ними не было.

Мы решили прекратить наступление и попытаться к утру следующего дня переправить на левый берег хотя бы несколько полковых пушек, пополнить нашу пехоту боеприпасами.

Все трудились в ту ночь, как и прежде, с большим напряжением, но на душе было очень тяжело. Ведь мы

потеряли лучших людей, закаленных в боях, а задачу не выполнили.

Когда один из штабных офицеров стал сетовать на трудности наступления с открытого «пяточка», где ни маневра, ни флангового удара нельзя применить, комдив, пристально взглянув на него, ровным, спокойным голосом проговорил:

— «Невский пяточок» отмечен у товарища Сталина на карте. Думаешь, в Ставке люди понимают меньше твоего?

Беседуя между собой, мы пытались отыскать ошибки и упущения командиров полков, критиковали самих себя за плохую требовательность, но в глубине души понимали, что никто из нас ни в чем не виновен, как и не виновны те командиры частей и соединений, которые пытались прорвать здесь оборону противника до нас.

Вечером Ермаков и Брыгин доложили о потерях. Они были большими.

Комдив приказал принять все меры, чтобы ночью эвакуировать раненых с поля боя.

Всю ночь с 3 на 4 ноября мы занимались переправой на правый берег раненых, а на левый — танков и пушек. Как назло противник был особенно активен, беспрерывно освещал ракетами реку и оба берега, бил по нашим переправам из орудий, минометов и пулеметов. Несколько раз взрывной волной опрокидывало шлюпки. Санитары и бойцы бросались в воду, спасали тонущих людей. Это были в большинстве случаев тяжелораненые, сами они, конечно, не могли доплыть до берега.

Работы прибавилось, переправа шла медленно, а обстрел с каждым часом становился все интенсивнее. Гибли люди: и раненые, и пытавшиеся спасти их, и работавшие на переправе.

Четыре танка, которые удалось понтонерам переправить на левый берег, были вскоре подбиты. Они горели, освещая вокруг всю местность. Бойцы, посланные на выручку танкистов, не вернулись. Видимо, погибли...

Утром 4 ноября командующий армией генерал-лейтенант Шевалдин позвонил нашему комдиву по телефону и приказал оставить штаб и идти в один из полков, чтобы возглавить атаку.

Комдив ушел в 260-й полк, поручив мне управлять боем, держать надежную связь с полками, штабом армии и полковником С. А. Краснопевцевым, под командованием

которого находилась на правом берегу вся артиллерия дивизий и армии.

Артиллерийская подготовка, так же как и вчера, длилась всего 20 минут и была довольно-таки слабой, а в авиации нам и вовсе отказали.

В 9 часов 30 минут 260-й и 402-й полки вновь пошли в атаку. Стали поступать первые донесения. Майор Брыгин доложил, что занял несколько траншей обороны противника, а полковник Ермаков обрадовал известием о взятии 3-м батальоном противотанкового рва. Этот ров был главным препятствием на подступах к роще «Фигурная». Казалось, еще одно усилие, и мы овладеем опорным пунктом противника.

Я приказал Ермакову сосредоточить все огневые средства для обеспечения 3-го батальона и тут же спросил у него, куда направить огонь артиллерии дивизии. Он ответил, что нужно подавить артиллерию врага в районе Келколово. От ее огня полк несет большие потери.

Через 20 минут Ермаков позвонил и сообщил печальную весть: увлекая бойцов в атаку, пал, сраженный автоматной очередью на насыпи противотанкового рва, командир 3-го батальона старший лейтенант Никита Назарович Воробьев.

Что-то тяжелое навалилось на сердце, сильно застучало в висках. Я спросил, кто заменил Воробьева, и, узнав, что в передовых цепях вместе с бойцами находятся помначштаба полка по разведке старший лейтенант А. В. Зернов и секретарь партбюро полка политрук Чуркин, приказал продолжать выполнять задачу.

Закончив разговор с Ермаковым, я долго не мог успокоиться. Перед глазами то и дело вставал комбат Воробьев, вспоминались его лихие рейды по тылам врага, дерзкие контратаки на границе, под Тосно, Ново-Лисинском, Слуцком. Только два дня назад был я на его командном пункте, разместившемся под корнями кряжистого пня в неглубокой яме, накрытой сверху плащ-палаткой. Воробьев докладывал о готовности к наступлению. Он был уверен, что батальон свою задачу выполнит. Один из командиров рот, находившийся здесь, поддержал своего комбата: «Воробьевцы не подкачают», — сказал он. Воробьев тут же поправил его: «Мы не воробьевцы, а бондаревцы!»

И все же по тону, с каким были сказаны эти слова, можно было понять, что не первый раз слышит он, как

именуют себя люди его батальона. Поэтому я не удивился, когда Ермаков сообщил мне по телефону, что, поднимая бойцов в атаку, комбат крикнул: «Воробьевцы, за мной! Вперед за Родину, за Ленинград!»

Это были его последние слова. Он глубоко верил в нашу победу, очень хотел увидеть ее торжество. Конечно же, он мечтал командовать полком, дивизией. Как Бондарев! Ведь начал же он свой боевой путь, как и наш комдив, рядовым. И кто знает, может быть, и стал бы легендарным комдивом...

Тяжело терять на войне боевых товарищей. Во сто крат тяжелее терять таких, как Никита Назарович Воробьев...

Минут через десять позвонил командующий армией. Докладывая ему обстановку, я сказал, что атака захлебнулась.

Генерал-лейтенант перебил меня:

— Приказываю вам лично наказать командира четверста второго полка, командира батальона, наступавшего в первом эшелоне, и танкистов, не выполнивших боевой задачи!

— Товарищ генерал-лейтенант, — ответил я, — наказывать некого. Командир третьего батальона старший лейтенант Воробьев пал смертью храбрых, увлекая бойцов в атаку, танки подбиты и горят, танкисты, видимо, погибли. А командир полка Ермаков — герой.

О судьбе четырех танковых экипажей мы так ничего и не узнали...

К радости своей через 20 лет я встретился в Министерстве обороны СССР с бывшим командиром танкового взвода, находившимся тогда на «пяточке» в одном из этих четырех танков. Им оказался доктор военных наук генерал-майор Иван Макарович Галушко. Был он в 1941 году лейтенантом, а закончил войну полковником. Участвовал во многих сражениях Великой Отечественной войны, награжден многими боевыми орденами...

Вечером 4 ноября Бондарев вернулся в штаб дивизии. Во время наступления он был в 260-м полку, а затем перешел, вернее говоря, переполз в 402-й полк, где намечался успех. Но повторилась вчерашняя история. Наступавшие на рошу красноармейцы и командиры попадали под фронтальный огонь. Кроме того, на левом фланге с высокого железобетонного здания 8-й ГЭС, эстакад и железнодорожной насыпи гитлеровцы вели огонь не

только по идущим в атаку, но и по тем, кто находился в противотанковом рву.

Комдив несколько раз звонил мне с НП 402-го полка, интересовался, почему Краснопевцев скупится и не подбрасывает «огурчиков». Но мне нечем было его обрадовать. На все мои настойчивые требования подавить огневые точки в роще «Фигурная» и повторить артналет на 8-ю ГЭС начальник артиллерии армии полковник С. А. Краснопевцев отвечал, что весь запас снарядов, отпущенный нам на обеспечение сегодняшнего наступления, израсходован и он ничем не в силах нам помочь. Убедившись, что больше артиллерийского прикрытия ждать нечего, Бондарев, опасаясь потерять всех людей, приказал прекратить атаки, оставить противотанковый ров и отойти на прежние позиции.

Сейчас наша главная задача заключалась в том, чтобы быть готовыми к отражению контратак противника, который может попытаться ликвидировать плацдарм защитников Ленинграда на левом берегу Невы, сбросить в реку обескровленные части и соединения.

Именно об этом мы и говорили с Бондаревым, когда он вернулся с поля боя в землянку. Я предложил выслать штабных офицеров в полки для оказания помощи на месте, организации обороны и эвакуации раненых. Думалось, комдив будет возражать. Он всегда говорил, что полностью доверяет командному составу частей и подразделений и любит, чтобы штаб дивизии был занят своим непосредственным делом. Однако на сей раз генерал сразу согласился с моими доводами. Андрей Леонтьевич сказал, что мы за эти дни потеряли убитыми и ранеными много опытных командиров, на их место назначены молодые, и, естественно, им необходимо оказать всяческую помощь в организации боя и приобретении опыта командования подразделениями.

Мне было приказано направиться с группой офицеров к Ермакову и Брыгину.

— Ни один раненый не должен быть оставлен на поле боя! — сказал Бондарев.

Я передал приказ генерала командирам полков. И Брыгин и Ермаков делали все возможное, чтобы спасти раненых. Однако мы не всегда получали точную информацию. Связь с батальонами и ротами часто обрывалась — осколки снарядов и мин сыпались градом, повреждая провод то в одном, то в другом месте. Нам приходилось не идти, а

ползти в подразделения, чтобы узнать на месте, как идет эвакуация раненых, какая нужна помощь медицинским работникам.

Нельзя было не восхищаться их героизмом. Самоотверженно трудились военфельдшер Анна Никифорова, санинструкторы Мария Баркова, Татьяна Калмыкова и многие другие. Они с самого начала наступления находились в ротах и, ежеминутно рискуя жизнью, под сильным огнем противника оказывали первую помощь раненым, выносили их с поля боя и укрывали в ближайших воронках, оврагах, рвах, траншеях и «лисьих норах».

Затем девушки вместе с бойцами-санинструкторами переносили раненых к берегу и помогали понтонерам погружать их в лодки.

Санинструктор Мария Баркова, возвращаясь на передний край, заметила с берега тонувшего бойца. Не мешкая ни минуты, она бросилась в ледяную воду и спасла его. Он был тяжело ранен, потерял много крови. Мария дотащила бойца до полкового медпункта, где врачи оказали ему необходимую помощь. Сменив одежду и немного обогревшись, она сразу же пошла в роту. Дружья уговаривали ее остаться в землянке, поспать пару часов, но она и слушать об этом не хотела.

Наши медицинские работники не знали ни страха, ни усталости. В любой час дня и ночи их можно было видеть в окопах, траншеях, на поле боя. Энергия, деятельность и бесстрашие этих людей вызывали у всех нас восхищение. Ведь в условиях «пяточка» перевязка раненых, эвакуация их в тыл на правый берег Невы были связаны с невероятными трудностями и колоссальным риском для жизни.

Каждый день мы теряли десятки и сотни людей. Если боец видел, что, несмотря на губительный огонь, раненым оказывают немедленную медицинскую помощь, он шел в атаку смелее.

Удивительно быстро узнавали люди на этом огненном клочке земли о подвигах бойцов, командиров, сандружинниц и санинструкторов.

Я был во 2-м батальоне 260-го полка, когда впервые услышал о ленинградской девушке, бывшей чертежнице Кировского завода санинструкторе Татьяне Калмыковой, оказывавшей помощь раненым 3-го батальона. Из уст в уста бойцы передавали ее имя, говорили, что такие сестрички показывают мужчинам пример бесстрашия.

Таня только притащила в траншею перевязанного бойца, как услышала глухой стон, доносившийся откуда-то справа. Рядом стоял санинструктор-мужчина. Девушка попросила его доползти до раненого, оказать ему первую помощь и укрыть в траншее.

— Не полезу в пекло, — ответил санинструктор, — видишь, какой огонь.

— Как тебе не стыдно так говорить! — набросилась на него Таня.

— Этот раненый не из нашей роты, — стал оправдываться перетрусивший санинструктор.

Тогда Калмыкова выбралась из траншеи и поползла туда, откуда доносился стон. Она быстро отыскала раненого бойца, перевязала его и стала накладывать на бедро шину. Но в этот момент совсем рядом разорвалась мина и осколки ее тяжело ранили Калмыкову. Кость на одной ноге оказалась раздробленной. Девушка сама успела наложить себе жгут и потеряла сознание...

Ко мне подошел батальонный комиссар Маркел Иванович Гуськов.

— С Калмыковой-то слышали, что случилось? — спросил он с болью в голосе.

— Слышал, — ответил я.

— Да-а, сестричка, сестричка, — задумчиво, как бы про себя, продолжал Маркел Иванович. — Вчера, вижу, бегают по траншеям налегке — даже без ватника — и раздает бойцам присланные из тыла подарки — варежки, шарфы, теплое белье, тельняшки. Ах ты, думаю, бесенок, других жалеешь, а о себе и думать не хочешь. Пришлось в приказном порядке заставить ее взять себе одну посылку и одеться потеплее.

Много лет спустя, когда ветераны «пяточка» собрались в Невской Дубровке, чтобы отметить двадцатипятилетие начала битвы на плацдарме, я увидел женщину, которая на «Запорожце» с ручным управлением подвозила к переправе всех желающих попасть на левый берег.

Я поинтересовался, кто она, и мне сказали, что это научный работник библиотеки имени Горького Ленинградского государственного университета Татьяна Ивановна Калмыкова.

Потом мы разговорились. Она рассказала, что ее вынесли с поля боя и положили в шлюпку вместе с тяжело ранеными, среди которых были и спасенные ею бойцы. На середине Невы недалеко от них разорвался снаряд, гребцы

погибли. Шлюпку понесло вниз по течению. Сутки ее носило, пока не прибило к железнодорожному мосту у деревни Кузьминка, где стоял один из полков 1-й дивизии НКВД. На пункте первой помощи Татьяна Камыкова, полузамерзшая, потерявшая много крови, слышала, как врач, обращаясь к сестре, сказал: «Этой не надо делать переливания, ее уже ничем не спасти...» Она не знает, откуда у нее взялись силы, но хорошо помнит, что крикнула: «Делайте переливание, я буду жить». И она выжила, пройдя сквозь голодную блокадную зиму Ленинграда, побывав в десятках госпиталей в Вологодской области, Перми, Иркутске, потеряв ногу, перенеся двенадцать операций...

— Для меня война еще не окончена, — сказала Татьяна Ивановна, — хотя и прошло больше четверти века. Боли напоминают мне о войне каждый день.

О том, как спасали раненых Камыкова, Баркова, Кузнецова, Никифорова, Барышникова и многие другие, обо всем, что они пережили, можно написать отдельную книгу. Хочется только, чтобы молодые читатели, не знавшие войны, смогли бы даже по этим отдельным эпизодам, которые я рассказал, представить себе, какая тяжесть легла на плечи хрупких девушек — сандружинниц и санинструкторов. Никогда не забыть мне, как в те ноябрьские и декабрьские дни сорок первого года они — худенькие, голодные, почерневшие от гари, в изорванных, перепачканных кровью и грязью шинелях и ватниках — выносили из-под огня раненых, как умели их успокаивать добрым, ласковым словом.

С утра 6 ноября командир дивизии ввел в бой наш второй эшелон — 462-й полк. До этого я был на НП командира полка подполковника Данилюка, заменившего раненого Кашинского, и мы долго говорили о прошлых боях на «пятачке». Я рассказывал ему то главное, что следовало учесть. Наша артиллерия из-за недостатка снарядов не сможет подавить огневые точки противника. Вслед за ее огнем надо стремиться как можно быстрее обрушиться на врага.

Беседуя с Данилюком, я невольно вспоминал все, что видел во время наступательных боев в 260-м и 402-м полках. За несколько минут до окончания артподготовки пехота дружно бросалась в атаку, но враг обрушивал на нее ураганный огонь с фронта и флангов. Бойцы укрывались в полузасыпанных окопах, траншеях, «лисыих норах». Чтобы еще раз поднять их в атаку, командиры полков Брыгин

и Ермаков, командиры батальонов Божков, Дремин, политработники Сергеев, Дмитриев, Буткевич, Чуркин, работники штабов полков Веричев, Зернов, Житенев, командиры рот Савченко, Митин и многие другие подползали к ним и личным примером увлекали вперед. Были убиты начальник штаба 402-го полка капитан Веричев, секретарь партбюро 260-го полка знатный стахановец Ленинграда депутат Верховного Совета РСФСР политрук Сергеев, тяжело ранены командиры рот лейтенанты Митин и Савченко, комиссар батальона старший политрук Буткевич — боевой соратник нашего героя Никиты Назаровича Воробьева, секретарь партбюро 402-го полка политрук Чуркин...

Наша артподготовка 6 ноября была такой же слабой, как и в предыдущие дни. После нее бойцы пошли в атаку, стремительно ворвались в окопы переднего края обороны противника, овладели песчаными карьерами и значительным участком противотанкового рва. Враг сразу же из глубины обороны подбросил свежие силы и стал настойчиво контратаковать нас. Полк отразил одну за другой четыре атаки. Перед траншеями валялись трупы гитлеровских солдат и офицеров, а противник, не считаясь с потерями, продолжал атаковать.

В эти дни я попеременно бывал в 262-м и в 402-м полках. И сейчас, спустя много лет, вспоминая ту тяжелейшую обстановку, диву даешься, откуда брались силы у наших людей, чтобы отбивать атаки врага, во много раз превосходящего нас в живой силе и технике. Помнится, противник особенно наседал на левый фланг 402-го полка, оборонявшего песчаные карьеры. Я стоял рядом с Ермаковым. Командир полка отдавал необходимые приказания командирам батальонов, старался внешне казаться спокойным, но какое-то особое выражение его глаз все же говорило о большом нервном напряжении, которое он сейчас испытывал. Гитлеровцы могли вот-вот ворваться на наш передний край. Я пытался успокоить командира полка, но сам испытывал не меньшее волнение за левый фланг.

Впереди контратакующего врага мы насчитали 9 танков. Чуть пригибаясь, цепь за цепью, шли фашистские автоматчики. Два первых танка подорвались на наших минах, третьему, видимо, кто-то из наших смельчаков перебил связкой гранат гусеницы, и он заюлил на месте... Остальные 6 танков все же пытались обойти поврежденные машины, но строй их нарушился.

Этим воспользовался наш пулеметчик. Невооруженным глазом мы видели, как падали, словно подкошенные, фашистские автоматчики. Рассвирепевшие офицеры то стучали по броне сбившихся в кучу танков, то кричали на своих солдат, заставляя их атаковать. А наш пулеметчик строчил поседававшему врагу, сам оставаясь неуязвимым. После двухчасового боя уцелевшие гитлеровцы отошли на свои позиции. Им так и не удалось потеснить левый фланг 402-го полка, который, видимо, казался им легкодоступным.

В тот вечер мне довелось пожать руку одному из героев этого беспримерного боя, в котором с нашей стороны участвовала всего лишь рота стрелков, а со стороны врага до батальона пехоты и 9 танков. Этим героем был пулеметчик рядовой 402-го полка Василий Николаевич Дроздов. Я знал его как отважного бойца еще по боям в лесах Карелии. Его одним из первых в дивизии наградили орденом Красной Звезды.

Из захваченных документов, показаний пленных и разведывательных данных мы знали, что против нас сражаются авиадесантная и 20-я моторизованная дивизии, кичающиеся своими победами на острове Крит, что в глубине своей обороны противник создал три сильные артиллерийские группировки. Взятый 6 ноября в плен вражеский солдат сообщил на допросе, что им на помощь прибыла 96-я пехотная дивизия. Закрепляться нам в занятых траншеях или пытаться двигаться дальше означало терять без пользы людей.

Как только наступили сумерки, Бондарев приказал Данилюку отвести остатки подразделений на прежние позиции. Комдив позвонил мне на НП 462-го полка и приказал вернуться в штаб дивизии.

Когда я вошел в землянку, А. Л. Бондарев разговаривал по телефону. Кто-то задавал ему вопросы, а он отвечал. По его ответам нетрудно было догадаться, что разговаривает он с командующим армией генерал-лейтенантом Т. И. Шевалдиным.

— Да, — сохраняя самообладание, говорил Бондарев, — это я отдал приказ отвести части на прежние позиции. Да, я готов нести ответственность.

В этот момент в правый верхний угол нашей землянки угодил снаряд, пахнуло гарью, сверху посыпалась земля. Бондарев, чуть отряхнувшись, снова поднес телефонную трубку к уху. Провод был цел. В наступившей после раз-

рыва снаряда тишине из трубки донесся голос командующего:

— Вы что, оглохли?

— Вы почти угадали. Чуть было не оглох, — нарочито спокойно ответил Бондарев, — у нас тут постреливают...

Командующий, видимо, догадался, в чем дело, и прекратил разговор.

Ветер продувал теперь землянку насквозь, ее быстро выстудило. Печурка погасла, топить ее не имело смысла, пока не заделают дыру в потолке. Бондарев расспрашивал меня о положении дел в частях. Как всегда, он особенно интересовался эвакуацией раненых. Фамилии ветеранов, павших в этом бою, комдив повторял, словно давал клятву на вечную верность их памяти...

Зазвонил телефон. Я взял трубку. Говорил один из инструкторов политотдела армии.

— Верно ли, что убит секретарь партбюро двести шестидесятого полка Сергеев? — спросил он.

В эти дни пали смертью героев многие боевые друзья, среди них и Сергеев. Почему же только им одним интересуется политотдел? Оказывается, приехала делегация рабочих завода имени Карла Маркса и, узнав о гибели своего знатного литейщика, решила похоронить его в Ленинграде. Что ж, законное желание. Но как же разыскать на поле боя тело героя, как вынести его из огня, чтобы переправить на правый берег? Все же я попросил передать рабочим, что мы постараемся выполнить их просьбу.

Назавтра рано утром встретил в одной из траншей начима 260-го полка ленинградца коммуниста Николая Степановича Житенева. Я знал, что Сергеев его лучший друг. Всегда — на марше и в окопе — они были неразлучны. Житенев сообщил мне, что тело его друга уже переправлено на правый берег. Это сделали бойцы-связисты. Они первыми заметили, как упал сраженный пулеметной очередью парторг. Тело Сергеева укрыли в окопе, а затем на носилках перенесли к переправе.

Рабочие завода имени Карла Маркса похоронили Александра Алексеевича Сергеева на Пискаревском кладбище. Там на мраморе мемориала высечены известные сейчас всему миру слова:

ИХ ИМЕН БЛАГОРОДНЫХ МЫ ЗДЕСЬ ПЕРЕЧИСЛИТЬ НЕ СМОЖЕМ,
ТАК ИХ МНОГО ПОД ВЕЧНОЙ ОХРАНОЙ ГРАНИТА.

НО ЗНАЙ, ВНИМАЮЩИЙ ЭТИМ КАМНЯМ,
НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО.

И всегда, когда читаешь эти слова, думаешь не только о похороненных здесь, но и о павших под Павловском, Колпином, Пулковом, Ораниенбаумом, на «Невском пятачке». Многие тысячи безымянных героев лежат в приневской земле, перепаханной вражескими бомбами, снарядами и минами...

В музее боевой славы «Невского пятачка» хранится квадратный метр земли, взятый на левом берегу. В нем больше металла, чем земли. Какими же стойкими должны были быть люди, сражавшиеся с врагом на этом «пятачке»!

Недавно школьники Невской Дубровки — красные следопыты — нашли на бывшем «пятачке» солдатский медальон. Он принадлежал красноармейцу Сергею Степановичу Шмелеву, уроженцу одного из поселков Тульской области. Работники музея боевой славы, куда ребята передали медальон, разыскали сына павшего бойца — Василия Сергеевича Шмелева и пригласили его на празднование 25-летия начала битвы на «Невском пятачке».

А сколько еще сыновей и дочерей не знают о подвигах своих отцов, совершенных на маленьком клочке невской земли!

Я всегда затрудняюсь ответить на вопрос, кого из бойцов, сражавшихся на «Невском пятачке», можно выделить. Все, кто там воевал, были героями. Здесь голодный, осажденный Ленинград бросал вызов врагу. Здесь город трех революций оборонял не только святые твердыни, но и Москву, отстаивал честь, свободу и независимость всей нашей Родины.

Как ни тяжело было нам день за днем атаковать врага, окопавшегося в железобетонных укреплениях, терять своих лучших товарищей, но сознание того, что в разгар боев за столицу нашей Родины командование немецко-фашистских войск вынуждено бросать против наступающих на «пятачке» русских несколько дивизий да еще вводить в бой свежие силы, удешевляло нашу энергию, помогало до конца выполнять воинский долг.

В одной из атак был ранен в грудь пулей навывлет помкомвзвода Е. В. Червяков, известный в те годы советский актер и кинорежиссер, особенно полюбившийся нашим зрителям после фильма «Поэт и царь», где он так вдохновенно исполнял роль А. С. Пушкина.

Удивительно цельными были характер и судьба этого человека, о котором мне хочется вкратце здесь рассказать.

Миллионы кинозрителей моего поколения хорошо помнят фильмы «Девушка с далекой реки», «Мой сын», «Золотой клюв», «Города и годы», «Заключенные». Их поставил замечательный советский кинорежиссер двадцатых — тридцатых годов Евгений Вениаминович Червяков. Когда началась война, он отказался от эвакуации из Ленинграда и ушел добровольцем в один из истребительных батальонов. После расформирования батальона Е. В. Червяков второй раз категорически отказался от эвакуации, пошел добровольцем на фронт и попал в нашу дивизию.

Тяжелораненым его доставили в госпиталь. Немного подлечившись там, Е. В. Червяков в третий раз наотрез отказывается от эвакуации и попадает в одну из дивизий 54-й армии.

16 февраля 1942 года во время тяжелого боя в районе населенного пункта Погостье Е. В. Червяков, увлекая бойцов в атаку, был смертельно ранен.

Вечером 7 ноября, вернувшись с передовой, за скудным блокадным ужином мы отмечали 24-ю годовщину Октября.

День был трудным. Враг пытался прорвать нашу оборону. Против нашего 260-го полка гитлеровцы бросили в наступление полк пехоты и 16 танков. Главный удар пришелся по позициям 2-го батальона капитана Богданова. И вновь, как и под Красным Бором, бойцы не дрогнули. Они подбили 6 танков. Фашисты не смогли ни на один метр продвинуться вперед. В этом бою погибли командир роты лейтенант Мельников и много бойцов из 2-й и 3-й рот...

Назавтра нам вновь предстояло вести тяжелые кровопролитные бои. Хватит ли у нас сил? Ведь мы каждый день несем большие потери, а пополнения нет, и неизвестно, когда оно будет!

Разговор за скромным праздничным ужином был неофициальный, обстановка непринужденной. Каждый высказывал свое мнение. Все понимали, что оборона Ленинграда должна быть активной, что необходимо выиграть время, накопить силы для разгрома врага. Но некоторые штабные командиры то и дело возвращались к старой теме: целесообразно ли наступать именно здесь. Ведь за два месяца немцы сильно укрепили свою оборону на левом берегу, особенно в районе 8-й ГЭС. Не лучше ли попытаться форсировать Неву где-нибудь в другом месте и с ходу прорвать оборону противника?

Тогда комдив не принимал участия в разговоре. Казалось, погруженный в свои мысли, Бондарев никого не слушал.

Позвонили из политотдела дивизии и сообщили важную новость: по радио передавали, что в Москве на Красной площади состоялся традиционный парад наших войск. Кто-то провозгласил тост за нашу близкую победу под Москвой. И хотя кружки уже давно были пусты, все поддерживали этот символический тост. Нас охватило такое радостное возбуждение, словно битва под Москвой была уже выиграна. В том, что это будет, никто из нас не сомневался.

В тот вечер комдив первым делом подумал о тех, кто каждый день идет в огонь, быть может, в свой последний бой. Он приказал командирам и политработникам сообщить всем бойцам переднего края о параде наших войск на Красной площади. Пусть они знают, что Москва держится, Москва победит! Ничто так не придает силы в бою, как вера в конечную победу!..

Еще пройдет долгий месяц, в течение которого мы, изнуренные голодом и боями, испытывая острую нужду в снарядах и боеприпасах, будем каждый день идти на штурм вражеских укреплений, пока не получим долгожданную, ошеломляюще радостную весть о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

Я помню тот день, день счастья. В землянках, окопах, траншеях люди обнимались, все говорили друг другу что-то хорошее, радостное. Ни огонь, ни смерть — ничто не страшило! Дождались! Наступает и на нашей улице праздник! Враг будет разбит, уничтожен!

«Седьмого декабря сорок первого года, — недавно рассказал мне при встрече бывший связной штаба 402-го полка Михаил Григорьевич Закалюкин, — меня направили за почтой и газетами. Подхожу к переправе, смотрю — люди целуются, смеются от счастья, как дети. А тем, кто еще ничего не знает, дают в руки газету и говорят: «Читай, читай...» Я прочел сообщение Совинформбюро о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой, схватил свою пачку газет и помчался в полк. По дороге, в окопах и траншеях, я раздавал газеты и тоже говорил каждому: «Читай, читай!» Вдруг слышу шум. Обернулся и гляжу: люди собираются группами, все возбуждены, обнимаются, от радости забыли про то, что немцы близко... Вышел из землянки начальник штаба полка майор Касаткин и стал

призывать людей к порядку. Я и ему дал газету. Он прочел сообщение Совинформбюро, широко улыбнулся и чуть было сам не закричал от радости, но сдержал себя и призвал бойцов драться с врагом так, как дерутся наши герои под Москвой...»

Но прежде чем пришел тот день, да и после него, мы хватили много лиха. Расскажу лишь вкратце о боевых событиях, происшедших на «пяточке» до победы наших войск под Москвой и в последующие дни декабря.

Вскоре после нас на плацдарм была переправлена 177-я стрелковая дивизия полковника Г. М. Вехина. В течение нескольких дней она, так же как и мы, безуспешно атаковала в лоб укрепления и несла большие потери.

9 ноября в 10 часов утра на «пяточок» переправился Первый ударный коммунистический полк подполковника Васильева, сформированный в основном из ленинградцев. Через час ленинградские коммунисты пошли в бой. Противник обрушил на полк ураганный огонь из всех видов оружия. Из 1500 коммунистов к концу дня осталось в строю не более 500 человек...

В ночь с 10 на 11 ноября на «пяточок» прибыло новое подкрепление — Второй ударный коммунистический полк. Командир его сразу был убит, и командование полком взяла на себя батальонный комиссар Степанов. После короткой артподготовки с правого берега полк с ходу перешел в наступление. Его атаку поддержали сильно поредевшие части нашей 168-й и 177-й дивизий и оставшиеся в строю бойцы Первого ударного коммунистического полка. В этот день мы трижды ходили в атаки...

В ночь с 12 на 13 ноября к нам на плацдарм переправился Третий ударный коммунистический полк генерал-майора П. А. Зайцева.

Пантелеймона Александровича Зайцева мы хорошо знали по боям под Слуцком и Колпином. Это он просил у меня роту, чтобы прикрыть перекресток дорог у Московского шоссе. Сейчас, войдя к нам в землянку и едва поздоровавшись, Пантелеймон Александрович сразу перешел к делу. Он так торопился, что даже отказался от завтрака, хотя, видимо, был голоден.

— Потом, потом, после боя закусим, — теребил он свои пышные усы, — а сейчас нам с вами надо вести в атаку наших ратников (это было его любимым словом).

На сей раз командующий армией Шевалдин приказал наступать силами трех коммунистических полков, нашей

168-й, 20-й, 115-й, 86-й и 177-й дивизий. Поддерживать нас должны были артиллерия всех дивизий и армии, батарея «катюш» и даже удачно переправленные на «пятачок» на понтонках 8 танков.

Но эти пять дивизий и два ударных коммунистических полка настолько поределели, что, сведенные вместе, они вряд ли могли бы по количеству штыков составить одну дивизию. Не понес еще пока потерь только Третий ударный коммунистический полк. Что же касается наших артчастей, то они все еще остро нуждались в снарядах и все еще находились на правом берегу.

Очередное наступление с «пятачка» в направлении Синявинских высот успеха также не имело. Мы вновь понесли большие потери — много людей было убито и ранено. Возглавляя атаку, смертью героя пал командир Первого ударного коммунистического полка подполковник Васильев. Генерал-майор Зайцев также водил бойцов в атаку, но чудом остался невредим.

После этого боя остатки трех ударных коммунистических полков были переданы в состав нашей дивизии.

Мне запомнился разговор, который произошел тогда между мной и Зайцевым. Я сказал, что нам приказано завтра снова наступать.

— Народ у нас золотой, — сказал Пантелеймон Александрович. — Сегодня иду по траншее, все от взрывов осыпается, прямо землю носом задеваешь. Вижу, на дне копошатся два бойца. Присел, разговорился. Оказывается, послал их командир роты за боеприпасами. Они тащат их и телами своими прикрывают. О жизни и не думают, каждый стремится выполнить приказ. Говорю им: «Тяжело нам здесь, но надо!» Один из бойцов, как узнал я потом, бывший студент пединститута, замечает: «Товарищ генерал, на поверхности нашей планеты пятьсот двадцать два действующих вулкана, а наш «Невский пяточок» можно без преувеличения считать пятьсот двадцать третьим. Но ничего, воевать и здесь можно». — Зайцев с минуту помолчал, потом повторил: — Золотой народ!

После радостных вестей о нашей победе на тихвинском направлении Пантелеймона Александровича вызвали в Смольный. Вернувшись, он рассказывал мне, что пытался доказать в штабе фронта необходимость выбора другого места для удара по врагу и деблокады города, на что получил ответ: «пятачок» оставлять нельзя. Это самый реальный, самый близкий плацдарм для соединения с вой-

сками, пробивающимися нам навстречу с «Большой земли».

— Член Военного совета фронта Алексей Александрович Кузнецов пристыдил меня, — сокрушался Пантелеймон Александрович. — Вы, говорит, за своих ратников радеете, а о ленинградцах подумали? Спросите-ка у фронтового начинжа полковника Бычевского, зачем мы берем у него саперов? Они на Пискаревке братские могилы взрывчаткой отрывают! Съездите туда, сравните ваши потери в бою с теми, которые несет население. А ведь оно не ходит в атаки, — Зайцев глубоко вздохнул и замолчал...

С левого фланга, со стороны большой насыпи, противник вел сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь. Командиру 260-го полка подполковнику П. Ф. Брыгину была поставлена задача захватить эту возвышенность, чтобы лишить противника возможности вести прицельный огонь вдоль противотанкового рва.

14 ноября командир 3-го батальона 260-го полка П. Е. Божков (самый молодой комбат в нашей дивизии — ему было 19 лет) повел свой батальон в атаку на эту, как он сам потом выразился, «проклятую насыпь». Ее пришлось брать штурмом под ураганным огнем. «Мы буквально вскарабкались на нее», — рассказывал П. Е. Божков.

Здесь Павла Емельяновича тяжело ранило в грудь налетом. Он был в беспмятстве, когда его эвакуировали. На насыпи осталась горстка бойцов. Назавтра враг контратаковал крупными силами и снова захватил насыпь.

15 ноября из штаба армии поступил приказ: генерал-майору Бондареву надлежит срочно явиться в Смольный в штаб фронта. Пока комдив собирался в путь, все думали-гадали, что кроется за этим вызовом. Видимо, придется держать ответ. Ведь боевую задачу мы не выполнили.

Я быстро подготовил все имеющиеся у нас данные о противнике, его укреплениях, о ходе наших наступательных боев с «пяточка», сделав упор на слабую поддержку артиллерии и почти полное отсутствие таких средств усиления, как танки и авиация.

— Вы убедите их там, — говорил я Бондареву, — что одним героизмом успеха не достичь.

Комдив грустно улыбнулся и ответил:

— Они и без нас это великолепно понимают.

Прошло три томительных дня, в течение которых я ничего не знал о нашем комдиве. Нет-нет да и закрадывалась беспокойная мысль: «А не взвалили ли всю вину за наши неудачи на Бондарева?»

На четвертый день вечером мне позвонил начальник штаба 8-й армии генерал-майор П. И. Кокорев и осведомился, не знаю ли я, где находится сейчас Бондарев. Я почувствовал что-то странное в этом вопросе и пошутил:

— Отсюда нам плохо видно. Может, вы подскажите.

Кокорев промолчал. Минутная пауза показалась невыносимо долгой. И вдруг в трубке сквозь смех послышался веселый голос Кокорева:

— Не волнуйтесь, ваш комдив получил повышение. Он приехал принимать дела у генерала Шевалдина. Теперь генерал Бондарев командующий нашей армией.

У меня сразу поднялось настроение. Я рад был за Андрея Леонтьевича. А мы-то думали, что за «пяточок» всем нам, и комдиву в первую очередь, достанется на орехи... Выходит, в штабе фронта действительно, как говорил Бондарев, всё знали.

Назавтра нас, начальников штабов дивизий, вызвали с плацдарма в штаб армии. Когда кончилось совещание, Андрей Леонтьевич пригласил меня к себе на чай в просторную землянку. После нашей штабной, где все содрогалось и ходило ходуном от разрывов, отдаленный гул канонады, доносившийся сюда, казалось, не нарушал покоя...

Командарм был задумчив. Я пытался заговорить о предстоящем наступлении, но он не хотел сейчас касаться этой темы.

— На совещании все обговорили, — с досадой сказал Андрей Леонтьевич, — что непонятно, выясни или уточни у Кокорева, а сейчас пей чай.

Однако сдаваться мне уже было не вмоготу, хотелось высказать все, что наболело на душе. Ведь кому-кому, говорил я, а ему, новому командующему, известно, что у 8-й армии нет ни сил, ни средств для проведения дальнейших наступательных операций, что противник создал сильную группировку перед нашим плацдармом, что исход боевых действий предрешен не в нашу пользу, что нужно искать новое, лучшее решение...

Я чувствовал, как тяжело Бондареву слушать все эти упреки. Он смотрел на меня с укоризной, нетерпеливо

постукивая чайной ложечкой о блюде, словно призывая к порядку расшалившегося ребенка.

— Но ты ведь, надеюсь, не спал на совещании, — резко оборвал меня Андрей Леонтьевич, — слышал, что командование фронта придает нашей армии сто седьмой отдельный танковый батальон и одиннадцатую стрелковую бригаду. Начальнику инженерного управления фронта полковнику Бычевскому приказано переправить на «пятачок» танки. Борис Владимирович сказал мне, что вывел из подчинения генерала Фадеева сорок первый понтонный батальон старшего лейтенанта Клима. Сейчас полковник Бычевский имеет в Невской Дубровке достаточное количество понтонеров и саперов. Он обещал сделать все возможное, чтобы быстро переправить пехоту, артиллерию и танки на левый берег. Этого тебе мало?

— Что смогут сделать еще одна стрелковая бригада и танковый батальон, если семь стрелковых дивизий, бригада морской пехоты и три ударных коммунистических полка, потеряв свой основной костяк, не смогли выполнить задачи?!

— Опять ты, «академик», гнешь свою линию, — с иронией и болью в голосе сказал Бондарев. — Но ведь до академии ты был на комсомольской и партийной работе и должен знать такое слово: «Надо!»

Этим словом Бондарев задел самое сокровенное в моей душе.

Да, я хорошо знал, что означает слово «надо». Ведь в 1924 году, когда кулаки убивали сельских активистов, я организовал комсомольскую ячейку в своем хуторе Пролетарка на Дону, в двадцатых и тридцатых годах был среди тех, кто организовывал колхозы, боролся с кулачеством.

На этом наш разговор с командармом закончился.

19 ноября мы получили телеграмму о назначении командиром нашей 168-й стрелковой дивизии генерал-майора П. А. Зайцева.

Пантелеймона Александровича чаще можно было видеть в окопе, чем в землянке. Он делил с бойцами все трудности боевой жизни. Когда пришла телеграмма, Зайцева в штабе не было. Он где-то проверял нашу оборону. Я стал обзванивать штабы полков и батальонов. Генерала долго искали, говорили, что он забрался чуть ли не в самое боевое охранение и находится метрах в ста от вражеских окопов. Наконец его разыскали. Я доложил, что

получен важный приказ, касающийся его лично, и просил прибыть на командный пункт штаба дивизии.

Пантелеймон Александрович любил острую шутку. Узнав о своем новом назначении, он пристально посмотрел на меня и сказал:

— Попался, который кусался. — Припомнив наш разговор в Павловском дворце, когда я отказался дать ему роту, добавил: — Смотри у меня теперь, держись. Я ведь злопамятный.

Но, конечно же, он зла не помнил, потому что хорошо понимал, в каком тяжелом положении находилась тогда наша дивизия в Павловском парке, отражая в полуокружении многочисленные атаки превосходящих сил врага. Пантелеймон Александрович оказался не только умелым военачальником, но и простым, душевным человеком, хорошим старшим товарищем, у которого я, как и у Бондарева, многому научился. А боевой опыт у него был большой.

Еще в первую мировую войну он отличился в боях и стал прапорщиком. Вступив в ряды Красной Армии, двадцатилетний командир роты настойчиво обучал бойцов. Рота красного командира коммуниста Зайцева в составе 81-го полка 9-й стрелковой дивизии успешногромила денкинецев и врангелевцев.

Во время войны с белофиннами Пантелеймон Александрович командовал 90-й стрелковой дивизией, которая отличилась при прорыве линии Маннергейма. В начале Великой Отечественной войны генерал Зайцев руководил строительством оборонительных рубежей вокруг Ленинграда, потом командовал 13-й стрелковой дивизией, остановившей гитлеровцев перед самыми Пулковскими высотами.

Боевую биографию нашего нового комдива я узнал при весьма любопытных обстоятельствах. Комдив и я пошли встречать новое пополнение, прибывшее к нам из Ленинграда. Исхудавшие, с почерневшими лицами и отечными мешками под глазами люди расположились в одном из сохранившихся просторных зданий поселка Невская Дубровка. Рассеянно слушали они инструктора политотдела, говорившего о боевом пути нашей бондаревской дивизии. Кто-то из бойцов нового пополнения вяло спросил: почему дивизию называют бондаревской? Инструктор, ответив на этот вопрос, стал коротко рассказывать биографию нового комдива. Сидевший тут же генерал нервно теребил усы,

потом не выдержал и, обращаясь к оратору, сказал, что соловья баснями не кормят, что в Ленинграде уже пять раз снижались хлебные нормы, что сейчас рабочие получают по 250 граммов, а остальное население по 125 граммов суррогатного хлеба в сутки, что перед ним сидят голодные люди, а он, вместо того чтобы похлопотать и накормить прибывших к нам ленинградцев, закатывает тут длинные речи.

Бойцов, конечно, сразу накормили обедом — дали каждому с полкотелка овсяной каши и по 500 граммов хлеба. По тому времени для ленинградцев это был царский обед. Люди повеселели. Вот тут-то Пантелеймон Александрович и стал рассказывать им о пайках, которые вот-вот увеличатся, потому что мы здесь защищаем Ладожское озеро, по которому страна снабжает осажденный Ленинград и фронт. Затем стал приводить примеры из своей боевой жизни, вспоминал, как в гражданскую войну тоже не хватало продовольствия, оружия, боеприпасов, медикаментов, как под напором превосходящих сил врага Красная Армия в Донбассе, где ему довелось воевать, отступала. Зато потом стали наступать, громить белогвардейцев и отвоевывать свои города один за другим.

Я видел, как оживились изможденные лица людей, которым завтра предстояло идти в бой, как засветились надеждой их глаза. Конечно, уж если в гражданскую войну брали города, так неужто сейчас не очистим своей земли от врага! Погнали же немцев от Москвы, Тихвина и Ростова!

В то время уже 7 стрелковых дивизий, стрелковая бригада и танковый батальон сражались на «Невском пятчке». В углублениях, сделанных в обрывистом берегу Невы, расположились 9 командных пунктов. Связь с правым берегом действовала плохо. По дну реки был проложен только один бронированный кабель. Вся связь между штабом армии и дивизиями, артиллерией, пехотой и тылами осуществлялась через наш командный пункт. Для меня это было сплошной трепкой нервов. Я совершенно потерял сон и ходил буквально шатаюсь. Пантелеймон Александрович часто говорил мне:

— Иди-ка ты, брат, лучше на передовую, к ратникам, там хоть отдохнешь немного...

В этой шутке была доля истины. И я не упускал случая, чтобы хоть на несколько часов оторваться от штабных дел.

Ползти приходилось по замерзшей, перепаханной снарядами земле. Противник вел непрерывный огонь. Окопы и траншеи быстро заваливало. Бойцы долбили мерзлую землю, чтобы хоть немного расчистить траншеи.

Однажды связной штаба 402-го полка красноармеец Закалюкин доставил мне боевое донесение. Взяв из его рук пакет, я увидел, что конверт в двух местах прострелен.

— Ты почему не спрятал боевое донесение? — поинтересовался я.

— Траншеи засыпало. Иду на виду у фашистов. Решил, если убьют, наши люди заметят пакет, возьмут его из моих рук и доставят по назначению...

— Что ж, ты первым делом не о жизни подумал, а о пакете? — спросил я.

— Погибнуть тут, на «пяточке», можно сто раз на дню, — просто ответил связной, — так пусть хоть с пользой для дела.

У нас теперь часто менялись командиры полков и батальонов. Майора Брыгина назначили командиром 80-й стрелковой дивизии. Переправившись через Ладожское озеро к новому месту назначения, он в одном из боев 6 января 1942 года был смертельно ранен. Врачи пытались спасти Павла Федоровича, но ранение было настолько тяжелым, что им это сделать не удалось. 8 января после второй операции П. Ф. Брыгин скончался.

Другой мой старый боевой друг, полковник Ермаков, был контужен, но отказался покинуть поле боя. Получив очередной приказ о наступлении, он, находясь в тяжелом состоянии, обнял за плечи одного из своих помощников и сказал: «Помоги мне дойти до рубежа атаки, пойдем в бой, покажем гадам-фашистам, как умеют умирать советские командиры!..» Якова Степановича Ермакова эвакуировали с поля боя и переправили на правый берег. После короткого лечения в госпитале он вернулся в строй. Его назначили командиром 265-й стрелковой дивизии, которая сражалась с врагом рядом с нами на «пяточке».

В условиях непрерывных боев на крохотном плацдарме вновь назначенные командиры не имели даже возможности как следует ознакомиться с обстановкой и людьми. Бывая в полках, я занимался тем, что помогал им быстрее входить в курс боевых дел.

Во время же наступления генерал Зайцев обычно уходил с КП. Как бы оправдываясь, он говорил мне:

— Ну, я пошел к ратникам, а ты, брат, держи на КП вожди в своих руках. Выколачивай побольше снарядов. Тебе командарм по старой дружбе не откажет.

У нас в дивизии было сейчас много добровольцев-ленинградцев. 20 ноября прибыл к нам из госпиталя бывший работник Ленинградского горкома партии и бывший комиссар одного из ополченческих полков старший политрук В. И. Жидков. Василий Иванович, как потом выяснилось, был тяжело ранен в бою, но старался скрыть от нас, что раны его еще не совсем зажили. Однако генерал Зайцев заметил это.

— Ну что поделаешь, — шутил новый комдив, — не успел дивизию принять, а мне уже прислали хромого ратника, да еще комиссаром полка.

— Не подведу и хромой, — отшутился Жидков. — И с большим усилием сделал твердый шаг.

— С характером, — заметил Пантелеймон Александрович, — такие нам подходят.

Характер у В. И. Жидкова действительно оказался волевым. В условиях «пяточка» он сумел хорошо организовать партполитработу в 260-м полку, не раз лично поднимал бойцов в атаки.

Мы продолжали вести бои на плацдарме.

У меня сохранились некоторые записи о ноябрьских боях на «пяточке». Они лаконичны, скупы и звучат, как строки из оперативного донесения:

«...20.11.41 г. Противник силами двух полков 96-й пехотной дивизии и частями 7-й авиадесантной дивизии продолжает обороняться, опираясь на прежние узлы сопротивления — рошу «Фигурная» и северо-восточную окраину 1-го городка 8-й ГЭС. Части нашей, 168-й дивизии совместно с 86-й и 177-й стрелковыми дивизиями после артиллерийской подготовки в 14.00 перешли в наступление. 402-й полк овладел противотанковым рвом, 260-й и 462-й полки овладели песчаными карьерами. Противник обрушил огонь из всех видов оружия по нашим наступающим частям и вынудил их залечь. Повторные попытки продвинуться вперед успеха не принесли.

22.11.41 г. В 9.30 части нашей дивизии перешли в наступление. Батальоны всех трех полков несколько раз ходили в атаку, понесли большие потери, но успеха не имели.

23.11.41 г. Продолжая выполнять приказ командарма № 115/ОП, части дивизии после короткого огневого налета

в 11.00 перешли в наступление. Только 1-му батальону 462-го стрелкового полка удалось ворваться в противотанковый ров, а остальные подразделения были встречены сильным огнем противника и залегли.

30.11.41 г. Противник ведет систематический артиллерийский и минометный обстрел наших позиций, чередуя его с мощными огневыми налетами дальнобойной артиллерии крупного калибра.

Командир дивизии генерал-майор Зайцев решил при поддержке 13 танков прорвать оборону немцев на фронте южная окраина 1-го городка — Северные Пески в направлении кладбище — роща «Фигурная». Генерал-майор Зайцев особое внимание уделил организации взаимодействия между частями дивизии и соседями, между пехотой, танками и артиллерией.

В 10.00 после артиллерийской подготовки под прикрытием дымовой завесы дивизия перешла в наступление.

Танковый десант обходил Пески с севера. Весь он за полчаса был уничтожен огнем противника. Тогда командир дивизии ввел в бой второй эшелон — 402-й стрелковый полк.

Весь день длился жестокий бой. Погибло много замечательных командиров и бойцов. Смертью героя пали начальник дивизионной разведки старший лейтенант Григорий Григорьевич Тюпа, инструктор политотдела дивизии политрук Самохвалов, адъютант командира дивизии лейтенант Сушинский. Ранены командир 462-го полка подполковник Данилюк, комдив генерал-майор Зайцев. Пантелеймон Александрович отказался от госпитализации и остался в строю».

На этом дневниковые записи обрываются...

Это было одно из наших последних наступлений. Прорвать оборону врага нам так и не удалось. С середины декабря мы перешли к обороне.

За три месяца наступательных операций с плацдарма на левом берегу Невы соединения Красной Армии нанесли значительный урон двенадцати дивизиям противника, но и наши 115-я, 20-я, 10-я, 86-я, 168-я, 177-я и 265-я дивизии, три ударных коммунистических полка, 4-я отдельная бригада морской пехоты, 107-й отдельный танковый батальон и 11-я стрелковая бригада понесли большие потери.

Мы получили приказ передать полосу обороны 86-й дивизии и переправиться на правый берег.

Вскоре генерал-майора П. А. Зайцева назначили заместителем командующего 55-й армией нашего фронта. Расставался я с Пантелеймоном Александровичем как с родным отцом, хотя и был он старше меня всего на 7 лет и воевать вместе нам пришлось немногим более двух месяцев. Но высокие моральные и душевные качества этого человека, старшего товарища-коммуниста, его принципиальность, беспредельная преданность нашему общему делу, беззаветная верность воинскому долгу навсегда остались для меня примером.

Больше мне не удалось встречаться и беседовать с Пантелеймоном Александровичем, хотя мы воевали с врагом на соседних участках фронта, совсем недалеко друг от друга. Особенно прославился генерал Зайцев, когда командовал 122-м корпусом зимой 1944 года во время боев за полное снятие блокады и освобождение Ленинградской области от немецко-фашистских оккупантов.

1 марта 1944 года командир корпуса генерал-майор Пантелеймон Александрович Зайцев пал смертью героя в боях под Нарвой.

Эту печальную весть мне сообщили в лесу под Псковом, где дивизия, которой я командовал, вела наступательные бои.

Прошло много лет. И вот в день, когда страна праздновала двадцатую годовщину победы над фашистской Германией, я увидел на Невском проспекте шествие молодежи. Впереди колонн пионеры несли венки. На кумачовой ленте одного из них было написано: «Генерал-майору П. А. Зайцеву». Сердце мое заколотилось так сильно, что я долго не мог опомниться и только молча смотрел вслед колонне, направлявшейся к Александров-Невской лавре, где на коммунистической площадке под мраморной плитой покоится прах дорогого мне человека, героя обороны Ленинграда, генерал-майора Пантелеймона Александровича Зайцева...

С генералом Бондаревым я расстался также в начале зимы 1942 года. Его вызвали тогда в Москву и направили на учебу в академию. После учебы Андрея Леонтьевича назначили командиром 13-го гвардейского стрелкового корпуса.

И вновь страна узнала о славных боевых делах генерала Бондарева. Корпус, которым он командовал, успешно громил гитлеровцев на Курской дуге и отличился в битве за освобождение Украины.

За героизм, отвагу, мужество и умелое командование при форсировании Днепра генералу Бондареву Андрею Леонтьевичу было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Гвардейцы под командованием Бондарева принимали участие в освобождении Праги.

Тридцать пять лет своей жизни отдал службе в рядах Советской Армии генерал-лейтенант А. Л. Бондарев. Ранения, контузия, болезнь заставили его уйти в отставку. Впереди были заслуженный отдых, лечение и покой. Но не таков характер у боевого генерала коммуниста Бондарева. Андрей Леонтьевич остался верен себе. Он многие месяцы проводил то у себя на родине, где принимал активное участие в общественной жизни колхоза «Память Ленина», то в Харькове, в сельскохозяйственном институте и в библиотеках, где изучал агротехнику, механизацию и экономику сельского хозяйства.

В конце 1960 года Андрей Леонтьевич обратился в Ново-Оскольский райком КПСС с просьбой направить его на работу в колхоз. Члены сельскохозяйственной артели «Память Ленина» единодушно избрали своего земляка председателем колхоза. Андрей Леонтьевич отказался от заработной платы. «Государство платит мне пенсию, — заявил он на собрании колхозников, — и этого мне хватит».

За короткий срок Бондарев сумел сплотить колхозников, наладить артельное хозяйство, воодушевить людей на выполнение решений партии и правительства, направленных на подъем сельского хозяйства.

Андрей Леонтьевич Бондарев одним из первых в стране выступил инициатором введения денежной оплаты труда колхозников. Прошло немного времени, и результат не замедлил сказаться: колхоз «Память Ленина» стал передовым. Так же, как и мы на фронте, колхозники с гордостью называли себя бондаревцами. Коммунист Бондарев был избран делегатом XXII съезда КПСС.

22 сентября 1961 года Андрей Леонтьевич умер у себя в рабочем кабинете от кровоизлияния в мозг. До последнего часа своей жизни он был в строю.

18 сентября 1966 года, когда отмечалось 25-летие начала битвы на «Невском пятачке», воины-ветераны почтили память его героев, среди которых видное место занимают генералы А. Л. Бондарев и П. А. Зайцев.

С годами многое проясняется, понятнее становится историческое значение наступательных и оборонительных

операций отдельных этапов Великой Отечественной войны. И сейчас, как бы на расстоянии лет, лучше видишь, какую большую роль сыграли подвиги героев «Невского пяточка». Командование гитлеровской группы армий «Север» непрерывно перебрасывало с других участков фронта на невиский левобережный плацдарм одну за другой свои дивизии...

В апреле 1942 года на Неве начался ледоход. Он отрезал гарнизон «пяточка» от правого берега. Гитлеровское командование воспользовалось этим и решило ликвидировать невиский плацдарм. Оно бросило сюда крупные танковые и пехотные части. После сильной бомбежки и артиллерийской подготовки началась атака. Несмотря на отчаянно трудное положение, защитники «пяточка» дрались за каждый метр родной земли. Все они выполнили свой священный долг перед Родиной до конца... 29 апреля 1942 года здесь смолкли последние выстрелы. «Невиский пяточек» пал.

Получив возможность оттянуть отсюда свои силы, гитлеровцы вновь стали готовиться к штурму Ленинграда. Командование Ленинградского и Волховского фронтов предприняло ответные меры. 26 сентября 1942 года под прикрытием более 100 самолетов и артиллерии воины 45-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А. А. Краснова пошли на штурм левого берега и вновь захватили его.

Рассказ о героях «Невиского пяточка» мне хотелось бы закончить письмом ко мне ветерана нашей дивизии И. А. Иванютина:

«...В день 30-летия после начала битвы на левом берегу Невы рядом со мной стояла на бывшем «пяточке» наша однополчанка Нина Ивановна Скрипова. Она что-то тихо, как бы про себя, читала. Я прислушался, и меня до глубины души потрясло то, что она негромким голосом произносила. Я не мог сразу запомнить тех слов и позже попросил Нину Ивановну написать мне на листочке. Она тут же исполнила мою просьбу. Я привожу здесь те слова, которые мне кажутся наиболее глубокими по смыслу: «На земле, возрожденной из пепла, осталось нетронутым поле. Как осколок в груди ветерана, оно молчаливо лежит... За клочок полметровый, окоп, за песчаный карьер и траншею шли в атаку герои под шквальным смертельным огнем... Врукопашную, дерзкой отвагой, каждая пядь отбивалась! Коммунисты, отдав свои жизни, последние взносы внесли...

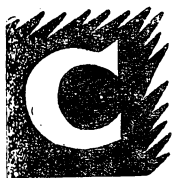
Здесь танки и камни горели, и со стоном в оглохшее небо огнем извергалась земля... Триста суток без малого жил «пятак» над Невой и своей окровавленной грудью родной Ленинград заслонял...»

Мне трудно судить, была ли то импровизация нашей однополчанки или она произносила строки из запомнившихся ею стихов. Но одно мне ясно, такое мог сказать только тот, кто был участником битвы на «Невском пятачке», где, действительно, танки и камни горели, а герои дрались с врагом за каждый клочок полметровый и в оглохшее небо огнем извергалась земля.

ПРОРЫВ

НА ПРИМОРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

«Невского пяточка» нашу дивизию отвели в район Колтушей и разместили недалеко от научного городка Института физиологии Академии наук СССР, в котором ученики академика Павлова продолжали вести напряженную научно-исследовательскую работу в трудных условиях блокады.

Из Ленинграда к нам стали прибывать маршевые батальоны.

Среди бойцов нового пополнения были выписавшиеся из госпиталей фронтовики, а также пожилые и совсем юные ленинградцы, успевшие пройти обучение в запасном полку. Они до того ослабели от голода, что еле переставляли ноги.

В строевых частях и подразделениях кормили тогда хотя и не сытно, но все же три раза в день. А самое главное, каждый получал по 500 граммов хлеба, в то время как в Ленинграде рабочим выдавали 250 граммов, а служащим, иждивенцам и детям — по 125.

Долго голодавшему человеку трудно соблюдать режим питания. Ему хочется сразу наброситься на еду, хотя он

знает, что рискует при этом жизнью. Наши врачи вместе с командным составом строго следили за тем, чтобы страдающих дистрофией кормили по особому рациону, постепенно увеличивая им паек. Мы думали, что изголодавшиеся люди будут требовать сполна свою норму. Но прошел день, другой, третий... Никто из пяти тысяч человек, прибывших к нам из осажденного Ленинграда, не жаловался, никто ничего не требовал.

Признаться, нас поразили выдержка и дисциплинированность этих вконец истощенных людей.

Только один-единственный раз я видел, как плакал пожилой, изможденный боец. Он шел мне навстречу с котелком в руке, и по лицу его катились слезы. Я остановил бойца, стал расспрашивать. Оказалось, что повар обделил его кашей, не додал даже того, что положено по медицинской норме, да еще назвал дистрофиком. Мы знали, что ленинградцы воспринимают это слово как обидную кличку. Никто из них не хотел, чтобы его считали больным. Бойца я успокоил, ободрил, сказал, что повара мы накажем. А на очередном совещании командного состава я потребовал от командиров всех степеней при разговоре с вновь прибывшими красноармейцами ни в коем случае не подчеркивать их болезненного состояния.

Со временем ленинградцы стали основным костяком дивизии. И в ночных поисках, и в разведках боем, и в рукопашных схватках они всегда были первыми, неизменно отличались отвагой, ловкостью и смекалкой. К слову сказать, избавившись от дистрофии, бойцы-ленинградцы посмеивались над своими прошлыми обидами и, бывало, частенько сами добродушно обзывали «дистрофиком» того, кто в чем-нибудь оплошал или проявил нерасторопность.

В конце декабря 1941 года доукомплектование дивизии было завершено. За несколько дней до Нового года поступил приказ из штаба фронта о передислокации нашего соединения на Приморский плацдарм. Ехали мы по железной дороге, шли пешком в мороз и стужу по льду Финского залива. Люди хотя и окрепли немного, но все же с трудом преодолевали каждый километр пути.

К 10 января полки сосредоточились на плацдарме. Дивизия вошла в подчинение командования Приморской оперативной группы (ПОГ).

Ораниенбаумский плацдарм имел протяженность по линии фронта 70—72 километра и глубину обороны

15—30 километров. Войска, оборонявшиеся здесь, прикрывали форты Серая Лошадь, Красная Горка, военно-морскую крепость Кронштадт.

Наша 168-я дивизия находилась во втором эшелоне, недалеко от побережья Финского залива, в районах населенных пунктов Гора-Валдай, Коваши и Сурье. Кругом были густые хвойные леса.

После «Невского пяточка» Приморский плацдарм казался тихим местом. Иногда думалось, будто нас отправили в глубокий тыл страны.

Но эта тишина была обманчивой. Гитлеровцы уже неоднократно предпринимали попытки прорваться к Ораниенбауму и Кронштадту. Командующий Приморской оперативной группой войск генерал-майор А. Н. Астанин часто бывал в дивизии, требовал от нас особой бдительности. Мы пока в основном были заняты боевой учебой, но наказ командующего не забывали...

Как раз в это время командира дивизии генерала П. А. Зайцева вызвали в штаб фронта. Дня через два я получил от него коротенькую записку, в которой Пантелеймон Александрович сообщал, что назначен заместителем командующего 55-й армией. Записка кончалась словами: «Временно исполнять обязанности комдива приказано тебе. Командуй нашими ратниками. Надеюсь, не подведешь...»

Временным комдивом мне довелось быть недолго. Вскоре к нам прибыл новый командир дивизии — полковник А. А. Егоров.

Александр Александрович не стал менять старые порядки. Он тщательно ознакомился с делами в дивизии, остался всем доволен и в дальнейшем всегда подчеркивал заслуги своих предшественников генералов Бондарева и Зайцева. Так же как и они, Егоров оказался требовательным командиром и душевным человеком.

В это время наша дивизия находилась в относительно хороших условиях. Правда, кормили нас еще не досыта, но зато мы не знали ни артобстрелов, ни бомбежек.

Однажды, когда я вернулся в штаб после тактических занятий, меня позвали к телефону. Я услышал голос командующего Приморской оперативной группой генерал-майора А. Н. Астанина.

— Слыхал новость? — начал Андрей Никитич. — Борщева назначают командиром пятой отдельной бригады морской пехоты.

— Товарищ генерал, но я же далек от морской стихии! — выпалил я первое, что пришло в голову.

— Это и хорошо. Морской стихии там хватает. Моряки совсем не хотят считаться с тем, что воюют на суше, лихачества у них хоть отбавляй. На переднем крае ведут себя так, будто они в Кронштадте, а враг — в Берлине. Да и что нам долго разглагольствовать. Получен приказ командующего фронтом о твоём новом назначении.

Прощаясь со мной, друзья шутили: дескать, в штабе фронта, видимо, решили, что я «морской волк». Ведь как-никак, а приобрел опыт обороны водной преграды на «Невском пятачке». Владимир Григорьевич Кукин с участием посмотрел на меня и сказал:

— Куда ты идешь? Им нужен офицер флота. А нашего брата, артиллериста или пехотинца, они, если и признают, так только ради порядка, а сами в душе будут посмеиваться над командиром, который «знает» флот разве только потому, что плавал на пассажирском пароходе.

Я хорошо все это понимал. Тяжело мне было уходить из нашей бондаревской дивизии, ставшей родной.

Штаб 5-й отдельной бригады морской пехоты находился в Калище, километрах в восьми от нас. Я собрал свои вещи, уместившиеся в одном небольшом чемодане и армейском вещмешке, распрощался со всеми и хотел было уже уехать в машине, любезно предоставленной мне комдивом А. А. Егоровым. Но вдруг в дом, где мы находились, вошел человек, на шинельных петлицах которого было четыре прямоугольника («шпалы»), а на правом рукаве — красная звезда. Он представился старшему по званию полковнику Егорову:

— Комиссар пятой бригады морской пехоты полковой комиссар Соколов! — Помолчав, спросил: — Кто здесь будет подполковник Борщев?

Услышав ответ, Соколов улыбнулся и просто, далеко не по-военному, обращаясь ко мне, сказал:

— Я за вами, товарищ комбриг.

Меня впервые так называли, и сразу я даже не сообразил, кого имеет в виду комиссар. Соколов протянул руку:

— Будем знакомы. Машина вас ждет.

По каким-то еще уловимым приметам мне показалось, что этот человек, должно быть, раньше учительствовал.

Я ненамного ошибся. Иван Михайлович Соколов до войны преподавал историю партии в военно-политическом училище. Пока мы ехали, он рассказывал о 5-й отдельной бригаде морской пехоты. Сформирована она была летом 1941 года из краснофлотцев, старшин и командиров кораблей Краснознаменного Балтфлота. Бригада громила немецко-фашистских захватчиков под Котлами и Копорьем. Моряки не имели танков, оборонялись почти без поддержки авиации. И, несмотря на это, они не только отбивали атаки, но и с присущей им отвагой сами бросались на врага. Измотав и обескровив противника, бригада в начале сентября 1941 года остановила его на реке Воронке, в 30 километрах от фортов Красная Горка и Серая Лошадь. Моряки грудью своей защитили Кронштадт.

Рассказывая о бригаде, Соколов несколько раз упоминал имя моего предшественника полковника Василия Казимировича Зайончковского. Я понял, что в бригаде уважали и любили его.

В то время, когда я вступил в командование бригадой, полковник Зайончковский возглавлял сводный отряд, которому предстояло очистить от противника остров Гогланд на Финском заливе. Забегая вперед, скажу, что малочисленному отряду была не под силу такая задача. Выбить противника не удалось. Полковника В. К. Зайончковского, тяжело раненного в челюсть, отправили в госпиталь. Все в бригаде переживали это печальное известие. Василий Казимирович потом вернулся в строй, и, когда начались бои за полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады, нам довелось не раз встречаться с ним на дорогах войны. Мы оба тогда командовали уже дивизиями и с особой теплотой вспоминали общих знакомых по 5-й отдельной бригаде морской пехоты.

Сразу же по приезде в Калище Иван Михайлович представил меня офицерам штаба. В большинстве своем это были бывшие военные моряки.

Прежде всего меня интересовало состояние обороны. Я попросил бригадного инженера капитана 2-го ранга Нечаева показать мне схему укреплений на переднем крае, проходившем по правому берегу небольшой реки Воронки от Финского залива до населенного пункта Глобицы общей протяженностью по фронту 30 километров. Дотов, дзотов, проволочных заграждений, на мой взгляд, здесь было мало. Я спросил, почему в инженерном отношении позиции так слабо укреплены.

— Нас плохо снабжают, — ответил бригадный инженер, — не хватает средств инженерного заграждения, противотанковых и противопехотных мин, колючей проволоки и саперного инструмента.

В разговор вступил И. М. Соколов. Он сказал, что обо всем этом не раз ставил вопрос перед вышестоящим начальством. Но положение осложняется тем, что в административном отношении бригада подчиняется штабу Балтфлота, а в оперативном — общевойсковому командованию. И так как в условиях блокады все очень трудно достать, то штаб Балтфлота надеется на штаб Ленфронта, а штаб Ленфронта — на штаб Балтфлота. Страдают, оказывается, не только бригадные саперы, но и артиллеристы: им поставляют очень мало боеприпасов.

— Плохо обстоит дело и с комплектованием бригады, — продолжал Иван Михайлович, — оно осуществляется за счет экипажей боевых кораблей. Но последнее пополнение давно поступило, и сейчас на кораблях уже почти не осталось людей.

Бригада состояла из четырех батальонов. Надо было побывать в каждом из них, чтобы ознакомиться детально как месте с обороной, побеседовать с комбатами, командирами рот, взводов, отделений, с бойцами, выяснить их нужды.

Меня, нового комбрига «из пехоты», принимали сдержанно. Встреча с командиром 1-го батальона майором Боковней произошла в его землянке. Заметив орден Ленина на кителе комбата, я спросил:

— За Финскую?

Боковня кивнул головой и указал на мой орден Красного Знамени:

— А вас когда?

— В августе сорок первого.

— Значит, дрались, не отступали?

— Да, дивизия наша полтора месяца отбивала атаки врага на границе и в лесах Карелии.

Боковня рассказал мне, что примерно в то же время их батальон воевал под Копорьем и Котлами.

— Гитлеровцы нас, моряков, боялись, — заметил он, — называли черной смертью.

— Били вы фашистов хорошо, а вот сейчас у вас оборона плохая: траншей и ходов сообщений нет, минные поля не обозначены. Вы читали мой приказ?

— О маскировке? Читал. Будет исполнено.

И все же, когда мы возвращались в штаб батальона, он, как бы между прочим, проронил:

— Я от пуль и всяких там мин заговоренный.

Недели через две после нашей встречи Боковня был тяжело ранен почти на том же месте, где мы с ним осматривали наш передний край. Воевать по уставам пехоты значило на языке моряков «осторожничать». И это, видимо, было выше их сил. К счастью, после долгого лечения в госпитале Боковня вернулся в строй. Вскоре я направил этого заслуженного боевого командира на учебу в академию имени М. В. Фрунзе.

С тех пор мы еще больше стали требовать от командиров всех степеней углублять окопы и траншеи, обозначать минные поля, лучше маскировать командные и наблюдательные пункты, огневые позиции, стрелковые ячейки, передвигаться по траншеям умело, без шума и лихости. Я, комиссар бригады, полковой комиссар И. М. Соколов, бригадный инженер, капитан 2-го ранга Нечаев и другие штабные командиры чаще бывали в подразделениях, на переднем крае. Начиная проверку боевой готовности воинов, мы прежде всего интересовались тем, как выполняется приказ о соблюдении маскировки, виновных в нарушении его наказывали. Но не всегда нужны дисциплинарные взыскания. Иной раз умная беседа, короткий задушевный разговор, шутка тоже делают свое дело.

Как-то случайно я стал свидетелем такого эпизода. Один из морских пехотинцев жаловался другому:

— Прощай, море, крепко за нашего брата-моряка взяли, опехотить нас желают,— он вынул из-за пазухи смятую бескозырку, поцеловал ее, вздохнул,— прощай, голубушка, чую, даже пилотку не дадут носить, нахлобучат мне на голову каску.

К бойцу, скучающему по бескозырке, подошел комиссар бригады И. М. Соколов. Боец вскочил, замешкался, смутился. Иван Михайлович успокоил его, потом шутя заметил:

— Каска спасет вам голову для бескозырки. Всему свое время... Поняли?

— Понял, товарищ комиссар!

Я видел, как повеселели глаза у бойца, и был уверен, что меткая шутка попала в цель.

Командующий войсками Приморской оперативной группы А. Н. Астанин требовал от нас вести активную оборону, не давать противнику покоя.

В то время добыть «языка» на Ленинградском фронте — в условиях позиционной войны и глубоко эшелонированной обороны противника — было делом нелегким. Наши разведчики научились действовать смекалисто.

Применяя различные уловки, они никогда не возвращались в часть с пустыми руками. О дерзких действиях нашей разведроты под командованием лейтенанта В. И. Пунонова все чаще появлялись корреспонденции и очерки во фронтовой печати.

Как-то генерал А. Н. Астанин стал меня добродушно подзадоривать:

— Много пишут о твоих разведчиках, расшумелись вы на весь фронт.

— Так это ж не мы, а корреспонденты пишут, — отшутился я, — их и ругайте.

Андрей Никитич, прищурившись, спросил:

— Могут ли ваши разведчики взять «языка» не в своих, а в чужих «владениях», например на участке, где противник стоит против вашего соседа?

— Могут, — не колеблясь, ответил я, — только как бы сосед не обиделся на нас.

— Ишь ты, какой щепетильный, — генерал помолчал. — А откуда у тебя такая уверенность, будто твои разведчики всё могут?

Я ответил, что еще не было случая, чтобы лейтенант Пунонов и его люди не выполнили задания. Успехи их не случайны. Недавно, например, командир взвода лейтенант М. Д. Кусков, командир отделения сержант П. П. Анулеев, рядовой Ф. И. Петров и другие наши разведчики не только привели пленного, но и доставили два пулемета новейшей модели и несколько автоматов.

— А ты искренне не хочешь обидеть соседа? — спросил у меня генерал. — Я бы на твоём месте приказал своим разведчикам показать соседским, как надо работать.

— Они и сами не лыком шиты, — ответил я, — только ведь раз на раз не приходится...

— Что ж, — Андрей Никитич улыбнулся, — примем сомоново решение: возьмите «языка» на стыке со своим соседом. — И уже серьёзно добавил: — Это мой приказ.

Как только командующий уехал, мы с лейтенантом Пуноновым принялись за дело. Тут уж оскандалиться было нельзя. Готовились мы к этому поиску с особой тщательностью. Стоял жаркий июнь. Я приказал на том участке,

который мы наметили для действий разведчиков, не вести огонь. Так прошел день, другой. На третий солдаты противника попробовали осторожно выглянуть из блиндажей. Никто в них не стрелял. Тогда некоторые из самых нахальных разделись по пояс, разлеглись на верхних накатах блиндажей и стали загорать. Так продолжалось несколько дней, в течение которых наши разведчики наблюдали за противником, изучали режим его дня, огневую систему, подходы к переднему краю.

Чувствуя особую ответственность за это дело, я решил выехать на место, чтобы находиться в первой траншее, откуда начнется поиск. Лейтенант Пунонов настолько был уверен в успехе, что не стал меня отговаривать.

С командиром 3-го батальона майором Горбом мы вышли из первой траншеи, как разведчики бесшумно перешли реку Воронку. На противоположном берегу они сделали проход в минном поле. Вскоре раздался короткий вскрик, и снова наступила тишина.

— Все! — сказал майор Горб. — Это, видимо, сам Пунонов вогнал фрицу кляп. Скоро «язык» будет здесь.

Через 40 минут после начала поиска лейтенант Пунонов уже докладывал мне о выполнении задания.

— Гладко прошло? — спросил я.

— Как по расписанию, товарищ комбриг, — спокойно ответил командир разведроты. — Часового сняли бесшумно. Один было высунулся из блиндажа, но мы и его тихонечко прикончили, чтобы не кричал, а этого, — он указал на пленного, — взяли. Бессонницей, что ли, страдает. Вижу, ходит взад-вперед по траншее. Я уже по опыту знаю: такие, у кого нервишки пошаливают, хорошие показания дают.

— Молодцы! — сказал я, обращаясь к разведчикам. — Не уронили чести бригады!

Утром я отправил пленного к генералу А. Н. Астапину. Он позвонил мне по телефону:

— А я думал, что вы хвастуны, — своим обычным шутивым тоном, смеясь, сказал Андрей Никитич. — Выходит, ошибся — серьезные люди. Представьте разведчиков к награде.

В начале лета 1942 года к нам в бригаду приехал новый командующий Ленинградским фронтом — генерал-лейтенант Л. А. Говоров. Вместе с ним прибыли началь-

ник оперативного управления генерал-майор А. В. Гвоздев, начальник управления инженерных войск полковник Б. В. Бычевский и другие офицеры штаба. О генерале Говорове, проявившем себя умелым военачальником в боях под Москвой, я много слышал в штабе ПОГ. Все говорили о его исключительной деловитости, умении быстро вникать в суть дела. Признаюсь, я очень волновался, готовясь к встрече.

Командующий ознакомился с системой обороны нашего участка, внимательно выслушал мой доклад, не перебивая и не делая никаких замечаний. Затем я заговорил о давно наболевшем: бригада не получает пополнения, не хватает боеприпасов, для усиления обороны нужны инженерные средства заграждения — колючая проволока и противотанковые мины. Понимая, что в условиях Ленинградского фронта удовлетворить мои просьбы не так-то просто даже самому командующему, я уже приготовился услышать отказ, но Говоров медлил с ответом. Его лицо было не столько суровым, сколько озабоченным. Неожиданно он спросил, какое значение я придаю обучению бойцов и командиров наступательным действиям. Я доложил, что мы по очереди отводим батальоны в тыл, где обучаем их не только оборонительным, но и наступательным действиям.

Разговор наш происходил в небольшом штабном автобусе. Казалось, только сейчас генерал заметил, где мы находимся. Оглядев автобус, он осведомился, как понимать, что штаб соединения, занимающего оборону, переселился из землянки на колеса. Я ответил, что мы рассматриваем оборону как временное явление.

— Значит, наступать хотите?

— Этим желанием живет вся бригада.

Говоров в шутку заметил:

— А я подумал — драпать собираетесь.

Прощаясь, Л. А. Говоров обещал прислать нам новое пополнение, боеприпасы и необходимые средства инженерного заграждения.

После отъезда командующего я старался разобраться в тех впечатлениях, которые остались у меня от встречи с этим незаурядным человеком, слывшим уже тогда одним из лучших советских военачальников.

Леониду Александровичу Говорову было в ту пору 45 лет. Большую часть своей жизни — 26 лет — он прослужил в армии. За мужество и отвагу в боях против бе-

логвардейцев на фронтах гражданской войны был награжден орденом Красного Знамени. Окончил Военную академию, преподавал тактику в Артиллерийской академии имени Дзержинского.

Имя Леонида Александровича Говорова мне было знакомо еще до войны. С большим интересом читал я его книгу «Атака и прорыв укрепленного района». Я знал, что в 1939—1940 годах Говоров был начальником штаба артиллерии 7-й армии, прорвавшей линию Маннергейма на Выборгском направлении. Зимой 1941 года мы восхищались генералами, блестяще осуществившими операции по разгрому немецко-фашистских войск под Москвой. Говоров был одним из них. Войска 5-й армии под его командованием, наступая на одном из ответственных направлений, освободили Можайск и сотни населенных пунктов Московской области.

Вот почему назначение генерал-лейтенанта Л. А. Говорова командующим Ленинградским фронтом мы, командиры частей и соединений, восприняли с особой радостью и считали это событие весьма знаменательным. Сделано это было, видимо, неспроста.

Примечательным мне тогда показался интерес Говорова к обучению войск наступательным действиям. И еще припомнилось, с каким пристальным вниманием он изучал не только рельеф местности на плацдарме, схему нашей обороны, но и организацию питания, медицинское обслуживание бойцов, доставку писем, газет. За время нашего разговора Л. А. Говоров ни разу не улыбнулся. Но, странное дело, у меня не осталось впечатления, будто со мной разговаривал суровый или очень строгий генерал. Скорее всего, это был очень деловой человек. В его сдержанности чувствовалась огромная сила воли.

Интересна такая деталь. Место, где расположился наш штаб, с наступлением лета мы привели в такой идеальный порядок, какой соблюдался обычно в военных лагерях до войны. Даже дорожки я приказал посыпать песком. Не всем это нравилось. Некоторые товарищи, приезжавшие к нам из штаба фронта, посмеивались: дескать, на мирный лад перестроились, забыли, что враг под носом. Я не знал, как отнесется к нашему «мирному» порядку Говоров. Командующий, как мне показалось, воспринял все без удивления, как само собой разумеющееся. На прощание он крепко пожал мне руку.

Через несколько дней после отъезда командующего к нам прибыло пополнение. Затем поступило инженерное заграждение и боеприпасы в таком количестве, какого мы раньше еще никогда не получали.

Встречал я разных фронтовых начальников. Иные из них не скупались на похвалы и обещания, но проку в этом было мало. Строгость, деловитость и справедливость были характерны для нового командующего.

На Ленинградском фронте бытовала такая легенда. В одну из ночей июня 1942 года командующий обходил передний край. Случается, что белые ночи выдаются холодными. Говоров и сопровождавший его комдив зашли в землянку погреться. Потирая руки, командующий сказал:

— Холодновато тут у вас.

— Ну и плохой ты солдат, если в июне замерзаешь, — ответил ему с верхней нары боец.

Комдив одернул бойца, сказав, что перед ним командующий фронтом. Боец вскочил, доложил о себе по всей форме.

— В боях были? — спросил Говоров.

— С самого начала войны, товарищ генерал, — ответил боец.

— Ранены?

— Дважды!

— Награды есть?

— Нет, товарищ генерал.

— Представить к ордену Красной Звезды, — приказал Говоров комдиву и, обращаясь к бойцу, добавил: — Вы правы — летом только плохой солдат замерзает.

Я не знаю, насколько правдива эта легенда, но верю, что возможно все так и было, уж очень точно в ней передан характер Говорова.

После первой блокадной зимы в частях и соединениях Ленинградского фронта командиры, политработники, интенданты стали подумывать над тем, как изыскать свои резервы (тогда говорили: «собственные ресурсы»), чтобы улучшить питание воинов — защитников города. Ломали голову и мы над этой проблемой.

Однажды за обедом в «кают-компании» полковой комиссар Иван Михайлович Соколов сказал мне:

— А знаешь, мне посоветовали поговорить с нашими солдатами из здешних мест, порасспросить, какие тут имеются возможности для организации дополнитель-

ного питания. Я побеседовал с народом и узнал, что в деревне Калище до войны был рыбокоптильный завод, сейчас он разбит. Правда, я и раньше слышал об этом заводе, но думал, нам его не восстановить. Где взять специалистов? Кто нам их даст? Высказал я эти свои опасения товарищам, а они говорят: «Получше поищи у себя в бригаде. Наверняка найдем нужных людей». Несколько дней занимался я этим делом, и действительно, нашлись специалисты, которые сказали, что смогут восстановить одну печь и коптить рыбу. Кроме того, у нас же в бригаде нашлись опытные рыбаки — до войны они жили в этих местах. Будем ловить рыбу, жарить, варить, коптить ее. Чудесный «приварок» к солдатскому пайку.

Я обрадовался этому предложению. Вскоре наши рыбаки нашли и отремонтировали лодки, сети и стали ловить в заливе корюшку, угря и даже форель. Рыба в то лето здорово выручила нас.

Как-то приехал к нам член Военного совета фронта Терентий Фомич Штыков. Мы отправились с ним на передовую, чтобы ознакомиться с обороной, побеседовать с бойцами. По дороге в боевое охранение у нас, как и на многих других участках фронта, было одно опасное место, пристрелянное противником. Обычно такие участки называли «долинами смерти», «дорогами смерти». У нас был «ручеек смерти». Надо было пробежать несколько шагов по пристрелянной врагом открытой местности и перескочить ручеек. Мы удачно преодолели его. Поговорив с людьми на переднем крае и в боевом охранении, Штыков убедился, что люди там довольны питанием, только несколько бойцов пожаловались: «Уж больно много стали кормить рыбой...»

Когда мы вернулись в штаб, Соколов и я пригласили Штыкова в нашу «кают-компанию». Садясь за стол, Терентий Фомич весело сказал:

— Хорошие, видно, рыбаки у вас в бригаде. Всех рыбой закармлили. И меня бойцы щедро корюшкой угостили. Смотрите, братцы, как бы демьяновой ухи не получилось.

— Вот те на́, — огорчился Иван Михайлович, — а мы-то вас свежим уловом собрались порадовать.

Выручил кок. Он приготовил обед на славу. Прощаясь с нами, Терентий Фомич сказал, что все было очень вкусно, и просил поблагодарить повара.

На совещаниях командиров частей и соединений, политработников, начпродов, когда речь заходила об изыскании местных ресурсов питания, нас неизменно хвалили и ставили в пример другим.

Все лето 1942 года мы продолжали укреплять нашу оборону, обучали батальоны активным оборонительным и наступательным действиям, совершенствовали выучку бойца. Я уже основательно сжился с бригадой, крепко полюбил отважных морских пехотинцев, хорошо сработался и подружился с комиссаром Соколовым, как вдруг неожиданно был вызван в штаб фронта, где получил новое назначение.

Принимал меня сам командующий. Л. А. Говоров коротко расспросил о делах в бригаде и тут же сообщил, что Военный совет фронта решил назначить меня командиром 268-й стрелковой дивизии. Сказал он об этом так, словно я уже давно все знаю. Однако новое назначение явилось для меня неожиданностью, и я, видимо, чем-то выдал свое удивление. Говоров поморщился и, не желая задерживаться на ненужном, с его точки зрения, разговоре, стал сжато рассказывать о дивизии, которой мне предстояло командовать.

После успешных летних боев за деревни Путролово, Ям-Ижора и «Ивановский пятак» 268-ю дивизию отвели в район Колтушей, где она получила пополнение и сейчас готовится к новым боям. О конкретных задачах командующий умолчал, но по тому, как он разговаривал со мной, можно было догадаться, что речь идет о наступательных боях. «Неужели пришел и наш час?» — подумал я, но спросить не решился. Раз мне об этом не сообщают, значит, пока еще не положено. Вспомнились слова Говорова, сказанные им, когда он был у нас в бригаде: «Всему свое время».

В РЕЗЕРВЕ ФРОНТА

У нас на фронте, как и в любом уголке нашей огромной Родины, люди оживленно обсуждали ход боевых операций под Сталинградом, занимались прогнозами. В какую землянку, бывало, ни заглянешь, везде только и спорят, когда и где наши войска замкнут кольцо окружения.

Все жадно ловили по радио последние известия, обозначали на географических картах флажками или кру-

жочками отбитые у врага населенные пункты и мечтали о том времени, когда и мы под Ленинградом перейдем в решительное наступление. Обычно в течение дня у меня много раз спрашивали: «Когда придет наш черед?» Что мог я ответить на этот вопрос? Ведь официально ничего не было известно о начале нашего наступления, хотя по многим признакам нетрудно было догадаться, что с переходом стратегической инициативы к Красной Армии бои должны развернуться по всей линии огромного советско-германского фронта — от Главного Кавказского хребта до стен Ленинграда.

В то время на Ленинградском фронте особой боевой славой пользовались несколько дивизий, в том числе 136-я, бывшая 8-я стрелковая бригада, отличившаяся еще в 1941 году при обороне полуострова Ханко, и наша 268-я, которая летом 1942 года успешно провела частные наступательные операции и улучшила позиции на Колпинском и Ивановском участках, где занимали оборону войска 55-й армии. Все мы понимали, что эти соединения будут, видимо, главной ударной силой на центральном участке прорыва обороны противника. Не случайно же командование фронта вывело нас в свой резерв.

Боевая учеба частей дивизии проходила на Карельском перешейке и в районе Колтушей. Особенно напряженная подготовка к наступательной операции началась с ноября 1942 года.

Отработка взаимодействия между соседями, родами войск, командно-штабные и тактические учения, политическая работа в частях и подразделениях, разведка переднего края противника, подготовка тылов — все это требовало от каждого из командиров дивизий большого внимания, поглощало уйму времени.

По совету Андрея Александровича Жданова, ознакомившегося с боевой и политической подготовкой наших частей, командование дивизии решило проводить встречи воинов с ленинградскими трудящимися.

2 ноября к нам приехала первая такая делегация. В нее входили старые питерские рабочие, оборонявшие Петроград от Юденича: директор завода «Невгвоздь» А. П. Иванов, мастер Балтийского завода М. М. Столярков, штурмовавший в 1919 году мятежную Красную Горку, и работница Кировского завода старая коммунистка А. Н. Корпуснова. Делегаты привезли с собой революционное знамя, врученное питерским пролетариям

VII Всероссийским съездом Советов за героическую защиту Петрограда от банд Юденича. К алому полотнищу был прикреплен орден Красного Знамени.

Состоялся митинг. После короткого выступления главы делегации председателя исполкома Ленгорсовета П. С. Попкова слово взяли М. М. Столяров, а затем А. Н. Корпуснова. От имени ленинградских трудящихся они призвали бойцов драться так, как сражались их отцы и старшие братья.

— Ваш долг, товарищи бойцы, — сказал Столяров, — отстоять это зная, покрыть его новой славой. Мы, старые питерские рабочие, требуем этого от вас! Этого требует от вас Родина!

Воины дивизии присягнули знамени Ленинграда. Они поклялись не уронить чести города Ленина, еще яростнее и сокрушительнее бить фашистских захватчиков. Эта встреча с представителями трудящихся Ленинграда оставила глубокий след в сердцах всех наших людей.

Долго вспоминали о ней в землянках.

Однажды я услышал, как сержант-артиллерист отчитывал бойца за какую-то провинность.

— Слышал, как наши отцы в девятнадцатом били Юденича? — волнуясь, говорил командир орудия. — У них небось не было таких пушек, как у нас, а колотили беляков крепко. Тебе же Родина доверила первоклассную боевую технику. Ты обязан ее хорошо изучить, чтобы бить фашистов без промаха, наверняка.

8 декабря 1942 года — спустя три недели после начала контрнаступления советских войск под Сталинградом — Ставка Верховного Главнокомандования издала директиву, в которой говорилось: «Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разбить осаду Ленинграда». Войскам предстояло прорвать сильную вражескую оборону в районе, где расстояние между двумя фронтами было наикратчайшим. Здесь, на шлиссельбургско-синявинском выступе, оборонялись три вражеские пехотные дивизии и четыре отдельных полка. Кроме того, в резерве в районе Мги находились 96-я пехотная дивизия и 85-й полк 5-й горнострелковой дивизии. Численность каждой дивизии достигала 10 тысяч человек. Оборона противника была сильно насыщена огневыми средствами — 10—12 огневых точек на километр фронта.

Более чем за год противник создал ряд мощных укреплений рубежей, используя при этом такие естественные

преграды, как река Нева, Синявинские высоты, реки Мойка и Мга. На каждой позиции немцы построили по 3—4 линии траншей, связанных между собой ходами сообщения. Замерзшая, покрытая торосами Нева шириной 600—800 метров представляла собой особенно серьезную преграду. Высота левого берега, находившегося в руках врага, достигала 12 метров. Обрывистый, крутой, обледенелый, он был сплошь заминирован и опутан колючей проволокой. В пяти метрах от берега реки находилась первая траншея, а за ней в 300—400 метрах — вторая и третья. Перед каждой траншеей — минные поля и проволочные заграждения.

Первая позиция на участке от Московской Дубровки до Шлиссельбурга была наиболее сильно укреплена и насыщена железобетонными и бронированными огневыми точками. Подступы к переднему краю и скованная льдом река простреливались плотным пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. Над всей местностью в полосе предстоящего наступления господствовали развалины зданий 8-й ГЭС, превращенные фашистами в сильные узлы обороны.

8-я ГЭС (Дубровская) — одна из крупнейших торфяных электростанций, построенных в годы первых пятилеток. Ленинградцы гордились ею и с любовью называли «Дубровкой». Кто мог подумать, что она встанет на нашем пути!

Еще задолго до боев напротив электростанции разместилось несколько наблюдательных пунктов артиллерийских разведчиков и командиров полков нашей дивизии. Я часто бывал там.

После очередного вражеского артиллерийского налета со стороны 8-й ГЭС кто-то из находившихся на нашем НП в шутку заметил:

— И построили же мы ее на свою голову.

— Построили, разобьем и вновь построим! — сказал начальник артиллерии 952-го стрелкового полка капитан Константин Федорович Бучельников.

Прошли годы... Я нередко бываю там, где шли бои за прорыв блокады. И каждый раз, когда взору открывается панорама возрожденной Дубровской ГЭС и города Кировска, вспоминаю слова ленинградца капитана К. Ф. Бучельникова.

Вскоре после получения директивы Ставки Верховного Главнокомандования в Смольный были вызваны

командиры дивизий, начальники штабов и командующие артиллерией соединений. В течение недели мы под руководством командующего и начальника штаба фронта вырабатывали конкретные решения и планировали наступательную операцию по прорыву блокады. Заключительным этапом нашей подготовки была командно-штабная игра на картах. Вводную мне давал мой «противник» — начальник оперативного управления штаба фронта генерал-майор А. В. Гвоздков. Командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров сидел рядом. На протяжении нескольких часов он не проронил ни слова. Казалось, командующий фронтом думает о чем-нибудь другом. Но вскоре стало ясно, что слушает он нас очень внимательно. Когда один из артиллерийских офицеров принял неправильное решение, Говоров спросил у него:

— Вы куда «стреляете»?

— По Второму поселку! — ответил тот.

— Но там ведь находятся уже наши войска! — сказал Говоров и, заглянув в его карту, еще суровее добавил: — Какой же артиллерист стреляет по «сотке»?

Провинившийся хотел быстро исправить свою ошибку, взять карту другого масштаба, но было уже поздно. Командующий фронтом тут же приказал отстранить его от занимаемой должности.

После этого случая мы поняли, что Говоров перед боями всех нас еще и еще раз испытывает и проверяет.

Подготовка к прорыву блокады Ленинграда еще более усилилась, когда уже была одержана великая победа на Волге, когда войска Закавказского фронта развернули боевые действия по освобождению Северного Кавказа, войска Южного фронта вели наступление на Ростов и Шахты, а войска Юго-Западного и Воронежского фронтов начали операцию по ликвидации Воронежско-Касторненской группировки противника.

В это время под Ленинградом гитлеровцы все еще свирепствовали. Проводились карательные экспедиции против партизан, угонялись в рабство мирные жители области. Фашистская артиллерия усилила обстрел города. Трудящиеся Ленинграда и воины фронта продолжали испытывать огромные лишения. Кольцо жестокой блокады не давало свободно дышать огромному городу.

За несколько дней до начала боев комиссар дивизии полковой комиссар П. С. Игнатов сказал мне, что сейчас будут демонстрировать для бойцов документальный фильм

«Ленинград в борьбе». Я уже видел его, но решил посмотреть еще раз.

В переполненном бараке стояла тишина, которая нарушалась лишь пролетающими на экране «юнкерами», воем и разрывами бомб и снарядов. Горят и рушатся дома Ленинграда, падают на мостовую сраженные дети, женщины, старики. Занесенные снегом, как белые мамонты, стоят трамваи и троллейбусы. К Неве за водой бредут с ведрами и чайниками ослабевшие от голода люди, среди них немало подростков. А на заводах женщины варят сталь, делают снаряды. Может быть, завтра иные из них уже не смогут встать с постели.

Обо всем этом и многом другом думаешь, когда смотришь кадр за кадром эту потрясающую кинолетопись.

Сеанс окончен. Тускло освещают выход из барака несколько электрических лампочек. Однако никто не уходит. Но вот встает пожилой боец и произносит всего несколько слов:

— Кончать надо с чертовой блокадой!

Казалось, этого все только и ждали. В полутьме начался митинг, который никто не готовил. Говорят бойцы — ленинградцы, москвичи, киевляне, горьковчане. Говорят боль и гнев Ленинграда, боль и гнев страны.

Во всех частях и подразделениях проводилась большая партийно-политическая работа, которую возглавляли комиссар дивизии полковой комиссар П. С. Игнатов и начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Ф. К. Золотухин. Командиры и политработники особое внимание обращали, как и советовал нам А. А. Жданов, на организацию встреч воинов с трудящимися Ленинграда, на проведение бесед о славных революционных традициях питерского пролетариата.

В нашей дивизии было много ленинградцев. Часто слышал я, как они с горечью рассказывали бойцам о своих родных, погибших в Ленинграде от голода, бомбежек и артобстрелов.

У Смольного — исторического здания штаба Октября, где возвышается памятник Ильичу, делегации наших войск клялись отстоять город Ленина — колыбель Великой Октябрьской социалистической революции.

Подъем в войсках был очень велик. Бойцы и командиры рвались в бой. Но операция по прорыву блокады требовала не только наступательного порыва, выучки каждого бойца, но и величайшей организованности, слаженности

в работе всех штабов, взаимодействия всех родов войск. Большое внимание мы уделяли обучению личного состава подразделений стремительному — за 5—6 минут — преодолению Невы по льду, разминированию минных полей и преодолению проволочных заграждений, умению штурмовать долговременные огневые сооружения, вести бой в населенных пунктах и в условиях лесисто-болотистой местности, наступать за огневым валом артиллерии.

С особой тщательностью продолжали отрабатывать взаимодействие между соседями и родами войск — пехотой, артиллерией, танками, авиацией. Были проведены командно-штабные учения с командирами и начальниками штабов полков и батальонов. Подготовка войск к наступлению завершилась тактическими учениями с боевой стрельбой батальонов, полков и дивизий на полигоне.

В то же время командиры всех степеней проводили рекогносцировку, вели непрерывную разведку противника, тщательно изучали характер его обороны и местность в полосе наступления дивизии.

Инженерные войска фронта, армии и дивизий под общим руководством генерал-майора Б. В. Бычевского готовили исходные позиции на правом берегу Невы: оборудовали траншеи и ходы сообщения, командно-наблюдательные пункты, огневые позиции для артиллерии и укрытия для войск в местах сосредоточения; строили дороги и подъездные пути к местам переправ.

К Неве подвозили настилы для усиления льда, катера и лодки, штурмовые лестницы для преодоления обледенелого обрывистого высокого берега. Эти работы производились главным образом ночью. Принимались все меры к тому, чтобы скрыть от противника подготовку к большому наступлению.

Однажды в двенадцатом часу ночи мне позвонил начальник оперативного управления фронта генерал-майор А. В. Гвоздков и сообщил, что завтра в 9 часов к нам придут маршал К. Е. Ворошилов и командующий фронтом Л. А. Говоров.

На другой день ровно в назначенное время я встретил Ворошилова и Говорова у перекрестка дорог восточнее Колтушей. Утро было морозным, ветреным, поэтому я удивился, увидев маршала одетым не по погоде: в шинели и легких хромовых сапогах. Климент Ефремович внимательно посмотрел на меня.

— Где же мы с вами встречались? — спросил он.

— Помните, товарищ маршал, штаб сто шестьдесят восьмой дивизии, город Слуцк, август прошлого года?

Немного помедлив, Ворошилов ответил:

— Да, помню. Тяжелое было время.

Набравшись храбрости, я сказал:

— Легко одеты, замерзнете, товарищ маршал.

— За меня не волнуйтесь. Как бы вы не замерзли, — отшутился Климент Ефремович. •

Во время нашего короткого разговора командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров молчал. Был он, как всегда, сосредоточен, подтянут, лицо его мне показалось осунувшимся.

Мы направились на батальонное тактическое учение в 952-й стрелковый полк. Приехали на наблюдательный пункт батальона. Командир полка подполковник А. И. Ключанов доложил маршалу тему и план занятий. Начались учения.

После короткой огневой подготовки пехота стремительно и дружно атаковала оборонявшегося «противника». В глубине обороны батальон должен был овладеть крупным населенным пунктом — «сильным узлом сопротивления». Цель этой тактической задачи состояла в том, чтобы научить личный состав батальона вести бой в населенном пункте. Роты с ходу атаковали населенный пункт и... пробежали его. Таким образом, боя здесь не получилось. Я приказал вернуть батальон, повторить заново атаку и провести «уличные бои» в населенном пункте.

Идя пешком за боевыми порядками, Ворошилов и Говоров немного отстали от батальона. Как раз, когда они подошли к населенному пункту, роты успели вернуться и занять исходное положение для атаки.

Маршал подошел к бойцу, лежавшему у ручного пулемета, и спросил:

— Какая вам поставлена задача?

Тот ответил, что пока задачи не имеет. Климент Ефремович приказал командиру отделения, сержанту по званию, поставить задачу пулеметчику.

Я уже приготовился к тому, что маршал будет ругать нас за плохую организацию учений, неумелые действия пулеметных расчетов. Чего греха таить, иные «разносят», подчиненных, не разобравшись в сути дела. В данном случае, казалось, маршал имел все основания сделать нам выговор. Однако Климент Ефремович решил выяснить, в чем дело. Он спросил у руководителя учений:

— Почему личный состав не знает задачи?

Командир полка подполковник Ключанов ответил, что батальон неправильно действовал в населенном пункте, и командир дивизии полковник Борщев приказал вернуть его на исходные позиции, повторить «бой», поэтому командиры отделений не успели еще поставить новые задачи своим подчиненным.

— Ну тогда, пожалуйста, выполняйте приказание командира дивизии, — сказал маршал.

Командующий фронтом генерал-лейтенант Говоров также весьма сдержанно делал свои замечания. Основная ошибка, сказал он, заключалась в том, что, желая продемонстрировать наступательный порыв, они забыли, что на учении все должно быть как в бою. Разве можно было бы в бою так легко взять обороняемый противником населенный пункт?

— Конечно, — поддержал маршал командующего, — боевые учения — это не игра в солдатики. Перед вами сильно укрепленный узел врага. Каждый боец обязан знать, что ему делать.

Повторная «атака» и «бой» в населенном пункте прошли хорошо. Маршал Ворошилов и командующий фронтом генерал-лейтенант Говоров на сей раз остались довольны.

Затем они побывали на учениях в 942-м стрелковом полку, которым командовал полковник В. В. Козино. Здесь батальон отрабатывал ведение боя в лесисто-болотистой местности. Учения были максимально приближены к условиям боя. Все роты, взводы, отделения действовали самоотверженно, грамотно, инициативно.

Маршал спросил у комбата старшего лейтенанта С. Г. Зуйкова:

— А как будете действовать в наступлении?

Комбат ответил:

— Еще лучше, товарищ маршал. Ведь сейчас мы все время стараемся усложнять задачу.

Этот комбат чем-то очень понравился Ворошилову. Климент Ефремович обнял его за плечо:

— Смотри, родной, не подведи, — и в шутку добавил: — Черт ты мой рыжий.

К вечеру мороз усилился. Климент Ефремович, сочувственно поглядывая на усталых, продрогших бойцов, сказал, обращаясь к Говорову:

— Надо бы людям дать водочки...

Командующий фронтом, повернувшись ко мне, распорядился выдать по 50 граммов на человека. Климент Ефремович посетовал на скупость Говорова. Рядом со мной стоял начальник штаба полка майор П. И. Курасов. Он показал на кончик мизинца и сказал:

— Товарищ маршал, это же вот столечко...

Я вспыхнул:

— Товарищ майор, а вас кто спрашивает? Да нам в резерве водка вообще не положена.

Маршал, услышав, как я отчитываю Курасова, хитровато улыбнулся.

— Что вы ругаете его? — вступился Климент Ефремович. — Ведь он прав, действительно мало. Да и почему ему не положено? Положено и ему, и вам.

Затем Ворошилов обратился к Говорову:

— Леонид Александрович, не надо скупиться, солдатам после учения в такую стужу сто граммов не повредят...

Климент Ефремович приказал мне сделать разбор батальонных учений. Простившись с нами, Ворошилов и Говоров уехали в штаб фронта...

Приближался день начала операции. Шли последние приготовления к боям. Я проверял готовность стрелковых полков, которыми командовали полковник В. В. Козино, подполковник А. И. Кляканов и майор А. И. Важенин.

Следует особо сказать об этих командирах. За два месяца я успел хорошо узнать их.

Командир 942-го стрелкового полка полковник Вячеслав Войцехович Козино был спокойным, мудрым человеком и обладал удивительной способностью спланировать людей.

Как-то Климент Ефремович Ворошилов в одной из бесед с нами напомнил, что приказ командира всегда закон. Но очень важно, чтобы подчиненные верили командиру, знали, что опрометчивых решений он не примет и уж если отдал приказ, то именно от его выполнения зависит успех боя.

Когда маршал говорил нам об этом, я подумал о полковнике Вячеславе Войцеховиче Козино. Прежде чем отдавать приказания, этот командир основательно, до мельчайших деталей, продумывал план боя, взвешивал все «за» и «против». И я не раз требовал от всех командиров частей и подразделений учиться у полковника Козино умению глубоко и всесторонне анализировать противника и предупреждать его действия.

Имя командира 952-го стрелкового полка подполковника Александра Ивановича Ключанова было широко известно на Ленинградском фронте. Еще с полгода назад он был начальником инженерной службы дивизии. В конце лета 1942 года перед началом наступательной операции по захвату сильно укрепленного узла обороны противника на левом берегу Невы Ключанова назначили командиром полка. Под его командованием 952-й стрелковый полк форсировал Неву и штурмом овладел селом Ивановским. Затем противник значительными силами перешел в контратаку. Положение становилось критическим. Полк был рассечен на части. В подвале кирпичного завода отбивалась от наседавшего врага горстка храбрецов. Радист сержант Рувим Спринцон вызвал огонь на себя. Наша артиллерия, находившаяся на правом берегу, открыла огонь, который корректировал радист, сидевший у врага под носом. Другая группа бойцов во главе с командиром полка Ключановым отражала контратаки врага у железнодорожной насыпи. Несколько раз гитлеровцы окружали командный пункт полка.

Вместе с бойцами командир отбивался гранатами. Полк не дрогнул. «Ивановский пятачок» остался в наших руках.

Имена радиста Спринциона и командира полка Ключанова вошли в песню, которую пели во всех подразделениях нашей дивизии. В армейской газете я прочел однажды стихотворную строчку, набранную крупным шрифтом над всей полосой: «Бей врага поганого, как бойцы Ключанова!» Позже, познакомившись близко с этим командиром, я оценил его храбрость, самообладание, умение руководить боем и, если надо, личным примером воодушевлять бойцов.

На командира 947-го стрелкового полка Александра Ивановича Важенина — человека большого мужества, так же как на полковника Козино и подполковника Ключанова, можно было положиться...

Нельзя не упомянуть здесь имя человека, много сделавшего для воспитания нашего командно-начальствующего и рядового состава. Это был мой предшественник — генерал-майор Семен Иванович Донсков. В тяжелое время лета 1942 года, когда фашистские орды рвались к Сталинграду, 268-я дивизия под его командованием вела частные наступательные операции на колпинском участке и в районе села Ивановского.

Недаром ныне недалеко от Колпина — в Ям-Ижоре — стоит обелиск, напоминающий о том, что воины осажденного города, отвоевавшие малыми силами этот рубеж летом 1942 года, достойны вечной славы.

НАКАНУНЕ

2 января я поехал посмотреть на наши будущие исходные позиции. В 100 метрах от берега Невы в реденьком лесу находился наблюдательный пункт артиллерийской разведки. Здесь меня встретил начальник артиллерии 952-го стрелкового полка капитан Константин Федорович Бучельников. Я поинтересовался, как ведет себя противник. Начарт полка рассказал мне, что вот уже почти месяц, как наши артиллеристы наблюдают за левым берегом, и впечатление у них складывается такое, что гитлеровцы без видимой спешки укрепляют свои позиции. По ночам слышно, как они долбят мерзлую землю, гремят ведрами. Следовательно, заняты обычным делом: методически углубляют разрушенные артобстрелом траншеи, окопы, ходы сообщения, поливают водой крутой берег. Ни передвижений воинских частей, ни усиленного подвоза боеприпасов не наблюдается.

Из всего этого я заключил, что противник хотя и ждет нашего наступления, но ничего не знает о его сроках. И, видимо, даже не подозревает, что не сегодня-завтра русские начнут штурм оборонительных укреплений на левом берегу Невы.

На одном из первых совещаний командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров обязал нас обратить особое внимание на скрытность, секретность подготовки к наступлению. И мы этому придавали такое же первостепенное значение, как и боевому обучению войск. Война уже кое-чему нас научила.

Мы прекрасно понимали, что если будет потерян фактор внезапности, то вся наша подготовка к наступлению пойдет насмарку. Учитывалось поэтому все до мелочей.

Так, например, боеприпасы и пища подвозились на лошадях, причем повозочные останавливались в лесу в километре от переднего края обороны, а дальше бойцы везли боеприпасы на волокушах. Термосы же с горячей пищей несли на себе.

Для орудий прямой наводки надо было подготовить сектор обстрела, поэтому напротив каждого из них

вырубили деревья. Но чтобы враг ничего не обнаружил, артиллеристы сразу же воткнули в снег невысокие елочки.

Командующий артиллерией дивизии полковник А. А. Ходаковский и начальник артиллерийской разведки дивизии майор С. Н. Аносов доложили, что из штаба фронта присланы аэрофотоснимки переднего края противника на глубину 3—4 километра. Теперь нам нужна была общая панорама переднего края врага.

И тут Ходаковский, Аносов и Бучельников в один голос стали заверять меня, что лучше всех панораму сделает старший лейтенант П. И. Костров. До войны он работал художником-реставратором в Эрмитаже.

Капитан Бучельников рассказал, что Павел Иванович Костров еще до революции окончил Российскую академию художеств, потом совершенствовался в Гамбурге, хорошо знает немецкий язык. В полку он, что называется, незаменим: и артиллерийский разведчик, и переводчик, и хозяйственник, и художник. Долгие часы проводит он на переднем крае с карандашом и альбомом в руках. Иные из его зарисовок вражеских укреплений даже более точны, чем фотографии. Ведь фотографу порой мешает погода.

Как и уверяли меня артиллерийские начальники, Костров действительно сделал отличную панораму. Она со служила нам поистине неоценимую службу. Павел Иванович Костров за выполнение этого боевого задания был награжден орденом Красной Звезды.

К слову сказать, этот пожилой человек хорошо освоил артиллерийское дело, в боях показал себя с самой лучшей стороны и впоследствии был назначен начальником штаба 317-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона.

Минуло четверть века. Летом 1967 года я был приятно обрадован, узнав, что Павел Иванович Костров и поныне работает в Эрмитаже, возглавляя одну из его главных реставрационных мастерских.

Во всех соединениях, которыми мне довелось в разное время командовать, было много ленинградцев, ушедших в первые месяцы войны в ополчение, а затем разными путями — кто после госпиталя, кто после слияния частей — попадавших к нам. Каждого из них мы старались использовать соответственно его знаниям и способностям.

Так, например, Лидия Петровна Штыкан, ныне народная артистка РСФСР, одна из ведущих актрис Ленин-

градского академического театра драмы имени А. С. Пушкина, начинала свой творческий путь в самодеятельности 268-й дивизии. Она часто пела и танцевала перед бойцами. Мы ее после прорыва блокады откомандировали на учебу в театральный вуз.

В 46-й дивизии переводчиком был ленинградский архитектор Виктор Макарович Оленин, который в детстве учился в Германии и отлично владел немецким языком.

10 января нас — командиров дивизий первого эшелона генерал-майора Н. П. Симоняка, Героя Советского Союза полковника В. А. Трубачева, Героя Советского Союза генерал-майора А. А. Краснова и меня — вызвали на командный пункт армии для доклада представителю Ставки Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о готовности к наступлению. Выслушав нас, маршал задал конкретные вопросы, интересуясь всем, что касалось организации и планирования артподготовки.

Отвечая на последний вопрос, я сказал, что плотность огня равна 175 орудиям и минометам на один километр фронта, причем на прямую наводку имеем по две цели. Все разведанные цели нанесены на планшеты и на панораму.

Здесь же указано, где и когда будут проделаны проходы в минных полях противника.

Маршал пожал нам руки и сказал:

— Смотрите, чтобы все было в полном порядке. Я еще побываю у вас.

В ночь с 10 на 11 января части дивизии совершили тридцатикилометровый марш. К утру они сосредоточились в лесах северо-восточнее Невской Дубровки.

С середины декабря здесь уже находились 799-й артиллерийский полк полковника А. Б. Скворцова, половина приданной нам артиллерии усиления, все службы наблюдения и штаб артиллерии дивизии во главе с полковником А. А. Ходаковским. А за два дня до прибытия частей и подразделений 268-й стрелковой дивизии на правом берегу Невы заняла боевые порядки и вторая половина всей приданной нам артиллерии усиления.

11 января в 16 часов на командный пункт дивизии приехал командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров. Мы прошли в блиндаж. Командующий был, как всегда, немногословен.

— Все ли в порядке? — осведомился он и, услышав мой положительный ответ, сел у стола и задумался.

После небольшой паузы Л. А. Говоров высказал желание поговорить с начальником нашей дивизионной разведки.

Я вызвал майора Клешинова. Командующий приказал майору доложить все, что ему известно о противнике в полосе наступления. Майор Клешинов волновался и докладывал не очень четко. Командующий, не повышая голоса, заметил, что разведчик, а тем более начальник разведки, должен уметь докладывать предельно ясно. Однако тут же несколькими вопросами, заданными благожелательным тоном, Говоров помог майору справиться с волнением. Выслушав его, он указал, на что разведчикам необходимо обратить особое внимание. Когда мы остались одни, Говоров стал расспрашивать меня о планах боя, особенно интересуясь развитием наступления дивизии в глубине обороны противника. Этим он как бы хотел дать понять, что в успехе захвата первых оборонительных позиций противника не сомневается. Уверенность командующего придала мне спокойствие. Довольно бодро и подробно я начал докладывать по карте свой план и метод руководства боевыми действиями. Командующий пристально смотрел на карту, внимательно слушал, не перебивал, не задавал вопросов, а только тихонько постукивал по столу пальцами правой руки. Видимо, план и метод ведения наступления удовлетворили его, так как в заключение он сказал:

— Ежели так будете действовать, уверен, что все у вас получится. — Помолчав немного, добавил: — В ходе боя обстановка, конечно, часто меняется, обстоятельства могут сложиться не так, как первоначально предполагаешь. Придется на ходу менять свои решения. Никогда не следует считать противника слабее себя. Кстати, сто семидесятая немецкая дивизия, которая противостоит вам, не раз проявляла свою стойкость в обороне.

Я хорошо понял Говорова и был благодарен ему за наставления. Конечно, он прав. Офицеров противника не следует считать глупее себя. На каждый твой маневр они могут ответить таким контрманевром, в котором будет наверняка уготована ловушка для тебя, если ты не сможешь своевременно разгадать их замысел.

Л. А. Говоров уже распрощался со мной, когда оперативный дежурный доложил, что к нам едет маршал.

Климент Ефремович Ворошилов был в хорошем настроении. Весело поглядывая на меня, он спросил:

— Ну как, не надоел я вам?

— Вы, товарищ маршал, не так уж часто у нас бываете, — поспешил я ответить.

— А кабы чаще, то надоел бы? — Маршал улыбнулся. — Ну ладно, я ведь к вам не в гости, а по делу. Давайте пойдемте сейчас не в штаб, а в один из ваших полков.

Маршал побывал в 942-м стрелковом полку, побеседовал с полковником В. В. Козино, спросил о готовности полка к наступлению, и мы направились в батальон старшего лейтенанта С. Г. Зуйкова. Как раз он и должен был идти в первом эшелоне. Климент Ефремович сразу узнал комбата, у которого недавно побывал на тактических учениях.

— Я, сынок, твое слово помню, — проговорил маршал.

— А мы, товарищ маршал, помним ваш наказ. Вам за нас краснеть не придется.

— Верю! — Климент Ефремович, как и во время первой встречи, обнял Зуйкова и добавил: — С такими орлами не победить врага было бы стыдно.

11 января я вместе с оперативной группой штаба занял командно-наблюдательный пункт дивизии, оборудованный на возвышенности в первой траншее переднего края. Вся полоса заснеженной Невы и бóльшая часть левого берега были видны как на ладони не только в стереотрубу, но и невооруженным глазом.

Зимой сумерки наступают быстро. 11 января в 21 час уже в темноте части дивизии начали выходить на исходные позиции. Я, комиссар дивизии полковой комиссар П. С. Игнатов и начальник политотдела старший батальонный комиссар Ф. К. Золотухин решили побывать в батальонах и ротах первого эшелона. Пробираясь по траншеям, мы часто слышали одни и те же слова: «Наконец-то и у нас начинаются настоящие дела!»

Бойцы и офицеры перед боем подавали заявления о приеме их в Коммунистическую партию и в члены Ленинского комсомола, писали письма домой.

ШТУРМ

Наступило утро 12 января. Над застывшей Невой сплошной пеленой стался туман. За последние сутки температура воздуха резко колебалась. То валил мокрый

снег, то сыпал мелкий промозглый дождь, то вдруг морозом сковывало землю. И вот сегодня туман плотной завесой покрыл всю Неву и ее берега. В такую погоду нечего было и думать об использовании всей мощи нашей авиации, а ведь как раз на нее мы возлагали большие надежды.

Шло время. Нетерпение росло с каждой минутой. Мы напряженно вглядывались в пелену тумана. Еле-еле угадывалась широкая, покрытая торосистым льдом, заснеженная река. Левый берег, где притаился враг, казался вымершим.

Вместе со мной на командно-наблюдательном пункте находились комиссар дивизии П. С. Игнатов, начальник артиллерии дивизии полковник А. А. Ходаковский, мой адъютант старший лейтенант Н. И. Руденко и бойцы-связисты.

В 9 часов 30 минут началась наша артиллерийская подготовка. Я почувствовал какое-то облегчение. Ожидание боя всегда томительнее самого боя.

Такой мощной артподготовки прежде я никогда не видел и не слышал. Казалось, вздыбился весь левый берег Невы. Грохот стоял невообразимый. Мы у себя на наблюдательном пункте могли изъясняться только жестами.

В 11 часов 42 минуты в небо взвилась серия зеленых ракет, и сразу же по левому берегу ударили гвардейские минометы. И вдруг мы замерли. Штурмовые отряды, еще не дождавшись сигнала атаки, бросились на лед. Великий порыв бойцов сделал то, чего не мог предусмотреть ни один приказ. Вот уже смельчаки перемахнули Неву и с помощью багров, штурмовых лестниц и «кошек» стали карабкаться по отвесному, словно ледяная скала, крутому берегу реки. Двенадцатиметровая крутизна была преодолена за каких-нибудь 7—10 минут.

Приведу здесь рассказ командира штурмовой группы П. И. Оленичева, которая одной из первых перемахнула Неву, преодолела крутизну левого берега, проделала проходы в проволочных заграждениях и ворвалась в первые траншеи. «В моей группе были Самойлов, Чуваев, оба родом из Архангельска, мариец Соловьев, Бердников, призванный в Красную Армию из Ворошиловградской области, и другие, — пишет он. — Фамилии всех, к сожалению, не помню. Неву преодолели сравнительно не трудно. А когда подбежали к левому берегу и взглянули вверх, жутко стало. Сумеем ли забраться по обледенелой кру-

тизне левого берега? Но размышлять было некогда. Позади себя мы уже слышали топот бегущих по Неве бойцов и разрывы снарядов. С помощью багров, веревок и матов, помогая друг другу, мы стали взбираться наверх. Не знаю, каким образом осколки долетели до нас, но одним из них был сражен Бердников. Я крикнул: «Ваня», а он уже не живой. Мы продолжали карабкаться вверх. По левому берегу раздался залп наших «катюш», а уже вслед за ним появились бойцы нашего 3-го батальона Зуйкова. Противник открыл сильный огонь из всех видов оружия. Тут наши с правого берега пустили дымовую завесу. Мы взобрались наверх и под ее прикрытием проделали проходы в проволочных заграждениях, ворвались в первую траншею врага и завязали рукопашный бой. А наша артиллерия обрабатывала вторую и третью траншеи. Нам стало легче действовать. В первой траншее мы уничтожили несколько солдат и офицеров. Но из-за поворота траншеи появилась группа фашистов и немного нас потеснила. И тут как раз подоспел комбат Зуйков со своими бойцами. Снова завязалась рукопашная. Когда полегчало, я вспомнил, что еще на правом берегу выпросил у кого-то из наших бойцов красный кисет из-под табака, разорвал его по швам, нашел палочку, привязал к ней веревочкой красный лоскут и положил в карман. Сейчас я вынул его из кармана и воткнул на бруствер. Ворвались во вторую и третью траншеи. Ступал я тяжело, еще в первой траншее меня ранило в ногу, но в азарте боя я не почувствовал боли. Сейчас она дала о себе знать. Но до нее ли тут было! Мы продолжали бить фашистов гранатами, крушить прикладами. Ворвались в землянку, состоящую из двух хорошо обставленных комнат. После того, что мы видели и пережили в траншеях, эта землянка показалась нам каким-то царством. Из второй комнаты раздалась выстрелы. Пришлось метнуть гранату. Все стихло. Там было убито и ранено 9 фашистов».

А вот свидетельство еще одного участника прорыва блокады. Отрывки из письма В. Г. Арсенина мне хочется здесь привести по нескольким причинам. Во-первых, автор письма воссоздает характерную картину боя на самом решающем для нас участке, во-вторых, называет имена многих героев.

Во время прорыва блокады старший лейтенант Валентин Григорьевич Арсенин командовал 2-й ротой 1-го батальона 492-го стрелкового полка.

«В ночь с 11 на 12 января, — пишет В. Г. Арсенин, — рота заняла исходное положение. Мне лично отдыхать перед боем не пришлось. Начальство то и дело проверяло готовность роты к бою. Раненько утром 12 января, если помните, вы пришли в нашу роту вместе с начальником политотдела дивизии старшим батальонным комиссаром Ф. К. Золотухиным, который меня хорошо знал по предыдущим боям. В июне 1942 года он вручил мне билет члена ВКП(б) вместо кандидатской карточки.

Я доложил вам, что с новым пополнением к нам пришли ослабевшие от голода два ленинградца — Климов и Степанов. Перед наступлением, согласно вашему приказу, мы отправили их в тыл, но они сбежали и не отходят от меня, заявляя, что вместе со мной пойдут в бой. Вы побеседовали с ними и разрешили остаться в нашей роте.

Артподготовку завершали «катюши». Не успели они сыграть, как вперед бросились штурмовые группы, а за ними и мы. Штурмовой группой, вслед за которой бежала моя рота, командовал лейтенант Нестеров — очень смелый и находчивый командир. За всеми штурмовыми группами на расстоянии 200—300 метров пошли цепи рот. Это было потрясающе. Шли под огнем, как в кино или на хороших учениях. Уж такой был порыв наступающих.

К сожалению, не все огневые точки врага были подавлены. Гитлеровцы открыли пулеметный огонь с фронта и с правого фланга, со стороны 8-й ГЭС. Мне удалось обогнать роту и догнать у берега штурмовую группу. Начали преодолевать 12-метровую крутизну и взбираться на левый берег. Возле меня оказался взвод старшего сержанта Осадчего. Сам взводный — детина высоченного роста — подбадривал бойцов и помогал им взбираться наверх. Сверху на нас летели гранаты. Осадчий, я и еще несколько бойцов преодолели уже половину крутизны, но добросить гранаты до траншей противника даже такому грозному силачу, как Осадчий, не удавалось.

Нам с трудом удалось преодолеть крутизну берега. Через некоторое время я увидел свои 50-миллиметровые минометы и подумал: «Вот это герои!» Я приказал им стрелять по траншее. После нескольких залпов гитлеровцы перестали бросать гранаты. Пользуясь тем, что пулеметы противника нас уже не могли достать (мы оказались для них в «мертвом» пространстве), ворвались в первую траншею. Вероятно, прошло не так уж много времени, пока мы карабкались на берег, но мне оно показалось

вечностью. Полушубок мой сзади был иссечен осколками гранат, немало их вонзилось и в спину. Возле меня не оказалось ни лейтенанта Нестерова, ни сержанта Осадчего. Но словно из-под земли выросли истощенные, худые — в чем только душа держалась — ленинградцы Климов и Степанов. Вот когда я с благодарностью вспомнил вас и Золотухина, поверивших в силу даже ослабевших от голода людей, если это истинные советские патриоты. Мы сразу стали очищать траншеи от гитлеровцев. Их было много мертвых, но немало и живых.

Я поддал команду: «Вперед, не отставать от огневого вала!» В этом были наше спасение и победа. В роте набралось человек 70.

Фашисты уже открыли пулеметный и артиллерийский огонь со стороны 8-й ГЭС. Особенно сильный огонь противник вел по роще «Мак». Приказав своему заместителю лейтенанту Шаповаленко наладить связь с батальоном, я принял решение наступать несколько правее рощи, а на опушку леса послал группу прикрытия. Рота наступала цепью, не встречая особого сопротивления. Мы прошли мимо штабелей фрезерного торфа. Передние группы начали втягиваться в мелколесье другой рощи. Из леса фашисты открыли пулеметный огонь. Рота залегла в канавах. Было уже темно. Связь отстала — кончился кабель. Я вернулся к телефону, чтобы доложить командиру батальона обстановку и просить огня. Только я поднял телефонную трубку, как сильная вспышка ослепила меня. Придя в сознание, увидел, что меня перевязывает Маша Фридман. Рядом стоят мой заместитель лейтенант Шаповаленко и мои верные боевые друзья — ленинградцы Климов и Степанов. Они что-то говорят, а я их не слышу. Я увидел кровь и понял, что, кроме ранения, еще и контужен. Маша, Климов и Степанов вынесли меня с поля боя.

Несколько слов о Климове и Степанове. Откуда у этих ослабевших от голода ленинградцев взялись силы забраться на берег, вести рукопашный бой с врагами и затем тащить меня, до сих пор понять не могу. Видимо, воля к победе открывала у них, как говорится, второе дыхание. Это были настоящие советские люди, жители Ленинграда, подвиг которого изумил весь мир.

Я оказался в госпитале, расположенном в Московской гостинице. Здесь нас было тяжелораненых человек 50. Начал обход главный хирург госпиталя. Подойдя ко мне,

он осмотрел рану и спросил меня, слышу ли я после контузии. Я утвердительно кивнул головой. Он приказал дать мне спирт и пошел к другим столам.

Через минуту я услышал разговор женщины-врача с главным хирургом. Женщина просила разрешить сделать операцию молодому офицеру. Главный хирург сказал, что это бесполезно, у него гангрена. Женщина настаивала. Наконец главный хирург, сказав, что это все равно бесполезно, разрешил. Женщина-хирург подошла ко мне и спросила — слышал ли я разговор с главным хирургом. Я ответил, что слышал. Она сказала, что, если я согласен, она начнет делать операцию, но только без общего и местного наркоза. Я согласился. Операция, как мне показалось, длилась вечность. За это время я выпил два стакана спирта, но не смог опьянеть. Только резинка между зубами спасла мои зубы. Операция прошла успешно...»

Как же дальше протекал бой?

Трудно передать те чувства, которые охватили меня, когда я увидел, что вслед за штурмовыми отрядами бросились на лед полки Ключанова и Козино. В цепях атакующей пехоты шли артиллеристы. Они тащили за лямки поставленные на лыжи пушки.

Со стороны 8-й ГЭС ударили вражеские орудия и пулеметы. Огневые точки на правом фланге не были подавлены. Я видел, что снаряды нашей артиллерии, поставленной на прямую наводку, и орудий, ведущих огонь из глубины, падают в районе 8-й ГЭС. И все же противник не переставал огрызаться. На Неве появились довольно широкие полыньи и разводья.

Я хорошо сознавал, что мы не в силах были подавить все огневые точки противника, засевшего в железобетонных дотах, поэтому ругать командующего артиллерией полковника А. А. Ходаковского было бессмысленно. Он и так выбивался из сил, непрерывно вызывая по телефону и радию то командира 799-го артполка подполковника А. Б. Скворцова, то командиров дивизионов. Спокойный и уравновешенный А. А. Ходаковский на сей раз был неузнаваем. Все больше распаляясь, он срывающимся голосом ругал своих подчиненных, требовал немедленно подавить огневые точки на 8-й ГЭС, хотя прекрасно сознавал, что сделать это — значит совершить чудо.

С командно-наблюдательного пункта мы отчетливо видели, как наши артиллеристы, шедшие в боевых порядках пехоты, торопились дотащить свои орудия до левого

берега. Налегая на лямки, подталкивая пушки сзади — кто руками, кто плечом, они метр за метром преодолевали торосистый лед. Но эта и без того адская работа осложнялась тем, что приходилось делать крюки, чтобы обходить полыньи.

Падали убитые, а раненые, те, кто не мог стоять на ногах, ползком, напрягая последние силы, старались помочь товарищам подталкивать пушки вперед.

Казалось, вся боль Ленинграда, вся его ненависть к врагу клокочет в сердцах этих героев и нет такой силы, которая смогла бы их остановить.

Полковой комиссар Игнатов, обращаясь к полковнику Ходаковскому, сказал:

— Не ругать их надо, а в ноги им поклониться. Это же герои из героев!

Я подумал: «Конечно, наш комиссар прав. Но ведь Ходаковский держит связь не с теми артиллеристами, которые сейчас на льду, а с их начальниками, и ему ничего не остается делать, как только требовать, требовать и требовать... Надо приложить все усилия, чтобы подавить как можно больше огневых точек врага, надо затем все орудия полковой и противотанковой артиллерии скорее переправить на левый берег и поставить их там на прямую наводку...»

В это время мы увидели, что артиллеристы одного орудийного расчета, обходя полынью, угодили под огонь вражеского пулемета. Один за другим падали смельчаки, на льду осталась одна пушка...

Вражеские пулеметчики, а вслед за ними и минометчики перенесли огонь на нашу пехоту. Вторая цепь наступающих заколебалась, остановилась. Я приказал полковнику Ходаковскому немедленно ослепить район 8-й ГЭС дымовыми снарядами. Больше ничего мы пока не могли сделать. Но все же и это помогло. Как только Неву и ее левый берег заволокло дымом, огонь не был уже так опасен, — враг стрелял вслепую, наугад. Когда дым рассеялся, мы увидели, что вторая цепь наступающих уже штурмует левый берег. Не было на льду и той пушки, которая оставалась одиноко торчать у полыньи. Как потом выяснилось, пехотинцы подбежали к орудью, потащили его вперед и с помощью каната по настилам взобрались с ним на высокий левый берег. Вскоре уже они били прямой наводкой по пулеметным гнездам врага, которые мешали нашей атаке.

Одними из первых вслед за батальоном С. Г. Зуйкова преодолели реку и стали штурмовать двенадцатиметровую обледенелую крутизну («невский Измаил», как мы ее тогда называли) батальоны капитанов Б. С. Гусева, К. Т. Синякова и старшего лейтенанта Н. Н. Кукареко. С помощью канатов, «кошек» и штурмовых лестниц пехотинцы под огнем врага взбирались по обледенелому берегу, с ходу врывались в траншеи и вступали в рукопашный бой с солдатами и офицерами противника. Не все из них достигли цели — падали убитые и раненые, но штурм ни на минуту не прекращался. Все новые и новые группы бойцов подбегали к подножию крутого берега и по лестницам, канатам, а то и просто по шестам, поданным сверху товарищами, с ловкостью альпинистов взбирались наверх.

Я видел со своего НП общую картину боя. Естественно, что деталей и подробностей я тогда не знал. Много позже, встретив командира батальона 942-го полка капитана Б. С. Гусева, тяжело раненного во время штурма левого берега, я спросил:

— Почему пехота с первыми залпами «катюш» до сигнала бросилась на лед?

— Это произошло внезапно, в один миг, — ответил Б. С. Гусев, — и не было никакой возможности остановить людей, приказать им ждать условленного сигнала атаки. Я на фронте с первых дней войны, но такого порыва, такого массового героизма еще не видел. Признаться, я тоже опасался, что мы угодим под огонь своих «катюш», но они умолкли, как только мы очутились у левого берега. Так мы выиграли время. Наступали по льду тремя ротами в линию. От огня пулемета, строчившего с правого фланга со стороны Восьмой ГЭС, потеряли всего несколько человек. Раненые не хотели покидать поле боя. Я попросил винтовку у раненного в живот пехотинца, чтобы снять фашистского снайпера, но тот наотрез отказался — нужна самому, он не собирается уходить в тыл. Убеждать было некогда, я схватил винтовку убитого рядом сержанта, а когда через несколько минут оглянулся на того пехотинца, он уже был мертв.

Выясняя далее подробности боя, мы установили, что батальон старшего лейтенанта Сергея Георгиевича Зуйкова также одним из первых бросился на лед еще до окончания залпа «катюш». Начальник штаба 942-го стрелкового полка майор П. И. Курасов рассказывал

мне, что С. Г. Зуйков бежал по льду впереди батальона с автоматом в руках.

Душой атаки были коммунисты и комсомольцы. Утром 12 января разведвзвод 430-го отдельного саперного батальона под командованием коммуниста лейтенанта Н. А. Карасева блокировал ожившие огневые точки, которые били по нашей пехоте. Саперы подползали к дзотам и забрасывали их гранатами.

Коммунист красноармеец А. И. Богданов одним из первых переправился со своей рацией на левый берег, чтобы корректировать огонь тяжелой артиллерии, находившейся на правом берегу. Он сразу же был контужен. Но, придя в сознание, нашел в себе силы, чтобы установить связь со своим дивизионом, корректировать огонь батарей, обеспечивать продвижение пехоты. Благодаря бесперебойной работе радиосвязи огнем батарей было уничтожено 6 дзотов, 4 станковых пулемета, одно орудие ПТО и минометная батарея противника.

Командир отделения роты автоматчиков комсомолец сержант П. Ф. Горбунов первым бросился в атаку. Получив подряд два ранения, он сам перевязал себе раны и продолжал драться с врагом. Когда был ранен командир взвода, Горбунов принял на себя командование.

— Отомстим за нашего командира! — передал он по цепи и поднял взвод в атаку.

Автоматчики ворвались в траншею и уничтожили всех сопротивлявшихся гитлеровцев. В этой схватке сержант Петр Финогенович Горбунов лично убил 9 фашистов, увеличив свой счет истребленных врагов до тридцати двух.

Одной из первых вместе с пехотой переправилась через Неву батарея 45-миллиметровых орудий старшего лейтенанта Пономарчука. В цепях пехоты шли также и минометные роты лейтенантов Лаврушко, Ерошенко и Сороки. Как только была захвачена первая траншея, на левый берег переправилась батарея 76-миллиметровых орудий старшего лейтенанта Прынько. После захвата второй траншеи на плацдарм переправилась батарея 120-миллиметровых минометов капитана Анучкина.

Самым опасным местом во время наступления была середина реки. После того как у нас на глазах фашистский пулеметчик вывел из строя бойцов оружейного расчета, полковник Хо́даковский обзвонил всех своих подчиненных. «Помните, на Неве — смерть, — кричал

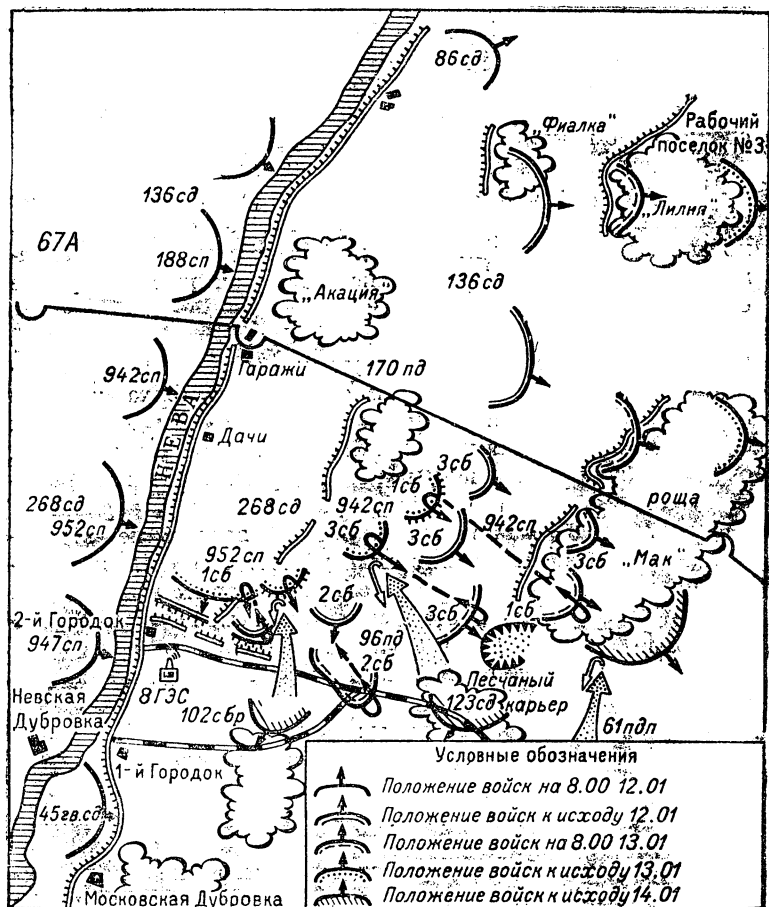
он в трубку, — стремитесь как можно скорее под берег!»

Вскоре Ходаковский доложил, что разведанные заранее в полосе нашего наступления 72 огневые точки подавлены, а вновь оживающие сразу уничтожаются орудиями прямой наводки. Я просил передать благодарность героям-артиллеристам.

Постепенно пехота с помощью штурмовых групп и артиллерии сопровождения начала взламывать оборону врага и продвигаться вперед. На левом берегу был отвоеван пока еще небольшой плацдарм. Но и он имел для нас очень важное значение. Теперь автоматный и пулеметный огонь противника стал менее интенсивным, и мы могли вводить в бой свежие силы.

Передо мной лежала карта с нанесенной на ней обстановкой до начала нашего наступления. На участке в два с половиной километра — от 8-й ГЭС до поселка Марьина Роща — были обозначены вражеские позиции. Хотелось скорее отметить первые отвоеванные нами рубежи, тем более, что из штаба армии и штаба фронта непрерывно звонили и требовали доложить новую обстановку. Мне было понятно это нетерпение, но я докладывал только то, что видел своими глазами, и то, что сообщали мне по радиции командиры частей и подразделений. А сообщения эти были еще не совсем ясными: пехота вела бой в траншеях; артиллерия подавляла оживающие огневые точки врага; сосед справа — 45-я гвардейская дивизия, встретив сильный заградительный огонь со стороны 8-й ГЭС, пока успеха не имела. Это обстоятельство меня особенно беспокоило. Наш правый фланг остался неприкрытым, и ясно было, что по мере продвижения дивизии вперед он будет все больше и больше оголяться.

Наконец полковник Козино, а вслед за ним и подполковник Кляukanов сообщили, что они овладели первой, второй и третьей траншеями. Особенно успешно наступал батальон С. Г. Зуйкова. Он достиг рощи «Тигр» и, развивая наступление, продвинулся вперед вместе с соседом слева — одним из батальонов 136-й стрелковой дивизии генерала Симоняка. Я сразу же доложил об этом в штаб 67-й армии. Не прошло и минуты, как позвонил командующий армией генерал-майор М. П. Духанов и поинтересовался, где же находится еще один наш полк. Я ответил, что полк майора А. И. Важенина тоже форсировал Неву, но встретил сильный заградительный

Боевые действия 268-й стрелковой дивизии во время прорыва блокады.

огонь со стороны 8-й ГЭС и продолжает вести бой за поселок севернее электростанции.

По тону, каким говорил со мной командарм, я понял, что сейчас он меньше всего обеспокоен положением дел у нас. Как потом стало известно, его волновало положение левого фланга ударной группировки армии, в частности 86-й стрелковой дивизии полковника Трубачева. Обстановка здесь создалась крайне тяжелая. Первая атака дивизии сорвалась. Противнику удалось отразить ее своим огнем из Шлиссельбурга. Командующий армией ввел в действие второй эшелон этой дивизии.

Между тем бои на нашем участке становились все ожесточеннее. Враг не только упорно сопротивлялся, но и переходил в контратаки. 136-я дивизия, переправившись на левый берег Невы, вела бои уже в глубине обороны противника.

Я решил перенести на левый берег на отвоеванный нашими полками участок плацдарма свой НП. Для разведки и организации связи туда была послана группа командиров и бойцов во главе с одним из боевых офицеров штаба дивизии капитаном А. И. Казанцевым, очень толковым и смелым командиром. Есть храбрость бесшабашная, когда человек, очертя голову, бросается в огонь. Такой, как правило, боевой задачи не выполнит — его сразу же ранят или убьют. Но есть и храбрость разумная. Именно ею обладал капитан Казанцев.

Как-то случайно я стал свидетелем любопытного разговора. Один командир в шутку заметил:

— Лучше быть пять минут трусом, чем всю жизнь покойником.

Капитан Казанцев вспыхнул:

— Ненавижу пошлость! Этот «афоризм» прикрывает убогую философию трусов.

— Что же, по-твоему, нужно без надобности рисковать жизнью?

— Без надобности никогда ничего не надо делать, — уже спокойно ответил Казанцев, — а на войне тем более. Образцом для себя я считаю того командира, который стремится во что бы то ни стало выполнить приказ, но при этом не лезет на рожон, маскируется, соблюдает все меры предосторожности, зря не рискует. Но если выполнение приказа требует от него идти на смерть, он без колебаний выполняет свой воинский долг. Лучше умереть героем, чем жить трусом!

Это было сказано не для красного словца. Капитан воевал с первых дней войны и не раз своими боевыми делами доказывал, что принадлежит к тому абсолютному большинству советских офицеров, для которых защита Родины дороже жизни. Когда, отправляясь на левый берег, он явился ко мне, я с удовлетворением отметил про себя аккуратную и вполне соответствовавшую боевому заданию экипировку Казанцева: полушубок, ватные брюки, валенки, каска, белый маскхалат. А были у нас лихачи, считавшие, что каска и маскхалат им ни к чему. Но такое лихачество на войне ведет к увеличению наших потерь и в конечном счете к невыполнению заданий.

Вскоре на левом берегу Невы на небольшой возвышенности Казанцев обнаружил просторную, добротно сделанную землянку из двух комнат. Видимо, здесь находился штаб какого-то немецкого подразделения. Капитан тотчас же распорядился установить в землянке радиацию, связался с командирами наших полков Козино и Ключановым, уточнил обстановку, доложил ее мне, а затем послал ко мне офицера связи, чтобы тот показал, как пройти на новый НП. 13 января я перешел туда.

Прорвав оборону противника, 136-я и 268-я стрелковые дивизии захватили на левом берегу плацдарм, который имел по фронту около 6 километров и уходил в глубину от 2 до 3 километров. Второй эшелон 86-й стрелковой дивизии был введен в бой в полосе, отвоеванной 136-й стрелковой дивизией. Совместно с танками она наступала в обход Шлиссельбурга.

С Волховского фронта также пришли радостные вести. Войска 2-й ударной армии под командованием генерала В. З. Романовского в течение 12 января прорвали оборону противника севернее и южнее Рабочего поселка № 8 и овладели несколькими сильными опорными пунктами врага. Успех первого дня был воодушевляющим. Расстояние, отделявшее Ленинград от «Большой земли», заметно уменьшилось.

Капитан Казанцев нанес новую обстановку на карту. Дивизия продвинулась вперед еще на полкилометра, вклинившись в оборону противника уже на три с половиной километра. Своим правым флангом она упиралась в 8-ю ГЭС, а левым вела бои за рошу «Мак».

В 8 часов 30 минут позвонил Л. А. Говоров и потребовал доложить результаты ночных действий. За ночь

дивизия овладела развилкой железных дорог, песчаными карьерами и юго-западной частью рощи «Мак». Окружить противника в 8-й ГЭС нам не удалось. 45-я гвардейская дивизия, встретив упорное сопротивление, не смогла выйти к железнодорожной развилке.

— Ваше решение? — спросил командующий.

Я ответил, что в 9.00 перехожу в наступление.

— Хорошо, выполняйте! — коротко приказал Говоров.

Почувствовав, что на этом разговор может оборваться, я поспешил добавить, что противник усилил сопротивление и в течение ночи сосредоточивал свои резервы в районе лесов юго-западнее Синявинских болот. По-видимому, он готовился нанести удар по правому флангу дивизии.

Командующий приказал форсировать наступление на соединение с частями Волховского фронта.

— А за фланги должен беспокоиться старший начальник, — заключил Говоров и повесил трубку.

Признаться, я очень огорчился тогда. Кто-то, а уж он, Говоров, великолепно понимает, что, не имея в резерве ни одного батальона, командир наступающей дивизии рискует очень многим.

Только после завершения боев на левобережье Невы, спокойно анализируя ход наступления, я понял, что у Говорова, опытного генерала, был свой план действий, в котором нашей дивизии отводилась роль не только тарана, но и щита, прикрывающего главные силы 67-й армии. Очевидно, по замыслу Говорова, мы должны были обеспечить продвижение наших соседей и принять на себя контрудар неприятеля.

НЕ СТРЕЛЯЛИ ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ...

Утром 13 января произошло самое неприятное: разыгрался встречный бой. После сильной артподготовки противник бросил против нас свою 96-ю пехотную дивизию. Удар пришелся по нашему правому флангу. Со стороны 8-й ГЭС и Синявинских высот вражеское командование вводило в бой все новые и новые подразделения, в том числе танки и артиллерию сопровождения. Мы же совсем не имели танков, а из артиллерии на плацдарм были переправлены только полковые орудия.

В 11 часов утра я подробно доложил обстановку генералу М. П. Духанову. Командарм приказал ни в коем случае не допустить выхода противника к Неве и принять все меры, чтобы наши главные силы могли продолжать наступление в сторону Синявина.

Шесть часов отражали мы не прекращавшиеся ни на минуту контратаки танков и пехоты противника. Я уже ввел в бой все вторые эшелоны полков. Козино, Клюканов и Важенин свои доклады по радиции неизменно кончали просьбами о подкреплениях.

При отражении вражеских контратак наши люди показали чудеса храбрости, стояли насмерть. Они хорошо понимали, что если враг прорвется к Неве, мы поставим под удар всю наступающую группировку войск 67-й армии.

Командир роты 214-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона комсомолец лейтенант В. И. Бартенов поддерживал огнем 952-й стрелковый полк. В районе 8-й ГЭС его подразделение отразило несколько контратак противника силой до двух взводов. Молодой лейтенант Василий Бартенов уничтожил огнем станкового пулемета 50 солдат и офицеров противника. При отражении одной из контратак лейтенанта Бартенева тяжело ранило, но он продолжал командовать ротой. Еще одна очередная контратака была отбита...

Боец роты автоматчиков 942-го стрелкового полка А. Г. Шпеньков во время контратаки танков бросился к противотанковому ружью, расчет которого был выведен из строя, и сумел подбить два танка. Выскочивших танкистов Шпеньков уложил из автомата. В этом бою он уничтожил более двух десятков вражеских солдат и офицеров.

В полдень 13 января мне доложили о гибели старшего лейтенанта Сергея Георгиевича Зуйкова, того самого комбата, который так хорошо действовал на учениях и полюбился Клименту Ефремовичу Ворошилову. Батальон Зуйкова, прокладывая путь 942-му стрелковому полку, ни разу не дрогнул, ни разу не отступил. По радиции старший лейтенант сообщал число уничтоженных дзотов, количество взятых в плен гитлеровцев. Узнав о гибели комбата, я приказал найти его тело и похоронить с воинскими почестями. Зуйкова долго искали и нашли под вечер в одной из траншей. Вокруг него лежало 14 вражеских трупов, среди них три офицера. Останки героя

опознали с трудом — лицо и тело его были изрешечены пулями, глаза выколоты, руки выломаны...

В полку Ключанова, занимавшем развилку железной дороги вблизи 8-й ГЭС, в батальонах осталось не больше трети бойцов. Командир батальона капитан Кузьма Тимофеевич Синяков, окруженный врагами, бился до последнего патрона, а последний израсходовал на себя. Командир другого батальона старший лейтенант Н. Н. Кукареко 6 раз водил своих людей в контратаку и лично поджег один вражеский танк. Тяжело раненный, он продолжал руководить боем.

Оставшийся один из немногих в живых солдат этого подразделения пулеметчик П. И. Цветов позже рассказывал мне: «Мы несли большие потери, положение становилось угрожающим. Комбат старший лейтенант Кукареко передал по цепи: „Братцы, ни шагу назад: отступать некуда, сзади Нева!“. Потом я слышал, как комбат кричал мне: „Цветов, Цветов! Смотри, справа обходит группа фашистов! Бей по ней! Вот так!“ Последнее, что я слышал, была команда комбата: „Гранаты к бою!“».

Едва поднявшись, тяжелораненый комбат Николай Никифорович Кукареко на сей раз был срезан намертво автоматной очередью.

Командование батальоном принял на себя старший политрук А. Н. Сальников. Три танка были подбиты перед позициями батальона. Рукопашные схватки продолжались с переменным успехом. Передовая траншея по несколько раз переходила из рук в руки. Старший политрук Александр Николаевич Сальников был тяжело ранен. Но он еще нашел в себе силы схватить за горло бросившегося на него фашиста. Таким, с посиневшими пальцами на шее врага, его и нашли на поле боя. Недалеко от него лежал лицом вниз старший лейтенант Николай Никифорович Кукареко, в руках у него был автомат, слева на земле — два пустых диска, справа — пистолет без патронов. Грудь комбата была прострелена автоматной очередью.

Шел уже седьмой час непрерывных вражеских контратак, когда капитан А. И. Казанцев и мой адъютант старший лейтенант Н. И. Руденко доложили, что видят танки противника.

Я довольно резко оборвал Казанцева и Руденко. У меня были на это веские причины. Во-первых, наша

пехота не отступала, во-вторых, я вспомнил свой утренний телефонный разговор с членом Военного совета фронта Штыковым. Генерал Т. Ф. Штыков сказал тогда, что наши танки начинают переправляться на плацдарм. Очевидно, подумал я, они уже переправились и, зайдя в тыл врагу, сейчас громят его. Наконец, чем черт не шутит, может быть, нам навстречу уже спешат танки Волховского фронта?

К сожалению, связь с Клюкановым неожиданно прервалась, а танки шли как раз с той стороны, где наступал 952-й полк.

Вместе с полковым комиссаром Игнатовым и полковником Ходаковским — оба они были со мной на НП — мы старались угадать, чьи же это танки? Но дело происходило под вечер, рассмотреть мы не могли, хотя ясно видели сидящую на броне пехоту в таких же маскировочных халатах, как и наши.

Вдруг один из танков открыл огонь. Чуть левее нас со свистом пролетел снаряд и разорвался недалеко от землянки. Мы пригнулись в траншею. Теперь уже нечего было гадать.

Метрах в 100 от нас занимал позиции противотанковый дивизион капитана Николая Ивановича Родионова. Я приказал ему бить по танкам прямой наводкой.

Все, кто был на НП, вооружились гранатами. Танки находились от нас уже в 400 метрах. Мы насчитали 30 машин.

Еще не успели артиллеристы капитана Н. И. Родионова навести орудия на прямую наводку, как раздался один за другим два взрыва, и мы увидели вырвавшееся из двух танков пламя и густой черный дым. Это наши пехотинцы вели неравный бой с танками. Открыли огонь и все орудия противотанкового дивизиона. Прямым попаданием снарядов были подбиты еще три танка. Стремясь выйти из-под артиллерийского огня, танки стали маневрировать. Большая часть их двинулась влево, чтобы атаковать дивизион Родионова с фланга. Завязалась дуэль между нашими артиллеристами и танками противника.

В это время справа появились вражеские автоматчики — их было не менее двух рот. Совершая перебежки и стреляя на ходу, автоматчики двигались в направлении огневых позиций дивизиона и нашего НП. Капитан Родионов приказал командиру батареи лейтенанту Чернышеву отразить атаку пехоты. Батарея Чернышева

открыла меткий огонь по пехоте противника и вынудила ее залечь, а затем и отступить.

Неожиданно из-за ложины вынырнул танк. Стреляя на ходу из пулемета, он шел прямо на нас. Вот в его бензобак угодил снаряд одного из орудий дивизиона Родионова. Танк провалился гусеницами в траншею недалеко от огневых позиций артиллеристов и загорелся.

Вернулся посланный мной час назад к Клюканову офицер связи старший лейтенант Головин и доложил, что до трех батальонов с танками нанесли удар в стык наших 942-го и 952-го стрелковых полков и пытаются окружить полк Клюканова, который героически сопротивляется.

В течение трех с половиной часов дивизион Родионова и сильно поредевшие батальоны 952-го полка отражали атаки пехоты и танков противника.

В нашу землянку попал снаряд, его осколками был ранен капитан Казанцев. Я приказал ему эвакуироваться, но он уверил меня, что рана пустяковая, и упрямился остаться на плацдарме до конца боя.

Артиллеристы дивизиона капитана Н. И. Родионова, так же как и пехотинцы, понесли большие потери. Выбыло из строя большинство бойцов из расчетов всех орудий, но пушки продолжали уничтожать танки и пехоту противника.

Не стреляли только мертвые. Раненые же не покидали орудий до тех пор, пока не падали замертво или не теряли сознание.

Тяжелораненый командир батареи лейтенант Федор Чернышев, истекая кровью, продолжал руководить огнем. Бой был настолько горячим, что Чернышев не мог даже найти время, чтобы сделать перевязку, и, зажав рану рукой, продолжал подавать команды. Второе ранение оказалось смертельным — осколок снаряда попал в сердце двадцатилетнего лейтенанта.

В дивизионе осталось всего три пушки. Командир дивизиона капитан Николай Иванович Родионов тоже был ранен, но стрелял из орудия, выполняя обязанности и наводчика, и заряжающего, и замкового... Но вот и он погиб, сраженный пулеметной очередью.

Двенадцать танков было подбито в 300 метрах от нашего командно-наблюдательного пункта и в 200 метрах от огневых позиций дивизиона капитана Н. И. Родионова, остальные повернули назад.

В 20 часов мне удалось наладить связь по радиис с Ключановым. Он подтвердил свое донесение, переданное мне офицером связи, и добавил, что никто не отступил. Почти все бойцы и командиры батальона, которым командовали старший лейтенант Кукареко и старший политрук Сальников, погибли. 11 танков пехотинцы подбили, а 30 танков с десантом автоматчиков прорвались через боевые порядки.

Остальное я знал сам. Враг хоть и продвинулся немного вперед, но своей цели не достиг. К Неве ему не дали прорваться.

Вечером при свете горящих танков мы осмотрели огневые позиции противотанкового истребительного дивизиона. Десять бойцов и все командиры были убиты. Одни из них лежали на разбитых лафетах, другие — недалеко от орудий.

В 21 час я доложил командарму, что все контратаки отбиты. Генерал Духанов объявил нам благодарность и сообщил, что с утра 14 января в полосу нашей дивизии он вводит 102-ю стрелковую и 152-ю танковую бригады.

— Приказываю вам принять все меры для успешного обеспечения ввода в бой этих бригад, — окончил наш разговор командарм.

14 января войска 67-й и 2-й ударной армии ввели в сражение вторые эшелоны и резервы. Бои приняли очень напряженный характер. Через несколько часов сопротивление врага стало ослабевать. 372-я и 256-я стрелковые дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта продвинулись севернее Синявина и вышли на линию Рабочих поселков № 4 и 5, а 18-я стрелковая дивизия и 98-я танковая бригада той же армии завязали бой на окраине Рабочего поселка № 5. С запада к этому поселку подошла 136-я стрелковая дивизия 67-й армии Ленинградского фронта. Когда к исходу 14 января мы узнали, что войска Ленинградского и Волховского фронтов разделяют всего два километра, не скрою, нам очень хотелось быть среди тех, кто скоро соединится с волховчанами. Я завидовал генералу Н. П. Симоняку и утешал себя тем, что мы надежно прикрыли правый фланг 136-й стрелковой дивизии, обеспечив ее продвижение вперед.

Немецко-фашистское командование, оценив создавшуюся опасность окружения и разгрома войск своей полукругленной Шлиссельбургской группировки войск, перебросило к коридору, разделявшему Ленинградский и

Волховский фронты, свежие силы — 61-ю пехотную дивизию и большое количество танков. Яростные контратаки врага продолжались два дня. Отбивая их, наши войска медленно продвигались навстречу друг другу в районе трех Рабочих поселков. За два дня они овладели несколькими опорными пунктами, расширив прорыв на флангах.

16 и 17 января шли непрерывные бои. Вражеское командование предпринимало отчаянные попытки, чтобы не допустить соединения войск 67-й и 2-й ударной армий.

Наша 268-я стрелковая дивизия, прикрывавшая правый фланг 136-й стрелковой дивизии, в течение шести дней вела ожесточенные бои. Несмотря на большие потери, мы сумели выстоять и отразить все контратаки врага, стремившегося во что бы то ни стало сбросить нас в Неву.

Введенные в бой по приказу командующего 67-й армией генерала Духанова 123-я ордена Ленина стрелковая дивизия, 123-я и 102-я стрелковые и 152-я танковая бригады сломили сопротивление противника и стали успешно продвигаться вперед. Утром 18 января гитлеровцы все еще пытались удержать очень важный узел обороны — Рабочий поселок № 5, чтобы обеспечить выход из окружения своей Шлиссельбургской группировки. Ленинградцев и волховчан разделяла уже совсем узкая полоска земли.

Враг, бросая оружие и раненых, начал поспешный отход к Синявинским высотам. Во второй половине дня его сопротивление было уже сломлено.

Кто-то из офицеров нашего штаба, не помню уж кто это был, вернувшись с передовой, необычно радостным голосом закричал:

— Симоняк целуется с волховчанами!..

Значит, блокада прорвана! Войска двух фронтов соединились!

На левобережном плацдарме Невы южнее Ладожского озера канонада смолкла. Наступила непривычная тишина.

Помню, когда я вышел из землянки, у меня от усталости, волнения и радости стучало в висках. Не заметил, как дошел до ближайшего полкового пункта первой медицинской помощи. Начальник санслужбы 947-го стрелкового полка капитан медицинской службы Л. А. Кувардин стал жаловаться мне, что подчиненные от усталости валяются с ног. Один врач, два санинструктора и две сандру-

жинницы уже почти неделю, не зная отдыха, накладывают шины, делают уколы, кормят и поят раненых... Но девушка-санинструктор, сержант по званию, у которой я спросил, тяжело ли ей, ответила:

— Нет, товарищ полковник! — И тут же добавила, что их капитан хоть и жалуется, а сам выбрал место для ППМ, мимо которого не пронесут ни одного раненого, если он даже и не из 947-го полка. — Мы на нашего капитана не в обиде, — искренне и просто сказала она, — хоть и спим в сутки не более трех часов, но ничего, скоро уже отоспимся... Блокада-то ведь прорвана! Счастье-то какое!

— Откуда вы? — поинтересовался я.

— Мы все тут ленинградские, — указала она на своих трех подруг.

Много лет спустя во время торжественного заседания, посвященного празднованию Дня Победы, рядом со мной в президиуме села женщина.

— А я вас знаю, товарищ генерал, — обратилась она ко мне. — Помните, в первый час после прорыва блокады вы пришли к нам на ППМ?

— ППМ девятьсот сорок седьмого полка? Так это с вами я разговаривал? Лица вашего, простите, не запомнил, темновато было в землянке, а разговор наш хорошо помню. — И я спросил в шутку: — Ну, как, отоспались?

— Где там! — серьезно ответила она. — Ткачиха я. Сперва восстанавливали комбинат, потом осваивали новые сорта сукон, ставили рекорды, работали в три смены... Много общественной работы. Была депутатом Верховного Совета СССР... Ездила по заграницам. До сна ли!

И тут только я заметил два ордена Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда на ее жакете... Внимательно взгляделся в мою собеседницу и узнал знакомое по портретам лицо знаменитой ленинградской ткачихи Натальи Федоровны Лаптевой с комбината имени Тельмана. Так вот кем стала девушка из ППМ, наш сержант медицинской службы!

Но вернемся к событиям сорок третьего года. 19 января Совинформбюро передало по радио сообщение «В последний час», в котором говорилось, что, прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав Неву, наши войска в течение

семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли город Шлиссельбург, крупные населенные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липки, Рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная.

«Таким образом, — сообщало Совинформбюро, — после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда. В ходе наступления наших войск разгромлены 227-я, 96-я, 170-я и 61-я пехотные дивизии немцев, 374-й пехотный полк 207-й пехотной дивизии, 223-й мотоотряд, частично 1-я пехотная дивизия...».

Я рассказал здесь о героях 268-й стрелковой дивизии — живых и павших в бою за прорыв блокады. Мы были соседями справа у тех, кому посчастливилось преодолеть последние рубежи, сделать последние шаги, чтобы обнять братьев по оружию, пробивавшихся к нам сквозь огонь, леса, снега и болота...

Окончательная победа над врагом складывается из многих отдельных сражений на всех этапах войны — будь то оборонительные бои или наступательные операции. Разными бывают они. Абсолютно одинаковых сражений нет. Одни наступательные операции, например, стремительны, эффектны и заканчиваются разгромом и пленением целых армий, взятием крупных городов и продвижением войск вперед на сотни километров; другие — не завершаются пленением десятков тысяч солдат и офицеров противника и освобождением значительной части территории... И все же не редки случаи, когда скупая на похвалы история отводит и этим операциям видное место. Ярким доказательством тому — прорыв блокады Ленинграда, имевший огромное историческое и военно-политическое значение.

РАЗГРОМ

В КРАСНОБОРСКОМ «МЕШКЕ»

20

января 1943 года, спустя два дня после прорыва блокады, наша 268-я дивизия была отведена в резерв фронта. Отдохнув несколько дней, части и подразделения приступили к боевой учебе.

7 февраля меня вызвал начальник штаба фронта генерал-лейтенант Д. Н. Гусев. От него я узнал, что войска Ленинградского и Волховского фронтов начали операцию по уничтожению Мгинско-Синявинской группировки противника.

Мне было приказано сосредоточить дивизию в районе Саратовской колонии к утру 11 февраля. Совершив шестидесятикилометровый марш, мы точно к назначенному сроку были на месте.

Войска 55-й армии уже третий день вели наступательные бои. Они прорвали оборону противника, продвинулись до четырех километров вперед и овладели населенными пунктами Красный Бор, Старая Мыза, Чернышево и станцией Поповка. В прорыв была введена подвижная группа войск под командованием генерал-майора И. М. Любовева. Лыжным и танковым бригадам, входившим

в состав этой группы, не удалось развить успеха. Как назло, в первой декаде февраля вдруг наступила оттепель. Танкисты не могли действовать вне дорог, а лыжники лишились своего главного преимущества — скорости и вынуждены были воевать как пехота, без лыж.

12 февраля в бой была введена наша 268-я дивизия. Мы наступали в направлении поселок Песчаное — станция Мга, но по той же причине, что и группа генерала Любовцева, успеха не достигли. 55-я армия наступление прекратила. Наша дивизия была выведена в район поселков Рыбацкое, Усть-Славянка, Мурзинка.

Недолго довелось нам и на этот раз быть в резерве. 19 марта Ленинградский и Волховский фронты вновь возобновили наступление. 21 марта меня вызвали на временный пункт управления штаба фронта в Усть-Ижору. Генерал Д. Н. Гусев пошутил:

— Ну что, не даем вам отдыхать?

— Кто же на войне отдыхает? — ответил я.

— Вот и хорошо, — уже серьезно сказал он. — Говорю приказал завтра с утра ввести вашу дивизию в бой.

Уточнив время наступления, исходное положение и средства усиления, я попросил разрешения отбыть в дивизию. Но Дмитрий Николаевич медлил с ответом.

— Товарищ Борщев, — сказал он в раздумье, — лучше будет, если вы отсюда позвоните начальнику своего штаба полковнику Васильеву и прикажете ему поднять дивизию по тревоге. Время не терпит.

Так я и сделал. Всю ночь части дивизии шли по размытой полевой дороге. Люди буквально утопали по колено в грязи.

Первыми атаковали противника подразделения 952-го полка. Они сумели прорвать глубоко эшелонированную оборону врага и продвинуться вперед на 8—10 километров, но расширить горловину, в которую попали, не смогли. Командир полка полковник А. И. Ключанов доложил мне по радиации, что батальон старшего лейтенанта Старовойтова подошел к Саблину, но противник контратакует его со всех сторон. Батальон ведет бой в окружении, артиллерия и танки отстали в лесу, боеприпасы на исходе. Штаб полка вместе с 3-м батальоном тоже отрезан и, заняв круговую оборону, отражает вражеские атаки.

Уточнить обстановку по радиации не удалось из-за плохой слышимости. Надо было срочно разобраться с поло-

жением дел на месте и оказать полку действенную помощь, не допустить его полного окружения. В штаб полка вместе со мной отправились начальник штаба артиллерии дивизии подполковник А. Б. Скворцов, офицеры оперативного отделения капитаны А. И. Казанцев и Т. И. Михайлов, командир учебного батальона майор С. Ф. Семенов и начальник инженерной службы дивизии майор Р. И. Максимов.

Недалеко от горловины «мешка» мы остановились. Я выслал разведку. Противник сразу же открыл с флангов пулеметный и минометный огонь. Один разведчик был убит, двое ранено. Я связался с начальником штаба дивизии полковником Б. С. Васильевым и приказал подавить огневую систему врага, а частью сил 947-го полка атаковать противника и расширить проход.

Вслед за наступающей пехотой мы вошли в горловину. Навстречу нам двигались многочисленные группы раненых. Никогда не забуду, как один пехотинец, у которого была оторвана кисть руки, отвечая на мои вопросы, сказал:

— Держимся, товарищ полковник, на то мы и русские солдаты. Если бы наши танки и пушки не застряли в болотах, мы бы фашистам показали почем фунт лиха.

Пройдя метров 800 густым лесом, мы увидели сарай из жердей. Там помещался штаб 952-го полка. А. И. Ключанов доложил, что полк прорвал оборону и, преодолевая упорное сопротивление противника, вышел к северо-западной окраине населенного пункта Саблино и северо-западной окраине поселка Ульяновка. Противник непрерывно контратакует. Сейчас подразделения полка находятся в тяжелом положении: боеприпасы на исходе, на медицинских пунктах скопилось много раненых.

Я приказал 952-му полку приостановить наступление и закрепиться на достигнутом рубеже. А завтра утром решил ввести в бой свой второй эшелон — 942-й полк. В течение ночи 952-й полк был пополнен боеприпасами и продовольствием. Мы успели к утру эвакуировать всех раненых.

Наша разведка сообщила, что противник сосредоточивает танки и пехоту на флангах участка прорыва. Надо было предупредить его действия. Рано утром 26 марта после тридцатиминутной артподготовки на правом фланге я ввел в бой 942-й полк под командованием полковника

В. В. Козино. При содействии своего соседа справа — 55-й стрелковой бригады — 942-й полк сломил сопротивление противника и продвинулся вглубь на 3 километра.

В 9 часов утра вражеские бомбардировщики стали наносить удары по боевым порядкам дивизии. В 11 часов они повторили авиационный удар. Вслед за этим противник начал артиллерийский обстрел боевых порядков нашей дивизии и 55-й стрелковой бригады. После этого он сразу же перешел в контратаку, намереваясь полностью окружить нас и отрезать от остальных соединений 55-й армии. Контратака противника была отбита. Однако ему удалось остановить наступление 942-го полка и 55-й бригады. В 14 часов гитлеровцы после повторного мощного удара авиации и артиллерийской подготовки снова перешли в контратаку. Фашистские танки прорвались через наши боевые порядки. Связь с командирами частей была прервана. Бой принял ожесточенный характер. До нас доносились взрывы гранат, частые одиночные выстрелы орудий, гул танковых моторов.

В разгар боя был тяжело ранен полковник А. И. Ключанов. Его принесли в наш блиндаж. В это же время мне доложили, что приближаются два танка противника. Я приказал командиру батареи 76-мм орудий, огневые позиции которых были недалеко от моего наблюдательного пункта, уничтожить танки. Вдруг блиндаж вздрогнул, что-то затрещало, полетели куски бревен, посыпалась земля. Сидевший за столиком напротив меня радист был убит, рация разбита. У моих ног с визгом волчком вертелся снаряд. В какое-то мгновение в голове пронеслось: «Все, конец». Но взрыва не последовало. К счастью, это была одна из тех болванок, которыми противник обычно бьет по танкам. Я выбрался из-под обломков и подполз к Ключанову:

— Жив?

— Пока еще дышу, — слабым голосом ответил Александр Иванович.

Танк противника дал еще два выстрела, но уже не болванками, а осколочными снарядами. Позвонил командир 942-го полка полковник Козино, а затем начальник штаба 952-го полка майор Рождественский. Они доложили, что контратака противника отбита.

— Как отбита! — возмутился я. — Танки подошли к моему блиндажу!

Начальник штаба 952-го полка майор Рождественский ответил, что пять танков действительно прорвались, но пехота противника от них отсечена.

Вскоре три танка подбила наша артиллерия, четвертый из прорвавшихся к наблюдательному пункту подожгли наши танкисты, а пятый развернулся и быстро скрылся в лесу.

Начиная с 26 марта в течение шести суток противник бомбил, обстреливал нас и яростно контратаковал, стремясь ликвидировать «мешок» в своей обороне. В течение дня несколько раз появлялся разведывательный самолет «рама», чтобы проверить, есть ли в этом «мешке» живые люди. Мы уже знали, что после визита проклятой «рамы» последуют удары авиации и артиллерии. У нас же не хватало снарядов, хотя артиллерии было достаточно. Установленный лимит на снаряды был полностью израсходован.

Несмотря на все попытки противника ликвидировать «мешок», сделать ему это не удалось. Благодаря стойкости и героизму личного состава наша дивизия сумела удержать этот важный рубеж.

29 марта наступило затишье. После пасмурной погоды выдался ясный день. Мы осматривали местность и не верили своим глазам. До начала наступления нас окружал густой лес, а сейчас его не было. Только изувеченные деревья да торчащие вверх корни напоминали о нем. Глубокие воронки, полуразрушенные блиндажи, остовы орудий с разбитыми колесами свидетельствовали о силе авиационных и артиллерийских ударов противника. Тот, кто видел поле боя под Красным Бором, мог по достоинству оценить стойкость наших людей.

Вечером 29 марта меня вызвал к рации командующий 55-й армией генерал В. П. Свиридов и сказал:

— Ну, хватит вам в «мешке» сидеть, выбирайтесь на свой командный пункт.

Красноборские операции на Ленинградском фронте проводились одновременно с боевыми действиями войск Волховского фронта.

Несмотря на то что нам не удалось разгромить Мгинско-Синявинскую группировку врага, наступательные действия Ленинградского и Волховского фронтов в феврале—марте 1943 года, осуществленные по единому плану Ставки ВГК, имели важное оперативно-стратегическое значение. В тот период, когда на южном фланге

советско-германского фронта наша армия, преследуя разбитого на Волге и Северном Кавказе врага, успешно развивала наступление на запад и юго-запад, бои под Ленинградом сковали 30 немецких дивизий. На войне иные поражения стоят победы...

БЛИЗОК ЧАС

Летом 1943 года мы вели тяжелые оборонительные бои у Синявинских высот.

11 июня мне передали приказ: на следующий день в 10.00 прибыть в управление кадров штаба фронта. Этот вызов насторожил меня. Я понимал, что во время боев «кадровики» не стали бы вызывать для уточнения каких-нибудь анкетных данных. Конечно же, на то был приказ вышестоящего начальника. Кому и зачем я понадобился?

Признаться, я опасался, как бы не пришлось расстаться с Ленинградским фронтом. Самое тяжелое время, думалось, пережито, а теперь, когда наступает канун нашего всеобщего наступления под Ленинградом, могут взять и перевести тебя на другой фронт. Это было тогда в порядке вещей. Многие командиры частей и соединений получали новые назначения и очень неохотно расставались с Ленинградским фронтом.

Меньше всего я надеялся на благополучный для меня исход дела, подъезжая к Шуваловскому парку, где во дворце и флигелях размещался тогда штаб фронта.

О моем прибытии начальник управления кадров штаба фронта сразу доложил командующему, и тот незамедлительно принял меня. Хороший признак! Я понял, что меня не откомандируют на «Большую землю». Это могли бы сделать и без личного участия Л. А. Говорова.

Психологически я не был подготовлен к встрече с Говоровым, поэтому, докладывая о своем прибытии, чуть было не перепутал звание командующего. По привычке так и хотелось сказать: «Товарищ генерал-лейтенант». Но третья звезда на погонах командующего напомнила мне о его новом звании — генерал-полковник, и я успел поправиться. Мое замешательство не ускользнуло от внимания Говорова. Он предложил сесть и, как бы между прочим, заметил, что на войне всякое бывает — могут повысить и понизить в звании, но его, как говорится, бог миловал. Той же удачи пожелал командующий и мне.

Благожелательный тон начавшейся беседы еще больше успокоил меня. Говоров стал расспрашивать об обстановке, последних боях, о настроении личного состава. Я доложил, ничего не скрывая, о тяжелых условиях обороны в болотах. Сказал, что окапываться невозможно, траншеи и ходы сообщений приходится делать насыпными, от артиллерийского обстрела они быстро разрушаются. Ночью строим, а днем все наше строительство противник разбивает. Несем большие потери. Отсутствие дорог создает трудности при эвакуации раненых, снабжении боеприпасами и организации питания.

В это время в кабинет командующего вошел член Военного совета фронта Андрей Александрович Жданов. Он приветливо поздоровался со мной и сразу, как бы продолжая разговор, сказал:

— Нам все еще приходится сидеть в низинах, а гитлеровцы занимают почти все высоты, не считая, конечно, Пулковских. Пора нам от обороны переходить к наступлению!

— Давно пора! — вырвалось у меня.

Неожиданно Андрей Александрович спросил:

— А где ваша семья? Вы ее, кажется, нашли?

— Да, нашел, — ответил я и с благодарностью подумал о члене Военного совета фронта А. А. Кузнецове, который помог мне разыскать семью после освобождения Красного Сулина.

В конце беседы командующий фронтом сообщил, что Военный совет решил назначить меня командиром 46-й стрелковой дивизии, которая отведена в резерв и находится в районе населенных пунктов Понтонная, Усть-Славянка и Саратовская колония.

А. А. Говоров и А. А. Жданов рассказали мне о боевом пути 46-й дивизии.

Она была сформирована в августе 1941 года из пограничных войск и именовалась 1-й дивизией НКВД. В бой против гитлеровцев вступила в конце того же месяца в районе Мги, 8-й ГЭС и Шлиссельбурга. Ведя ожесточенные бои, пограничники сумели задержать наступление врага на несколько дней. Однако значительно превосходящим силам противника удалось оттеснить части дивизии и овладеть 8-й ГЭС и городом Шлиссельбургом, находящимся на берегу Ладожского озера у истоков Невы. Шлиссельбургская крепость, которая возвышается на одном из островов Ладоги, осталась в наших руках. Как

известно, ее героически защищал до освобождения Шлиссельбурга немногочисленный гарнизон, состоявший из пехотинцев, артиллеристов и моряков.

Части 46-й дивизии с сентября 1941 года по апрель 1943 года занимали оборону на семидесятикилометровом участке фронта на правом берегу Невы — от устья реки Тосны до Ладожского озера. Враг не раз пытался форсировать в этом районе Неву, но все его атаки разбивались о стойкость воинов дивизии.

А. А. Говоров обратил особое внимание на то, что дивизия еще по-настоящему не участвовала в наступательных боях. Как бы продолжая мысль командующего, А. А. Жданов сказал:

— Длительная оборона чревата опасностями. Люди заболевают «окопной болезнью». От нее надо избавляться. Вам предстоит подготовить дивизию к наступательным боям.

На следующий день я уже был в штабе 55-й армии. Представился командарму — генерал-лейтенанту В. П. Свиридову, а затем отправился в штаб 46-й стрелковой дивизии, который находился в Усть-Ижоре. Начальник штаба дивизии полковник Николай Никитич Проскурин доложил о состоянии дел в дивизии, познакомил кратко с биографиями командиров частей и подразделений. Я с радостью отметил про себя, что командно-политический состав дивизии в основном состоит из кадровых товарищей. Это объяснялось, очевидно, тем, что 46-я дивизия, находясь в обороне, не несла больших потерь.

Николай Никитич произвел на меня хорошее впечатление своей скромностью, деловитостью и, насколько я мог заметить, военной грамотностью.

Вскоре я ближе познакомился с командирами частей и подразделений. Командиры полков — полковник И. Н. Фадеев и подполковник А. П. Мельников — были опытными военными. Первый до войны прошел путь в армии от командира взвода до командира полка; второй — работал в одном из управлений Министерства обороны СССР, подавал множество рапортов своим начальникам, пока не добился отправки на фронт. Командиром третьего полка недавно назначили майора С. Ф. Семенова, хорошо воспитателя, требовательного войскового начальника.

Все лето дивизия усиленно готовилась к наступательным боям. Полковые и батальонные учения следовали одно за другим.

Однажды, вернувшись после учения в Усть-Ижору, я встретился со своим другом секретарем Слуцкого райкома партии Яковом Ильичом Данилиным. Мы вспомнили события сурового сентября сорок первого года, подвал Павловского дворца, в котором скрывались от бомбежек старики, женщины, дети. А сейчас, рассказывал Яков Ильич, эвакуированные из Слуцка овощеводы умудряются выращивать на болотистой почве в нескольких километрах от переднего края такие диковинки для блокадного Ленинграда, как огурцы.

— Это вам за оборону Слуцка и поддержку наших людей, скрывавшихся в Павловском дворце, — шутил он, угощая нас огурцами. — Освободите район — получите помидоры.

Данилин стал нашим частым гостем. Он активно помогал в работе политотдела, организовывал встречи со знатными людьми Ленинграда, рассказывал бойцам о зверствах немецко-фашистских захватчиков на оккупированной части территории Слуцкого района. Секретарь райкома был связан не только с трудящимися района, проживающими на нашей стороне, но и с теми, кто жил и боролся за линией фронта, в тылу врага. Делал Яков Ильич все без шума, спокойно. Был он небольшого роста, с простым, добродушным лицом, говорил всегда негромко, словно кого-то стеснялся. Все у него ладилось хорошо, и жизнь в прифронтовой полосе района благодаря его хлопотам и стараниям протекала относительно нормально (насколько это было, конечно, возможно в тяжелейших условиях блокады). Бесперебойно работали районный хлебозавод, предприятия коммунального обслуживания, ремонтировались тракторы, проводились весенние посевные и прополочные работы, уборочные кампании.

Мы, военные, особенно ценили в секретаре Слуцкого райкома партии Я. И. Данилине его оперативность и деловитость. Он помогал нам не только в партийно-политической работе, но и в хозяйственных делах. Бывало, например, выйдет из строя грузовая машина, нет какой-нибудь детали ни у нас, ни на армейских складах, звонишь секретарю райкома. Дескать, так, мол, и так, помоги, выручай.

— Нет ее, к сожалению, и у нас, — ответит он и тут же добавит: — Но я постараюсь найти.

И мы уже знали, если Яков Ильич сказал «постараюсь», значит, все будет в порядке.

Однажды попросили мы Данилина выступить на совещании агитаторов частей и подразделений дивизии. Он сделал это мастерски, хотя и не был искусным оратором. Выступление его было дружеской беседой, из которой наши агитаторы узнали, что представлял собой Слуцкий район до войны, сколько овощей и молока поставлял Ленинграду, как оберегался один из красивейших парков в Европе — Павловский, какую историческую и архитектурную ценность имеют дворец и павильоны, расположенные на его территории. Секретарь райкома рассказал о разбое и зверствах, чинимых фашистами в Слуцке, и в частности на территории заповедного парка, о героических буднях тружеников и партизан района.

Когда секретарь райкома кончил говорить, начальник политотдела дивизии М. П. Меркушев поблагодарил его от имени командования и всех, кто его слушал.

— Что ж, долг платежом красен, — хитровато прищурившись, сказал Яков Ильич.

— Излагай свою просьбу, — предложил я, — сделаем для райкома партии и трудящихся все, что в наших силах.

— Освободите быстрее от фашистских оккупантов район, — по-дружески просто и как-то очень задушевно сказал он.

— Выполним просьбу секретаря Слуцкого райкома партии товарища Данилина? — обратился я к агитаторам-фронтовикам.

Раздался гром аплодисментов, а затем один из агитаторов, сержант А. М. Глазунов, попросил слова:

— За нами дело не станет, товарищ полковник, скорее бы только поступил приказ о наступлении.

И снова овация и выкрики: «Правильно!», «Пора наступать!»

Наступать! Этим желанием только и жили мы в те дни. Когда, наконец, поступил приказ о выходе дивизии из резерва фронта и переподчинении ее штабу 55-й армии, мы уже было подумали — начинается.

В начале сентября меня вызвали в штаб 55-й армии. Приехав туда, я узнал от начальника штаба армии генерал-майора А. С. Цветкова о приказе командарма: занять линию обороны в районе Красного Бора — от деревни Мышкино до выступа того самого клина, который полгода назад вбила в оборону противника 268-я дивизия. Я вспомнил те дни, когда нам пришлось оборонять краснорборский выступ, или, как мы его тогда называли, «ме-

шок», и порадовался, что сумели отстоять завоеванное. Но тут же огорчился, что нам снова ставят задачу обороняться, а не наступать.

Генерал Александр Семенович Цветков преподавал у нас в Академии имени М. В. Фрунзе службу штабов. Судьба не раз сводила меня с ним на фронте.

— Сейчас враг на тебя не полезет, — строго проговорил генерал, — но постарайся сам его не прозевать. — Затем, улыбнувшись загадочно, спросил: — Помнишь раздел моих лекций, касающийся управления войсками в период преследования отступающего противника?

Я с удивлением посмотрел на Александра Семеновича, стараясь угадать, что кроется за его иносказанием. Неужели противник собирается по своей инициативе оставить оборонительные позиции на нашем участке?

На мой недоуменный вопрос начштаарм ответил уклончиво:

— Ничего определенного не могу тебе сказать, но ты же знаешь, что наш противник любит воевать по устанам. Займешь оборону, не спускай с него глаз.

Позже я понял, почему генерал Цветков в такой осторожной форме вел этот разговор, намекая на возможный отход врага. Как раз в то время в штабе Ленинградского фронта разрабатывались операции, носившие условные названия «Нева-1» и «Нева-2». Первая определяла действия наших частей и соединений на случай, если противник начнет отвод своих войск из-под Ленинграда на тыловые рубежи группы армий «Север»; вторая была рассчитана на глубокий прорыв вражеских оборонительных полос, захват опорных населенных пунктов и промежуточных рубежей.

По плану этой операции войскам Ленинградского и Волховского фронтов ставились задачи одновременными ударами по флангам 18-й армии юго-западнее Ленинграда и в районе Новгорода сокрушить врага, сломить его сопротивление и, развивая наступление, полностью очистить Ленинградскую область от немецко-фашистских захватчиков.

Как известно, в середине января сорок четвертого года наступление наших войск под Ленинградом началось и развивалось по плану операции «Нева-2». Однако в сентябре, когда генерал Цветков вызвал меня в штаб 55-й армии, операции еще только разрабатывались. Начштаарм, конечно, мог знать о них, но, разговаривая со мной,

посвящать в сугубо секретные дела высших штабов пока еще не имел права, хотя и не ориентировать командира дивизии, занимающей оборону, тоже не мог.

Мы в академии любовно называли А. С. Цветкова «наш старик», а было ему в то время немного за сорок. Свой предмет Александр Семенович считал наиглавнейшим и не прощал даже малейшей небрежности, когда слушал наши ответы или просматривал письменные работы — документацию, схемы, карты с нанесенной обстановкой. Он старался привить нам аккуратность, строжайшую пунктуальность, умение быстро ориентироваться в любой обстановке и принимать грамотные решения.

И еще на всю жизнь запомнилось мне, как Александр Семенович убежденно говорил, что военный человек должен уметь держать язык за зубами. Сам он был примером тому. Видимо, поэтому некоторые из нас считали его хитрым. Но был он скорее, как я мог убедиться и в академии, и на фронте, человеком открытым, прямым. А если и проявлялась какая-то хитрость в его характере, то это скорее та «военная хитрость», без которой немислим командир, военачальник.

И не случайно, когда мы, однокурсники, товарищи, друзья по академии, встречались на дорогах войны, всегда с благодарностью вспоминали преподавателя по службе штабов — нашего «старика» генерала Александра Семеновича Цветкова.

На войне особенно важно присматриваться к людям, угадывать их способности. Если человек не показал своего умения командовать частью или подразделением, надо немедленно заменять его. В то же время нельзя делать выводы о деловых и боевых качествах командира на основании некоторых случайных фактов. Иной вспыльчивый войсковой начальник может сгоряча несправедливо отстранить от должности хорошего офицера или, скажем, подать рапорт по инстанции, умаляющий достоинства и подчеркивающий недостатки того или иного подчиненного.

Осенью, когда мы заняли оборону в районе красноборского выступа и населенного пункта Мышкино, был у меня однажды такой случай. Прихожу в 340-й стрелковый полк и, к своему удивлению, нигде не могу застать его командира полковника И. Н. Фадеева: нет его ни на командном пункте, ни в подразделениях. Может быть, думаю, сел в машину и укатил в Ленинград? Но нет, Фа-

деев этого не сделает. Он дисциплинированный офицер, без моего разрешения из полка никогда не отлучится. Где же он?

Наконец выяснилось, что адъютант командира полка ленинградец привез из дома роман «Война и мир» Л. Толстого. Фадеев решил перечитать его. Он уединился и, как говорится, забыл все на свете. Насилу нашли его. Командир полка честно признался, что сегодня, не отрываясь, читает «Войну и мир». Можно было строго наказать полковника. Ведь время для чтения он выбрал явно неподходящее. Но я решил не торопиться с наложением дисциплинарного взыскания. В тот день мы с Фадеевым побывали во всех подразделениях. Я убедился, что командир полка у них не гость, все его хорошо знают и он лично знает всех командиров батальонов, рот, взводов, многих командиров отделений и солдат. По всему чувствовалось, что в полку уважают и любят своего командира, верят ему. И я понял — можно ограничиться внушением И. Н. Фадееву.

Сказал полковнику, что пока идет война, для чтения даже такой полезной литературы, как «Война и мир», нужно уметь выбирать время, и посоветовал закончить чтение романа ночью, а днем заниматься своими делами.

— Есть закончить читать ночью, — по-военному четко сказал он.

Мне тогда показалось, что Иван Никифорович ответил формально. Он был старше меня годами и дольше служил в армии. Думалось, в душе, наверное, затаил обиду. Однако, к счастью, время показало, что это не так. Фадеев умел не только подчинять своей воле людей, но и сам беспрекословно подчиняться старшему войсковому начальнику.

Находясь в обороне в первом эшелоне с конца сентября до декабря, мы не прекращали готовиться к наступлению: поочередно отводили части и подразделения в тыл, в район Ленметаллостроя, где проводили батальонные и полковые учения, обращая особое внимание на согласованные действия пехотинцев, артиллеристов и саперов как при блокировке отдельных дотов, дзотов, так и при прорыве всей укрепленной полосы обороны противника. При этом мы учитывали особенности рубежа обороны противостоящей нам 24-й немецкой пехотной дивизии от населенного пункта Мышкино до красноборского выступа. Мы хорошо знали этот участок фронта: минные

поля, проволочные заграждения, доты, дзоты, расположение окопов и траншей.

Нам, правда, не довелось прорывать оборону именно здесь. Но учеба не пропала даром: наступать, блокировать доты, дзоты, прорывать оборонительные полосы противника нам пришлось не раз. К слову сказать, уже далеко от Ленинграда, в районе Осьмина, мы встретились с нашим давним противником по Красному Бору — 24-й немецкой пехотной дивизией.

В декабре 1943 года нас сменила другая дивизия. Мы снова вышли в резерв фронта. Наши полки и тыловые части сосредоточились в районе населенных пунктов Понтонная, Усть-Славянка, Рыбацкое и Усть-Ижора.

Здесь на приневских равнинах семь веков назад великий князь новгородский Александр Ярославович разгромил шведов и в честь этой победы был наречен народом Александром Невским. Об этой славной странице из истории России рассказывали солдатам политработники, когда проводили с ними беседы о доблести русского оружия и многовековых героических традициях нашего народа.

В частях и подразделениях состоялись митинги, зачитывались приказы о повышении в звании отличившихся солдат, сержантов и офицеров. «На станции Понтонная было торжественное построение, — вспоминает бывший командир отделения 3-го взвода 5-й роты 2-го батальона 176-го стрелкового полка младший сержант В. Р. Мартынов. — Вручали боевое знамя нашему полку. Полк стоял в линию побатальонно. Нас фотографировали. Я стоял впереди отделения и чувствовал себя гордо... Потом в батальонах зачитывали приказ командования о повышении в звании.

Нашему ротному, лейтенанту Кузину Ивану Владимировичу, присвоили звание старшего лейтенанта, он был молодым, шел ему 21-й год. Он сам из Орла, хороший был товарищ. Нашему взводному, младшему лейтенанту Данилову Сергею Александровичу, дали звание лейтенанта. Родом он из Калининской области, шел ему 23-й год, перед войной учился в Ленинградском финансовом техникуме. Мне тогда присвоили звание младшего сержанта...»

Прошло более четверти века, а бывший солдат помнит не только имя, отчество, фамилию командира, но и сколько ему было лет, откуда он родом, где учился. Война разлучила младшего сержанта В. Р. Мартынова с его

ротным и взводным. Пройдут долгие годы, а он не забудет их. Но об этом я еще расскажу...

Подготовка дивизии к наступательным боям еще более усилилась. По всему было видно — близится час наступления.

У ВОРОНЬЕЙ ГОРЫ

Как и перед боями за прорыв блокады, нас, командиров дивизий, находящихся в резерве, часто вызывали в штаб фронта. Здесь я встречался не только с общевойсковыми командирами, но и с офицерами флота. На одном из совещаний я узнал, что из Ленинграда и из Лисьего Носа на Приморский плацдарм моряки скрытно, по ночам, перевозят на военных кораблях и гражданских судах войска, артиллерию, танки и боеприпасы. Военный совет фронта поставил перед штабом Краснознаменного Балтфлота задачу: в сжатые сроки переправить на плацдарм 2-ю ударную армию.

Я еще не знал плана будущей операции, но не трудно было догадаться, что с Приморского плацдарма все и начнется. Можно было только мечтать о том, чтобы попасть в состав 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм, в старые, хорошо знакомые мне места. Но нашей дивизии в разработанной штабом фронта наступательной операции «Нева-2» была отведена совсем другая роль.

14 января 1944 года в 9 часов 35 минут началась артподготовка на Приморском плацдарме. В ней участвовала артиллерия 2-й ударной армии, мощные дальнбойные орудия фортов Красная Горка и Серая Лошадь, крепости Кронштадт и кораблей Краснознаменного Балтфлота.

Я в это время был на своем КП в Усть-Ижоре. До нас только доходил отдаленный гул канонады морских орудий большого калибра. Но зато назавтра, 15 января, в 9 часов 20 минут, когда из-под Пулкова ударила артиллерия нашей 42-й армии, мы услышали такой гром и увидели столько огненных вспышек, что казалось, как говорится, земля разверзлась. Я не мог оторваться от этого зрелища.

— Вас просит к телефону командующий армией, — доложил мой адъютант Руденко.

Я бросился к телефону, втайне надеясь, что последует боевой приказ о сосредоточении нашей дивизии на исходном рубеже. Но в трубке послышался ликующий

голос генерала В. П. Свиридова. Словно забыв наш обычный уставной язык, он кричал:

— Слышишь, Семен Николаевич, началось!

— Слышу и вижу, — в тон командующему радостно ответил я. — А когда же мы?

Генерал Свиридов сквозь смех проговорил:

— Я у своего хозяина тоже так спрашивал, а он мне ответил: «Делайте свое дело, всему свой черед».

Примерно то же самое и я слышал от Говорова. Было это летом, а теперь — зима. Тогда я понял — командующий фронтом намекает на близкий час нового, всеобщего наступления. Но вот оно началось, а мы все еще должны ждать.

Генерал Свиридов между тем продолжал успокаивать меня — дескать, главное еще впереди, работы хватит для всех.

Когда разговор был закончен, я разложил на столе карты некоторых участков нашего фронта и стал анализировать известные мне факты и додумывать то, чего не знал. Вчера с Приморского плацдарма началось наступление 2-й ударной армии, а сейчас из-под Пулковских высот вступает в бой 42-я армия. По артподготовке можно судить, что все рассчитано на прорыв глубоко эшелонированной обороны противника. Следовательно, 2-я ударная и 42-я армии наносят одновременно удар с двух сторон по Петергофско-Стрельнинской группировке противника. Хотя мы и были в резерве фронта, но стояли в расположении 67-й армии¹. Думалось, в ее составе нам и придется наступать. Какую же роль может играть эта армия? Пожалуй, если судить по обстановке, она не находится на направлении главного удара.

Я вызвал начальника штаба дивизии полковника Н. Н. Проскурина и поделился с ним своими соображениями.

— Ясное дело, — согласился со мной Николай Никитич. — Вторая ударная и сорок вторая пробиваются навстречу друг другу. Они наверняка соединятся. Слышите, какая артподготовка? Давно такой музыки не было. Считайте, товарищ комдив, что группировка гитлеровских войск в этом районе будет окружена. Вот там сейчас работка! Что же касается шестьдесят седьмой армии, то ей пока отведена второстепенная роль.

---

¹ К этому времени 55-я армия была переименована в 67-ю.

Позвонил начштаба 67-й армии генерал А. С. Цветков и, сославшись на мой недавний разговор с командармом, сказал:

— Приезжай, полковник, ко мне. — Выдержав паузу, добавил: — Наш командующий говорит, что настроение у тебя неважное. Правда это?

— А вы, товарищ генерал-майор, можете исправить мое настроение? — в свою очередь спросил я.

— Поговорим, душу отведем.

Штаб армии находился в парке завода «Большевик». Я ехал по улицам Невской заставы и не узнавал их. Еще недавно почти безлюдные, они сразу как-то ожили, загомонили. У каждого дома стояли группы взволнованных людей. Вслушиваясь в канонаду, они возбужденно разговаривали, лица их светились радостью.

Александр Семенович принял меня радушно. С первых же слов я понял, что он чувствует то же, что и я. Наконец-то на Ленинградском фронте начались большие дела!

Человек аналитического ума, привыкший мыслить масштабно, генерал Цветков не ограничивался, однако, в своих рассуждениях только нашими делами, радостями или обидами. Он как бы втолковывал и себе и мне, что начинается новый этап войны. После крупных поражений в минувшем году, говорил Александр Семенович, противник будет из кожи лезть вон, чтобы измотать, истощить нас своей обороной, стабилизировать фронт на Востоке, затянуть войну.

— Насколько я понимаю, — продолжал генерал, — враг выжидает сейчас момента, чтобы расправиться с нашими союзниками на Западе, если они откроют второй фронт, а затем осуществить свою главную цель — собрать воедино еще больший кулак на Востоке и победоносно решить исход войны. Мы должны упредить противника, должны навязать ему свою волю. Этим и занята сейчас наша Ставка Верховного Главнокомандования.

Александр Семенович сказал, что 2-я ударная армия, наступающая из района Ораниенбаума в общем направлении на Ропшу, прорвала уже на десятикилометровом участке две позиции главной полосы обороны. Успешно развивают наступление на Новгород и войска Волховского фронта, а из района Пулковских высот в направлении

Красного Села и Ропши идет на штурм глубоко эшелонированной обороны противника 42-я армия.

Через несколько дней, подчеркнул генерал, развернутся большие события.

— Не бойся, дел хватит и нам, — заключил он. — Жди приказа и не нервничай.

24 января я получил телеграмму из штаба фронта, в которой говорилось, что наша 46-я стрелковая дивизия переподчиняется штабу 42-й армии, а вслед за этим пришел приказ из штаба этой армии, в котором нашей дивизии ставилась задача наступать с рубежа Мариенбург — Гатчина.

В тот же день поздним вечером полки выступили походными колоннами. Им предстояло совершить семидесятикилометровый марш по взорванным и разрушенным фронтовым дорогам.

В пути, уточняя обстановку в штабах, беседуя с офицерами и бойцами, я узнавал много интересного для себя. Очень обрадовала меня случайная встреча с ветеранами родной 168-й дивизии. Уже давно расстался с этим соединением генерал Андрей Леонтьевич Бондарев. Но войны этой дивизии до сих пор продолжали называть себя бондаревцами и гордились, что корпус, которым ныне командует наш бывший комдив, бьет фашистов на Украине, а сам Андрей Леонтьевич за умелое руководство войсками и проявленные при этом личную храбрость и героизм при форсировании Днепра удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

168-я дивизия входила сейчас в состав 2-й ударной армии. Сколь знаменательным мне показался тот факт, что именно бондаревцы — герои тяжелых оборонительных боев сорок первого года — были среди тех, кто 19 января 1944 года в 23 часа первыми соединились с танкистами 42-й армии недалеко от Ропши — в районе населенного пункта Русско-Высоцкое.

Конечно, думал я, не случайно 168-я дивизия, прославившаяся в боях у стен великого города на Неве в сорок первом, была одной из тех, кто в сорок четвертом начал разгром врага под Ленинградом. Велика сила боевых традиций!

Об этом ярко свидетельствует и боевой путь гвардейцев соединения генерала Н. П. Симоняка, отличившихся в боях на полуострове Ханко, при прорыве блокады, наконец, в боях за полный разгром немецко-фашистских

войск под Ленинградом. Многих симоняковцев — своих соседей слева по прорыву блокады — встречал я на фронтовых дорогах в январе сорок четвертого.

Н. П. Симоняк командовал уже 30-м гвардейским корпусом, а бывший офицер штаба фронта полковник А. Ф. Щеглов стал его преемником — командиром 63-й гвардейской дивизии.

30-й гвардейский корпус прославленного генерала шел в центре наступления 42-й армии. Дивизия, которая отличилась год назад при прорыве блокады, после тяжелого безуспешного дневного боя 18 января 1944 года ночью 19 января начала штурм сильного узла обороны противника восточнее Дудергофа — Вороньей горы, той самой горы, откуда гитлеровцы вели интенсивный обстрел Ленинграда из дальнобойных орудий большого калибра. 19 января на рассвете гитлеровский гарнизон Вороньей горы был окружен и сопротивление его сломлено. В 6 часов утра на горе взвился красный флаг. Обо всем этом нам рассказали уже в штабе 42-й армии.

До Вороньей горы, где размещался штаб, мы ехали по фронтовым дорогам мимо памятных рубежей, на которых сражались бондаревцы в 1941 году. Кругом видны были взорванные доты и дзоты, исковерканные орудия, машины, повозки, мотки колючей проволоки, глыбы камней, детские железные кровати на пепелищах, остовы печных труб...

110-й корпус генерал-лейтенанта И. В. Хазова освободил в этот день Пушкин и Павловск и двинулся дальше на запад, преследуя отступающего врага.

В полночь наша машина въехала в сильно поредевший Павловский парк. В темноте полыхало и шумело на ветру огромное пламя. Горел Павловский дворец. Падали горящие бревна, летели в разные стороны большущие головни.

Бывая сейчас в Павловске, любуясь прекрасным дворцом, павильонами и парком, я всегда вспоминаю ту ночь, когда мы увидели горящий дворец. Казалось, что он погиб, что его невозможно будет возродить из руин и пепла. Только фигура Павла I, освещенная пламенем пожара, стояла нетронутой на своем старом месте перед дворцом.

Мы очень устали. Надо было еще искать ночлег. Сели в машину, выехали из парка и в отсветах пожара снова увидели страшную картину разрушения. Павловск

был в руинах. Живы ли те люди, которые скрывались в сентябре сорок первого в подвалах Павловского дворца от артобстрелов и бомбежек? Вспомнив о них, я подумал и о секретаре райкома партии.

Да, большая тебе предстоит работа, наш дорогой Яков Ильич!

Нас нагнал командир комендантского взвода. Он сказал, что в большом рву между Павловском и Пушкином отыскал бывшие немецкие блиндажи, обставленные позолоченными креслами, диванами и зеркалами, вывезенными, очевидно, из дворцов. В одном из таких блиндажей мы и решили заночевать.

Мебель оказалась действительно музейной. По сохранившимся на некоторых диванах и стульях маленьким инвентарным номеркам мы установили, что она принадлежит Екатерининскому дворцу. Обивка была во многих местах изорвана, а позолота отбита. Я приказал командиру комендантского взвода с наступлением утра снарядить бойцов для поисков и сбора дворцовой мебели, а затем сдать ее под расписку представителям местных органов Советской власти.

Не знаю, могли ли мы еще больше испортить диваны, поспав на них часа три, но по давней привычке советских людей беречь народное добро отказались от комфорта и, расстелив на полу свои полушубки, укрылись шинелями. Подремали недолго. В четыре ноль-ноль утра уже были в машине. В предутренних сумерках шофер еле угадывал дорогу. Со смешанным чувством радости и боли смотрел я на выросшую перед нами вершину Вороньей горы. Все 900 дней блокады в нашем сознании она жила как высота, откуда враг стреляет по Ленинграду, убивая и калеча стариков, женщин и детей, разрушая дома, заводы и фабрики...

У шлагбаума дежурный офицер проверил наши документы и указал дорогу к штабу. Разыскав у подножия горы блиндаж оперативного отдела штаба, я осторожно открыл дверь, думая, что там еще спят. Но блиндаж был освещен, топилась печурка, и люди бодрствовали. Один из офицеров, стоявший ко мне спиной, что-то диктовал по радиии. Насколько я понял, это было донесение в штаб фронта о боевых действиях корпусов и дивизий в полосе наступления армии. Голос человека, стоявшего у радиии, показался мне очень знакомым. Офицер был намного выше меня ростом. Я не видел, сколько звездочек

на его погонах, и, не зная, как обратиться к нему, молчал. А он, увлекшись работой, не замечал меня. Наконец офицер повернулся ко мне в профиль, и я сразу узнал его.

Крылов, Василий Маркович! Друг и однокашник по академии! Сколько вместе пережито...

Он ощупывает меня, словно не верит своим глазам.

— Скажи, пожалуйста, прямо как во сне!

— Может, и во сне, — пытаюсь я шутить. — А тебе, поди, и прилечь некогда, спишь тут прямо на ходу, между делом?

— Не говори, работенки привалило, зато с места тронулись. Хватит, отсиделись в окопах. Сейчас жмем вперед на всю железку.

— А где уже?

— Под Гатчиной!

Он рассказывает о действиях гвардейского корпуса генерала Симоняка и дивизий, которыми командуют генерал Зайончковский, полковники Егоров и Якутович. Я отмечаю про себя, что у первого принимал командование 5-й бригадой морской пехоты, второму сдавал командование 168-й дивизией, а третьего мы с Крыловым хорошо знаем. Вячеслав Петрович Якутович наш однокурсник, и мы вспоминаем, как старательно он всегда отвечал на вопросы преподавателей.

— Так же старательно и воюет, — шутит Крылов. — Да, растем, брат, постигаем военную науку на практике. Мы вроде бы те же и не те.

Неожиданно он поздравляет меня.

— С чем? — спрашиваю я.

— Как с чем, со званием полковника, да и должность у тебя большая — дивизией командуешь.

— Так и тебя с тем же. Вижу, ты тоже полковник и, должно быть, начальник оперативного отдела армии.

— Точно так, а расстались мы с тобой слушателями академии. Хорошая была школа, — задумчиво произносит мой друг. — Всегда с благодарностью вспоминаю преподавателей, особенно нашего «старика». Его лекции по службе штабов — сейчас мой хлеб.

Я рассказываю о своих последних встречах с генералом Цветковым. И снова вопросы-расспросы. Потом начальник оперативного отдела армии, как и положено ему по должности, предельно ясно и сжато объясняет мне обстановку, говорит о задачах, стоящих перед армией...

В минувший день войска армии частью сил вели ожесточенные бои на гатчинском направлении, а на левом фланге после занятия городов Пушкина и Павловска развивали наступление на юг. На станции Антропшино захвачен эшелон с боеприпасами противника. В районах северо-западнее, севернее и северо-восточнее Гатчины части 111-й и 215-й немецких пехотных дивизий оказывают упорное сопротивление нашим 117-му и 123-му стрелковым корпусам. Сейчас главная задача 42-й армии состоит в том, чтобы овладеть городом Гатчиной и развивать наступление на лужском и кингисеппском направлениях.

Крылов смотрит на часы. Его ждут оперативные дела, а мне надо торопиться на прием к генерал-полковнику И. И. Масленникову, который уехал с вечера в войска и приказал передать мне, чтобы я явился к нему в хозяйство полковника Батлука — в штаб 120-й стрелковой дивизии, которая ведет бои с северо-востока и востока на ближних подступах к Гатчине.

Прощаясь с Крыловым, я сказал, что хотел бы взглянуть на немецкие дальнбойные пушки, стрелявшие по Ленинграду, и попросил дать мне сопровождающего.

— Темень такая, — ответил Крылов, — ни зги не видно, да ты, Семен, этого трофейного «добра» по дороге увидишь сколько твоей душе угодно. Много их тяжелых пушек основательно подбила наша артиллерия, жаль, не все из них можно будет восстановить и пустить в дело. А ведь мы захватили большие склады снарядов к этим орудиям.

Когда рассвело, мы действительно увидели брошенные прагом тяжелые орудия. Многие из них были до того разворочены, что годились разве только на лом. У одной из таких пушек, стоявшей на высотке, лежали трупы вражеских артиллеристов. Невольно в памяти всплыл трагический эпизод, свидетелем которого я был. Совсем недавно — перед нашим всеобщим наступлением — на моих глазах вражеский снаряд угодил в трамвай маршрута номер десять. Казалось, я снова слышу грохот разрыва, вижу пламя, битое стекло, лужи крови, раненых и погибших людей...

Наша машина не могла проехать по шоссе, сплошь забитому трофейными орудиями, транспортерами, повозками. Еле нашли мы в лесу объездную просеку, которая могла нас вывести на Гатчину. Полковник Крылов предупредил, что нашей дивизии, возможно, придется участво-

вать в боях за этот город, поэтому я поставил командирам полков задачу: пехоте форсированным маршем следовать кратчайшим путем, пробираясь сквозь лабиринты брошенной врагом техники, а артиллерии направляться по той же объездной просеке, которую мы отыскиали.

Во время одной из остановок я беседовал с солдатами. Несмотря на многокилометровый марш по тяжелой дороге, никто не жаловался на усталость. Следы кровавого разбоя, пожары и разрушения вызывали у каждого из них жгучую ненависть к врагу. Солдаты видели, как тяжело далась победа дивизиям первого эшелона. Об этом говорили взорванные железобетонные доты, опрокинутые надолбы и сжи, многочисленные мотки колючей проволоки, обезвреженные мины, развороченные вражеские орудия. То и дело слышались восклицания: «А здорово им наши дали!»

Выехав на шоссе, мы увидели в небе отсветы пожарищ. У контрольно-пропускного пункта нашу машину остановили. Офицер проверил документы и, отвечая на мои вопросы, сообщил, что Гатчина уже полностью очищена от вражеских автоматчиков. Позже я узнал, что в боях за Гатчину отличились войска 117-го стрелкового корпуса, которым командовал Герой Советского Союза генерал-майор В. А. Трубочев — наш сосед по боям на границе.

ГЛУБОКИЙ МАНЕВР

Ранним утром 27 января, петляя по улицам и переулкам Гатчины, мы выехали из города. Быстро нашли деревню, где размещался штаб 120-й дивизии. Мне повезло. Войдя в один из уцелевших домов на самой окраине, я сразу увидел среди нескольких старших офицеров плотного, приземистого человека в форме генерал-полковника. Это был командующий армией И. И. Масленников.

— Где дивизия? — скороговоркой спросил командующий после того, как я представился.

— Вышла на Киевское шоссе северо-западнее Гатчины. Я слеую с авангардным триста сороковым полком.

Командарм сообщил, что наша дивизия входит в состав 123-го корпуса, и приказал мне немедленно явиться к генерал-лейтенанту Анисимову для получения боевой задачи. Взяв из моих рук планшет, он показал деревню, где находится штаб корпуса. На этом разговор был окончен. Властный голос командарма, его скупые, быстрые

жесты не оставляли сомнения, что человек он, видимо, по-военному суровый и требовательный. Не больше чем через час я вновь убедился в этом.

Только я представился командиру корпуса и сообщил, где находится дивизия, как в штаб быстрой походкой вошел командарм. Должно быть, его машина шла следом за мной. Он прервал наш разговор и попросил командира корпуса доложить обстановку.

Генерал-лейтенант Г. И. Анисимов сделал это весьма обстоятельно. Когда речь зашла о Елизаветине, он сказал, что там гитлеровцы продолжают оказывать упорное сопротивление. Командарм вспыхнул и в резкой форме потребовал принять все меры, чтобы немедленно овладеть этим населенным пунктом.

Впервые после 900 дней блокады я лично ощутил, что значит выйти на оперативный простор. Мы, командиры, воевавшие на Ленинградском фронте, до сих пор еще не испытали чувства удовлетворенности, когда громишь врага на огромных пространствах, как это делали наши братья по оружию под Сталинградом и на Курской дуге...

Конечно, прав командарм, требуя решительного наступательного маневра, приказывая перехватывать дороги, отсекав пути отступающему врагу, окружать и уничтожать его. И сейчас мной, как никогда, овладело нетерпение — скорее бы получить боевую задачу. Но командир корпуса все еще докладывал командарму, а тот, уточняя некоторые данные, тут же отдавал приказания. Наконец генерал-полковник Масленников, словно впервые заметив меня, сказал:

— Поставьте командиру сорок шестой задачу!

Генерал-лейтенант Анисимов быстро нанес обстановку на моей карте и приказал овладеть населенными пунктами Калитино, Черная и развивать наступление в гдовском направлении на Сосницы — Осьмино. Я повторил приказ и, получив разрешение идти выполнять его, резко повернулся к двери.

— Стойте, полковник, — задержал меня командарм. — Почему не задаете никаких вопросов?

Я ответил, что пока мне все ясно, а если что изменится, уточню обстановку на месте у соседей и своей разведкой. Должно быть, в моем ответе командующий уловил то чувство радостного возбуждения, которое испытывает командир, соскучившийся по настоящему боевому делу.

Смягчившись, он полушутливым тоном сказал:

— Задерживать не стану, а то можете прозевать противника. — И уже серьезно добавил: — Слышал о вас. Надеюсь, не подведете!

В это время командир дивизии, наступавшей в первом эшелоне корпуса, которого недавно ругал командарм, сообщил, что взяты населенные пункты Елизаветино и Николаевка.

— Давно пора, — вздохнув, сказал командарм и, прощавшись, уехал.

— Теперь ваш черед, — обратился ко мне командир корпуса. — Выполняйте поставленную вам задачу, развивайте наступление на гдовском направлении. Мы должны облегчить дело дивизиям Волховского фронта. Их под Лугой крепко затерло.

Я тут же в штабе корпуса связался по радиии с командирами наших полков, указал им районы сосредоточения и поставил задачи. Затем, выслушав последнее напутствие командира корпуса, что называется, пулей вылетел на улицу и, сев в машину, приказал шоферу:

— Жми по Киевскому шоссе, навстречу триста сороковому!

Но гнать машину долго не пришлось. Вскоре мы встретили на шоссе первую колонну 340-го стрелкового полка. Во главе ее впереди 1-го батальона шел командир полка полковник И. Н. Фадеев.

Я удивился. Ведь только с полчаса назад ему было отдано приказание по радиии. Не на машинах ли умудрились наши пехотинцы проскочить какой-нибудь участок пути?

— А мы теперь на своих двоих быстрее любой машины совершаем марши, — полковник Фадеев улыбнулся. — Солдаты боятся остаться без дела.

Мы развернули карты, и я, подтвердив ранее поставленную по радиии задачу, приказал командиру 340-го стрелкового полка срочно произвести рекогносцировку на местности и форсировать наступление вдоль дороги на населенные пункты Калитино и Черная. Надо было спешить, чтобы не дать противнику закрепиться на промежуточных рубежах.

— В добрый час! — сказал я Фадееву.

Он слегка замешкался и, покосившись на своего адъютанта лейтенанта Вареника, проговорил:

— Сегодня в Ленинграде салют будет. Читали в газе-

тах? Шутка сказать — двадцать четыре залпа из трехсот двадцати четырех орудий!

Лейтенант Вареник уже держал в руках флягу.

— По маленькой, товарищ полковник, — продолжал Фадеев, — за конец блокады.

— С удовольствием, — ответил я, — только после боя. Возьмете деревни Калитино и Черная, там и опрокинем по маленькой. А то на марше отмечать такой большой праздник как-то не совсем удобно.

— После боя так после боя. За нами дело не станет.

Однако не так легко оказалось взять деревни Калитино и Черная. Противник, используя выгодную местность, высоты и приспособленные к обороне населенные пункты, упорно сопротивлялся. 340-й полк в течение трех часов не мог сломить сопротивление врага. Я приказал командиру 176-го полка майору С. Ф. Семенову совершить обходный маневр и выйти в тыл противнику в районе деревни Черная, а командиру лыжного батальона капитану В. Г. Арсенину перерезать дорогу Калитино — Черная, чтобы не дать врагу отойти на Сосницы.

Пока Арсенин не доложил по радию о выполнении приказа, я волновался, боясь как бы гитлеровцы не ускользнули от нас.

И как же был обрадован, когда через час услышал возбужденный голос Арсенина:

— Перерезал дорогу, отступать им не даю!

Вслед за этим командир 176-го полка майор С. Ф. Семенов доложил, что и его подразделения вышли в район деревни Черная и уничтожают отступающего противника. В это же время 340-й полк полковника Фадеева ворвался в деревню Калитино. Враг был зажат между деревнями Черная и Калитино. Он метался, ища выхода из окружения, бросал на ходу артиллерию, машины и обозы. Лесная дорога на протяжении 12 километров была вся забита трофейной техникой, в кюветах и по обочинам валялись трупы вражеских солдат и офицеров.

Военный совет Ленинградского фронта учитывал, что гитлеровцы, отступающие от стен Ленинграда, которому они причинили столько горя, боясь возмездия, будут отчаянно сопротивляться. В директивах, приказах и во многих других документах говорилось, что воевать придется не с деморализованным, отступающим в панике противником, а с частями и соединениями еще достаточно сильного врага. Весь дальнейший ход боев подтвердил это. Враг

умело действовал не только во время нашего наступления зимой 1944 года, но и еще в большей мере позже, оказывая упорное сопротивление под Псковом, Нарвой и Тарту.

После боев за населенные пункты Калитино и Черная и примыкающие к ним дороги, продолжавшихся почти сутки, нам стало ясно, что враг стремится организованно отойти в двух направлениях: на Нарву и Лугу. Надо было во что бы то ни стало сорвать его замыслы. Я приказал командиру 340-го стрелкового полка полковнику И. Н. Фадееву преследовать противника в направлении Сосницы и не допустить его отхода за реку Лугу; командиру 176-го стрелкового полка майору С. Ф. Семенову — преследовать противника по параллельной дороге также в направлении Сосницы и перехватить пути отхода его на Кингисепп; командиру лыжного батальона капитану В. Г. Арсенину — совершить обход слева и перерезать дорогу в районе Сосницы, не допустив отхода врага на Осьмино и Лугу.

Большого успеха добился тогда лыжный батальон благодаря инициативе и решительности капитана Арсенина. Узнав, что Валентин Григорьевич Арсенин живет сейчас под Нюгинском в Московской области, я написал ему письмо с просьбой рассказать об этом бое и о том, как сложилась его жизнь после войны.

Ответ я получил сразу же. Вот выдержка из письма Валентина Григорьевича:

«...Вы поставили нам тогда задачу отрезать пути колонне противника, отходящей по дороге через лес. Батальон на лыжах прошел по бездорожью и обнаружил колонну. Наши разведчики установили, что противник начал отступать по лесной дороге на Сосницы. Я принял решение: одной ротой со средствами усиления занять оборону в Сосницах, а основными силами батальона ночью атаковать колонну во фланг. Фашисты не ожидали нашей внезапной атаки и настолько растерялись, что не успели даже развернуть свои орудия. Да это было бы и бесполезно, так как удар наносился одновременно по всей колонне. Все же через некоторое время противник опомнился, залег и стал отбиваться автоматным-пулеметным огнем и гранатами. Однако смелые действия бойцов роты лейтенанта Сорокина и пулеметного взвода лейтенанта Грекова сломили сопротивление гитлеровцев. Они бросили боевую технику и стали разбегаться по лесу.

Мы прочесали лес и взяли несколько сот пленных. Ну, а остальное вы сами хорошо знаете.

В этом бою отличились: лейтенант Сорокин, который после полученного ранения, истекая кровью, продолжал руководить атакой своего взвода, лейтенант Греков, умело использовавший огонь пулеметов в тех местах, где враг оказывал большее сопротивление, и старший сержант Суворов. Последнему я обязан жизнью. Он прямо из-под моих ног выхватил немецкую гранату и бросил ее обратно.

А вообще-то весь батальон действовал исключительно хорошо. За отличное выполнение задания вы представили к правительственным наградам 40 человек».

О себе Валентин Григорьевич пишет кратко: «После войны служил в Ленинградском военном округе. В 1948 году поступил в Бронетанковую академию. По окончании ее был назначен заместителем командира одной из дивизий Забайкальского военного округа. В конце 1955 года началось продолжительное обострение болезни позвоночника (сказались ранения и контузия, полученные во время боев за прорыв блокады), и в январе 1956 года я был демобилизован из рядов Советской Армии по инвалидности в звании инженер-подполковника. В настоящее время я пенсионер, но работаю начальником мастерских научно-исследовательского института».

Прочитав письмо, я подумал: «Как же Арсенин работает при таком тяжелом заболевании позвоночника?» Вскоре узнал от нашего ветерана дивизии, бывшего командира 314-го стрелкового полка А. П. Мельникова, о тяжелом испытании, выпавшем на долю В. Г. Арсенина. После демобилизации он месяцами неподвижно лежал, прикованный к постели, слушал суровые приговоры врачей. Но твердая воля бывшего фронтовика, желание жить полнокровной жизнью, работать, приносить пользу Родине взяли свое. Сражение его с недугом было продолжением военного подвига. Он каждый день, как бы ему ни было трудно, делал физические упражнения, поражая врачей своим неиссякаемым оптимизмом. Когда смог ходить, развел пчел, стал лечиться натуральным пчелиным ядом. Бывало, близкие не узнавали его, распухшего от пчелиных укусов. Он смеялся, шутил: «Мы, дескать, еще и не такое переживали».

Выигрывая день за днем маленькие сражения, он в конце концов заставил болезнь отступить настолько,

что смог вернуться в строй, найти себе дело по душе и с прежней энергией окунуться в работу.

Мне хочется немного дополнить рассказ Арсенина о боях под Сосницами.

Заняв круговую оборону в населенном пункте силами одной роты со средствами усиления, наш комбат поступил весьма предусмотрительно, так как одно из вражеских подразделений пробилось к Сосницам и завязало бой на ее северо-западной окраине. У противника другого выхода не было, как только расчищать себе путь к отступлению. Кругом болота, и скрыться негде. Поэтому, не считаясь с потерями, противник наседал на нашу роту, оборонявшую Сосницы, стремясь во что бы то ни стало выбить ее оттуда. Но этого сделать ему так и не удалось. Смелая, хорошо продуманная операция была свидетельством того, насколько выросли в боях наши командиры среднего звена. Они научились хорошо ориентироваться в обстановке, проявлять инициативу, принимать правильные решения и вести бой в самых сложных условиях.

Два с половиной года назад самонадеянные генералы и офицеры вермахта во главе с Гитлером, начиная войну против нас в очень выгодных для себя условиях, делали большую ставку на якобы низкий уровень подготовки нашего офицерского состава и его неспособность противостоять «сверхинициативным» и «сверхрешительным» офицерам фашистской армии. Что ж, господа генералы вермахта, время показало, насколько несостоятельны были ваши понятия...

После допросов пленных, взятых нами в боях за населенные пункты Калитино, Черная и Сосницы, можно было сделать один вывод: противник придает большое значение обороне города Луги. Пленные называли этот город укрепленным районом. Недаром 59-я армия Волховского фронта, начав наступление 14 января, через 6 дней взяла Новгород, а под Лугой вот уже 10 дней ведет тяжелые бои и никак не может сломить сопротивление гитлеровцев.

Луга пока не входила в полосу наступления Ленинградского фронта. Наша дивизия, как уже сказано было выше, имела задачу развивать наступление на гдовском направлении. Гдов, находящийся в двух километрах от Чудского озера, где произошло в свое время знаменитое «Ледовое побоище», вызывал у нас много разговоров. Часто кто-нибудь из бойцов вспоминал запомнившийся

ему эпизод из фильма «Александр Невский». За этим следовали беседы. Политработники, коммунисты, агитаторы рассказывали об историческом сражении, говорили о том, что у потомков псов-рыцарей плохая память.

В одной из частей бойцы-разведчики окрестили своего помкомвзвода старшего сержанта Василия Тупкаленко — человека богатырского сложения — Василием Буслаевым... Надо сказать, что своим вторым именем он гордился и не запятнал его в боях. Войну Василий Тупкаленко закончил кавалером орденов Славы всех трех степеней, ордена Красной Звезды и многих медалей. Он удостоился чести быть участником парада Победы на Красной площади в Москве. О его подвигах еще пойдет речь ниже.

Много лет спустя после войны я был обрадован, узнав, что Василий Яковлевич Тупкаленко жив и здоров. Он стал знатным комбайнером, работает в колхозе имени Чапаева Золочевского района Харьковской области.

Разгромив противника в районе Сосниц, части дивизии продолжали стремительно его преследовать.

В первом эшелоне обычно шли 340-й и 314-й стрелковые полки, которыми командовали опытные офицеры Фадеев и Мельников. Оба они были хорошими, отважными командирами, хотя и разными по характеру: полковник Иван Никифорович Фадеев — сосредоточен и сдержан, подполковник Александр Петрович Мельников — горяч и порывист. Третий командир полка — майор Сергей Федорович Семенов — был намного моложе их годами. Человек веселый, добрый, простой, он в житейских делах был прямодушен, в бою же по-военному хитер, бесстрашен, напорист и зол.

Из-за полного бездорожья основную часть артиллерии и весь автотранспорт дивизии пришлось направить в обход на Осьмино по маршруту Сосницы — Заполье — Молосковицы — Яблонцы. Командование этой колонной я поручил начальнику оперативного отделения подполковнику А. И. Зимину, приказав ему присоединиться к основным силам дивизии в районе Осьмина.

Противник из района Луги спешно направлял отдельные отряды, которые занимали оборону на промежуточных рубежах, стремясь задержать наше продвижение на Гдов и Лугу. Такой отряд силой до пехотного батальона с танками и самоходной артиллерией был разгромлен в районе деревень Реполка и Верест передовым отрядом 314-го полка. Но вслед за авангардным батальоном

подошли главные силы гитлеровцев — до двух пехотных полков, усиленных танками и самоходной артиллерией. Противник перешел в контратаку. Завязался ожесточенный бой. Деревня Верест несколько раз переходила из рук в руки.

Разговаривая по радию с подполковником А. П. Мельниковым, я сказал, что помочь ему ничем не могу. В это время основные силы дивизии вели наступление на другом, очень важном для нас направлении. Приказав полку отразить контратаки своими силами, я напомнил Мельникову, что он должен надежно прикрывать наш левый фланг. Я знал, что положение 314-го полка трудное, но верил, что задачу свою он выполнит. Так оно и случилось.

Нам необходимо было продолжать преследование врага, идти лесными тропами, полевыми дорогами по глубокому снегу на Большие и Малые Сабиты и Плюссу, чтобы перерезать дорогу Луга — Псков. Такой приказ я получил накануне от командира корпуса. Это было 31 января.

Таким образом, с этого дня мы вышли на лужское направление и оторвались от основных сил 42-й армии, которая продолжала наступать на гдовском направлении.

Луга официально все еще входила в полосу наступления Волховского фронта. И только после того, как наметился успех войск Ленинградского фронта, развившего наступление на Лугу с запада и севера, город с 8 февраля по указанию Ставки Верховного Главнокомандования вошел в полосу наступления Ленинградского фронта.

В исключительно тяжелых условиях, в морозы и метели, наши полки преодолевали трудный многокилометровый путь. Противник, отступая, бросал технику, делал завалы и минновзрывные заграждения на лесных дорогах. Машины здесь уже пройти не могли. Наши солдаты несли на себе или тянули на волокушах тяжелые минометные плиты, пулеметы и боеприпасы. Чтобы не потерять управление полками, я вместе с офицерами оперативной группы штаба шел за отрядом преследования.

Полки дивизии, смело маневрируя, выходили в тыл противника, громили его по частям, не давая выводить из-под удара живую силу и боевую технику, организовать оборону на промежуточных рубежах.

Перед наступлением на Осьмино мы решили хорошо разведать силы врага как на подступах к этому важ-

ному узлу дорог северо-западнее Луги, так и в самом населенном пункте, куда отступали под ударами войск Ленинградского фронта его части и соединения. Я приказал командиру 49-й разведывательной роты старшему лейтенанту Николаю Лашкову проникнуть глубоко в тыл противника и собрать нужные нам сведения.

За ночь разведчики прошли на лыжах 25 километров, а 1 февраля в 10 часов утра я получил от Лашкова радиogramму. Разведчики достигли районного центра Осьмино, взвод под командой лейтенанта Елизарова выслан в направлении Сара-Лог и Любочажье. Затем старший лейтенант радировал, что к Осьмину направляется колонна в составе более 20 машин с немецкой пехотой.

Видимо, противник собирался занять оборону в этом населенном пункте и не допустить выхода советских войск в тыл Лужской группировке. Надо было задержать колонну до подхода наших основных сил. Лашков уверил меня, что рота сумеет выполнить эту задачу с честью.

Захваченные нами на дорогах пленные солдаты и офицеры 24-й немецкой пехотной дивизии — старые «знакомые» по Красному Бору — подтвердили наше предположение. Я приказал ускорить продвижение частей, форсировать реку Лугу по льду и захватить Осьмино. Еще на рассвете 1 февраля 340-й, 314-й и 176-й стрелковые полки под командованием И. Н. Фадеева, А. П. Мельникова и С. Ф. Семенова вышли к реке Луге и, с ходу форсировав ее, стали продвигаться к Осьмину.

В это время наши разведчики уже вели бой. Как только первые машины с пехотой противника поравнялись с засадой, разведчики внезапно открыли автоматный огонь. Две машины рванулись вперед и тут же подорвались на минах, поставленных нашими бойцами. Гитлеровцы соскочили с машин и стали отстреливаться. Колонна была задержана на два часа. Противник потерял здесь только убитыми более 100 человек.

Вскоре к Осьмину подошел посланный мной в обход 393-й артиллерийский полк нашей дивизии. Связавшись с разведчиками, командир этого полка майор Солодков уточнил обстановку и с ходу, скрытно развернув два дивизиона, быстро занял боевые порядки для стрельбы прямой наводкой. Артиллеристы убедились, что разведчики точно указали им маршруты движения колонн вражеской мотопехоты. Командиры расчетов подпускали их близко к орудиям и расстреливали в упор.

В течение часа авангардный полк 24-й пехотной дивизии был разгромлен. На поле боя противник оставил 12 гусеничных транспортеров, 16 орудий, 20 автомашин и 300 убитых солдат и офицеров. Остатки вражеского полка отошли в направлении населенного пункта Сара-Лог. К этому времени подошли главные силы 24-й немецкой пехотной дивизии и также заняли оборону в районе Сара-Лог и Любочажье. Попытки нашего 340-го полка с ходу овладеть населенным пунктом Сара-Лог не увенчались успехом.

Я приказал командиру 49-й разведроты старшему лейтенанту Н. Лашкову обойти обороняющегося противника справа и ночью проникнуть в Сара-Лог с тыла, захватить пленных, установить силы врага и систему его обороны.

В ОБХОД ЛУГИ

Обгоняя колонны гитлеровцев, нападая на них из засад, пробиваясь с боями через промежуточные рубежи и опорные пункты, дивизия за неделю отмахала километров двести. Полки весьма ощутимо испытывали нехватку в продовольствии и боеприпасах.

Мы находились в полосе наступления 67-й армии, но все еще входили в состав 42-й армии, штаб которой отстоял от нас километров на сто—сто двадцать. Два дня назад где-то в районе Сосниц к нам по бездорожью чудом пробрался обоз с продовольствием и боеприпасами. Офицер-интендант, возглавлявший его, проклинал окаянные дороги, ворчал, покрикивал на повозочных и водителей вездеходов. Меня он попросил дать людей. Один вездеход с прицепом застрял в болоте недалеко от нас. Надо было помочь его вытащить. Между прочим, интендант сказал, что мы должны благодарить Военный совет армии, который приказал доставить нам продовольствие и боеприпасы.

Я с большой благодарностью подумал о своем высшем начальстве. Мне казалось еще преждевременным обращаться к нему за помощью, а оно само вспомнило о вырвавшейся вперед дивизии и, должно быть, связавшись со штабом корпуса, выяснило наши нужды.

Присланных запасов хватило на три дня. Сейчас, во время остановки в лесу в нескольких километрах от Ось-

мина, я думал не только о плане предстоящего боя, но и о его обеспечении.

Мы не знали точно, какими силами располагает 24-я немецкая пехотная дивизия и где проходит ее линия обороны в Сара-Логе и Сара-Горе. Фактически это была одна деревня, разделенная большим оврагом. Противник не зря решил дать нам бой именно здесь. Названия «Лог» и «Гора» уже говорили сами за себя: здесь, как нигде, удобно было строить оборону, создать сильный опорный пункт.

Донесения от Лашкова все еще не было. Надвигалась ночь, а мы стояли на лесной дороге. Радисты с рацией разместились в развалинях. Сани были пока единственным видом транспорта, которым можно было пользоваться. Я выслал вперед разведчиков, приказав им отыскать удобное место для временного расположения нашей оперативной группы. Они вернулись очень быстро и доложили, что недалеко отсюда, здесь же в лесу, находится дом. Впервые за все время этого глубокого рейда нам представилась возможность затопить печь, раздеться, просушить одежду и хотя бы пару часов отдохнуть под крышей.

Мы отправились за разведчиками. Лесная избушка выросла перед нами как в сказке. Пока рация молчала, а солдаты пытались разжечь в печи сырые коряги и сучья, я решил узнать у начальника разведотделения нашего штаба майора А. М. Шуленина подробности вчерашнего боя разведчиков в Осьмине.

Оказывается, они действовали вместе с одним из экипажей нашего танка Т-34. Через час после того, как разведчики захватили поселок, туда въехала на машинах и гусеничных транспортерах колонна противника. Немцы двинулись спокойно, походным порядком. Разведчики дали колонне втянуться в поселок, и как только последний тягач с пушкой замкнул ее, они перекрыли дорогу к отступлению. Экипаж танка сразу же открыл огонь по голове колонны. Наводчик у танкистов был опытный. Пять снарядов, посланных в цель, уничтожили четыре пушки. Гитлеровцы металась по узким улочкам поселка и никак не могли ни развернуть орудия к бою, ни повернуть тягачи назад. Наши разведчики перебили всех солдат и офицеров противника, которые оказывали сопротивление, отстреливаясь из автоматов.

Майор А. М. Шуленин часто упоминал фамилию старшего сержанта Василия Тупкаленко. Он действовал очень

инициативно, решительно и лично уничтожил в бою огнем автомата и гранатами не менее 30 фашистов. Думая о Тупкаленко, я улыбнулся своим мыслям. До чего же наши солдаты могут метко окрестить человека. Василий Буслаев да и только!

Наконец радисту удалось связаться по радиции с нашими разведчиками. Командир разведроты старший лейтенант Лашков сообщил, что в Сара-Лог, Сара-Горе, Любочажье, Брея и Белой Горке немцы занимают оборону значительными силами. Взятые разведчиками пленные утверждают, что в этих деревнях и вокруг них сосредоточились главные силы 24-й пехотной дивизии. Я поинтересовался, из каких родов войск добыты пленные и можно ли доверять их показаниям.

— Есть среди них артиллеристы и пехотинцы, — ответил Лашков, — допрошены они все по отдельности, но показания их примерно сходятся.

Лашков сказал мне также, что подробное донесение о проведенной им разведке боем в деревнях Сара-Лог и Сара-Гора он уже послал со связными. Только я успел закончить разговор по радиции, как к избушке подошли связные на лыжах.

Я прочитал донесение и стал расспрашивать их. Разведчики попались бывалые и довольно толково отвечали на мои вопросы. Вот что я узнал из нового донесения командира разведроты и беседы с его связными.

Передовой дозор, возглавляемый старшим сержантом Василием Тупкаленко, ночью подошел к деревне Сара-Лог и установил, что на южной окраине стоит на огневых позициях пушка, возле которой топчется часовый. Старший сержант Тупкаленко и сержант Злобин подкрались к часовому и без шума сняли его. Узнав об этом, командир роты старший лейтенант Лашков решил атаковать спящих фашистов. Пройдя лесом метров триста, разведчики развернулись в цепь и ровно в 2 часа ночи ворвались в Сара-Лог. К их удивлению, нигде на улицах не было часовых. В это время из бани вышла женщина. Увидев советских воинов, она сказала: «Бейте их, окаянных! Они сидят в домах!» Женщина указала, в каких именно домах находятся фашисты с пулеметами. В эти-то дома и полетели гранаты. Гитлеровцы начали выскакивать в одном белье. Разведчики встретили их автоматным огнем. 75 солдат и офицеров противника было уничтожено, и лишь небольшая часть сдалась в плен.

В этом бою отлично действовали все разведчики, но особенную храбрость проявили старшие сержанты Тупкаленко, Шушанян (он, как и Тупкаленко, закончил войну кавалером орденов Славы всех трех степеней), разведчики Бойцов и Хвалин. Нередко им доводилось в рукопашной схватке сражаться с фашистами и выходить из нее победителями.

Из Сара-Горы противник выдвинул передовой отряд и предпринял контратаку численно превосходящими силами. Наши разведчики вступили в неравный бой, стремясь удержаться до подхода 340-го полка. Как ни отважно бились они, все же пришлось под натиском превосходящих сил врага оставить деревню Сара-Лог и защищаться на ее окраине.

Медлить было нельзя. Вызвав по радиции командира 340-го стрелкового полка И. Н. Фадеева и командира 176-го стрелкового полка С. Ф. Семенова, я приказал им разгромить противника, приостановившего наше дальнейшее наступление в обход Луги. Свой наблюдательный пункт решил перенести поближе к деревне Сара-Лог. Жалко было уходить из теплого лесного домика.

Мы уже собирались в путь, когда к домику на санях подъехал командир 123-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Г. И. Анисимов.

— Приехал прощаться с вами, — сказал генерал. — Отныне вы входите в состав сто шестнадцатого корпуса.

И генерал рассказал нам, что командование немецкой группы армий «Север», стремясь удержать в своих руках оборонительный рубеж на реке Луге, выдвинуло против нашей 67-й армии три дивизии из состава 16-й армии. Противнику удалось ценой больших потерь на время остановить продвижение 67-й армии. Войска же 42-й армии, успешно продвигаясь вперед, глубоко вклинились в оборону противника на гдовском направлении. Благодаря этому создались выгодные условия для окружения Лужской группировки противника. Командование Ленинградского фронта приказало 116-му стрелковому корпусу наступать на Большие Сабиты и станцию Плюсса, чтобы отрезать противнику пути отхода на Псков.

Командовал 116-м корпусом генерал-лейтенант А. Н. Астанин. Тесен мир, подумал я, вспомнив оборонительные бои на Ораниенбаумском плацдарме и нашего командующего Приморской оперативной группой — умного, требовательного и в то же время отзывчивого генерала.

На своем новом наблюдательном пункте, оборудованном недалеко от деревни Сара-Лог, я с трудом связался по радиции с генералом А. Н. Астаниным. Он приказал развивать наступление в направлении Сара-Лог, Сара-Гора, Большие Сабицы, выйти западнее Луги и перерезать железную и шоссейную дороги Луга—Псков. Выслушав мой доклад об обстановке в Сара-Логе, генерал в шутку заметил:

— Опять «пятачок»! Вы мне подавайте «рубли»! Развивайте наступление в обход Луги.

2 февраля после короткой артиллерийской подготовки мы перешли в наступление. 340-й стрелковый полк нанёс удар на Сара-Лог, Сара-Гору, Большие Сабицы, а 176-й стрелковый полк — на Любочажье и Белую Горку. Но с ходу прорвать оборону противника и овладеть его узлами сопротивления не удалось. Используя каменные строения, гитлеровцы упорно оборонялись. Наши подразделения вклинивались в оборону противника, но он, контратакуя, восстанавливал положение. Населенный пункт Любочажье не раз переходил из рук в руки. Наступление дивизии захлебнулось.

Вот как вспоминает об этом бое знакомый уже нам младший сержант В. Р. Мартынов: «2 февраля наш батальон в полдень столкнулся с большой группой немецких солдат и офицеров на дороге. Дали им бой. Они драпанули в лес, сбрасывая на ходу неудобную тяжелую обувь. Мы подошли вплотную к деревне Любочажье. Стали за деревьями. Вечером была команда идти в атаку. Наш 3-й взвод шел правофланговым. Никаких соседей справа у нас не было. Мы были в белых халатах. Бежали и на ходу стреляли. Немцы стали огрызаться огнем. Мы стали делать короткие перебежки. Потерь не имели. Я со своим отделением вышел на дорогу, которая вела в противоположное от деревни направление. Крайние дома были близко от нас. Гитлеровцев мы хорошо видели. Они бегали по деревне. У крайнего дома они стали собираться в небольшую колонну. В колонне их было человек 30. Они двинулись прямо на нас. Я приказал пулеметчику Романову Ивану бить наверняка, с близкой дистанции. Выдержки у него хватило. Подпускал их примерно шагов на 40—50 и косил так, что почти все падали в снег замертво. Тех, кто убегал в разные стороны, мы били из винтовок и автоматов. Но в деревне еще оставался сильный заслон. Я дал команду «В атаку!». Когда мы всем отделе-

нием добежали до крайнего дома, мне словно оторвали руку и бок. У меня выпал из рук автомат. Я упал на снег и хотел было левой рукой достать автомат, но кисть у меня очутилась у локтя. Мне раздробило обе кисти разрывными пулями. Я передал командование своему товарищу и с помощью не так тяжело раненного рядового Архипова добрался до санчасти. Здесь я узнал печальную весть о гибели замполита старшего лейтенанта Шабанова. Душевный был к солдатам человек. До отправки в медсанбат я все спрашивал у вновь прибывших раненых, взяли ли деревню Любочажье и соседнюю с ней деревню Белую Горку и живы ли ротный, старший лейтенант Кузин, и взводный, лейтенант Данилов. Они мне отвечали, что ротный и взводный живы.

В каменных домах деревень засели фашистские пулеметчики и автоматчики. Наша артиллерия уже стала их обрабатывать...

Ранения мои оказались тяжелыми. Я попал на Урал, а после лечения был направлен в танковый корпус, где участвовал десантником в прорыве, дошел до города Седлец недалеко от Варшавы. Здесь меня 29 июля 1944 года снова тяжело ранило. В апреле 1945 года я прибыл в танковый корпус и в Румынии, в городе Бухаресте, закончил войну...

Своих командиров по 46-й дивизии до сих пор вспоминаю добрым словом. Делал запросы в архив Министерства обороны СССР. Недавно мне сообщили из архива, что командир взвода 176-го стрелкового полка лейтенант Данилов Сергей Алексеевич погиб в бою 5 марта 1944 года, а наш ротный, старший лейтенант Кузин Иван Владимирович, погиб в бою 18 июня 1944 года. Тяжело это сознать. Мне дорога память о них...»

Продолжим наш рассказ о дальнейших боях за деревни Любочажье, Белую Горку, Брея, Большие Сабицы, Сара-Лог и Сара-Гора.

Мой наблюдательный пункт находился на опушке леса в полутора километрах от Сара-Лога. Отсюда хорошо был виден залегший справа на снегу, готовый к атаке, один из батальонов нашего 340-го стрелкового полка. Из полученного донесения я знал, что пехотинцы Фадеева и наши дивизионные разведчики захватили отдельные дома и обороняются. Но как только они пытаются подняться в атаку, гитлеровцы открывают пулеметный огонь из окон каменных домов, из штурмовых самоходных орудий и танков,

которые стоят за строениями. Чтобы расчистить путь пехоте, надо было подавить огневые точки противника.

Зная по данным дивизионных и полковых разведчиков, что почти все жители деревни ушли в лес, я все же спросил у Фадеева, уверен ли он, что там нет наших гражданских людей. Он сообщил мне, что его полковые разведчики разговаривали на огороде с двумя женщинами, прячущимися там в щелях, и они заверили его, что никого из односельчан в домах нет: многие ушли в лес, многие живут в ямах и щелях на огородах.

Тогда я приказал командующему артиллерией подполковнику Девяткину начать артподготовку. У Девяткина были свои счета с гитлеровцами. До войны у него было пять братьев. Никто из них не остался в живых. Одних фашисты замучили, другие погибли в боях.

Артиллеристы точно накрыли цели. Наши пехотинцы поднялись в атаку и заняли часть деревни. Однако гитлеровцы, засевшие в домах на западной окраине, простреливали все улицы. Начались бои за каждый дом.

Я знал, что генерал Андрей Никитич Астанин не любит скрывать инициативу, всячески поощряет творческие поиски, смелые, оригинальные решения и дерзания при разработке и осуществлении боевых задач. Хорошо, рассуждал я, будем действовать не по шаблону. Но именно поэтому из Сара-Лога и Сара-Горы мы не уйдем. Будем по-прежнему драться за каждый дом, пусть противник думает, что главные силы русских прут напролом. А мы тем временем пойдем в обход.

Под утро вернулся из Сара-Горы на НП майор А. М. Шуленин. Он доложил обстановку. Наши подразделения упорно и методично отвоевывают дом за домом. Пример показывают коммунисты и комсомольцы. Парторг 2-й стрелковой роты 1-го стрелкового батальона Ефремов со своим минометным расчетом «выкуривает» немцев из домов. Он возглавил одну из фланговых групп роты, которая под его командой пошла в атаку и заняла несколько домов. В рукопашном бою Ефремов уничтожил 10 солдат противника. Он был тяжело ранен, но отказался уйти в тыл. Командир орудия сорокапятимиллиметровой батареи сержант комсомолец Гавдеев, пробравшись со своим расчетом в деревню, прямой наводкой бил по домам, из которых гитлеровцы вели огонь из пулеметов. Комсомольцы двух расчетов противотанковых ружей (ПТР) Алексеев, Данторов, Селезкин и командир взвода

Лабанкин не дрогнули, когда на их позиции пошли танки и бронемашинны. Они подбили два танка и бронемашину, а остальные повернули назад.

Наконец наступил решающий момент. В ночь со 2 на 3 февраля я приказал полковнику И. Н. Фадееву обойти Сара-Лог и Сара-Гору справа, а подполковнику А. П. Мельникову поставил задачу наступать на них слева. Окончательная цель этого боя заключалась в том, чтобы окружить, а затем и разгромить основные силы 24-й пехотной дивизии и подброшенную на подкрепление им боевую группу 215-й пехотной дивизии противника в районе Сара-Лог, Сара-Гора, Любочажье, Белая Горка и Брея.

Я поехал в 340-й полк. Был солнечный морозный день. НП полка находился на небольшой высоте. Полковник Фадеев доложил обстановку. Атаки наших подразделений пока не имели успеха. Мы обсудили создавшееся положение и разработали вариант, который стал вскоре осуществляться.

Совершив обход по болотам и лесам, батальон 340-го полка под командованием капитана Ф. С. Михалева к 24 часам вышел в тыл врага. Одновременно 314-й полк обошел левый фланг обороняющегося противника и полностью замкнул кольцо окружения. Все попытки гитлеровцев вырваться из окружения не увенчались успехом.

3 февраля в разгар боев с окруженными частями противника позвонили из штаба корпуса и сообщили, что приказом командующего фронтом наша дивизия с 24.00 4 февраля переходит в состав 110-го корпуса 67-й армии. Начальник штаба дивизии полковник Н. Н. Проскурин, передавший мне эту новость, в шутку заметил:

— Снова вам придется сдавать экзамен своему преподавателю по академии генералу Цветкову.

— Сдавать ему экзамен придется вам, товарищ полковник, — отшутился я, напомнив нашему начальнику штаба, что генерал Цветков преподавал у нас службу штабов и сейчас он, как начальник штаба армии, очень строг и педантичен. — Смотрите, чтобы все документы у нас оформлялись грамотно.

Но все эти напоминания были излишни. Полковник Н. Н. Проскурин и сам любил, чтобы во всем был полный порядок. Работать с ним было легко. Мы понимали друг друга с полуслова. Я ценил в нем огромное трудолюбие, острый, творческий ум, такт, умение сходитьс

людьми, располагать их к себе, правильно оценивать способности подчиненных и с максимальной пользой для дела использовать их.

Новый командир корпуса генерал-лейтенант И. В. Хазов, разговаривая в тот день со мной по радию, сказал:

— Я воевал под Сталинградом, поэтому понимаю и ценю ваши усилия, но с «кружочком» (он имел в виду окруженного нами противника) надо скорее кончать. Впереди у нас с вами на дороге к Берлину будут еще и не такие «кружочки».

Через час после разговора с командиром корпуса я рад был доложить ему, что окруженные силы противника почти полностью уничтожены.

Небольшую группу гитлеровцев, вырвавшуюся из окружения, я приказал Солодкову накрыть огнем артиллерии. Артиллеристы дивизиона капитана И. И. Карапищенко в это время снялись с позиций и еще не успели занять новые. Орудия находились в походной колонне, когда на одну из батарей было передано: «100 снарядов по дороге, огневой налет через 15 минут. Подготовьте координаты. Огонь — точнее».

Сделать точную ориентировку за такой короткий срок да еще тогда, когда пушки в походной колонне, очень трудно. Командир взвода управления дивизиона лейтенант Жиров и старший вычислитель главстаршина Терещенко задумались. Но вот один из них радостно крикнул: «Тригонопункт». Действительно, в 15 метрах от дороги посреди колонны стоял тригонометрический пункт второго класса. Площадка хорошая. Не прошло и минуты, как артиллеристы сориентировались и начали установку орудий в одну линию. Ночь была звездная. Данные подготовили быстро.

Старший офицер на батарее лейтенант Райтвайн через 13 минут доложил: «Орудия к открытию огня готовы!» Снаряды точно накрыли колонну. Невыполнимое, казалось, задание было выполнено.

В конце дня мне удалось побывать на этой лесной дороге. Видел много вражеских трупов. Гитлеровцы бросили 9 автомашин, 3 бронетранспортера и около 50 подвод.

Побывал я и у артиллеристов, поздравил их с отлично выполненным заданием. О своих переживаниях, волнениях и удачах они, как и принято у солдат, рассказывали весьма сдержанно.

Разгромив врага в районе Сара-Лог и Любочажье, мы передовыми отрядами продолжали преследовать его разрозненные части, отступающие в направлении на Малые и Большие Сабицы. Не встречая особого сопротивления, дивизия продвигалась по единственной лесной дороге, преодолевая заболоченные участки и завалы. Отряды разграждения расчищали и прокладывали дороги, пехотинцы помогали артиллеристам буквально на руках перетаскивать орудия. Сами пехотинцы несли на себе или тащили на волокушах пулеметы, минометы, ящики с боеприпасами. Нашим полкам нередко приходилось двигаться параллельно отходящим колоннам противника. Стремясь обогнать их, мы совершали обходы по ночам, соблюдая высокую организованность и строгую маскировку, а затем внезапно обрушивались на врага и громили его.

Особенно тяжело в это время приходилось саперам. Кавалер орденов Славы трех степеней старшина П. Ф. Семенов, бойцы Стыров, Брянцев, Коренов и другие днем и ночью под артогнем разбирали завалы, обезвреживали мины и делали настилы для того, чтобы могли пройти наши танки и орудия.

— Моим ребятам было жарко, — рассказывал мне командир саперного батальона капитан М. Н. Верещагин, — они взмокли, хотя, как вы знаете, стоял мороз. Все буквально валилось от усталости. Но больше двух-трех минут отдыхать было нельзя. Прислонятся к дереву, раскурят полцигарки, прикрыв огонек рукой, и опять наваливаются на работу.

Несмотря на тяжелые бои по окружению противника в районе Сара-Лог и Сара-Гора, несмотря на бездорожье и метель, части дивизии за трое суток продвинулись вперед на 40 километров. К исходу дня 5 февраля 340-й стрелковый полк вышел на реку Сабицы и овладел Большими и Малыми Сабицами, а 314-й стрелковый полк, заняв населенные пункты Любочажье, Брея и Белая Горка, успешно продвигался в обход северо-западнее города Луги.

Ночью ко мне на НП, расположенный в Больших Сабицах, привели старика. Он сообщил, что прошел километров двадцать по лесам, чтобы предупредить своих об опасности. Из района Луги по дороге к нам через станцию Папоротная движется очень большая колонна немцев с машинами и артиллерией. Старик выглядел усталым, по всему было видно, как спешил к нам. Больше всего

он боялся, что ему не поверят. Я приказал накормить его и уложить спать. Старик по-своему оценил мое спокойствие и заволновался.

— Нельзя медлить, товарищ командир! — выкрикнул он. — Ей-богу, не вру.

Но я и так знал, что он говорит правду. О том же несколько часов назад доложила мне наша разведка, и я успел приказать командиру 314-го стрелкового полка подполковнику А. П. Мельникову выслать два усиленных подразделения в район станции Папоротная, чтобы упредить действия гитлеровцев, иначе они могут зайти в тыл нашим главным силам.

Через несколько часов подполковник А. П. Мельников, который шел во главе своего передового отряда, доложил, что колонна разгромлена, а станция Папоротная очищена от противника. Характерным для этого боя было применение маневра с обеих сторон. То наши пехотинцы обрушивались на противника с тыла, то он нападал на нас также с тыла. Сам командир полка подполковник А. П. Мельников в одной из стычек отбилсЯ от наседавшего противника из ручного пулемета.

После боя за станцию Папоротная я узнал и другое весьма важное для нас обстоятельство. Нервы у некоторых солдат и офицеров противника начали сдавать. Во вражеском гарнизоне на станции Папоротная оказались гитлеровские артиллеристы, стрелявшие еще в начале января этого года по Ленинграду. Попад в плен и боясь возмездия, они прикинулись сумасшедшими.

Утром я рассказал старику о разгроме колонны врага и поблагодарил его за сведения, которые он нам сообщил. Он откланялся и с чувством исполненного долга отправился в обратный путь. Таких помощников у нас появлялось все больше и больше. Местные жители сообщали нам о продвижении войск противника, указывали места, где скрываются гитлеровцы.

Вспоминается мне и другой старик — седой как лунь, с красноватым обветренным лицом. Доставив нам ценные сведения о противнике, он стал рассказывать, как бил врагов Родины в разных войнах. Старик показал приемы штыкового боя, дескать, не забыл еще старый солдат. Потом, оглядев наших автоматчиков, проходивших строем по деревенской улице, с гордостью сказал:

— Жива Россия-матушка! А чего только гитлеровцы про нашу армию не брехали! — Хитровато сощурившись,

старик философски заключил: — Мы стреляные воробьи, нас на мякине не проведешь, чуяли, чем больше брешет фашист про Советскую власть, тем крепче Красная Армия его лупит.

Любовь народа к своей армии мы ощущали повсюду. Местные жители, выходявшие целыми семьями из лесов, плакали от радости, бросались обнимать своих освободителей. Наши солдаты, насколько позволяло время, помогали им латать сараи, землянки, чудом уцелевшие избы.

Мы продолжали продвигаться с боями, стремясь главным образом перехватывать дороги, отсекая путь отступающему врагу. Период этих боев характерен тем, что противник предпринимал попытки контратаковать нас крупными силами.

Первая тревожная весть пришла от командира 176-го стрелкового полка майора С. Ф. Семенова. Он передал по радию, что в 30 километрах северо-западнее Луги в районе населенного пункта Заозерье ведет встречный бой с крупными силами вражеской пехоты и артиллерии. Я приказал уточнить силы врага, его намерения и принять все меры, чтобы не дать ему уйти из-под нашего удара. Вскоре Семенов сообщил, что противник выдвинул из района Луги до двух пехотных полков, усиленных артиллерией, стремясь не допустить нашего продвижения в обход города.

— Положение создалось тяжелое. Мы заняли круговую оборону, деремся в полуокружении, — заключил в конце командир полка.

Я знал, насколько серьезен и точен в оценке обстановки майор Семенов. О самых сложных боях он докладывал так, словно ничего особенного не происходит. Иногда Семенов, боясь быть неточным, даже преуменьшал свои успехи. Тем более, он никогда не стал бы преувеличивать опасности.

— Держитесь, — ответил я майору, — высылаю вам на помощь лыжный батальон.

Капитан Арсенин быстро вышел со своим батальоном в тыл противника. На рассвете 6 февраля наши лыжники, внезапно атаковав артиллерийский дивизион противника на огневых позициях, разгромили его. Взвод лейтенанта Грекова был оставлен для прикрытия в одной из небольших деревень, а роте лейтенанта Сорокина капитан Арсенин приказал обойти противника слева, атаковать его отдельными группами, умело используя при этом огонь

минометной батарее. Дерзкий замысел комбата удался: батальон навел панику в расположении противника. Воспользовавшись этим, 176-й стрелковый полк вынудил гитлеровцев отступить.

Уже после войны я спросил у капитана В. Г. Арсенина, как ему удалось 6 февраля 1944 года пробиться через боевые порядки врага на помощь 176-му стрелковому полку. Он улыбнулся:

— Выручили хитрость и нахальство.

Между прочим, в то время, когда наши полки и батальоны вели бои на изолированных направлениях и разрозненных участках, смекалка, находчивость, изобретательность бойцов и командиров проявлялись с особой силой. Так, например, в 176-м стрелковом полку умело применяли в боях на дорогах санную упряжку с пулеметной установкой. Получалось нечто вроде, если можно так выразиться, зимней конармейской тачанки. Внезапный огонь быстро передвигающегося на санях пулемета наводил страх на врага, вызывал панику.

И все же из-за того, что наши полки действовали на изолированных направлениях и боевой порядок дивизии растянулся по фронту на 60 километров, все ощущаемое становилось удары противника. Обстановка сложилась для нас неблагоприятная. То и дело нарушалось управление полками, мы не имели связи с корпусом, армией и соседями.

Как раз в это тяжелое время в политотделе нашей дивизии, расположившемся в недавно отбитой у врага деревне Сара-Гора, появился член Военного совета Ленинградского фронта генерал А. А. Кузнецов. Он хотел встретиться со мной. Я же вместе с оперативной группой находился в Больших Сабичах — недалеко от часто меняющейся линии фронта. Враг оказывался то впереди нас, то на флангах, то в тылу. Начальник политотдела полковник М. П. Меркушев доложил генералу Кузнецову обстановку.

— Приказывать я вам не имею права, — сказал полковник, — но очень прошу вас не ехать по дороге, где из-за каждого куста могут выскочить гитлеровцы.

— Хорошо, — согласился А. А. Кузнецов. — А вы можете немедленно обеспечить доставку пакета командиру вашей дивизии?

— Могу. Пакет будет доставлен без промедления.

— Передайте полковнику Борщеву, чтобы он поторап-

ливался со взятием крупных населенных пунктов в Ленинградской области. Иначе другие дивизии разберут наименования всех городов нашей области и вам ничего не останется. Будет очень жаль, ведь ваша дивизия пролила немало крови за Ленинград.

Об этом разговоре я узнал от полковника М. П. Меркушева через несколько дней. А вечером того дня офицер штаба дивизии майор В. М. Сумм доставил мне пакет. Распечатав его, я прочел несколько документов, указывающих мне, в каких местах и какими силами в полосе нашего наступления действуют партизаны. Мне были даны указания, с кем именно из командиров бригад я должен координировать боевые действия и по мере необходимости осуществлять совместные удары по врагу. Я тут же послал Сумму в штаб 9-й партизанской бригады.

Большие Сабиты были первым уцелевшим населенным пунктом на нашем пути. Мы расположились в жарко натопленной избе. После многих холодных ночей я наслаждался теплом большой русской печи. Долго ожидал, пока радисты свяжутся с командиром корпуса или командующим армией, чтобы доложить им обстановку. Но радистам так и не удалось это сделать. Дивизия вырвалась настолько вперед, что у радики не хватало мощности для преодоления этого расстояния. Я уснул и впервые за две недели боев и походов проспал до утра. Разбудил меня адъютант Н. И. Руденко:

— На связи командиры полков.

А. П. Мельников и И. Н. Фадеев сообщили, что в районе Усадище и Стаи они встретились с партизанами.

В тот же день вечером к нам приехали представители командования одной из партизанских бригад.

— Иван Герасимович Светлов, — отрекомендовался командир 9-й партизанской бригады.

— Иван Дмитриевич Дмитриев, — так же просто сказал второй, высокий человек с окладистой бородой, и добавил: — комиссар бригады, секретарь Лужского райкома партии.

Здороваясь, мы по-братски расцеловались. Позади них стоял человек в шинели, в старой форме подполковника Красной Армии, с тремя прямоугольниками на петлицах. Он улыбался. Что-то знакомое показалось мне во всем его облике. Я пристально вгляделся в лицо и узнал своего курсового командира по Киевскому артиллерийскому училищу Евсея Никитича Атрощенко. Сколько

неожиданных и радостных встреч бывает на дорогах войны! Мы долго сжимали друг друга в объятиях.

После небольшой беседы я пригласил всех поужинать. Как водится, начались обоюдные расспросы. Партизанские вожаки интересовались жизнью и борьбой ленинградцев, ходом нашего наступления. А нам было интересно узнать о боевых действиях ленинградских партизан в тылу врага.

Подполковник Е. Н. Атрощенко сообщил, что в лесах Ленинградской области действует целая партизанская армия — тринадцать бригад. И. Г. Светлов и И. Д. Дмитриев рассказали, как партизаны с помощью местного населения держат в постоянном страхе фашистских оккупантов, громят из засад вражеские колонны, устраивают налеты на штабы и гарнизоны противника в населенных пунктах, карают предателей, пускают под откосы эшелоны с войсками, боевой техникой и боеприпасами врага, взрывают склады, железнодорожные и шоссейные мосты, ведут бои с вражескими карательными экспедициями. Гитлеровцы часто вынуждены снимать с фронта полевые части и бросать их на помощь своим охранным войскам СС и СД.

Затем мы обсудили с представителями партизан план наших совместных действий, договорились о связи и постоянном контакте.

Поздно ночью я разговаривал по радиации с командиром полков. Подполковник А. П. Мельников доложил, что 314-й полк полностью овладел населенными пунктами Волошево, Усадище и Антаново, а из доклада полковника И. Н. Фадеева я узнал, что 340-й полк разгромил в районе населенных пунктов Стаи и Загорье инженерные и дорожные части врага и перерезал шоссейную дорогу, идущую с Ляд на Лугу.

Воины 120-й минометной батареи 340-го полка старшего лейтенанта Насонова взяли в плен группу солдат 13-й авиаполевой дивизии противника. На допросе они заявляли, что находятся в плену не у Красной Армии, а у советских партизан. Уж очень им не хотелось верить в столь стремительное наступление частей Красной Армии.

У противника, который откатывался на запад, остался единственный путь на Псков — по Киевскому шоссе и железной дороге. Однако и этот путь мог быть вскоре перерезан нашими войсками. Поэтому командование 18-й

немецко-фашистской армии решило из Луги и Плюссы бросить против нас 11-ю пехотную и 13-ю авиаполевую дивизии. Как выяснилось из допросов пленных, взятых нами накануне контратаки врага, этим дивизиям была поставлена задача разгромить силы русских в районе Волошево, Антаново, Стаи и очистить здесь пути отхода на Псков.

В связи с этим мы вынуждены были временно перейти к обороне на рубеже Стаи — Волошево — Усадище — станция Папоротная. Было решено силами наших двух полков — Фадеева и Мельникова — совместно с 9-й партизанской бригадой отразить контратаки противника и не допустить его отхода на Псков. Командиру 176-го полка майору Семенову я приказал также прекратить наступление на Лугу с северо-запада и вывести свою часть в резерв. Как показали дальнейшие события, это решение было своевременным.

7 февраля в 16 часов после артиллерийской и авиационной подготовки противник силами 11-й пехотной и 13-й авиаполевой дивизий перешел в контратаку. Главный удар враг обрушил на 314-й полк подполковника Мельникова. Завязался ожесточенный бой. Несколько десятков фашистских танков и самоходок на полной скорости вырвались вперед. За ними шла в атаку пехота. Шесть танков подбили расчеты нашего противотанкового дивизиона. Но на другом участке одиннадцати танкам и двум батальонам пехоты удалось потеснить один батальон 314-го полка и овладеть станцией Папоротная. Одновременно противник вынудил отступить отряд партизан 9-й бригады и, потеснив левый фланг 314-го полка, захватил населенные пункты Усадище, Волошево и подошел к командному пункту штаба дивизии.

Завязалась жестокая схватка. 1-му стрелковому взводу 1-й роты 314-го полка, прикрывавшему штаб дивизии, пришлось драться с противником, имевшим большой перевес в силах. В этом бою командир взвода лейтенант Кривенко проявил исключительную отвагу. В рукопашной, отбиваясь от группы гитлеровцев, он четырех из них сразил наповал, но и сам пал смертью героя. Заместитель командира батальона по политической части старший лейтенант Овсов, возглавивший очередную контратаку, был сражен очередью из автомата. Никто из бойцов не дрогнул, не отступил. Защищая штаб дивизии, почти весь 1-й взвод погиб на поле боя.

Обстановка создалась исключительно критическая. Дивизия, по существу, была расчленена на две части. В этой очень тяжелой, драматической для нас ситуации боя самым главным было не растеряться, не допустить паники.

Наш командный состав и на сей раз выдержал боевой экзамен с честью. Были приняты все меры для отражения контратаки.

Гитлеровцы прорвались и к нашему НП, отсекли нас от штаба. Оборону штаба организовал полковник Н. Н. Проскурин. Под его командованием взвод разведроты, взвод охраны и офицеры штаба отразили несколько атак противника.

Я приказал командиру 393-го арtpолка подполковнику Н. Д. Солодкову немедленно оказать помощь попавшим в окружение. Населенный пункт Волошево находился на высоте недалеко от леса. После полудня было замечено сосредоточение танков и пехоты противника со стороны Луги. Командир 2-го дивизиона 393-го арtpолка капитан И. И. Карапищенко, выполняя приказ Солодкова, снял с закрытых огневых позиций 4-ю и 5-ю пушечные батареи, чтобы поставить их на прямую наводку в случае необходимости открыть огонь по населенному пункту Волошево, а 6-ю гаубичную батарею оставил на закрытой огневой позиции.

«День был тяжелый, — вспоминал потом начштаба дивизиона А. В. Саченко, возглавивший колонну, — противник очень сопротивлялся и контратаковал. Две батареи должны были преодолеть расстояние около 7 километров, дорога была плохой, с завалами. Со стороны Волошева слышны были разрывы бомб и снарядов. Нашу колонну заметили 4 «мессершмитта» и стали ее атаковать. Колонна растянулась. Я с двумя орудиями 4-й батареи только вышел из леса, как увидел, что опоздал. 3-й батальон 314-го полка и партизаны с боем отходили со стороны Волошева. Не доезжая 500 метров до первых домов, мы заметили два фашистских танка. Они стояли на расстоянии 300—400 метров друг от друга. Один из них открыл по нашей колонне огонь. Мы с ходу развернули одно орудие и открыли ответный огонь. Со второго выстрела танк был подбит. Наше второе орудие едва успело скрыться за скатом дороги, как был убит командир и ранен наводчик. Остальные орудия по приказу командира дивизиона остановились на опушке леса. Старший офицер на 4-й ба-

тарее лейтенант Титов быстро сориентировался и под огнем противника с ходу развернул орудия на опушке леса (6 орудий, из них два 4-й батареи и четыре — 5-й) и поставил пехоту и танки противника прекратить преследование 2-го батальона и партизан.

В этом бою большие потери понес наш противотанковый дивизион. Мы старались изо всех сил, чтобы скорее выручить окруженный штаб дивизии, 3-й батальон 314-го полка и партизан. Несмотря на темноту, противник все время пытался овладеть дорогой, ведущей на Большие Сабицы. Однако, встретив организованный огонь артиллерии, откатывался назад.

Примерно в 22 часа по лесной просеке левее 3-го батальона враг еще раз ринулся на дорогу, ведущую на Большие Сабицы, но попал под огонь 6-й батареи. Его обнаружили за 200—300 метров от орудий. Старший офицер на батарее лейтенант Райтвайн и командир огневого взвода лейтенант Михайлов открыли огонь картечью (здесь пригодился запас — 34 шрапнельных снаряда, от которых обычно артиллеристы отказывались). Противник был буквально разгромлен. Утром на дороге обнаружили 143 убитых фашистов.

8 февраля в 11 часов после 12-минутного налета артиллерии 3-й батальон 314-го полка пошел в атаку и снова занял населенный пункт Волошево».

В одной из схваток тяжело ранили автоматной очередью в живот полковника Проскурина. Находившийся рядом с ним командир санроты 340-го полка Вадим Константинович Клодт оттащил его в сторону к домику, за которым стояла санная упряжка начштаба. Доктор быстро расстегнул полушубок полковника, обнажил живот и, увидев входное отверстие в области печени, наложил повязку. Выходного отверстия рана не имела, и это в какой-то степени оставляло надежду на спасение полковника.

— Разведчики, ко мне! — крикнул Вадим Константинович.

Младший сержант Д. Я. Никитин и еще несколько бойцов подбежали к доктору, помогли ему бережно уложить раненого в сани. В. К. Клодт, придерживая голову Н. Н. Проскурина, приказал повозочному ехать в расположение 340-го полка. Разведчики отбились от наседавших гитлеровцев огнем из автоматов, затем догнали сани и на ходу вскочили в них. Только выехали на дорогу, как

лошадь упала замертво, сраженная осколком снаряда. Разведчики обрезали гужи, подхватили оглобли и пустились бегом по дороге, которая находилась под сильным артиллерийско-минометным огнем.

Когда к саням начштаба подошел командир 340-го полка, Проскурин, тяжело дыша, проговорил:

— Держись, Фадеев, нелегко тебе здесь будет, но надо выстоять.

— Не беспокойтесь, товарищ полковник, выстоим, — ответил командир полка.

Группа бойцов под командованием младшего сержанта Д. Я. Никитина ночью прошла незамеченной под носом у врага и объездными тропами на волокуше доставила раненого в медсанбат. Проскурин был уже без сознания. Хирург майор медицинской службы К. М. Гундарев позже рассказывал мне, что перед операцией полковник Н. Н. Проскурин пришел в себя. Первый вопрос его был: «Как там Фадеев? Держится?»

— Спасти Николая Никитича мы не смогли, — сокрушался хирург, — пуля разворотила ему ворота печени...

А я так надеялся на благополучный исход операции. Казалось, что наш маг и чародей Константин Михайлович Гундарев, об искусных операциях которого у нас буквально ходили легенды, сотворит чудо. Ведь спас же он сержанта Дрюмова, доставленного в медсанбат со сквозным пулевым ранением в сердце и раздробленной левой почкой, спас бойца Кораблева, получившего пулевое ранение сердца и левого легкого (у него еще был разрыв околосердечной сумки); хирург извлек пулю из сердца. И еще один солдат, находившийся на грани между жизнью и смертью, припомнился мне.

В перерывах между боями я выкраивал время, чтобы побывать в медсанбате, побеседовать с медиками и ранеными. Однажды меня поразил вид тяжелораненого солдата. Лицо и тело его были в бинтах. Только из узких щелочек на меня страдальчески смотрели маленькие глаза, руки и ноги были в шинах. Врачи рассказали мне, что это молодой боец Коля Мечников. Его привезли в медсанбат со множеством пулевых, осколочных и штыковых ранений. Как говорится, на нем живого места не осталось. Когда мы вышли из палатки, я спросил у врачей, будет ли Мечников жить. Они переглянулись и пожали плечами. Командир госпитального взвода Константин Наумович Кац, вздохнув, ответил:

— Его оперировал Константин Михайлович Гундарев, прямо, можно сказать, по кусочкам сшивал. Мы делаем все для того, чтобы выходить и спасти юношу: установили круглосуточное дежурство, неоднократно делали переливание крови. Вы видели, с какой заботой сестры кормят его из ложечки. Время покажет...

Через три месяца я узнал, что Николай Мечников будет жить. Его отправили долечиваться в эвакогоспиталь.

Думал я, что самоотверженный труд наших хирургов, терапевтов, медицинских сестер и санитаров спасет и Н. Н. Проскурина. И вот его нет. Что поделаешь, если уж сам К. М. Гундарев — опытный хирург из Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, успевший уже сделать на фронте тысячи сложнейших операций, — не смог исцелить Николая Никитича, значит, рана действительно была смертельной...

Хоронили полковника Н. Н. Проскурина 9 февраля 1944 года на кладбище в деревне Большие Сабичи с воинскими почестями, какие только можно было отдать в боевой обстановке. На мужественных, обветренных лицах бойцов и командиров, которые не раз сами были на волоске от смерти, переносили тяжелые ранения и никогда не плакали, я увидел слезы...

Напряженные бои на нашем участке продолжались днем и ночью. Угрожающее положение сложилось на правом фланге дивизии. 340-й полк двое суток дрался в окружении в районе Стаи, удерживая дорогу Луга — Ляды. Командир полка полковник И. Н. Фадеев докладывал: «Противник на отдельных участках вклинился в оборону, боеприпасы на исходе». Но отступать было нельзя. Дорогу во что бы то ни стало следовало удержать.

Я сообщил полковнику И. Н. Фадееву, что мы окажем помощь полку лыжным батальоном и силами 6-й партизанской бригады, которая вступила во взаимодействие с нами так же, как и 9-я партизанская бригада. В 17 часов лыжники, партизаны и 340-й полк нанесли одновременный удар по фашистам. В результате этого боя противник был отброшен, а 340-й полк деблокирован.

Беседуя с бойцами и командирами, дравшимися в окружении, я не заметил на их усталых лицах ни тени той отрешенности, какая обычно бывает у людей, переживших страх смерти. В каждом их слове, в каждом жесте чувствовались спокойствие и уверенность в своих силах. Конечно же, воюя в окружении, они понимали всю

сложность обстановки, но были убеждены, что им помогут соединиться со своими.

Я спросил начальника продслужбы 340-го полка майора Г. Р. Сухаревича:

— Как обстоят дела у вас с продовольствием?

— Обходимся, товарищ полковник, — ответил он многозначительно.

Я знал, что группы партизан проникали в окруженный 340-й полк и доставляли ему продовольствие и боеприпасы. Сейчас стали известны некоторые подробности. Мне рассказал о них бывший адъютант 340-го полка, а ныне главный инженер шинного завода объединения «Красный треугольник» Александр Кондратьевич Вареник. Оказывается, жители окрестных сел выпекали для всего личного состава полка хлеб, а партизаны по ночам привозили его на санях. Несколько раз они доставляли говяжьих туш и даже приводили живых коров — дар местных крестьян воинам Советской Армии, попавшим в тяжелое положение. Сами бойцы и офицеры полка тоже не зевали — они перехватывали вражеские обозы с продовольствием.

Следовательно, дни боев в окружении были для наших бойцов и командиров такими же обычными, как и другие тяжелые дни войны, когда требуется максимальное напряжение духовных и физических сил. Война закаляла наших воинов. Зрелыми мастерами боя стали даже те, кто до войны не служил в армии. Бывший ленинградский инженер-строитель капитан Владимир Лептин, начавший войну в ополчении, стал у нас начальником артиллерии 314-го полка. Когда гитлеровцы пытались в Усадище окружить полк, капитан Лептин, выполняя приказ командира полка подполковника Мельникова, сумел быстро поставить несколько орудий на прямую наводку и так искусно управлял огнем, что в самую, казалось бы, критическую минуту заставил противника отступить.

Под руководством другого ленинградца — начальника инженерной службы 314-го полка капитана Завьялова — в тяжелейшей обстановке боя были срублены деревья и проложены мостки на болотах, по которым артиллеристы и пехотинцы смогли подтянуть всю артиллерию и не только отбить атаки гитлеровцев, но и перейти в наступление и наголову разгромить прорвавшиеся на этом участке вражеские подразделения 215-й пехотной дивизии.

Его однофамилец командир батальона 340-го полка капитан Михаил Завьялов в боях за шоссе и в окружении, как свидетельствует полковник И. Н. Фадеев, проявил смелость и инициативность. Две роты батальона капитана Завьялова, направленные им в тыл противника, перерезали шоссе. Так же дерзко и отважно действовали батальоны капитанов Михалева и Новикова.

А вот о чем рассказывается в политдонесении: «Командир 7-й стрелковой роты 3-го стрелкового батальона 340-го полка старший лейтенант Никитин и командир взвода лейтенант Сидоренко показали свое боевое мастерство, мужество и отвагу. Увлекая личным примером своих подчиненных, они с возгласом «За Родину! За Ленинград!» стремительно ворвались на шоссе, на дорогу и уничтожили две автомашины с солдатами. В этом бою они оба погибли как герои».

Массовый героизм, презрение к смерти проявляли люди, защищавшие свою социалистическую Родину, свою свободу и независимость.

В тот день, когда мы похоронили в Больших Сабицах полковника Н. Н. Проскурина, в районе Усадище, Антаново, Волошево, Вердуги, Горки, Стаи и Брея шли завершающие бои с противником, стремившимся прорваться на Лугу и Псков, и пришедшими ему на помощь 11-й пехотной и 13-й авиаполевой дивизиями. Даже сейчас, спустя четверть века, вспоминая множество боев, особенно восхищаешься подвигами, совершенными именно в те дни нашими воинами.

Ворвавшись в Волошево, сержант Рудавский и младший сержант Ковалев, перебегая от укрытия к укрытию, вели по противнику огонь из автоматов. Неожиданно недалеко от овощехранилища они наткнулись на группу гитлеровских солдат. Завязалась рукопашная схватка. Рудавский и Ковалев уложили трех из восьми и, отстреливаясь, хотели отступить за угол дома, чтобы вести оттуда огонь. Но с противоположной стороны улицы бросились к ним еще две группы солдат противника. Рудавский и Ковалев дрались до последнего патрона, а когда гитлеровцы хотели взять в плен наших героев, они успели выхватить из-за пояса по ручной гранате и бросить себе под ноги...

После освобождения деревни Волошево наши бойцы увидели, что рядом с Рудавским и Ковалевым лежат шесть трупов вражеских солдат.

О том, как сражались в этих боях коммунисты, свидетельствует эпизод, о котором вспоминает в письме ко мне бывший комсорт 2-го стрелкового батальона 176-го стрелкового полка младший лейтенант П. А. Паршуков: «Утром следующего дня перед нами была поставлена боевая задача — овладеть деревней Брея. Парторг соседней с нами 4-й роты старшина Иоффе первым бросился в атаку с кличем: «Вперед, за Родину!» За ним поднялись все бойцы.

Перед самой деревней Брея парторг 4-й роты был сражен пулеметной очередью. Он упал на снег с зажатыми в обеих руках гранатами. Деревня Брея была взята. Гитлеровцы стали отходить к Луге».

Стойкость и бесстрашие в этих тяжелых боях проявили не только стрелки, артиллеристы, но и воины других родов войск, в частности связисты, от которых во многом зависело успешное управление боем. Радист командира 340-го полка старший сержант Н. М. Онин рассказывал, что он больше всего боялся, как бы не разбили радию. Она была очень нужна не только для связи со штабом дивизии, управления подразделениями, осуществления взаимодействия, но и для поддержания морального духа людей. Когда однажды никак не удавалось установить связь со штабом дивизии, полковник И. Н. Фадеев и его радист старший сержант Н. М. Онин, не сговариваясь, вели себя так, будто все было в порядке. Люди, попавшие в окружение, действовали увереннее, они знали, что их в беде не оставят. Во время сильных обстрелов Онин своим телом прикрывал радию.

Много лет спустя после войны мой бывший адъютант, а ныне доцент кафедры разведочного дела Ленинградского горного института Н. И. Руденко рассказал мне, что Н. М. Онин до сих пор помнит, как тяжело было под обстрелом днем и ночью напролет вызывать «Сокол» (мой позывной. — С. Б.) и держать связь. Я поинтересовался, где же сейчас работает бывший радист.

— Да мы друзья, — ответил Н. И. Руденко, — после войны вместе в аспирантуре учились. Сейчас Онин доцент, работает у нас в институте на кафедре геофизического факультета.

Как выяснилось, Н. М. Онин и Н. И. Руденко на фронте лично не были знакомы, знали друг друга только по позывным. После войны их дороги сошлись. Бывшие фронтовики поступили в аспирантуру, часто встречались.

Но ни одному из них и в голову не приходило, что они воевали рядом, прошли вместе боевой путь от Невы до Эльбы. После демонстрации многосерийного фильма «Совесть пробуждается» Ленинградская студия телевидения предложила мне и Руденко — участникам событий, показанных на голубом экране, — выступить перед зрителями. На следующий день после передачи Онин, встретив Руденко в институте, сказал:

— Послушай, так мы же с тобой однополчане!

Разговорились и даже припомнили некоторые свои разговоры по рации.

Интересно, что в тот же день ко мне в гости пришел ветеран дивизии И. И. Пеккер — тоже ученый и тоже бывший связист. Был он у нас командиром роты связи, а затем и начальником связи 314-го стрелкового полка. Сейчас он — доктор технических наук, живет и работает в Новочеркасске.

Однако я немного отклонился от последовательного изложения событий. 9 февраля 314-й стрелковый полк А. П. Мельникова продолжал завершать разгром противника в районе населенных пунктов Усадище и Антаново, а 340-й стрелковый полк И. Н. Фадеева совместно с одним из партизанских отрядов, лыжным батальоном, разведвзводом и взводом охраны штаба очистил от врага деревни Вердуга, Горки, Стаи. Гитлеровские войска, пытавшиеся пробиться на Лугу и Псков, были разгромлены по частям.

За 5 дней боев гитлеровцы потеряли до 2500 солдат и офицеров убитыми, в плен мы взяли 227 человек, захватили 35 танков, 90 орудий, 40 бронетранспортеров, 25 автомашин, большое количество оружия, боеприпасов и инвентарного имущества.

Под вечер в Большие Сабицы, где находился мой КП, прилетел на самолете командир корпуса генерал-лейтенант И. В. Хазов.

— Ну и рванули вы вперед, — пошутил генерал, — никакой рацией вас не достанешь, пришлось перейти на живую связь.

— У нас солдаты говорят, — ответил я шуткой на шутку, — главное в наступлении — ноги... Пока они держат нас, ждем вперед...

Командир корпуса приказал наступать дальше на Плюссу и перерезать железнодорожную и шоссеиную магистраль между Лугой и Псковом.

Дорог был каждый час. Я принял решение ввести свой второй эшелон и всеми частями дивизии перейти в наступление. 10 февраля в 9 часов утра после тридцатиминутной артподготовки 176-й стрелковый полк майора С. Ф. Семенова сломил сопротивление противника и вынудил его отступить.

Вечером Семенов доложил, что, форсировав реку Вердугу, впадающую в Плюсу, полк к исходу дня овладел населенными пунктами Заполье, Загорье, Самохвалово и Кондратово.

На следующий день 176-й полк вышел на берег реки Плюссы. В районе Трошкова он встретил ожесточенное сопротивление противника. Здесь-то и спасла положение пулеметная установка на саних, о которой я уже рассказывал.

Вот как об этом эпизоде вспоминает бывший заместитель командира 176-го полка по политчасти полковник запаса Е. А. Иванченко: «Командир одной из рот старший лейтенант Панков ехал на саних, где был установлен станковый пулемет. Когда наши начали отходить, Панков приказал повозочному развернуть сани и мчаться вдоль берега, а сам стал стрелять из пулемета. Бойцы снова пошли в атаку. Решительные действия наших воинов ошеломили фашистов. Бросив часть оружия и боеприпасов, они стали удирать...»

340-й полк полковника И. Н. Фадеева после тяжелых оборонительных боев, атак и контратак перешел в наступление на Плюсу. В это время главные силы 67-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. П. Свиридова при взаимодействии с войсками 59-й армии генерал-лейтенанта И. Т. Коровникова наступали на город вдоль Киевского шоссе. 12 февраля в 21 час Луга была освобождена. При разгроме Лужской группировки противника и освобождении города Луги особенно отличились войска 120-й дивизии генерала Д. В. Батлука, 123-й ордена Ленина дивизии генерала А. П. Иванова, 201-й дивизии генерала В. П. Якутовича и нашей 46-й дивизии.

В ночь с 13 на 14 февраля меня вызвал по радиации командующий 67-й армией генерал-лейтенант В. П. Свиридов. Он сообщил, что приказом Верховного Главнокомандующего нашей дивизии присвоено наименование Лужской, поздравил меня и тут же просил доложить обстановку. С час назад я вернулся на КП из 340-го полка, который вел тяжелые бои на подступах к Плюссе. Против-

ник оказывал упорное сопротивление, и я пока ничем не мог обрадовать командарма. Враг бросил в бой большое количество танков, самоходок и орудий разного калибра, чтобы задержать наше наступление и отвести 18-ю армию на линию «Пантера».

Через день дивизия, преодолевая упорное сопротивление противника, заняла Малые и Большие Лыжницы, Заполье, Малое Захонье. Наконец 16 февраля 340-й полк подошел к железнодорожной станции Плюсса. Меня снова вызвал по радиции генерал-лейтенант В. П. Свиридов и приказал немедленно взять железнодорожную станцию и поселок Плюсса.

Командарма В. П. Свиридова я хорошо знал по многим боям. Владимир Петрович никогда не повышал голоса, приказы свои отдавал ровно, спокойно.

— Семен Николаевич, я вас еле догнал, — сказал он мне, заканчивая наш разговор шуткой. — Очень прошу вас, убегите от меня подальше, чтобы я вас снова догонял.

— Приказ будет выполнен! — ответил я. — Сделаем все, что в наших силах! — И в тон командующему добавил: — Будем стараться, чтобы вы нас не догнали, товарищ генерал.

Но, откровенно говоря, настроение у меня было неважное. Плюсса — сильный узел вражеской обороны. А дивизия наша измотана боями и походами. Последний раз мы получили пополнение еще в Ленинграде. Терять людей в боях всегда тяжело, а тем более сейчас, когда в полках осталось меньше половины личного состава.

В ту ночь я не спал. Вместе с начальником политотдела полковником М. П. Меркушевым обзванивали мы командиров полков и их заместителей по политчасти, интересовались обстановкой, обеспечением войск боеприпасами, моральным состоянием людей. Нам отвечали, что во всех частях и подразделениях полный порядок. Приказ Верховного Главнокомандующего, в котором была отмечена наша дивизия за бои под Лугой, воодушевил всех воинов.

Бывало, часто приходилось слышать на привалах разговоры, дескать, мы наступаем в обход Луги по колено в снегу, окружаем гитлеровцев, сами бьемся в окружении, заходим во фланги и с тыла, а другие дивизии войдут в город, станут Лужскими, и никто о нас не вспомнит. Сейчас наши воины знали, что их мужество, выносливость,

стойкость, весь тот ратный труд, который они вложили в победу под Лугой, оценен по достоинству.

К слову сказать, командующий фронтом генерал Л. А. Говоров и член Военного совета фронта генерал А. А. Жданов, отправляя в Ставку ВГК свои донесения, обычно в первую очередь отмечали те части и соединения, которые при взятии городов умело применяли обходный маневр. Бывший политработник штаба фронта полковник И. М. Соколов рассказывал мне, что, когда представлялись в Ставку ВГК соображения о присвоении дивизиям наименования Лужских, один из офицеров штаба сказал о нашей дивизии: «Она же в Лугу не входила», на что А. А. Жданов ответил: «Обойти тяжелее, чем войти», а Л. А. Говоров тут же добавил: «Если не обойдешь, то и не войдешь».

Бои за Лугу показали, что успешное применение маневра зависит не только от военного искусства командиров, боевого обеспечения войск, но и в еще большей степени от подготовки воинов, их морального состояния, их воли к победе, их готовности преодолеть любые трудности.

В этом отношении наша дивизия, испытанная в огне блокады, выдержала и на сей раз свой труднейший из труднейших экзаменов.

К сожалению, на фронте обстановка часто складывается так, что нет у тебя времени для подготовки к «сдаче следующего экзамена».

17 февраля я приехал на НП к Фадееву и оттуда следил за боем. С ходу овладеть железнодорожной станцией и поселком Плюсса не удалось. Наша разведка доложила, что противник заранее создал здесь сильный узел сопротивления с развитой огневой системой, многочисленными долговременными сооружениями из готовых железобетонных конструкций. Все каменные здания станции и постройки поселка приспособлены к обороне, внешний обвод которой имеет развитую систему траншей полного профиля, с вкопанными танками и самоходными орудиями для стрельбы прямой наводкой. Перед передним краем обороны враг создал сплошные минные поля и поставил проволочные заграждения в 3—5 рядов.

— Да, — со вздохом сказал Фадеев, — ленинградский салют мы с вами не праздновали, лужский тоже не праздновали, всегда что-нибудь мешает. Видимо, придется отложить это дело до Берлина, там уж ничто не помешает.

— Не горюйте, — ответил я ему, — Плюсса скоро будет нашей.

По разработанному в штабе плану объединенный отряд партизан из 6-й и 9-й бригад под командованием Василия Алексеевича Печкурова должен был обойти противника справа по болотам и ударить с тыла, 314-й полк подполковника А. П. Мельникова — обойти Плюссу слева и также нанести удар с тыла, а 340-му полку полковника И. Н. Фадеева предстояло наступать на Плюссу с фронта. Я назначил время общей атаки и условился о сигналах. Стоявший рядом со мной представитель штаба партизанского движения Ленинградской области Н. А. Рачков спросил:

— У вас, Семен Николаевич, часы точно идут?

— Не жалуюсь, — ответил я.

— Давайте обменяемся на счастье, у меня тоже точные часы.

Мы так и сделали. Каждый из нас понимал, что приятно будет хранить эту память друг о друге и наших совместных боевых делах.

18 февраля в час ночи партизаны на лыжах через заснеженные болота вышли в тыл противника, а 314-й полк перерезал железную дорогу северо-западнее станции Плюсса. После короткого огневого налета 340-й и 314-й полки, а также объединенный отряд 6-й и 9-й партизанских бригад одновременно перешли в атаку. Первым из нашей дивизии вместе с партизанами ворвался на станцию Плюсса батальон под командованием старшего лейтенанта И. С. Зенина. Рота старшего лейтенанта Якова Иноземцева, вклинившись в передний край обороны противника, овладела несколькими дотами. Это и решило успех боя. К 4 часам утра дивизия во взаимодействии с партизанами полностью разгромила вражеский гарнизон и овладела железнодорожной станцией и поселком Плюсса.

Запомнился мне такой эпизод. Наш солдат, видимо, знавший немецкий язык, поднял на станции табличку с надписью: «Цуг фарн нах Плескау» («Поезд идет на Псков») — и, облегченно вздохнув, проговорил:

— Отсюда, гад, твой поезд больше на Псков не пойдет!

В тот вечер, неведомо как, добрались к нам из Ленинграда бывавшие часто у нас фронтовые корреспонденты «Ленинградской правды» М. Д. Михалев и А. И. Рискин.

Мы жадно слушали их рассказы о Ленинграде и ленинградцах, которые с удесытеренной энергией продолжали трудиться для фронта на заводах, расчищать улицы, разбирать завалы, ремонтировать разрушенные дома, помогать освобожденным районам области восстанавливать колхозы, совхозы и готовиться к весенней посевной.

Мы в свою очередь рассказали корреспондентам о последних боях, об отличившихся воинах. Немного отдохнув, Михалев и Рискин отправились в батальон И. С. Зенина.

После боя за Плюссу мы расстались с партизанами. Я подписал наградные листы, отметив подвиги партизан, отличавшихся в боях. Затем подтвердил телеграммой, посланной в Ленинград в штаб партизанского движения области, взаимодействие с нами партизан при взятии Плюссы. Мы крепко, как и при встрече, расцеловались.

НА ПСКОВИ

После взятия Плюссы открывался путь для дальнейшего продвижения вперед, и мы не замедлили этим воспользоваться. 176-й полк начал преследование противника вдоль железной дороги на Струги Красные, а 314-й полк — в направлении совхоза «Светлый путь». Воодушевленные успехом, воины дивизии, как говорится, наступали врагу на пятки. Батальон старшего лейтенанта И. С. Зенина ночью 20 февраля настиг противника у совхоза «Светлый путь». Гитлеровцы беспечно расположились у костров: одни из них грелись, другие спали. Наши разведчики бесшумно сняли охрану. Подразделения батальона обошли противника с флангов и по сигналу внезапно атаковали его. В этой короткой схватке было уничтожено более сотни фашистов. Только немногим удалось спастись.

Гитлеровцы принимали все меры, чтобы задержать наше движение на промежуточных рубежах. Они продолжали создавать на путях отхода заграждения, взрывали здания, мосты, рельсы и даже закладывали авиабомбы под полотно шоссеиных дорог. Лишь стремительное наступление наших войск позволило предотвратить уничтожение вражескими подрывными командами железнодорожных сооружений и мостов. Так, например, был спасен нами мост и железнодорожное полотно в районе станции Плюсса.

Как-то рано утром мы с Руденко шли по лесной тропинке на КП. Неожиданно из-под ног выскочил заяц.

— Большой бяка, — сказал Н. И. Руденко, — вот бы где поохотиться...

Чем-то мирным повеяло и на меня от этого благостного для охотника места. На опушке дороги нам преградила незамерзшая, видимо, тепловодная речушка. Над ней клубился пар, а кругом было царство зимы: белые шапки деревьев, заснеженные поля. И мне почему-то подумалось, что в бою случается нечто схожее: кругом огонь, разрушения, хаос и тут же рядом — мирная, мирная жизнь. Нам доводилось слышать в одно и то же время свист пуль и смех ребенка, пение птиц и стоны раненого... Война всегда поражает своими контрастами и от этого кажется еще более нелепой, ненужной человеку.

21 февраля части дивизии вышли на подступы к районному центру Струги Красные, где снова встретили отчаянное сопротивление противника.

Я приказал командиру 49-й разведывательной роты старшему лейтенанту Лашкову установить, где имеются открытые фланги в обороне противника. Выполнить эту задачу он доверил взводу под командой старшего сержанта В. Я. Тупкаленко. Сам старший лейтенант и санинструктор роты Мария Ющенко пошли в разведку вместе со взводом. Пройдя около двух километров лесом, взвод наткнулся на гитлеровцев. Завязалась перестрелка. Разсержнувшись к бою, разведчики стали продвигаться вперед. И вдруг прогреготал сильный взрыв. Наши разведчики в темноте попали на минное поле. Взрывом были убиты старший лейтенант Николай Лашков и Мария Ющенко. Оба они были молодыми, отважными, жизнерадостными. Их любили и уважали в роте. В разведке Лашков всегда действовал умно, хитро и решительно. Двадцатипятилетняя Мария Ющенко была гордостью роты. Все знали: если Мария с ними в разведке, им ничего не страшно. Она в беде никого не оставит. И надо же было случиться такому несчастью...

Как ни велика горечь утраты, но задерживаться было нельзя. Старший сержант Тупкаленко приказал продолжить выполнение задания. Разведчики установили, что южнее поселка Струги Красные левый фланг у противника открыт. Старший сержант сразу же сообщил об этом по радию в штаб дивизии.

Выполнив боевую задачу, разведчики возвращались по лесной тропе. Проводником у них был солдат Сергей Круглов — уроженец этих мест. Пройдя километра три,

разведчики наткнулись на «лесной поселок», где местные жители скрывались от гитлеровцев. Вдруг один из них — пожилой бородатый человек — крикнул: «Сереза! Сын-нок!» и бросился обнимать Круглова. Крестьяне стали рассказывать разведчикам, как они скрываются от фашистов, боясь, чтобы их не угнали в Германию, как поддерживают в «лесном поселке» дисциплину и порядок, выставляют круглосуточные дозоры. Во всем проявляют особую предусмотрительность. Даже на коров надели намордники, чтобы не мычали.

Получив более подробные данные от разведчиков, я принял решение в ночь с 22 на 23 февраля совершить обходной маневр. Выполнить эту задачу приказал командиру 314-го полка подполковнику А. П. Мельникову и командиру лыжного батальона капитану В. Г. Арсенину.

— Двадцать третьего февраля, — заключил я, — День Красной Армии. Надо отметить его достойно. Струги Красные должны быть в наших руках!

314-й полк, совершив темной ночью обход по глухим лесным тропам и болотам, к 4 часам утра вышел в тыл обороняющегося противника. Свой НП подполковник А. П. Мельников разместил на высоте в полтора километрах от поселка Струги Красные.

Был в 3-м батальоне 314-го полка командиром 7-й роты пожилой человек, старший лейтенант Трунилин, очень деловой, грамотный и храбрый офицер. Перед боем за Струги Красные ранило командира 3-го батальона капитана Шестакова. Мельников обратился ко мне с просьбой назначить Трунилина командиром 3-го батальона, дав высокую оценку моральным и боевым качествам старшего лейтенанта.

Я, не колеблясь, назначил Трунилина комбатом.

Случилось так, что именно 3-й батальон Трунилина и зашел с тыла гарнизону противника, обороняющего Струги Красные.

— Надо начинать, пока темно, — докладывал комбат командиру полка. — Все подходы к городу уже разведаны. Жду вашего приказа.

Подполковник Мельников отдал приказ начинать штурм и сообщил, что придает батальону роту автоматчиков. Оба — и командир 314-го полка и командир 3-го батальона — сошлись на том, что артподготовка не нужна, гитлеровцы только поднимутся раньше времени с постелей. В 6 часов утра батальон Трунилина и рота автоматчиков

314-го полка ворвались в Струги Красные с тыла. Немцы выскакивали из домов — одни в белье, другие одевались на ходу. В это же время лыжный батальон под командованием капитана В. Г. Арсенина и 340-й полк вошли в Струги Красные с другой стороны.

176-й полк обходил одну из высоток перед этим населенным пунктом. Разговаривая по радиции с майором Семеновым, я торопил его. Вдруг раздается голос подполковника Мельникова, который слышал наш разговор на этой же волне:

— Бортон, я Мальков, не торопите Сидорова¹, я уже пью чай в Стругах Красных. Да здравствует двадцать шестая годовщина Красной Армии!

— Мальков, поздравляю с победой и двадцать шестой годовщиной Красной Армии! Передайте мою благодарность участникам ночного штурма. Как к вам проехать?

— Еще постреливают, товарищ Бортон!

— Но вы же там!

Через полчаса я уже был в Стругах Красных и сразу доложил по радиции командующему армией генералу В. П. Свиридову о взятии этого районного центра, превращенного врагом в очень сильный опорный пункт сопротивления. Мое сообщение немало удивило и обрадовало командарма.

— А где вы лично сейчас находитесь?

— В Стругах, возле церкви, — ответил я.

Убедившись, что дивизия действительно овладела районным центром Струги Красные, командарм просил меня передать благодарность личному составу дивизии и представить к награде отличившихся. Как обычно, он пошутил:

— Семен Николаевич, надеюсь, вы там возле церкви не испортите нам обедню, не упустите подарок из рук. Я ведь сейчас буду докладывать командующему фронтом. А вы знаете, что это такое?

Да, я знал, что значит неверно информировать Говорова: доложить о взятии, а потом сдать противнику населенный пункт. И все же уверенно ответил:

— Закрепились в Стругах Красных и идем дальше!

В этот день ко мне на командный пункт доставили задержанного старика в подозрительно странном ватнике:

---

¹ «Бортон», «Мальков», «Сидоров» — так в то время были закодированы фамилии Борщева, Мельникова и Семенова.

в одних местах разорван, в других — залатан так, что выпирали какие-то бугорки. Когда разрезали заплаты, из «бугорков» посыпались золотые монеты царской чеканки. Их оказалось около трех килограммов. Старик сознался, что до революции у него была лавка, и он мечтал открыть свое дело и сейчас. Все выжидал время поспокойнее, но так и не дождался: то партизаны мешали, а теперь вот Красная Армия пришла.

— Видать, к старому возврата нет, — испуганно бормотал незадачливый лавочник. — Сдаю золото в фонд обороны.

«Просьба» его была удовлетворена.

26 февраля наша дивизия освободила деревню Лужки Псковского района. За несколько часов до нашего прихода фашисты загнали мирных жителей — детей, женщин и стариков — в сарай, облили его керосином и подожгли. Гитлеровские изверги слушали крики и хладнокровно фотографировали огромный костер, в котором сжигали ни в чем не повинных людей.

Мы увидели дгорающий сарай и обезображенные трупы. Неподалеку от этого места у плетня лежал труп изнасилованной и изуродованной молодой женщины. Здесь же стояла скамья, на которой секли при допросах.

Выбежавшие из леса крестьяне рассказали нам, что фашисты пытали эту женщину, требуя, чтобы она сообщила, где находятся партизаны. Молодая патриотка не проронила ни единого слова.

Рядом со мной стояли прославленные разведчики нашей дивизии В. Я. Тупкаленко и А. В. Шушанян. Я видел, как суровы были их лица, когда они слушали рассказы колхозников о зверствах фашистов. Сжимая кулаки, Василий Яковлевич Тупкаленко сказал, обращаясь к жителям:

— Товарищи, верьте нам — фашистские гады поплачутся за муки ваших земляков!

Мы двинулись дальше по извилистой разбитой дороге, ведущей к деревне Романье, где нам предстояло вступить в бой. Чувство священной ненависти к фашистским оккупантам, совершавшим кровавые злодеяния, жгло наши сердца.

Перед нашей дивизией была поставлена задача прорвать оборону противника на фронте Романье — Волково — Горущка-Родионово — Летнево — Кряково и в дальнейшем выйти на рубеж Дьяково — Стремутка — Зарез-

ница, овладеть железной и шоссейной дорогами Псков — Остров.

1 марта 176-й и 314-й полки дивизии после короткой артиллерийской подготовки перешли в наступление. Преодолевая сильное сопротивление противника, отражая контратаки, они вели бой буквально за каждый метр родной земли. Населенные пункты Волково, Горушка-Родионово и Летнево переходили по нескольку раз из рук в руки. Днем 2 марта 314-й полк вновь, уже в который раз, овладел деревней Горушка-Родионово, а в час ночи противник превосходящими силами перешел в контратаку и вынудил наши подразделения снова отступить.

Я приказал командиру полка подполковнику А. П. Мельникову не терять времени и, пока враг не закрепился, выбить его из деревни. В 6 часов утра Александр Петрович доложил, что приказ выполнен. — Горушка-Родионово снова в наших руках.

За 3 дня упорных боев части нашей дивизии продвинулись лишь на 10 километров, овладели опорными пунктами Романье, Горушка-Родионово, Летнево, Сучище, Большие и Малые Лобянки и вышли на рубеж реки Многа — к самому переднему краю сильно укрепленной, глубокого эшелонированной обороны противника, названной им линией «Пантера».

В одном из этих боев, 5 марта, при отражении вражеской контратаки пал смертью героя командир 3-го взвода 5-й роты 2-го батальона 176-го стрелкового полка лейтенант Сергей Алексеевич Данилов, о котором более четверти века спустя спрашивал меня младший сержант Виктор Родионович Мартынов.

Здесь на линии «Пантера» мы вели упорные бои с врагом до 6 марта.

Но развить успех дивизия не смогла. К тому времени приостановилось продвижение всего фронта. После длительного зимнего наступления от Ленинграда до Пскова необходима была оперативная пауза. 6 марта мы сдали свою полосу обороны 56-й стрелковой дивизии и сосредоточились в районе Усадище — Подболотье — Ланева Гора, где получили пополнение и занялись боевой учебой.

В марте 1944 года командование фронта приняло решение прорвать вражеский укрепрайон на участке Псков — Остров, разгромить здесь группировку противника и овладеть городом Псковом. Новый командующий 67-й армией генерал-лейтенант В. З. Романовский (генерал-лейтенант

В. П. Свиридов был назначен командующим 42-й армией) поставил задачу 110-му стрелковому корпусу, в состав которого входила и наша 46-я дивизия, прорвать оборону на фронте Дьяково — Кузнецово, перерезать железную и шоссе-ую дороги на участке Дьяково — Стремутка, форсировать реку Великую и захватить плацдарм на ее западном берегу.

Десять суток части дивизии готовились к наступательным боям. Были выбраны и оборудованы учебные поля, схожие с обороной противника в инженерном отношении. Особенностью подготовки к прорыву укрепленного района на сей раз была отработка стремительной, безостановочной атаки на большую глубину (5—7 километров) с таким расчетом, чтобы сразу достичь огневых позиций вражеской артиллерии и овладеть ими. Уничтожение же оставшегося противника на первой позиции возлагалось на наши части, наступающие во втором эшелоне, или на резервы командиров полков.

Мой командно-наблюдательный пункт находился на высоте в деревне Горушка-Родионово. С этой высоты вся местность, боевые порядки наших войск и оборона противника просматривались на глубину до 12 километров.

В ночь с 30 на 31 марта части дивизии, соблюдая тщательную маскировку, вышли на исходные позиции. Местность в этом районе была болотистая, сплошь залитая водой. Глубина нейтральной полосы достигала двух километров. Мы решили поэтому выдвинуть пехоту первого эшелона во время артиллерийской подготовки на рубеж атаки — восточный берег реки Многа. В первом эшелоне должны были наступать 340-й и 314-й стрелковые полки, во втором — 176-й полк.

К часу ночи все было готово. До начала наступления осталось всего несколько часов. Казалось, никто из нас не волновался.

Сколько раз уж до этого приходилось прорывать сильно укрепленную оборону врага. И все же основания для волнения были.

Наступило утро. За ночь чуть подморозило, лужи затянуло пленкой льда. Было ясно и тихо. Солнце осветило всю панораму будущего поля боя. Далеко в глубине обороны противника видны были деревушки Анисимово, Дьяково, Стремутка, Коровино и русло реки Многа с многочисленными излучинами.

Этот наступательный бой оказался для нас во многом

поучительным, поэтому хочется рассказать о нем подробнее.

В 8 часов 20 минут началась одновременно артиллерийская и авиационная подготовка. В течение 100 минут артиллерия взламывала оборону, уничтожала живую силу и огневые средства противника, а авиация громила его опорные пункты и резервы. Враг не отвечал огнем артиллерии, что редко бывало в подобных случаях. Я решил воспользоваться этим и отдал приказ немедленно начать выдвижение нашей пехоты на восточный берег. Командиры полков доложили мне по радиации об исполнении приказа. Наша пехота, не задерживаясь на рубеже атаки, устремилась вперед.

Не прошло и 10 минут, как подполковник А. П. Мельников доложил по радиации, что его полк форсировал реку Многу и овладел первой и второй траншеями противника.

— Передайте точно свое местонахождение! — только успел приказать я, как радиация замолчала.

Признаюсь, у меня, как говорят, сердце оборвалось. Смотрю на часы. В это время по графику артиллерийской подготовки должен быть последний огневой налет по переднему краю и, если не отменить его, то удар придется по боевым порядкам 314-го стрелкового полка.

Я приказал командующему артиллерией дивизии подполковнику Девяткину немедленно отставить огневой налет. Но штаб артиллерии еще не успел передать мой приказ, как раздался залп гвардейских реактивных минометов. Их удар пришелся по переднему краю обороны противника, где, согласно докладу Мельникова, была уже наша пехота. Неужели случилось непоправимое? За все время войны я еще ничего подобного не испытывал. Правда, 12 января 1943 года в начале боев за прорыв блокады наши воины, преодолевая Неву, «прижались» к залпу «катыш», и мы тогда тоже немало пережили, но вскоре успокоились — все происходило у нас на глазах и завершилось наилучшим образом. Сейчас же мы думали, что наши пехотинцы угодили под залп. Пришлось тут же доложить о случившемся командиру корпуса генерал-лейтенанту И. В. Хазову. Его НП был рядом с моим. Я видел, как побледнел генерал. Видимо, и я выглядел не лучше. Прешел час, показавшийся нам целой вечностью, а о положении 314-го полка ничего не было известно.

Первым разрядил тревожную обстановку полковник И. Н. Фадеев. Он доложил, что его полк дружно

атаковал передний край, овладел первой позицией противника и продолжает успешно наступать.

— Как дела у соседа? — спросил я.

— Связи не имею.

Командир корпуса Иван Васильевич Хазов, сдерживая волнение, больше успокаивал нас, чем отчитывал. Тогда я по-настоящему оценил выдержку этого генерала.

Наконец радист доложил:

— Товарищ полковник, вас просит к аппарату подполковник Мельников.

Я бросился к рации:

— Докладывайте, что случилось?

В ответ раздался очень спокойный голос Мельникова:

— Овладели первой позицией обороны противника, вышли к шоссе и ведем бой за Стремутку.

— За Стремутку?!

— Да, за Стремутку.

На мой вопрос, почему полк атаковал преждевременно, не согласуясь с графиком артподготовки, Мельников ответил, что мы ведь учили бойцов при атаке не задерживаться, вот они так и действовали. Опередили график. Сдерживать их порыв ему было трудно, да он и не старался сделать это. Всю ответственность за последствия решил взять на себя. Был риск, но он оправдался.

Да, это так. Как я уже рассказывал выше, мы обучали людей умению атаковать врага безостановочно, как можно скорее преодолевать первые траншеи и внезапно обрушиваться на огневые позиции его артиллерии. Однако кто из нас мог предположить, что наша пехота не только стремительно бросится вперед, но и проскочит передний край противника еще до того, как кончится последний огневой налет гвардейских минометов!

Немного успокоившись, я спросил у Мельникова, не попал ли кто-нибудь из наших под залп «катюш».

— Под залп мог попасть только отстающий, — ответил он, — а таких у нас не было.

Теперь у меня совсем отлегло от сердца, и я заинтересовался, как же все-таки полк смог так быстро сделать шестикилометровый бросок до Стремутки.

— А я приказал всем перед атакой сбросить шинели. Рванули, аж земля дрожала под ногами.

На мой вопрос, нужна ли помощь, Мельников ответил, что пока обходится своими средствами. А минут че-

рез двадцать после нашего разговора доложил, что Стремутка взята.

Я вспомнил о бойцах, которые, должно быть, мерзнут без шинелей, и приказал немедленно собрать их и доставить владельцам. Подполковник А. П. Мельников ответил, что уже отдал своему заместителю капитану Л. М. Тузовичу такой приказ.

— Он, бедняга, трудится сейчас изо всех сил, — пошутил командир полка.

Я хотел было отчитать Мельникова. Мы тут пережили страшные минуты, а он как ни в чем не бывало шутит, но потом подумал: «Александру Петровичу там не легче было, и если он сейчас весел, незачем ему портить хорошее настроение. Будет разбор боя, тогда обо всем и поговорим». Я передал благодарность всем, кто участвовал в атаке за овладение деревней Стремутка.

— Служим Советскому Союзу! — отчеканил подполковник А. П. Мельников и добавил: — На то она и Стремутка, чтобы брать ее стремительно!

Напряжение спало. Хорошее настроение командира 314-го полка передалось и мне. Я довольно бодро доложил командиру корпуса о подробностях боя за Стремутку. Генерал И. В. Хазов сосредоточенно выслушал мой доклад, потом спросил, куда делся посланный нами офицер связи. Я ответил, что он тяжело ранен.

— Впредь вам будет наука, — сказал после этого генерал. — При планировании боя надо учитывать наступательный порыв наших бойцов и предвидеть всякие неожиданности, которые могут возникнуть в связи с этим.

Произнес командир корпуса эти слова так, будто и журил нас и благодарил.

Генерал И. В. Хазов в минуты большого душевного напряжения не терял самообладания, выдержки и всегда поддерживал нас добрым словом и советом. В тот день я видел генерала последний раз. Через несколько дней, когда наша дивизия была отведена в резерв фронта, мы узнали о смерти Ивана Васильевича Хазова после тяжелого ранения в бою. Перед кончиной генерал просил похоронить его в городе Пушкине, который освобождал 110-й стрелковый корпус. Просьба генерала была выполнена. Его похоронили в Александровском парке, напротив разрушенного врагом здания Китайского театра, недалеко от могилы революционеров — героев Великого Октября. Когда бы вы ни пришли на могилу И. В. Хазова, вы

всегда увидите у памятника-надгробия цветы — то розы, то красные гвоздики, то просто полевые ромашки — свидетельство благородной памяти народной, дань уважения жителей Пушкина к генералу-герою, руководившему боями за освобождение их города...

В боях за Стремутку мы взяли несколько десятков пленных. Они в один голос заявляли, что атака русских их ошеломила. Обобщая показания пленных, я пришел к выводу, что гитлеровцы знали о нашем предстоящем наступлении, были готовы отразить его всеми огневыми средствами и, как всегда, укрывшись во время артподготовки, ждали ее конца, чтобы изготовиться к отражению атаки.

«Однако еще не скончилась артподготовка, — показывал один из пленных, унтер-офицер по званию, — как русские забросали нас гранатами, проскочили траншеи и помчались дальше. Мы не успели изготовиться и сделать даже выстрела, как нас, оглушенных и растерянных, взяли в плен ваши солдаты, следовавшие во второй цепи наступления. Мы не понимаем, как это русские в самый разгар своей артиллерийской подготовки могли нас атаковать. Это надо иметь железные нервы...»

Даже штаб немецкого полка не смог эвакуироваться из Стремутки. Командир полка только выскочил из землянки и хотел было сесть в свою машину «шевроле», как меткая пуля нашего бойца уложила его наповал. У фашистского оберста (полковника) все, видимо, было рассчитано по минутам, однако немецкая пунктуальность, не учитывающая «железные нервы русских», в данном случае оказалась для него роковой.

Беспримерную храбрость и героизм при прорыве укреплений обороны проявили бойцы, сержанты и офицеры 314-го и 340-го стрелковых полков. Как и в боях за Струги Красные, особенно отличился личный состав 3-го батальона капитана Трунилина. Сам комбат был в первых рядах атакующих. Если учесть, что Стремутку, по меткому выражению бойцов, «брали бегом», то можно себе представить, как нелегко далось это пожилому человеку — капитану Трунилину.

Хорошо действовал в бою и 1-й батальон 340-го полка. Командиру этого батальона капитану Петрову обычно не везло. Его успели за время нашего наступления от Ленинграда три раза ранить. «Не дают гады-фашисты повоевать!» — ругался Петров. Каким-то образом капита-

ну удавалось уговаривать врачей, и каждый раз он, еще забинтованный, возвращался в свой полк. Таким мне и запомнился Петров.

Исключительное самообладание, мужество и отвагу проявил командир полка подполковник Мельников. Следуя непосредственно за боевыми порядками первого эшелона, он умело и твердо руководил своими подразделениями в этом сложнейшем бою.

Противник стал вводить свои резервы на участках прорыва, пытаясь контратаками остановить наше наступление. Отбив все его контратаки, 314-й и 340-й полки к исходу 31 марта овладели и населенным пунктом Дьяково. Таким образом, мы выполнили задачу дня.

Вечером Мельников, докладывая мне обстановку, между прочим сообщил, что теперь у него есть трофейная машина «шевроле».

До сих пор любимым его видом транспорта была верховая лошадь Руфа, подаренная командармом В. П. Свиридовым еще в 1942 году под Ленинградом. Все в дивизии знали историю Руфы. Командарм, экономя бензин, добирался в дивизию на этой лошади. Однако с кормами для лошадей на Ленинградском фронте дело обстояло не лучше, чем с бензином. Руфа до того ослабла, что уже не могла передвигаться. Генерал Свиридов надеялся, что в полку солдаты всегда сена накосят, и решил подарить истощенную лошадь Мельникову. Командарм не ошибся. Лошадь выжила, общими усилиями ее откормили. И в благодарность за это она не раз выручала своего нового хозяина. Как-то я увидел Мельникова с забинтованной шеей и осведомился, не ранен ли он. Оказалось, что накануне одного из боев Руфа дважды спасла Мельникова. Ночью, возвращаясь из 1-го батальона в полк, Александр Петрович заблудился в лесу. Так нетрудно было напороться и на врага. Он отпустил поводья, и Руфа быстро нашла дорогу. На опушке леса, однако, случилась неприятность. Колючая проволока, протянутая между деревьями, полоснула Мельникова по горлу. Он вскрикнул, и Руфа в тот же миг остановилась. Сделай она еще полшага — и беды не миновать.

— А как же с Руфой? — спросил я у Мельникова.

— Пусть отдохнет, — ответил он мне, — лошадка это заслужила.

На следующий день бои должны были возобновиться. Так же как и мы, успешно наступал наш левый сосед —

56-я стрелковая дивизия генерал-майора С. М. Бунькова. Однако, к сожалению, 224-я стрелковая дивизия — правый сосед — особого успеха не имела и поэтому правый фланг нашей дивизии оказался не прикрытым. На это я и обратил внимание командиров частей, ставя им задачи.

Для развития успеха наступления я ввел 1 апреля свой второй эшелон — 176-й стрелковый полк майора С. Ф. Семенова. Противник за ночь успел подтянуть свежие силы. Он упорно оборонялся и, как мы предполагали, неоднократно переходил в контратаки, стремясь зайти нам с правого фланга, чтобы задержать наше продвижение и не допустить выхода дивизии к реке Великой.

Особенно усилилось сопротивление противника во второй половине дня. Ожесточенный бой разгорелся за поселки Зарезница и Оленино. Противник предпринял контратаку силами до пехотного полка, поддержанного танками и самоходками. Ему удалось окружить 1-й батальон 314-го полка. Этим батальоном командовал опытный, умелый командир, человек большого мужества старший лейтенант И. С. Зенин. Мы были уверены, что под его командой люди не растеряются, выдержат любые испытания. Так оно и произошло. Целые сутки 1-й батальон дрался в окружении, отражая все атаки пехотного полка противника. Затем совместными действиями 340-го и 314-го полков враг был отброшен и батальон Зенина освобожден.

1-й батальон 340-го полка встретил сильное сопротивление противника в боях за населенный пункт Оленино. Он дважды пытался овладеть им, но безуспешно. Гитлеровцы приспособили к обороне каменные дома и подвалы. Даже наша артиллерия не могла их подавить.

Командир батальона капитан Петров приказал командиру передовой роты старшему лейтенанту Сосулину уничтожить огневые точки, мешающие нашему продвижению вперед. Несколько бойцов под командой сержанта Ермакова скрытно подползли по канаве к каменному дому и забросали его гранатами. Продвинувшись дальше, они уничтожили и вторую огневую точку. Это позволило роте под командой Сосулина занять восточную окраину Оленино. Вслед за ней перешел в атаку весь батальон. Вскоре Оленино было освобождено от гитлеровцев.

Те дни вспоминаются мне с особо щемящей болью. Почему-то врезался в память идущий в атаку наш танк Т-34, на броню которого вскочил один из офицеров 3-го

батальона 176-го полка старший лейтенант Мельник. Танк, подпрыгивая на ухабах, шел и шел вперед. Но вот вражеский снаряд угодил в танк, и он запылал... Через несколько минут я увидел, как обожженного Мельника несли на носилках санинструкторы.

Долгие годы бои под Псковом у меня невольно ассоциировались в памяти с той распутицей, с тем устремленным вперед нашим танком и нашим героем-офицером, лежащим обгорелым на носилках.

И вот недавно на одном собрании я получил записку, написанную на обложке рекламы цветного телевизора «Радуга-5». «Уважаемый Семен Николаевич, — писал мне ветеран нашей дивизии Сотников, — убедительно прошу вас, когда будете делать доклад 9 мая 1971 года, не забудьте отметить наших героев, с которыми мне непосредственно приходилось участвовать в боях под Лугой, Псковом, на Карельском перешейке и в Эстонии».

Далее следовали фамилии 14 воинов. Под восьмым номером значился старший лейтенант Мельник. Вот что о нем было сказано: «В районе Оленино сел на танк, который устремился вперед. Танк был подбит и сгорел. Мельник был направлен в госпиталь в безнадежном состоянии. Как же я обрадовался, встретив его уже в конце войны в немецком городе Анкламе. На контрольном пункте Мельник принимал военнопленных немцев».

Я был очень обрадован, узнав, что отважный офицер жив. Вот уж, воистину, и в воде не тонет, и в огне не горит советский воин!

Отражая контратаки противника и преодолевая его упорное сопротивление, части дивизии к исходу дня продвинулись вперед до 5 километров и завязали бой на окраинах населенных пунктов Речевицы, Еваново, Даньшево и Староселье. До реки Великой оставалось всего около 5 километров. Но продвинуться дальше мы не смогли.

Немецкое командование решило ликвидировать выступ, образованный в результате наступления войск нашей 67-й армии. Утром 3 апреля после удара авиации и сильной артиллерийской подготовки противник контратаковал нас крупными силами пехоты и танков с трех направлений: с деревни Атаки — на Подборовье, с Еванова — на Оленино и с Печкова — на Староселье.

Разыгрался ожесточенный бой, особенно тяжелым он был на участке 314-го полка. Гитлеровцам удалось вкли-

ниться в нашу оборону на стыке 2-го и 3-го батальонов. Вражеский полк пехоты при поддержке танков отбросил 2-й батальон капитана Сиделкина и захватил населенный пункт Староселье. 3-й батальон капитана Трунилина оказался в полуокружении. Все бойцы, сержанты и офицеры батальона героически отражали натиск врага. И как всегда спокойно и уверенно руководил батальоном капитан Трунилин. В этом бою он был смертельно ранен.

— Лейтенант Рычихин, — еле слышно произнес Трунилин, — принимайте командование батальоном. Я вам верю...

Это были его последние слова.

Когда капитана Трунилина несли на носилках мимо НП 314-го полка, где я в это время находился, подполковник Мельников спросил у медсестры:

— Выживет?

Она ответила:

— Рана очень тяжелая, но надо надеяться.

Так обычно говорят все медики, когда раненый находится в безнадежном состоянии. Однако хотелось все же верить в лучшее...

Только я вернулся на свой НП, как меня вызвал порации Мельников:

— Капитан Трунилин, не приходя в сознание, умер.

Прощай, боевой товарищ, прощай, капитан Трунилин!

Батальон под командой лейтенанта Рычихина стоял насмерть. Бойцы знали, что последние слова их любимого комбата относились не только к лейтенанту, но и ко всем им. И они доказали, что не зря им верил капитан. Все контратаки танков и пехоты врага были отбиты.

Затем мы ввели в бой свой резервный батальон. Силы резерва дивизии действовали совместно с подразделениями 314-го полка. Противник был отброшен.

Еще в нескольких ожесточенных наступательных боях принимали участие полки нашей дивизии, но сколько-нибудь заметных успехов мы больше не достигли.

В 10 километрах от нас находился израненный старинный русский город Псков, жители которого с надеждой ждали своего освобождения. Но противник на подступах к Пскову сумел создать сильную в инженерном отношении оборону. Требовались тщательная подготовка всех родов войск, дополнительная разведка, большая авиационная и артиллерийская обработка огневой системы противника. К тому же началась весенняя распутица. Болотистая мест-

ность сплошь была залита водой. Раскисли все дороги. Почти прекратился подвоз боеприпасов на передний край.

Попытки прорвать оборону противника на всех других участках под Псковом успеха тоже не имели. Военный совет фронта принял решение прекратить дальнейшее наступление. В ночь с 9 на 10 апреля мы передали полосу обороны 85-й стрелковой дивизии и были выведены в резерв фронта.

Войска 42-й и 67-й армий, в состав которых в разное время зимне-весеннего наступления 1944 года входила наша дивизия, после переформирования и хорошей подготовки к прорыву глубоко эшелонированной обороны противника начали 17 июня наступательную операцию. Через два дня войска этих армий взломали линию «Пантера», форсировали реку Великую и стали продвигаться вперед. На пятый день наступления был освобожден Остров, на седьмой — Псков. Псковско-Островская группировка противника была разгромлена за две недели войсками 3-го Прибалтийского фронта, куда входили в то время 42-я и 67-я армии.

За это время наши войска продвинулись здесь на запад до 130 километров, создав выгодные условия для наступления на Ригу с северо-востока.

Эта победа была в немалой степени обеспечена и предшествовавшими боями, проводившимися войсками Ленинградского фронта зимой и весной 1944 года. Мы гордимся, что наша 46-я стрелковая дивизия отличилась в этих сражениях. За два с лишним месяца наступления она прошла с боями более 300 километров от стен Ленинграда до стен Пскова, если считать по прямой. Фактически же пройдено было раза в два больше. Совершая глубокие обходные маневры в суровых условиях зимы, по бездорожью, лесам и труднопроходимым болотам, наши воины закалились в боях и походах, приобрели большой опыт, сноровку и умение бить врага на промежуточных рубежах, в опорных пунктах, окружать его и уничтожать. Несмотря на все трудности, бойцы, сержанты и офицеры без сна и отдыха стремительно преследовали противника, не давая ему отрываться от наших войск. Порой не было времени даже делать привалы. Я сам на себе испытал в эти дни, что значит «высыпаться» на марше. Идешь, а веки слипаются. Не замечаешь, как засыпаешь на ходу. Запнешься о какой-нибудь бугорок, очнешься, и не знаешь

сколько времени ты продремал (обычно это было не больше минуты), но чувствуешь себя уже чуть бодрее...

Бои мы вели днем и ночью, вели их, как только настаивали противника, стремясь зайти ему то с флангов, то с тыла, то с головы колонны. Несколько раз нам приходилось прорывать сильные узлы обороны противника, окружать врага, самим драться в окружении. Наши люди научились быстро переходить от одного вида боя к другому.

Большую роль играла политработа, которую вели командиры, замполиты, парторги и комсорги. Когда из строя выходили бывалые офицеры, их часто заменяли совсем молодые. Им приходилось учиться искусству командовать, проводить политическую работу в боевой обстановке.

В связи с этим вспоминается один интересный случай, о котором мне рассказал заместитель командира 176-го полка по политической части майор Е. И. Иванченко. В бою под Лугой был ранен заместитель командира 2-го батальона по политической части. Комсоргу П. А. Паршукову было приказано исполнять обязанности замполита. Новый замполит, как говорится, годился солдатам в сыновья. Чтобы выглядеть солидным, он решил отрастить усы. Но усы выросли реденькими, на морозе они превращались в сосульки. Как-то Иванченко, придя во 2-й батальон, случайно услышал разговор двух пожилых солдат. Один из них добродушно посмеивался над усами юного замполита: дескать, сбрил бы он свои «ледашки». Но его собеседник счел оскорбительным для всего батальона даже это безобидное замечание и крикнул: «Замолчи! Ты ни о нем, ни о его усах не имеешь права так говорить. Замполит с нами всегда в бою, всегда впереди. У кого ни спроси, любой ответит, что он подает пример в атаке, его слова душу согревают!»

Метко сказал старый солдат о юном замполите. Эти слова можно отнести ко всем командирам и политработникам нашей дивизии — пожилым и молодым, которые увлекали своим примером солдат в наступления, добрым словом подбадривали в тяжкую минуту.

Вместе с 86-й, 56-й и другими соединениями и частями усиления наша 46-я стрелковая дивизия участвовала в разгроме 11-й, 24-й, 218-й, 125-й пехотных и 13-й авиационной дивизий противника.

Огромное военно-политическое, экономическое и международное значение разгрома вражеских войск под Ленинградом и Новгородом заключалось в том, что город

Великого Октября — важнейший политический и экономический центр нашей страны — был избавлен от длительной осады. Велики и неоценимы заслуги Ленинграда и его защитников в общем деле нашей победы над фашистской Германией. 15—20 процентов немецко-фашистских войск, воевавших против СССР, и всю финскую армию Ленинград оттянул на себя. До 50 немецких пехотных, танковых и моторизованных дивизий, по данным генштаба фашистской Германии, были разгромлены под Ленинградом с 1941 по 1944 год¹.

Ленинград стал олицетворением величия, мужества и героизма советского народа, символом его неукротимой воли к победе. История войн не знала подобной стойкости жителей крупного промышленного города и воинов при длительной осаде, увенчавшейся полным разгромом вражеских полчищ. «Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, — писала в своей передовой статье газета «Нью-Йорк таймс» 31 января 1944 года, — которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет записан в анналы истории, как своего рода героический миф... Ленинград воплощает непобедимый дух народа в России»².

Фашистские варвары, мечтавшие маршировать по площадям и проспектам вымершего, поверженного города, были жестоко наказаны. Та самая 18-я немецко-фашистская армия, которая заставила английские войска в панике отступать к Ла-Маншу и спешно погружаться на суда в Дюнкерке, та самая 18-я немецко-фашистская армия, которая входила победительницей в Париж, была разгромлена под стенами великого города на Неве. Ирония судьбы! Гитлеровские дивизии, терзавшие блокированный Ленинград, были затем окружены нашими войсками в Курляндии и на себе испытали многие беды, связанные с осадой. «В дивизиях окруженной немецкой группировки один за другим издавались приказы о сокращении норм выдачи продовольствия, и, наконец, гитлеровские войска перешли на блокадный паек. По данным, полученным штабом фронта, гитлеровцами с 1 марта по 1 мая 1945 года было съедено более 47 тысяч строевых лошадей»³.

---

¹ См. «Битва за Ленинград». Воениздат, 1964, стр. 551.

² «Красная звезда», 1 февраля 1944 г.

³ В. М. Ганкевич. Конец группы «Норд». Лениздат, 1965, стр. 182.

В ходе зимнего наступления 1944 года наши войска в феврале освободили от немецко-фашистских захватчиков почти всю территорию Ленинградской области, часть Калининской области и вступили на землю Эстонской ССР, создав условия для последующего наступления на врага и освобождения от него прибалтийских республик. Значительно улучшилось в связи с этим стратегическое положение Краснознаменного Балтийского флота.

Поражение гитлеровских войск под Ленинградом сыграло большую роль для последующего хода всей второй мировой войны. Небезынтересно в связи с этим признание самого врага. Один из гитлеровских генералов К. Типпельскирх пишет, что русские войска зимой 1944 года «не только освободили Ленинград от двухлетней блокады, но и отбросили немецкие войска к границам прибалтийских государств. Кроме того, достигнутые ими на этом фронте успехи привели также к решающим политическим последствиям: вслед за Италией теперь и у Финляндии появились сомнения в конечной победе Германии, и она стала искать контакта с противником»¹.

Наступал час для разгрома финской армии, оккупировавшей Южную Карелию и Карельский перешеек.

---

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., изд-во «Иностранная литература», 1956, стр. 366.

ДВА СОКРУШИТЕЛЬНЫХ УДАРА

КАРЕЛЬСКИЙ ВАЛ

Дивизия расположилась на отдых и переформирование в деревнях, раскинувшихся вдоль берегов реки Черехи. Мы привели себя в порядок, наладили боевую и политическую учебу. Ждали пополнения, но его все не было.

Штаб дивизии разместился на западном берегу Черехи в деревне со странным названием Плоская Лука. По этому поводу было немало острот и шуток. Как-то мы сидели в штабе 314-го полка и беседовали с подполковником А. П. Мельниковым, а дверь в сени избы, куда вышли связной и радист, осталась чуть приоткрытой.

— Я сейчас отправляюсь к Луке, — сказал связной, — вот где побалуюсь рыбкой.

— У Плоского Луки одна лодка плоскодонка и кишка на рыбку тонка, — съязвил радист. — Так-то Лука тебя и угостит.

Мы с Мельниковым посмеялись над этой шуткой, хотя, по правде сказать, река Череха не скупилась на свои богатства.

Стоял на редкость теплый апрель. Солнце пригревало по-летнему. Возвращаясь с боевых занятий в штаб,

я подолгу с тоской смотрел на запущенные поля, где зеленели не всходы озимых, а одни сорняки. Женщины и подростки на худых коровах пахали в поле, старики и старухи вскапывали лопатами огороды.

Мы кое в чем помогали колхозам, прежде всего лошадьми. У нас были здоровые, породистые немецкие битюги. Пара таких лошадей везла по полторы тонны груза и не застревала на раскисших дорогах. Не раз битюги выручали нас там, где грузовые машины не могли проехать. Однажды я видел, как эти лошади в парной упряжке вытащили из грязи полупорку.

— Ох, и сильные же звери, — нахваливал их подполковник Мельников, — только жрут, черти, много.

Помогали мы людям и отстраиваться. Гитлеровцы, отступая, сжигали все дома на своем пути. Колхозники решили перехитрить фашистских факельщиков. Как только партизаны сообщали, что фашисты собираются отступить, жители разбирали свои дома, прятали бревна в разных местах, а сами уходили в леса. Командам вражеских факельщиков некогда было искать разобранный сруб, они и так еле унесли ноги от наступающих частей Советской Армии.

Наши солдаты, сержанты, старшины и офицеры — все, кто хотя бы немного был знаком с плотницким делом, помогали колхозникам восстанавливать дома. В деревнях Торошино, Ланева Гора, Плоская Лука, где размещались наши части и подразделения, с утра до вечера слышался стук топоров.

Как-то ко мне подошли два паренька в оборванной одежде. Я разговорился с ними. Ребята рассказали, что их отец погиб на войне, а семья из семи человек живет в полуразрушенной землянке.

— Где же ваша мама?

— Работает уборщицей на станции.

Я нашел ее, поговорил с ней. Женщина, обливаясь слезами, рассказала о страданиях своей семьи во время оккупации. Надо было чем-то помочь вдове и сиротам. Я приказал начальнику инженерной службы дивизии майору Григорию Захаровичу Карасику построить в течение недели дом. Саперы принялись за дело. У многих наших солдат где-то семьи тоже жили в землянках.

— Соскучились мы по мирному труду, товарищ полковник, — говорили они мне, — скорее бы кончать с войной и отстранять матушку-Русь.

Потрудились саперы на совесть, с душой, с азартом. Хороший получился дом.

Прошло недели две. Я ждал со дня на день приказа о передислокации дивизии.

Думалось, нам предстоит наступать на запад, но когда наконец пришел приказ, оказалось, что наступать будем на север.

Грузились в теплушки ночью на станциях Торошино и Новоселицы — там, где недавно отгремели бои. Теперь здесь был, по нашим понятиям, глубокий тыл. И мне казалось знаменательным, что именно отсюда мы вновь отправляемся бить врагов нашей Родины, из мест особо дорогих нам, ибо они политы кровью героев нашей дивизии...

В канун Первомайского праздника все части и подразделения дивизии сосредоточились в дачных пригородах Ленинграда — Токсове и Пери. Знакомые места! Перед прорывом блокады в Токсове проходили учения, на которых отрабатывалось взаимодействие пехоты и артиллерии.

Многим нашим ветеранам-ленинградцам эти места напомнили предвоенные годы, купание в озерах, походы за грибами, лыжные прогулки. Сейчас слева от нас, километрах в двадцати, проходила линия фронта. На Сестрорецк, ставший осенью 1941 года фронтовым городом, по-прежнему были нацелены вражеские орудия. Да и сам Ленинград находился всего в 30 километрах от линии фронта, и жерла дальнобойных пушек также были направлены в его сторону.

В частях и подразделениях проходили собрания и митинги, посвященные Первомайскому празднику. С большим интересом слушали солдаты, сержанты и офицеры лекции и доклады представителей Политуправления фронта, политотделов армий и дивизии о международном положении Советского Союза, о наших победах над гитлеровскими армиями и задачах, стоящих перед войсками фронта по обеспечению полной безопасности Ленинграда и северо-западных границ нашей Родины.

Наши Вооруженные Силы в наступательных операциях зимой и весной 1944 года одержали крупные победы. Советская Армия, развивая наступление на основных направлениях, вышла к Нарве, Пскову и Витебску, освободила юго-восточные районы Белоруссии, Правобережную Украину, Крым и значительную часть Молдавии. Все это

еще более упрочило военно-политическое положение нашего социалистического государства.

В лагере союзников гитлеровской Германии — Румынии, Венгрии и Финляндии — нарастал протест масс против участия их стран в войне. В середине февраля, когда войска Ленинградского фронта вели уже бои на подступах к Нарве и Пскову, финское правительство через Стокгольм запросило у нашего правительства условия, на которых Финляндия могла бы выйти из войны против СССР. Советское правительство в качестве главных условий мира с Финляндией выдвинуло следующие: разрыв ее отношений с фашистской Германией, интернирование немецких войск, восстановление советско-финского договора 1940 года, отвод финских войск к границе, установленной в 1940 году, возвращение советских и союзных военнопленных, а также советских и союзных гражданских лиц, содержащихся в концлагерях или используемых на работах. Но тогдашние руководители реакционного правительства Финляндии отвергли эти предложения и сорвали начавшиеся было уже переговоры о перемирии.

Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу перед Ленинградским и Карельским фронтами, Краснознаменным Балтийским флотом, Ладожской и Онежской военными флотилиями подготовить и провести Выборгскую и Свирско-Петрозаводскую наступательные операции по разгрому финской армии на Карельском и Онежском перешейках, освободить от захватчиков советскую территорию, восстановить государственную границу и заставить Финляндию выйти из войны.

Финское командование после оккупации Карельского перешейка в 1941 году приступило к созданию сильной обороны. С помощью немцев здесь были построены три мощные оборонительные полосы, воздвигнут внешний оборонительный пояс на подступах к Выборгу, а сам город превращен в крепость; создан ряд промежуточных и отсечных позиций, насыщенных большим количеством железобетонных бронированных и дерево-земляных сооружений. Вся глубина обороны составляла 120 километров.

Противник назвал эти укрепления неприступным «Карельским валом».

На перешейке оборонялись 3-й и 4-й армейские корпуса, подчинявшиеся непосредственно финскому верховному командованию. В состав этих корпусов входили три

пехотные дивизии (15-я, 2-я и 10-я) и одна пехотная бригада (19-я). Оборона побережья Финского залива, полуострова Койвисто и острова Тиурин-сари была возложена на 2-ю бригаду береговой обороны, а западного берега Ладожского озера — от Кексгольма (Приозерска) до Тайпале — на 3-ю бригаду береговой обороны. Кроме этих соединений на перешейке были сосредоточены основные резервы финского верховного командования, состоявшие из двух пехотных (3-й и 18-й) и танковой («Лагус») дивизий и 1-й кавалерийской бригады. Финские войска были полностью укомплектованы, обладали опытом ведения боевых действий в лесисто-болотистой и каменистой местности.

Непосредственно в полосе предстоящего наступления нашей 21-й армии под командованием генерал-лейтенанта Д. П. Гусева оборонялся 4-й армейский корпус в составе 2-й и 10-й пехотных дивизий. В оперативной глубине располагался резерв — 18-я пехотная дивизия и 1-я кавалерийская бригада.

Исходя из замысла фронтовой операции, генерал-лейтенант Д. Н. Гусев решил нанести главный удар из района Старого Белоострова в общем направлении на Выборг, прорвать первую и вторую полосы обороны противника, разгромить противостоящие силы 4-го армейского корпуса и оперативные резервы финнов, не допустив их отхода на третью полосу обороны. В дальнейшем, развивая наступление в направлении Сумма и одновременно наступая вдоль Приморской железной дороги на Койвисто, выйти к третьей полосе обороны финнов.

Полки нашей дивизии, сосредоточенные в районе населенных пунктов Токсово, Пери и Осельки, получили пополнение и стали усиленно готовиться к наступлению. Мне, как я уже говорил, довелось участвовать в войне с белофиннами, а также в оборонительных боях на границе и в лесах Карелии летом 1941 года.

Я знал, что в отличие от немцев финны применяют тактику действий мелкими подразделениями, умеют хорошо воевать в условиях лесисто-болотистой местности. Все эти особенности мы учитывали в ходе подготовки частей и подразделений к наступательным боям. При этом особое внимание обращали на отработку взаимодействия между родами войск и соседями, слаженность действий внутри самих подразделений и одиночную выучку солдат. На местности, схожей с той, где предстояло наступать,

возвели укрепления по типу финской обороны. Днем и ночью учились воины штурмовать укрепления.

В период подготовки к наступлению проводилась большая политико-воспитательная работа. Наши командиры, политработники, политотдел дивизии во главе с его начальником полковником М. П. Меркушевым, заместители командиров полков по политчасти подполковник В. Г. Рубцов (314-й полк), майор Е. И. Иванченко (176-й полк) и майор А. Г. Закрой (340-й полк) разъясняли солдатам, какое значение в нашей общей победе над врагом имеет данная конкретная операция. На примерах многих боев я убедился, насколько высок бывает моральный дух войск, если солдат понимает и сознает всю ответственность за выполнение стоящей перед ним боевой задачи.

Широко пропагандировался также опыт боевых действий частей, принимавших участие в прорыве и снятии блокады. Агитаторы рассказывали бойцам из нового пополнения о боевом пути и славных воинских традициях нашей дивизии, о подвигах ее героев.

По вечерам мы устраивали концерты самодеятельности. В гости к нам приезжали и артисты из Ленинграда, знакомые бойцам еще по памятным дням блокады, — Колесникова, Ястребова, Михайлов и другие. В канун наступления перед бойцами дивизии в районе станции Пери в специально устроенном летнем театре выступил ансамбль песни и пляски Советской Армии под руководством народного артиста СССР А. В. Александрова. Огромное впечатление оставила эта встреча с артистами самого лучшего, самого любимого армейского коллектива.

НАТИСК И ТЕМП

9 июня 1944 года в 8 часов утра началось предварительное разрушение обороны противника. Артиллерия вела огонь по долговременным оборонительным сооружениям. Авиация наносила удары по командным пунктам и узлам связи. Чтобы скрыть от противника направление главного удара, наша артиллерия и авиация производили разрушения на всем фронте Карельского перешейка. В тот же день была удачно проведена разведка боем. Передовые батальоны дивизий первого эшелона при поддержке танков атаковали противника и вклинились в его оборону.

Финское командование не смогло разобраться в создавшейся обстановке и разгадать замысел предстоящей

сперации. Разведку боем оно приняло за наступление русских и было уверено, что оно остановлено. Именно этим и можно объяснить тот факт, что до начала нашего наступления командование финской армии не предприняло никаких дополнительных мер к усилению обороны. К тому же наша артиллерия не давала противнику возможности вести восстановительные работы.

Так, например, 3-я батарея 1-го дивизиона 393-го артполка, которой командовал старший лейтенант Некрасов, получила боевую задачу разрушить сильно укрепленную огневую точку. До начала разрушения была сделана панорама цели. После этого батарея приступила к пристрелке цели. Было зафиксировано прямое попадание в цель 40 снарядами. Чтобы не дать противнику вести восстановительные работы, в течение ночи с 9 на 10 июня наша артиллерия методически обстреливала передний край.

Весь день 10 июня 1-й дивизион капитана Ф. Н. Шевченко вел усиленную разведку обороны противника. Было обнаружено большое количество деревоземляных огневых сооружений с бронеколлаками.

На следующий день в 6 часов утра началась мощная авиационная и артиллерийская подготовка. В течение 2 часов 20 минут артиллерия сухопутных войск, кораблей Краснознаменного Балтийского флота, Кронштадтской крепости и наша авиация сокрушали оборону врага. Была полностью разрушена его система огня, что значительно ослабило оборону противника.

В 8 часов 20 минут с последним артиллерийским залпом 30-й гвардейский стрелковый корпус генерал-лейтенанта Н. П. Симоняка и 109-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта И. П. Алферова при поддержке танков стремительно перешли в наступление. Атака увенчалась успехом. Через несколько часов войска 21-й армии под командованием генерал-лейтенанта Д. Н. Гусева прорвали сильно укрепленную оборону противника и овладели несколькими опорными пунктами.

Враг понес огромные потери от авиации и артиллерии, поэтому не смог оказать серьезного сопротивления. Это позволило войскам 30-го гвардейского и 109-го стрелковых корпусов прорвать первую полосу обороны противника и продвинуться вперед на 14 километров.

С утра 11 июня войска 21-й армии продолжали развивать свой успех. В этот день перешли в наступление и войска 23-й армии. Теперь бои шли от Ладожского озера

до Финского залива. Несмотря на большие потери, командование финской армии требовало от 4-го армейского корпуса во что бы то ни стало задержать наступление русских. Но уже во второй половине дня войска 21-й армии сломали сопротивление 4-го финского корпуса.

В результате трехдневного наступления 21-я армия преодолела первую полосу обороны противника и продвинулась на глубину 40 километров, расширив прорыв по фронту до 60 километров. Наши соединения и части вышли ко второй полосе вражеской обороны. Однако дальнейшее продвижение было приостановлено.

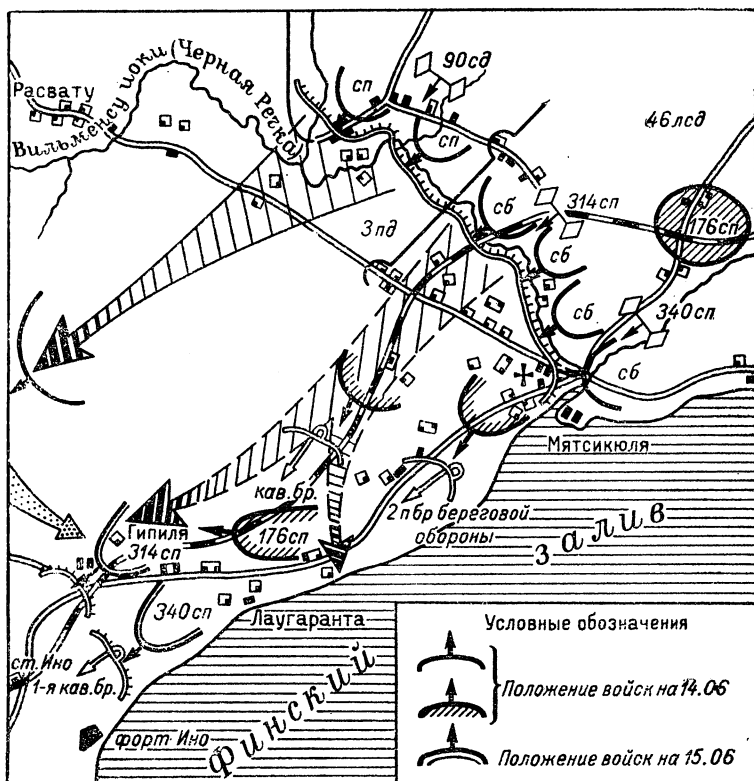
Требовалось произвести перегруппировку войск и подготовиться к прорыву второй полосы обороны. Основные соединения противника к исходу 12 июня оказались в полосе Выборгского шоссе — на направлении первоначального главного удара 21-й армии.

Командующий фронтом генерал армии Л. А. Говоров приказал генерал-лейтенанту Д. Н. Гусеву нанести главный удар в общем направлении на Сумма. В связи с этим необходимо было сначала прорвать оборону противника на участке Кутерселья — Мятсякюля, к исходу 14 июня овладеть рубежом Лийкола — Инонкюля и в дальнейшем уже развивать наступление на направлении главного удара Сумма — Выборг. Для того чтобы не допустить отхода войск противника на третью полосу — линию Маннергейма, один из корпусов должен был нанести удар на Койвисто, к исходу 17 июня овладеть им и не позднее 18—20 июня освободить Выборг.

Командир 108-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант М. Ф. Тихонов решил силами 90-й и 46-й стрелковых дивизий прорвать оборону противника на шестикилометровом фронте. Нашей дивизии предстояло с ходу форсировать реку Вильменсу-йоки (Черная речка), прорвать оборону противника на участке железнодорожный мост — устье Черной речки и овладеть сильным узлом обороны Мятсякюля (Молодежный). В дальнейшем наступать вдоль Приморского шоссе на Койвисто (Приморск).

12 июня 1944 года в 6 часов утра после артиллерийской подготовки 90-я Краснознаменная Ропшинская и 46-я Лужская стрелковые дивизии перешли в наступление. Наша надежда на внезапность не оправдалась. Как только пехота приблизилась к реке, противник встретил ее организованным огнем из всех видов оружия. Первая и вторая атаки успеха не имели. Как потом выяснилось,

перед нами оказалась сильно укрепленная полоса обороны, передний край которой проходил по западному берегу Черной речки, Кутерселькя, Кивеннапа и далее по реке Вуоксе. Она состояла из многочисленных закамуфлированных железобетонных бронированных и дерево-земля-

Прорыв второй полосы обороны противника на Карельском перешейке 46-й Лужской стрелковой дивизией 14 июня 1944 г.

ных пулеметных и артиллерийских сооружений, а также множества укрытий в скалах для личного состава. На километр фронта здесь приходилось 43 железобетонных сооружения, расположенных на господствующих возвышенностях. Финны, используя рельеф местности, сумели так замаскировать укрепления, что ни с самолета, ни даже с наблюдательного пункта, расположенного на расстоянии

300 метров от полосы обороны, ничего нельзя было разобрать.

Полоса имела также развитую систему траншей и ходов сообщений полного профиля, позволяющих скрытно маневрировать подразделениями при отражении атак. Перед передним краем и в глубине обороны были сплошные противохотные и противотанковые минные поля, опоясанные колючей проволокой. Кроме того, финны использовали валуны, установили гранитные надолбы и оборудовали противотанковые препятствия у берегов реки.

Обстоятельства сложились так, что при вводе корпуса в бой у нас не было времени произвести рекогносцировку и разведку противника. Я доложил командиру корпуса генерал-лейтенанту М. Ф. Тихонову, что перед нами находится сильно укрепленная оборона противника, поэтому необходимо тщательно разведать ее и подготовиться к прорыву.

На командный пункт командира корпуса прибыл командующий фронтом генерал армии Л. А. Говоров. Он потребовал от командира корпуса объяснить причины неудачного наступления.

Командир корпуса доложил, что вторая полоса обороны противника оказалась сильно укрепленной, а дивизии начали наступление без достаточной разведки и подготовки из-за отсутствия времени, без танков и поддержки артиллерии и авиации.

Л. А. Говоров, видимо, был прежде неправильно информирован и поэтому прервал доклад М. Ф. Тихонова:

— Не может этого быть!

М. Ф. Тихонов на это спокойно ответил, что из средств усиления не было ни одной пушки, ни одного самолета.

С минуту Говоров молчал.

— Если так, то, конечно, нечего лезть на укрепления животом и нести неоправданные потери! — сказал наконец Леонид Александрович.

Все, кто был на КП командира корпуса, поняли, что это обвинение относится не к нам.

Выяснение истины в ходе боя для Говорова было самым важным. И, если дело того требовало, он сам мчался в войска, чтобы лично разобраться на месте в обстановке и принять соответствующие меры. Так было и на этот раз. Командующий фронтом выяснил причины нашей неудачи и, убедившись, что укрепления второй полосы обороны без

тщательной подготовки и средств подавления не прорвать, принял решение дать нам сутки на подготовку к наступлению. Хотя этого времени было явно недостаточно, но мы знали, что если уж Говоров дал такой короткий срок, значит так надо, так требуют обстоятельства. Мы были уверены, что командующий фронтом теперь в своем штабе, как говорится, всех поднимет на ноги, все сделает для обеспечения успеха нашего наступления.

И действительно, буквально через каких-нибудь 10—15 часов командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант Г. Ф. Одинцов и его штаб сумели перегруппировать артиллерию усиления на левый фланг 21-й армии для обеспечения наступления 109-го и 108-го стрелковых корпусов. Вскоре к нам в корпус прибыли генерал Г. Ф. Одинцов, командиры артиллерийских и танковых соединений, представители от авиации и Краснознаменного Балтийского флота.

Таких темпов подготовки мы не знали и не видели ни в одной из предшествующих операций. В течение суток начальники всех родов войск организовали дополнительную разведку обороны противника. Все это позволило в сжатые сроки и довольно полно установить оборону противника, выявить его огневую систему в полосе наступления дивизии. Для разрушения дотов и дзотов на прямую наводку были поставлены орудия крупного калибра, танки и самоходная артиллерия.

Теперь уже только одну нашу дивизию поддерживали два танковых и два самоходно-артиллерийских полка, один артиллерийский и один минометный полк, артиллерия кораблей Краснознаменного Балтийского флота и штурмовая авиация.

Надо учесть, что наш 393-й артиллерийский полк, которым командовал подполковник Н. Д. Солодков, был в полной боевой готовности. Командиры дивизионов майоры И. И. Карпищенко и Ф. Н. Шевченко, командиры батарей старшие лейтенанты Баринов, Асатиани, Ермолаев и другие успели уже пристрелять разведанные ими цели. Их орудия тоже были поставлены на прямую наводку.

Я очень верил в точность стрельбы наших артиллеристов. В многочисленных боях за освобождение Ленинградской области они нас всегда выручали.

— Видишь, Солодков, — подзадорил я командира нашего артиллерийского полка, — какая сила к нам пришла! пожалуй, они тебе и целей не оставят.

— Это уж мы посмотрим, — с усмешкой ответил он, — кто лучше работать будет.

Рано утром 13 июня мы вышли на рекогносцировку. Только начали уточнять участок прорыва, как попали под огневой налет противника. Осколком снаряда был тяжело ранен в лицо командир 340-го полка полковник И. Н. Фадеев. Очень жаль было расставаться с опытным и отважным командиром полка накануне нового наступления.

Вместо полковника И. Н. Фадеева я решил временно назначить командиром полка начальника оперативного отделения штаба дивизии подполковника А. И. Зимина. Это был офицер, хорошо изучивший и штабное, и строевое дело, показавший себя в боях смелым, решительным, инициативным. Как начальник оперативного отделения, он отлично знал план всего предстоящего боя и задачу 340-го полка. Естественно поэтому, что выбор пал сейчас именно на него. Тогда я еще не знал, будет ли Зимин в последующих боях командовать полком или вернется на свою прежнюю работу в штаб дивизии. Но после нескольких боев убедился, что А. И. Зимин — достойный преемник И. Н. Фадеева. О лучшей замене нечего было и мечтать.

Перед занятием исходного положения для атаки были проведены митинги в полках у развернутых знамен, а после этого короткие партийные и комсомольские собрания. Перед боем в партию только в одном 314-м полку было принято 65 воинов, а в ряды комсомола — 110 человек.

Выступивший на митинге бывший партизан из Ленинградской области комсомолец рядовой С. Г. Гаврилов сказал:

— Гитлеровцы убили моего родного брата Михаила, сожгли мое родное село, замучили пытками многих моих односельчан, убили моих товарищей партизан. Я клянусь отомстить фашистам за все их злодеяния!

К концу дня 13 июня завершилась подготовка к наступлению, и части дивизии заняли исходное положение. Вся местность на участке 314-го полка была открытой, болотистой, поэтому я приказал во время артподготовки выдвинуть нашу пехоту к реке на рубеж атаки.

Белые ночи, которые так любят ленинградцы, нас сейчас только огорчали, потому что нельзя было действовать скрытно. Наши офицеры решили использовать то время, о котором поэт сказал: «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса».

Командир 1-го батальона 314-го полка капитан И. С. Зенин приказал командирам рот подготовиться к переправе и указал, в каких местах разведка установила броды. Как только чуть-чуть стало сереть и появился небольшой туман, батальон, соблюдая строгую маскировку и абсолютную тишину, полностью переправился на правый берег и буквально под самым носом у врага, в 25—30 метрах от его переднего края, занял исходное положение для атаки.

Вместе с комбатом Зениным на западный берег Черной речки переправились командир 1-го дивизиона 393-го артполка Ф. Н. Шевченко, начальник разведки дивизиона и все командиры батарей со своими взводными разведки.

У соседа И. С. Зенина командира 3-го батальона 340-го полка капитана Ф. С. Михалева разведчики обнаружили на своем участке наступления полузатопленный пешеходный мост. Комбат немедленно переправил по нему на правый берег две стрелковые роты.

Создалась очень опасная ситуация. На рассвете надо начинать артподготовку, а в 25—30 метрах от переднего края противника залегли два наших батальона. Что предпринять? Отводить их назад или отменить артподготовку? Ни того, ни другого делать было нельзя.

Мы хорошо помнили уроки боя за Стремутку, когда наши люди чуть не угодили под залп «катюш». Сейчас же я, что называется, глаз не спускал с подразделений первого эшелона. Связь работала четко. О том, что батальоны Зенина и Михалева изготовились к атаке вблизи от переднего края противника, мы узнали вовремя. Надо было идти на риск. Я приказал батальонам Зенина и Михалева окопаться, зарыться на берегу реки как можно глубже в землю.

Вся ночь прошла у нас в заботах и хлопотах. Офицерам, находившимся на моем НП, я разрешал по очереди поспать по два часа. Наступил рассвет. Над землей курилась дымка. По долине и руслу реки стлался густой туман. На душе стало спокойнее. Будем переправляться на правый берег под прикрытием плотной завесы тумана.

Стояла такая тишина, словно никакой войны на свете нет. Молчали обе стороны. Шли последние минуты перед артиллерийской и авиационной подготовкой.

Противник, ожидая нашего наступления, в 5 часов утра сделал несколько огневых артиллерийских налетов

как раз по тем районам, где еще вечером занимали исходное положение батальоны И. С. Зенина и Ф. С. Михалева. Так как эти подразделения были уже на противоположном берегу, то удары артиллерии врага пришлось по пустому месту. Одновременно финны взорвали плотину в верховьях реки. Вода начала заливать низкий левый берег, оставленный нашими передовыми подразделениями. Все это казалось неплохим предвестником удачи.

Но вот в штабе 340-го полка прервалась телефонная связь с батальонами. Командир полка подполковник А. И. Зимин приказал восстановить связь. Для этого нужны были хорошие пловцы, которые могли бы переправиться через разлившуюся реку. Такие смельчаки нашлись. Младший сержант Кукушкин, не задумываясь, взял телефонный провод, нырнул в воду и долго не показывался на поверхности. Река простреливалась, и все думали, что Кукушкин погиб. Но вот он вынырнул недалеко от левого берега и вскоре доложил подполковнику Зимину о выполнении задания. Дважды переправлялся вплавь через реку и рядовой Плужников.

Ровно в 8 часов утра над рекой раздался раскатистый и разноголосый громовой удар артиллерии. Заговорили гвардейские реактивные минометы, корабельная артиллерия Краснознаменного Балтийского флота, кронштадтских фортов и нашего 393-го полка. 200 орудий и минометов на один километр фронта в течение 90 минут разрушали оборону противника.

С последним огневым налетом подразделения 314-го и 340-го полков бросились в атаку. Первыми ворвались на передний край обороны противника батальоны капитанов И. С. Зенина и Ф. С. Михалева. Бойцы и офицеры быстро взобрались на обрывистый берег. Разгромив в рукопашном бою оглушенных артиллерийским огнем солдат противника, они устремились вперед, бросая в амбразуры дотов и дзотов гранаты.

Дивизион капитана Ф. Н. Шевченко поддерживал наступление батальона капитана И. С. Зенина. Капитан вместе с командирами батарей занял наблюдательный пункт на западных скатах высоты. Благодаря большому умению и опыту начальника разведки дивизиона старшего лейтенанта Иванова, командира взвода управления лейтенанта Клинова, командира 3-й батареи старшего лейтенанта Некрасова и других на переднем крае противника были обнаружены 4 орудия прямой наводки, 3 пулемета и 2 на-

блюдательных пункта. Получив приказ открыть огонь, артиллеристы дивизиона быстро накрыли все обнаруженные цели.

Через час после атаки 1-й батальон капитана И. С. Зенина находился уже в четырех километрах от берега. Его продвижение в глубь обороны обеспечило успешное наступление главных сил 314-го и 340-го полков.

Интересными были показания первых пленных. Один из финских капралов сказал:

— Вы знаете, что мы смелые и стойкие солдаты. Но воевать против таких, которые идут в атаку вслед за своим огневым валом, не страшась осколков, и врываются на передний край, когда еще и минуты не прошло после разрывов последних снарядов, бесполезно. — Улыбнувшись, он закончил: — Если бы я был главнокомандующим нашей армией, то приказал бы сложить оружие.

На участке наступления 314-го полка противник оказывал незначительное сопротивление. Вслед за батальоном капитана Зенина наши подразделения продвигались вперед. Успешно наступал 3-й батальон капитана Михалева из 340-го полка. Однако на левом фланге полка в местечке Мятсякюля, превращенном в сильно укрепленный узел, противник продолжал упорно обороняться и сдерживать продвижение 1-го батальона капитана Петрова. Для развития успеха наступления командир 340-го полка подполковник А. И. Зимин ввел свой второй эшелон — 2-й батальон, которым командовал капитан Новиков. Используя успех 3-го батальона, он стал обходить Мятсякюля.

Одновременно перешел в наступление наш сосед справа — 90-я Краснознаменная Ропшинская стрелковая дивизия генерал-майора Н. Г. Лященко.

Почувствовав угрозу окружения, финны стали бросать один за другим доты и дзоты на участке 340-го полка и спасаться бегством. Окончательно слолив сопротивление противника, части дивизии полностью прорвали его оборону, овладели Мятсякюля и важным перекрестком железной и шоссейной дорог.

В этих боях особую роль сыграли вожаки атак, которыми обычно были коммунисты и комсомольцы. Героически сражались солдаты и сержанты старшего лейтенанта Рылихина и лейтенанта Ерофеева. Вожак атак комсорг батальона сержант Ермаков и командир отделения сержант Виссарионов первыми ворвались на передний край противника, забросали гранатами дзот и уничтожили его

гарнизон. За ними смело шли на штурм укреплений все солдаты.

Взводные агитаторы рядовые Анатолий Ефимович Евстафьев, Иван Семенович Васильев, коммунисты Борщук, Титов и Сажнев первыми под сильным артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным огнем форсировали реку и на дотах противника водрузили красные флаги. Это воодушевило воинов 1-го батальона 314-го полка. Подвиг коммунистов, комсомольцев, агитаторов звал их вперед на штурм долговременной обороны противника.

Бетон, сталь и гранит не спасли противника. А между тем враг возлагал на вторую полосу обороны большие надежды и намеревался дать здесь генеральное сражение нашим войскам, нанести им поражение и остановить наступление. Но, потеряв свыше двух третей личного состава, противник вынужден был отступить.

Я тотчас же приказал командирам 314-го и 340-го полков подполковникам Мельникову и Зимину начать преследование. Они выделили по одному стрелковому батальону, посадили их на танки и самоходную артиллерию. Спасаясь от преследования, противник вынужден был бросать артиллерию, технику, боевое имущество и в панике отступать.

К исходу дня 15 июня части дивизии продвинулись вперед на 15 километров, овладели фортом Ино и вышли на рубеж озеро Риск-ярви — Инонкия. В бою за Ино отличился 1-й батальон 340-го полка капитана Петрова. Батальон обошел форт и во взаимодействии с 3-м батальоном капитана Михалева овладел им.

«Даешь Выборг!» — писали краской, углем и мелом танкисты на своих машинах, артиллеристы — на щитах и стволах орудий, пехотинцы — на дорожных указательных знаках.

Преследование противника продолжалось. Для развития наступления я ввел в бой 176-й полк подполковника С. Ф. Семенова.

Финское командование срочно перебросило сюда спешившийся кавалерийский полк, надеясь задержать нас на заранее подготовленном промежуточном рубеже озеро Юлис-ярви — Сортавала. Полк противника, заняв оборону, плотно прикрыл Приморское шоссе, чтобы преградить нам путь на Выборг. Наши передовые отряды преследования встретили организованное, упорное сопротивление. Наступление приостановилось.

Разведчики, высланные вперед подполковником Семеновым, донесли, что левый фланг обороняющихся открыт. Семенов решил немедленно воспользоваться этим. Он направил батальоны в обход противника с севера по лесным дорогам и тропам. Как только Семенов сообщил мне по радиации, что его батальоны просочились через открытый фланг и зашли в тыл противнику, я приказал командиру 314-го полка Мельникову поддержать наступление 176-го полка с фронта. Бой был жестоким, но не долгим. Особенно отличился при этом личный состав 1-го батальона капитана А. В. Щербины. Он раньше всех завершил обходный маневр по лесным тропам и внезапно атаковал обороняющиеся гарнизоны вражеских укреплений с тыла.

За несколько часов наши два полка, взаимодействуя друг с другом, разгромили противника и овладели опорными пунктами Мурило, Сортавала, Сейвясте. К исходу дня 17 июня они продвинулись вперед на 18 километров. Всего за трое суток дивизия прошла с боями не менее 50 километров.

Части дивизии продолжали продвигаться вдоль Приморского шоссе. Командиры полков получили приказ смелее применять обходный маневр и ни в коем случае не снижать темп наступления. Наши передовые отряды сбивали и громили заслоны противника. Преодолевая многочисленные минновзрывные заграждения и завалы, полки дивизии приближались к Выборгу.

Нас все еще очень беспокоила находившаяся впереди третья полоса обороны — линия Маннергейма. В дивизии не было человека, который бы не знал, что, разрушенная в 1940 году, она сейчас в основном восстановлена.

Наконец в 4 часа утра 18 июня 176-й и 314-й стрелковые и приданные им 1238-й и 1489-й самоходно-артиллерийские полки с ходу овладели первой позицией третьей полосы обороны и опорным пунктом Куолема-ярви, запирающим ворота в узкие дефиле между озерами Куолема-ярви и Кипинолан-ярви и Финским заливом.

Нельзя было дать противнику время стянуть резервы и отступающие части, чтобы организовать здесь оборону. Мы уточнили свои задачи, организовали взаимодействие, провели доразведку системы огня и обороны противника. После тридцатиминутной артподготовки 176-й и 314-й полки совместно с танкистами перешли в атаку. Сопротивление врага было сломлено, и части дивизии полностью овладели полосой обороны противника.

Батальон капитана Зенина с ходу атаковал опорный пункт Хумалиоки, но 1-я и 2-я его роты попали под губительный огонь и залегли. Местность была открытой. Кое-кто из солдат попятился назад. В этот критический момент капитан И. С. Зенин сосредоточил огонь минометной батареи и 1-го артиллерийского дивизиона 393-го полка по станции, где в укреплениях засел враг. Командирам рот он приказал обтекать укрепления, заходить им с тыла. Атака все же не была еще дружной. В это время в цепи наступающих появился сам комбат капитан Зенин. Бойцы, услышав его клич: «За мной!», рванулись вперед. Перепрыгивая через траншеи, опоясывавшие укрепления, расстреливая на ходу сопротивляющихся, они быстро преодолели открытую местность и вскоре овладели опорным пунктом Хумалиоки.

После этого боя в батальоне стали поговаривать, что их командир получит Золотую Звезду Героя.

Действительно, капитана Зенина, отличившегося в боях на Карельском перешейке, мы представили к высшей правительственной награде. Месяц спустя Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1944 года капитану Иллариону Степановичу Зенину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

А вот как был взят один из центральных участков третьей полосы. В то время на дорогах валялось много исправных велосипедов, брошенных финнами. Как не использовать такой вид транспорта! Буквально целые наши стрелковые роты превращались в самокатчиков. Но кто бы мог подумать, что велосипеды пригодятся и в боях за прорыв третьей полосы обороны!

Возле урочища Мурило группа бойцов-разведчиков численностью до взвода под командой начальника штаба 1-го батальона 176-го полка старшего лейтенанта В. М. Рачковского, не теряя ни минуты после очередного боя с вражеским заслоном, помчалась на велосипедах вдоль Приморского шоссе. За ночь они отмахали 25 километров и проскочили незамеченными мимо финских укреплений.

Старший лейтенант Рачковский выслал вперед разведчиков. Вскоре они вернулись и доложили своему командиру, что несколько дзотов и даже один дот еще не заняты вражескими гарнизонами. В траншеях вокруг этих укреплений и залегли наши смельчаки. На рассвете они увидели, как финны с лопатами и автоматами направляются в их сторону. Должно быть, хотели как-нибудь за-

латать разрушенные нашим артогнем укрепления. Солдаты шли спокойно: они были уверены, что русские еще где-то километрах в 25—30 от этих укреплений. Появление наших бойцов, открывших дружный огонь, так ошеломило противника, что в его рядах поднялась паника. Даже из занятых финнами накануне укреплений стали выскакивать солдаты и убегать в тыл.

Когда командир 176-го полка подполковник С. Ф. Семенов доложил мне по радию, что им взят этот участок третьей полосы обороны противника, я сразу же выехал к нему. Здесь у меня произошел любопытный разговор с пленным финским офицером. Он спросил, кто возглавлял отчаянных русских самокатчиков, и сам же высказал предложение, что это, конечно, был опытный военный, участник многих войн. Но пришлось его разочаровать. Старший лейтенант В. М. Рачковский ушел 20 лет от роду в ополчение рядовым. Был он до войны студентом IV курса филфака Ленинградского университета. Карьера военного его вовсе не интересовала. Мечтал стать преподавателем русской литературы. Воспитывался и рос он тоже в сугубо штатской семье: отец был корректором, мать — фельдшером.

Как ни старательно мой переводчик убеждал финского офицера, что полковник, допрашивающий его, говорит истинную правду, тот так и не поверил.

Прощавшись с подполковником С. Ф. Семеновым, старшим лейтенантом В. М. Рачковским и бойцами, находившимися на НП, я поехал в соседний 314-й полк к Мельникову, который в это время вел тяжелые бои на линии Маннергейма в узком дефиле между озером Кипинолан-ярви и Финским заливом.

Вместе с адъютантом Н. И. Руденко мы разыскивали НП полка. Навстречу нам ехала санитарная машина. Мы остановили ее. В кузове вниз животом лежал подполковник А. П. Мельников.

— Александр Петрович! — вырвалось у меня. — Куда вас ранило?

— В поясницу, осколком, — скрежеща от боли зубами, проговорил Мельников.

Я приказал адъютанту дать раненому несколько глотков спирта. Глотнув из фляги один раз, Мельников покачал головой и вопрошающе взглянул на меня. Я понял его. Он свыкся с дивизией, полком и хотел заручиться сейчас моим словом, что после выздоровления его вернут

на прежнюю должность. Надо было поддержать, успокоить раненого, и я это сделал. Через несколько часов мы позвонили в наш дивизионный медсанбат и справились у хирурга Александра Александровича Гундерова о состоянии здоровья Мельникова. Он ответил, что сделал операцию, извлек из крестца осколок.

— Это счастье, что он там застрял, — сказал хирург, — от брюшины осколок отделяло расстояние не толще листа писчей бумаги.

Я находился на НП 314-го полка, когда мне позвонили с моего НП и сообщили, что к нам приехали писатели Всеволод Вишневский и Константин Симонов. Я очень сожалел, что занят и не могу встретиться с нашими известными фронтовыми писателями. Позже мы все с большим удовлетворением читали очерки К. Симонова в газете «Красная звезда», удивительно верно передававшие ту атмосферу, тот подъем, которые царили в войсках. Именно поэтому я позволю себе привести здесь выдержку из очерка К. Симонова «На Карельском перешейке», вошедшего в его книгу «От Черного до Баренцева моря». Замечу только, что упоминание моего имени вместо номера дивизии связано с условиями цензуры военного времени, когда номера соединений и частей запрещалось называть.

«Сейчас светлый северный вечер, — пишет К. Симонов, — который вряд ли скоро забуду. Мы находимся в маленьком, состоящем всего из нескольких бревенчатых домиков, поселке Мурило. Слева от нас пролив Бьерке-зунд, справа — озеро Кипинолан-ярви. Поселок Мурило находится на узком перешейке между озером и заливом, на перешейке, за которым Койвисто и Выборг. Сам по себе поселок Мурило, который пару часов тому назад командир дивизии облюбовал себе для наблюдательного пункта, ничем не интересен.

Он замечателен только тем, что линия Маннергейма лежит в трех километрах позади него, и в те минуты, когда я сижу вот здесь, она уже прорвана нашими передовыми частями.

Мне трудно сейчас связно рассказать о событиях последних трех суток, приведших к прорыву второй и третьей линии финнов на Приморском участке. Я ошеломлен быстрой сменой событий, воздух победы, как и всех кругом, волнует меня.

В эти дни все потеряли ощущение разницы между днем и ночью, чему способствует и то, что в июне здесь

ночь мало чем отличается от дня и, главным образом, то, что все эти трое суток идет непрерывный бой.

Хорошо, если в полках за все это время люди спали больше двух часов. За эти три дня и три ночи части полковника Борщева прошли вдоль побережья путь от Мягсякюля до Мурило, и весь этот почти пятидесятикилометровый путь с прорывом второй линии у Мягсякюля и линии Маннергейма у Мурило слился в один сплошной, непрекращающийся бой.

Чтобы представить себе, какие преграды пришлось преодолеть дивизии и на той и на другой линии, на одной из которых пока насчитали сто тридцать взятых дотов и на другой примерно столько же, возьмем для примера всего-навсего один дот и постараемся подробно описать его.

На бетонное основание с расположенным внутри казематом для гарнизона надет металлический колпак из 300-миллиметровой брони. Сверху этот колпак покрыт еще слоем бетона в пятьдесят миллиметров. Бетон засыпан будто примерно на высоту в один метр и еще раз покрыт землей и дерном, обеспечивающим почти абсолютную маскировку дота. Внутри дота (дот, о котором я говорю, пулеметный) установлены два пулемета на жестких, большей точности стрельбы, установках, с постоянными секторами обстрела, которые, перекрещиваясь с секторами обстрела соседних дотов, обеспечивают все вместе многослойную систему пулеметного огня. У всех пулеметов более совершенное, по сравнению с установками прежней линии Маннергейма, автоматическое циркулирующее охлаждение. Под дотом, как я уже говорил, — каземат. От каземата назад идет укрепленный бревнами полного профиля окоп, соединенный с врытой в землю, открытой сверху, но огороженной с четырех сторон бетоном площадкой для стрельбы прямой наводкой.

Если прибавить, что дот, так же как и многие другие доты, расположен на крутом тридцатиметровом обрыве и, наконец, что перед ним в качестве естественного дополнительного препятствия протекает узкая, но далеко не всюду проходимая вброд река, то картина будет более или менее полной.

Как поясняет мне командующий артиллерией полковник А. П. Бальсин, для того чтобы разбить такой дот даже наиболее тяжелым снарядом, надо точно выполнить ряд условий: правильно выбрать дистанцию, угол падения

и знать градусы округлости самого колпака — для того, чтобы избежать рикошетов. Только отчетливо представив себе все это вместе взятое и вдобавок представив себе, что таких дотов было сто тридцать на второй линии и почти столько же на третьей на одном этом участке прорыва, можно в какой-то мере понять чудовищные трудности, преодоленные нашими наступающими частями за эти трое суток.

Ошеломляющий успех частей полковника Борщева на этом направлении начался с третьего дня прорыва второй финской линии. Прорыв этой линии занял в общей сложности шестнадцать часов. Сложность заключалась в том, что войскам было приказано не терять темпа наступления и, в сущности, на подготовку штурма непосредственно перед этой линией было дано всего сутки...»¹

Один из ветеранов нашей дивизии П. А. Паршуков вспоминает: «Я шел в бой с 4-й ротой 2-го батальона 176-го полка. Перед нами оказалась крутая высота. Мы вскарабкались на нее, а потом с криком «ура!» бросились в атаку на врага. Противник отступил. Мы сели на самоходки и понеслись по направлению к Койвисто. Ночью мелкие атаки противника отражали с ходу. Бой был настолько стремительным, что противник бросал на дороге орудия, машины. В одной из легковых машин мы нашли генеральские брюки и лакированные сапоги. Кто-то из солдат вспомнил шуточную солдатскую песню: „Мальбрук в поход собрался...“»

Мы продолжали преследовать противника. 176-й полк, наступая вдоль Приморского шоссе на Выборг, а 340-й полк — на Приморск, к исходу 18 июня продвинулись вперед на 25 километров и овладели городом и портом Койвисто. 19 июня 340-й полк очищал от противника полуостров Койвисто, а 176-й полк, не встречая особого сопротивления, во второй половине дня овладел населенным пунктом Йоханнес и вышел к ближним подступам города Выборга.

Наш правый сосед — 90-я Краснознаменная Ропшинская стрелковая дивизия, прорвав оборону между озерами Каунни-ярви и Каулем-ярви, овладела сильными опорными пунктами Пихкала и Илякюля и развивала наступление в направлении Выборга.

---

¹ К. Симонов. От Черного до Баренцева моря. М., Гослитиздат, 1945, стр. 5—8.

Писатель К. Симонов нашел точные слова. Да, все мы были ошеломлены сменой событий, всех нас волновал воз дух победы, все мы потеряли ощущение разницы между днем и ночью, и все мы боялись одного — остановиться.

Что значило тогда дать даже маленькую передышку противнику, видно из одного весьма прискорбного случая.

После освобождения Койвисто из штаба 340-го полка я связался по радиции с командиром 176-го полка подполковником С. Ф. Семеновым и приказал ему ускорить преследование, чтобы не дать противнику возможности закрепиться на внешнем оборонительном рубеже города Выборга. Затем я решил сам выехать в 176-й полк. Каково же было мое удивление, когда, догнав его, увидел, что он не наступает, а стоит на дороге. На мой недоуменный вопрос, почему полк не продвигается вперед, подполковник Семенов ответил:

— Только что здесь был заместитель командира корпуса, приказал нам остановиться и до особого приказа дальше не двигаться, сказал, что предполагается направить наш полк на другой участок.

Пришлось позвонить командиру корпуса и доложить обстановку. Выслушав меня, он счел необходимым не менять направления и приказал продолжать преследование. К сожалению, даже эта небольшая остановка дала противнику возможность оправиться, занять оборону вдоль берега реки и оказать полку организованное сопротивление. В результате из-за маленькой задержки мы были вынуждены прорывать оборону врага с тяжелыми боями.

Для обороны Выборга противник создал сильную группировку войск в составе четырех пехотных и одной танковой дивизий, двух пехотных и одной кавалерийской бригад, а также бригады береговой обороны. В резерве была 10-я пехотная дивизия.

Командующий фронтом 19 июня принял решение развить наступление в северо-западном направлении, уничтожить Выборгскую группировку противника и не позднее 20 июня овладеть городом Выборгом, а 21 июня выйти главными силами на рубеж Антрея — Выборг.

После авиационной и артиллерийской подготовки с утра 20 июня войска 23-й и 21-й армий перешли в наступление. Целый день продолжались ожесточенные бои. Враг упорно дрался на оборонительном рубеже, созданием во круг города. Вечером наши войска штурмом овладели

городом и крепостью Выборг — важным узлом сопротивления финнов на Карельском перешейке и вышли на рубеж Луккюля — Таммисую — северная и западная окраины Выборга.

Выборг, который еще во времена Петра I образно называли подушкой великого града на Неве, снова стал нашим!

Как позднее стало известно, 19 июня финское правительство и верховное командование финских вооруженных сил обратились с просьбой к немецко-фашистскому правительству, чтобы оно срочно направило в Финляндию шесть немецких дивизий и значительное количество авиации.

Но Гитлер смог выделить им только одну 122-ю пехотную дивизию и часть авиации, которые в спешном порядке были переброшены в Финляндию. Чтобы как-то оснастить союзника, в Хельсинки прибыл министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп. После недолгих переговоров президент Финляндии Рюти передал послание Гитлеру, в котором заверял его, что Финляндия не выйдет из войны без согласия Германии. Гитлер же в свою очередь через Риббентропа заверил Рюти, что будет продолжать оказывать помощь Финляндии вооружением, продовольствием и разными товарами.

Однако ход событий уже не зависел ни от профашиствующих правителей Финляндии, ни от Гитлера, на которого они все еще продолжали делать свою ставку. Победа войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке создала благоприятные условия для наступления левого крыла войск Карельского фронта на медвежегорском направлении и на реке Свири.

После взятия Выборга войска 7-й армии Карельского фронта 21 июня также начали наступление. В первый же день они форсировали реку Свирь и прорвали главную полосу обороны противника. Этот успех был немедленно использован на медвежегорском направлении, где в бой вступила 32-я армия. Войска Карельского фронта во взаимодействии с Онежской флотилией, успешно развивая наступление, уже через неделю — 28 июня — овладели городом Петрозаводском.

Наша 46-я дивизия через два дня после взятия Выборга была выведена во второй эшелон 21-й армии.

26 июня меня срочно вызвал командующий 21-й армией генерал-полковник Д. Н. Гусев на командный пункт

97-го стрелкового корпуса, который располагался на северо-восточной окраине Выборга.

— Командарм не дождался вас и уехал, — сказал командир корпуса генерал М. М. Бусаров, здороваясь со мной.

От него я узнал, что нашей дивизии предстояло как можно скорее форсировать залив Вентелян-селькя, уничтожить противника, находящегося на восточном берегу, и захватить там плацдарм. В дальнейшем наступать в направлении населенного пункта Пирти, выйти в тыл готовящей контрудар группировке и во взаимодействии с войсками 30-го гвардейского стрелкового корпуса разгромить ее. Начало наступления в 9 часов утра 27 июня.

Был поздний вечер. Я прикинул все наши возможности и решил, что сроки для подготовки к наступлению нам дали нереальные. Вся эта спешка ни к чему хорошему не приведет: мы только зря погубим людей. Я высказал свои соображения Бусарову. Он удивился:

— Полковник, подумайте, что вы говорите? Ведь это приказ командующего!

— Вот именно, — ответил я, — подумал, поэтому и хочу получить реальный срок для подготовки к наступлению.

Генерал Бусаров по телефону доложил командарму, что Борщев прибыл, но не желает выполнять задачу.

Д. Н. Гусев приказал передать мне телефонную трубку. Поздоровавшись со мной, командарм спросил:

— В чем дело, полковник Борщев?

В эту минуту я вспомнил, как сам же Дмитрий Николаевич, читавший нам, слушателям Академии имени М. В. Фрунзе, курс лекций по тактике, предостерегал от поспешности во время подготовки к любому бою. Это сейчас придало мне еще больше уверенности в моей правоте. Я ответил командарму, что дивизия находится в 70 километрах от залива. Командиры частей будут здесь не раньше, чем через три часа. Вся дивизия может сосредоточиться только к утру. Мы не успеем провести рекогносцировку, поставить задачи на местности, отработать вопросы взаимодействия, спланировать артиллерийское обеспечение и занять исходное положение для наступления к 9 часам утра. Кроме того, нет никаких переправочных средств, и их нам не обещают.

Выслушав меня, командарм задал вопрос:

— Что же вы предлагаете?

— Прошу дать сутки на подготовку и средства для форсирования водной преграды.

Командующий спросил, хватит ли нам одних суток на подготовку, и, получив утвердительный ответ, сразу согласился.

Не теряя времени, я со своей оперативной группой, состоящей из офицеров оперативного и разведывательного отделений и штаба артиллерии, выехал на КП командира 178-й стрелковой дивизии для уточнения обстановки. Эта дивизия уже пыталась форсировать залив, но успеха не достигла. Командир ее выглядел очень озабоченным и усталым. Он подробно рассказал о противнике и его обороне, а также о причинах неудачного форсирования залива. Я договорился с ним о порядке смены частей.

К трем часам утра прибыли командиры наших полков. Мы провели рекогносцировку. Вскоре все части дивизии сосредоточились недалеко от залива. Нам доставили переправочные средства (понтон, лодки), а также резиновые надувные костюмы для стрелковых подразделений. Командиры уточнили задачи на местности и договорились о взаимодействии. До начала наступления мы еще успели провести батальонные и ротные учения на озерах в тылу: «Форсирование водной преграды, захват плацдарма и бой в глубине обороны противника».

Люди на опыте убедились, что если лодка перевернется, то спасет плавательный костюм. Были на учениях и курьезы. Солдаты, не умеющие плавать, вывалившись из лодки, начинали кричать: «Помогите!», а потом вдруг замечали, что не тонут — на воде их держит плавательный костюм. Под смех и шутки товарищей они сами добирались до берега.

Все это время в полосе наступления дивизии мы вели наблюдения за противником. Как много, оказывается, можно успеть за одни сутки!

В ночь на 28 июня части дивизии вместе с нашим 393-м артполком и приданными ей 1237-м самоходно-артиллерийским, 1235-м артиллерийским и 594-м минометным полками заняли исходное положение для наступления. Боевой порядок строился в два эшелона. В первом эшелоне наступали 340-й и 176-й стрелковые полки, во втором — 314-й стрелковый полк.

Вечером, когда стемнело, командир 340-го полка подполковник А. И. Зимин выслал разведку — отделение младшего сержанта Михайлова — для поиска мелкого уча-

стка залива. Разведчики нашли мелководье глубиной не более метра. Зимин решил под прикрытием тумана переправить свой первый эшелон на восточный берег залива. Я одобрил это решение. На рассвете 29 июня батальоны капитанов М. Ф. Петрова и Ф. С. Михалева бесшумно вброд перешли залив и замаскировались в камышах.

Тщательно готовились к этому бою наши артиллеристы. Командир 2-го дивизиона 393-го артполка майор И. И. Карапищенко вместе с командиром батальона капитаном М. Ф. Петровым наметил участки огня, места переправы, подходы к ним. Командиры батарей старшие лейтенанты Некрасов, Ермолаев и капитан Сердюк уточнили с командирами рот задачи на местности, выбрали репера, произвели пристрелку и подготовили исходные данные для стрельбы по целям.

На противоположный берег переправились командир управления 5-й батареи лейтенант Левчак, два разведчика и два радиста. Они расположились на наблюдательном пункте командира 1-й роты. До начала нашей артподготовки противник так и не обнаружил наших пехотинцев и артиллерийских разведчиков на своем берегу. Он открыл огонь по озеру и по нашим бывшим наблюдательным пунктам тогда, когда там никого уже не было. Майору И. И. Карапищенко этого только и надо было. Он обрушил огонь своего дивизиона по первой траншее и по обнаруженным целям.

В 8 часов 20 минут началась наша общая мощная артподготовка. Первыми бросились в атаку батальоны Петрова и Михалева. В это время залив форсировали все подразделения 340-го и 176-го полков. Сокрушительный удар артиллеристов и первых двух батальонов ошеломил врага. Это облегчило форсирование залива. Дивизия прорвала оборону на трехкилометровой участке. Сразу были наведены понтоны, по которым на восточный берег Венгелян-сельки переправились 393-й артполк и 1237-й самоходно-артиллерийский полк. Сопротивление врага было окончательно сломлено. К 19 часам мы овладели перекрестком шоссе и населенным пунктом Портингхайка.

Только мы успели здесь закрепиться, как разведка доносила, что противник готовится нас контратаковать силами спешившейся 1-й кавалерийской бригады и танками. Представитель авиационной части, находившийся при нашем штабе для осуществления взаимодействия, доложил

об этом своему командованию и указал место сосредоточения вражеских войск. Как раз в момент развертывания кавалерийской бригады и танков для контратаки наша авиация, а затем и артиллерия нанесли по врагу мощный удар. Нам пришлось только завершить начатое ими дело. Противник был здесь полностью разгромлен. На поле боя остались разбитые и искореженные орудия и танки.

Вскоре мне позвонил командир 30-го гвардейского корпуса генерал Н. П. Симоняк и сообщил, что финны на участках его дивизий прекратили свои контратаки и начали отходить. Следовательно, решил я, теперь противник снова будет контратаковать подразделения нашей дивизии, чтобы захватить перекресток дорог и отвести свои войска из образовавшегося мешка к Сайменскому каналу. Надо было во что бы то ни стало удержать перекресток. С этой задачей блестяще справился 340-й полк. Особенно отличились при этом батальоны капитанов Петрова и Михалева, которые во встречном бою буквально наголову разгромили врага.

После боя капитан С. Ф. Михалев увидел двух санитаров, которые несли на носилках раненого. Комбат узнал в нем старшего лейтенанта Н. В. Костенко, рота которого первой заняла перекресток. Когда противник, теснимый гвардейцами генерала Н. П. Симоняка, пытался снова захватить перекресток, Костенко трижды поднимал бойцов в контратаку. Перекресток рота удержала, но во время последней контратаки Костенко получил четыре пулевых ранения: в голову, грудь, спину и ногу. Комбат поблагодарил ротного. О его подвиге он доложил командиру полка подполковнику А. И. Зимину, а Зимин — мне. Я приказал Александру Ивановичу представить Костенку к ордену Красного Знамени. Помнится, Зимин, вздохнув, проговорил: «Видимо, уже наградят посмертно».

Через месяц в списке награжденных орденами Красного Знамени я увидел фамилию Н. В. Костенко, но о судьбе отважного ротного нам ничего не было известно. И вдруг совсем недавно я получил письмо от Н. В. Костенко. Николай Васильевич сообщал о себе: «Работаю начальником Речицкой районной машиносчетной станции ЦСУ БССР. Хотелось бы побывать на местах боев на Карельском перешейке и услышать от боевых товарищей рассказ о том, как протекали бои после моего ранения 30 июня».

В течение 30 июня, преодолевая упорное сопротивление противника, части дивизии продолжали наступать. К исходу дня мы овладели опорными пунктами Торрико, Вляхове, форсировали реку Кимпен-йоки и вышли на рубеж Харакамяки — Юлевесе. Здесь снова встретили организованное сопротивление. На следующий день противник после артиллерийской и авиационной подготовки перешел в контратаку. Было ясно, что он хочет восстановить прежнее положение. Но и эта контратака была нами отбита. Враг понес большие потери. Были потери и в нашей дивизии. Получили ранения командиры полков А. П. Мельников и И. Н. Фадеев. Смертью храбрых на поле боя пал командир 393-го артиллерийского полка подполковник Н. Д. Солодков.

5 июля мы сдали свою полосу обороны 178-й стрелковой дивизии и были выведены во второй эшелон 108-го корпуса. Таким образом, задачу по разгрому крупной группировки войск противника во взаимодействии с другими частями и соединениями наша дивизия выполнила с честью. Во время этих боев дивизия захватила 159 орудий и минометов, 23 танка и бронемашин.

Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров 12 июля приказал командующему 21-й армией генерал-лейтенанту Д. Н. Гусеву прекратить наступление и перейти к жесткой обороне.

Выборгская операция была осуществлена в короткий срок благодаря целеустремленной и тщательной подготовке войск фронта к наступлению, их возросшему мастерству, умению прорывать сильно укрепленные полосы обороны.

Партия и правительство высоко оценили полководческое искусство командующих фронтом и армиями, руководивших боевыми действиями по разгрому войск противника на Карельском перешейке.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июня 1944 года командующему войсками Ленинградского фронта генералу армии Леониду Александровичу Говорову было присвоено звание Маршала Советского Союза. Этим же Указом присваивалось воинское звание генерал-полковника члену Военного совета фронта Андрею Александровичу Жданову и командующему 21-й армией Дмитрию Николаевичу Гусеву.

Наша дивизия в наступательных боях на Карельском перешейке приобрела богатый практический опыт

прорыва сильно укрепленной долговременной обороны, форсирования рек, действий в условиях лесисто-болотистой и озерной местности. В дальнейшем этот боевой опыт был умело использован личным составом и командирами частей и подразделений.

За успехи в Выборгской операции, за мужество, героизм и отвагу сотни солдат, сержантов и офицеров нашей дивизии были награждены орденами и медалями СССР, а командиру 1-го батальона 314-го стрелкового полка капитану Иллариону Степановичу Зенину, как я уже упоминал, присвоено звание Героя Советского Союза. Командира 176-го полка подполковника С. Ф. Семенова наградили орденом Александра Невского, начальника политотдела дивизии полковника М. П. Меркушева, командиров полков подполковников А. П. Мельникова и А. И. Зимина, начальника штаба 1-го батальона 176-го полка старшего лейтенанта В. М. Рачковского — орденами Красного Знамени, а командира дивизии — орденом Ленина.

Разгром финских войск имел большое политическое и военное значение. Был предпринят вопрос о выходе Финляндии из войны. Потерпела крах безумная и подлая авантюра продажных правителей Финляндии — Рюти, Таннера и других, стремившихся вместе с германскими фашистами расчленить нашу Родину, задушить блокадой город Ленина.

После победы наших войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии еще больше усилилось антивоенное движение в Финляндии. Народ требовал скорейшего выхода своей страны из войны. 1 августа 1944 года президент Финляндии Рюти — один из ярых сторонников союза с фашистской Германией — вынужден был уйти в отставку.

Гитлер, узнав о том, что Финляндия намеревается выйти из войны, отправил в Хельсинки со специальной миссией начальника штаба Верховного командования немецко-фашистской армии фельдмаршала Кейтеля.

17 августа 1944 года гонец Гитлера прибыл в Хельсинки и пытался убедить финское правительство продолжать войну против СССР. Но, как говорится, настали другие времена. Боясь гнева своего народа, увидевшего всю пагубность войны против Советского Союза, финское правительство ответило Гитлеру через Кейтеля, что оно не считает себя больше связанным обязательствами, данными Германией бывшим их президентом Рюти.

19 сентября 1944 года в Москве было подписано соглашение о перемирии с Финляндией. Финляндия фактически вышла из войны. Об этом мы узнали уже во время боев в Эстонии.

ТАЛЛИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В ходе успешного летнего наступления в Прибалтике войска 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов освободили от оккупации восточную часть территории Эстонской, Латвийской и Литовской Советских Социалистических Республик и создали предпосылки для окончательного разгрома гитлеровцев в Прибалтике. Пытаясь как-то стабилизировать положение, Гитлер сместил генерал-полковника Линдемана с поста командующего группой армий «Север» и назначил нового командующего — генерал-полковника Фриснера, а затем и его заменил генерал-полковником Шернером, который потребовал от своих солдат «сражаться до последнего дыхания, встать в землю, ни на шаг не отходить».

Немецко-фашистское командование придавало исключительное значение сохранению своих позиций в Прибалтике, имевшей огромное стратегическое значение для прикрытия границ Восточной Пруссии. Оно намеревалось также, используя базы, расположенные на побережье Эстонии, Латвии и Литвы, блокировать наш Краснознаменный Балтийский флот и сохранить морские коммуникации со Швецией, откуда доставлялось стратегическое сырье для военной промышленности.

К лету 1944 года гитлеровцы сосредоточили в Прибалтике 47 дивизий и несколько отдельных бригад. На широком фронте создавались мощные оборонительные сооружения, которые в сочетании с пересеченной местностью, изобилующей многочисленными реками, озерами, болотами и лесами, представляли собой довольно серьезную преграду для наступающих частей Советской Армии.

На реке Эмма-йюги, где было остановлено наступление частей нашей предшественницы — 67-й армии, командование гитлеровских войск собрало в кулак крупную группировку и создало мощный укрепленный оборонительный рубеж. Все высоты и населенные пункты были превращены в сильные опорные пункты. Закопанные в землю танки и самоходки использовались как неподвижные

огневые точки. Подходы к переднему краю прикрыли проволочные и минные заграждения.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования войскам Ленинградского и 3-го Прибалтийского фронтов предстояло во время летнего наступления в Прибалтике разгромить немецко-фашистскую группировку «Нарва» и освободить Советскую Эстонию.

Командование Ленинградского фронта намечало частью сил форсировать Чудское озеро из района Гдова. Операция началась в конце июня 1944 года. Войска 8-й и 2-й ударной армий прорвали сильно укрепленную оборону гитлеровцев в районе Нарвы, полностью освободили город и продвинулись вглубь на 25 километров. В дальнейшем эти армии встретили ожесточенное сопротивление врага, занимавшего укрепленную оборонительную полосу под условным названием «Танненберг». Прорвать ее с ходу нашим войскам не удалось.

Учитывая сложившуюся обстановку, командование Ленинградского фронта приняло решение прекратить наступление и подготовить на этом же направлении новую операцию, для осуществления которой перебросить часть сил с Карельского перешейка и, в частности, 108-й стрелковый корпус, в состав которого входили 90-я, 372-я и наша 46-я стрелковые дивизии.

В течение августа командование фронта готовило наступательную операцию на таллинском направлении. Планировалось главными силами прорвать укрепленную позицию «Танненберг», а частью сил форсировать Чудское озеро и высадить десант в тылу обороняющейся группировки противника. Выполнение десантной операции было возложено на нашу дивизию. После освобождения Выборга она была перебросена в район Кингисеппа, а затем передислоцирована в район Гдова на Чудское озеро, где и приступила к подготовке десантной операции.

Пока шли наши тренировки, войска 3-го Прибалтийского фронта прорвали линию «Пантера», овладели городами Печера (Петсери) и Выру, а 25 августа — городом Тарту. 18-я армия немцев оказалась расчлененной, а над всей группой войск «Нарва», оборонявшейся на территории Советской Эстонии, нависла угроза окружения. Как тут не использовать выгодную оперативную обстановку! И маршал Л. А. Говоров предложил Ставке Верховного Главнокомандования перенести главный удар Ленинградского фронта с нарвско-таллинского на тартуско-таллин-

ское направление. Для этого 2-я ударная армия должна была совершить марш-маневр с Нарвского участка вдоль фронта, переправиться через пролив между Чудским и Псковским озерами и сосредоточиться в районе Тарту. Затем нанести удар на Таллин и выйти в тыл группировке «Нарва». Ставка одобрила это предложение. В связи с этим отпала надобность 46-й дивизии форсировать Чудское озеро.

2-я ударная армия совершила быстрый и смелый маневр с правого крыла фронта на левый. Она двигалась в непосредственной близости от противника, находившегося за Чудским озером, по единственной дороге Сланцы — Новинка и далее к проливу Теплое озеро. Пять корпусов этой армии успешно переправились через пролив и 12 сентября, т. е. ранее, чем было предусмотрено приказом, сосредоточились южнее и юго-восточнее города Тарту. Мы встретились здесь со старыми боевыми друзьями из 67-й армии. Они передали нам участок фронта с плацдармами на рубеже реки Эмма-йыги, а сами направились освобождать Ригу. Мы от всей души пожелали друзьям большого успеха.

Короткий подготовительный период к наступлению был насыщен в дивизии разносторонней партийно-политической работой. Нашим пропагандистам и агитаторам помог председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР товарищ Варес. Он написал для армейской газеты статью, в которой говорилось о дружбе эстонского и русского народов, о самоотверженной неутихающей трехлетней борьбе эстонцев за освобождение своей родной земли от фашистского ига, о страшных злодеяниях гитлеровцев в Советской Эстонии: фашисты уничтожили 125 тысяч человек — военнопленных, партизан, а также тех, кого они подозревали в сочувствии Советской власти, десятки тысяч мирных жителей угнали в Германию.

Гитлеровские главы делали все, чтобы онемечить эстонский народ и превратить советскую республику в германскую колонию. Они возвращали старых баронов в эстонские поместья, отбирали у крестьян полученную ими от Советской власти землю, выбрасывали людей на улицу, оставляя их без средств к существованию.

С первого и до последнего дня оккупации эстонский народ вел борьбу со своими поработителями. Во многих районах Эстонии действовали партизанские отряды и подпольные партизанские группы. В одном из боев партизан

Э. Меймре из отряда К. Юриссона был тяжело ранен и не мог двигаться. Когда гитлеровцы стали к нему приближаться, отважный партизан, израсходовавший все патроны, подорвал себя гранатой. Так героически, готовые на самопожертвование, боролись народные мстители-эстонцы против гитлеровцев.

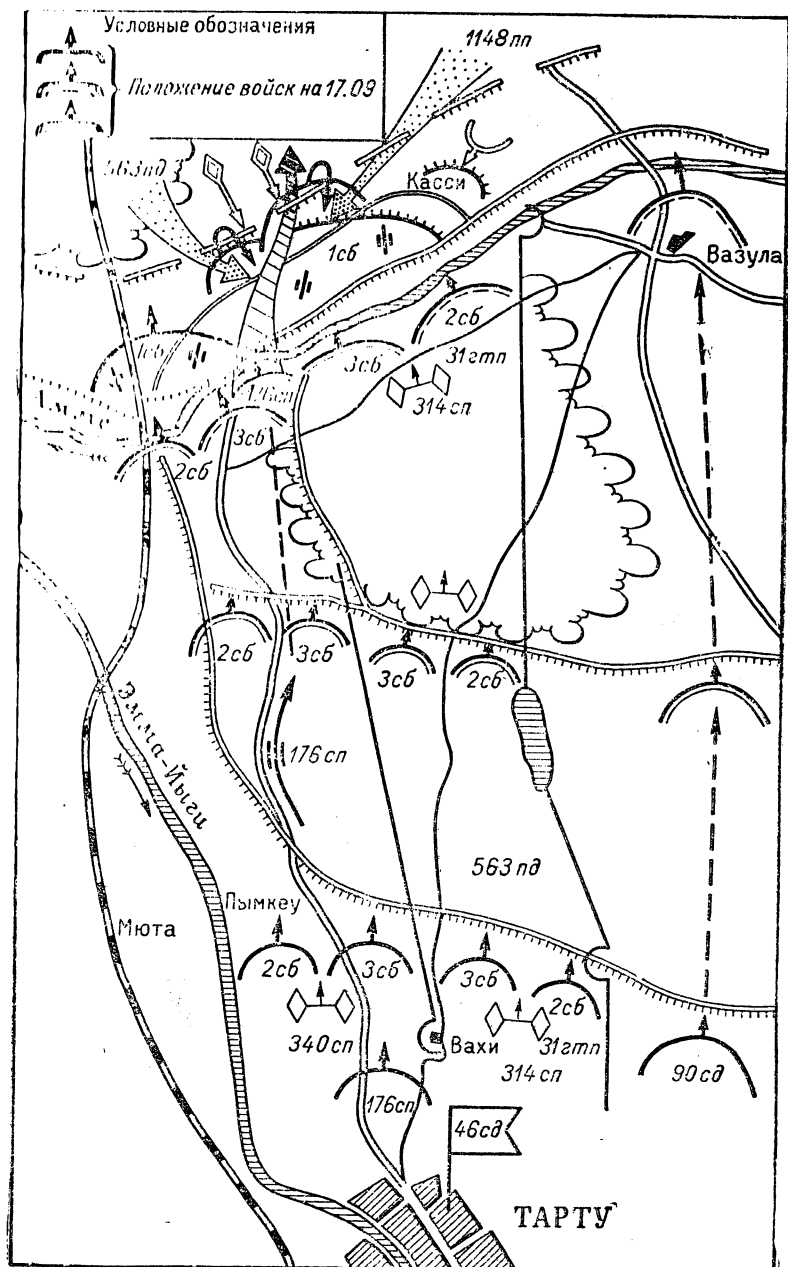
Наши пропагандисты, работники политотдела дивизии, агитаторы выступали не только перед бойцами, но и перед населением освобожденных районов, рассказывали им о героических делах нашего народа и победах Советской Армии. Интересно проходили организуемые нами встречи воинов дивизии и эстонского корпуса.

Яркие, содержательные материалы о дружбе и братской взаимопомощи эстонского и русского народов в их совместной борьбе с фашистскими захватчиками печатались для пропагандистов и агитаторов в армейской газете «Отважный воин» и дивизионной газете «За Родину». Разнообразная политическая и партийная работа содействовала подъему духа наших воинов, их решимости вышвырнуть с эстонской земли гитлеровцев.

В полках накануне боев были проведены слеты боевого актива, семинары парторгов и комсоргов рот, взводных агитаторов. В боевых листках и листках-молниях военкомы рассказывали об опыте воинов всех родов войск, отличившихся в предыдущих боях.

Командующий 2-й ударной армией генерал И. И. Федюнинский, планируя предстоящую операцию, решил прорвать оборону противника двумя ударами по сходящимся направлениям (с одной стороны — 30-м гвардейским и 8-м эстонским корпусами, а с другой — 108-м корпусом) и, разгромив противостоящую вражескую группировку, развивать наступление на Таллин. В предыдущих операциях у Ленинградского фронта не было возможности применить значительные танковые силы. В Эстонии же местность позволяла использовать танковые войска для взлома обороны противника и стремительного продвижения в глубину.

Перед нашей 46-й Лужской стрелковой дивизией была поставлена задача: прорвать оборону противника севернее Тарту, во взаимодействии с 90-й Ропшинской Краснознаменной дивизией разгромить врага, с ходу форсировать реку Амме и овладеть рубежом Касси — Ванагайзе. В дальнейшем двигаться вдоль шоссе и железной дороги на Валоди.

Прорыв обороны противника в районе города Тарту 46-й Лужской стрелковой дивизией 17 сентября 1944 г.

Дивизия во время подготовки к наступлению располагалась в предместье Тарту. На собрании наших агитаторов лектор из политотдела эстонского корпуса рассказал историю этого города. В 1030 году его основал киевский князь Ярослав Мудрый и назвал Юрьевом. Рождение Юрьева отвечало интересам и эстонцев, и русских. По реке Эме, где был построен город, проходил основной путь от псковичей к эстам. Не раз на Юрьев совершали набег немецкие псы-рыцари, жгли и разоряли его. И всегда на помощь ему приходили псковичи и новгородцы. Они освобождали эстов и возвращались из походов победителями «со множеством полона и честию великой», как рассказывают летописи. Грабили Юрьев шведские и польские феодалы. И только в 1704 году русские войска под предводительством Петра I окончательно освободили его от шведских захватчиков. Позже город стал одним из культурных центров. В его университете, основанном в начале XIX века, учились многие видные деятели нашей культуры.

К сожалению, не было времени осмотреть город. И все же как-то после проверки частей вместе с группой бойцов 314-го полка я побывал у развалин Ивановской церкви — замечательного памятника архитектуры XIV века, который не пощадили фашистские варвары XX века.

Вернувшись в штаб дивизии, я узнал приятную новость: постановлением Совета Министров СССР мне присвоили звание генерал-майора. Боевые друзья и товарищи поздравили меня. Отметить это событие тогда так и не пришлось. Надо было немедленно ехать на командно-наблюдательный пункт для уточнения обстановки.

Мой НП располагался на чердаке трехэтажного здания, с которого хорошо просматривались вражеская оборона и боевые порядки наших частей и соседа справа 90-й стрелковой дивизии.

В ночь с 16 на 17 сентября 314-й и 340-й полки дивизии сменили обороняющиеся здесь части. Смена прошла спокойно. Противник, как и до этой ночи, сделал несколько коротких, но сильных артиллерийских налетов по мосту и центру Тарту.

По переднему краю он вел обычный редкий пулеметный огонь. Наши пехотинцы отдыхали перед боем. Только саперам майора М. Н. Верещагина было не до сна. С наступлением темноты и до рассвета они обезвреживали вражеские мины, делали проходы для пехоты и танков.

Группа саперов под командованием полного кавалера ордена Славы старшины Павла Федоровича Семенова своевременно обезвредила 10 закопанных противником бомб большого калибра затаженного и нажимного действия. Кроме того, в ночь перед наступлением саперы искали и нашли брод в реке, пересекающей город Тарту. Хотя противник и не успел взорвать мост, но вел по нему сильный огонь. Мы тогда, конечно, правильно решили, что использовать мост можно будет только после того, когда враг начнет отступать...

Командование группы армий «Север», конечно, прекрасно понимало, что в случае удачи русских немецкие войска оперативной группы «Нарва» окажутся отрезанными от остальных сил 18-й армии, которая отступала под ударами наших прибалтийских фронтов на Ригу. Это подтверждается опубликованными после войны документами. Так, например, 15 сентября 1944 года, т. е. за два дня до нашего наступления из района Тарту, командующий группой армий «Север» генерал-полковник Шернер докладывал начальнику генерального штаба немецких сухопутных войск: «...Я настоятельно прошу высшее командование сегодня отдать приказ о проведении операции «Астер» (операция по отходу войск группы армий «Север» в Восточную Пруссию. — С. Б.). Я прошу вас, сделайте это срочно... Мы здесь сражаемся за свою жизнь... Сейчас настала последняя возможность уйти. Кроме того, если русские перейдут в наступление от Тарту, то мы можем оказаться отрезанными»¹.

17 сентября в 7 часов 20 минут взметнулись к небу красные ракеты. Началась артиллерийская подготовка. Тысячи орудий и гвардейских реактивных минометов обрушили удар по противнику. Сплошные облака дыма, пыли и огня закрыли вражеские позиции.

Семьдесят минут вела огонь артиллерия, чередуя огневые налеты со стрельбой на разрушение. За 10 минут до конца артиллерийской подготовки орудия и минометы произвели последний и самый мощный огневой налет по переднему краю обороны гитлеровцев.

Одновременно с этим наша авиация бомбила вражеские опорные пункты, артиллерийские позиции и резервы противника.

---

¹ «Вторая мировая война 1939—1945 гг.». М., Воениздат, 1958, стр. 619—620.

Затем произошло то, чего так боялся командующий группой армий «Север» генерал-полковник Шернер. Из района Тарту в общем направлении на Таллин перешла в наступление вся наша 2-я ударная армия. К этому времени немецкое командование еще не успело отвести свои войска, оборонявшиеся в районе Нарвы.

По сигналу атаки 31-й танковый полк, а также цепи пехоты 314-го и 340-го стрелковых полков стремительно ринулись вперед. Вместе с командиром корпуса генерал-лейтенантом В. С. Поленовым мы наблюдали за атакой и хорошо видели, как наши танки и пехота ворвались на передний край гитлеровцев. В первой траншее врага раздавались взрывы гранат. И вот уже пехота безостановочно и стремительно движется за танками в глубь обороны противника.

«В нашем полку, — рассказывал мне позже агитатор 314-го полка Яков Денисович Зржава, — вместе с русскими воюют против общего врага представители почти всех национальностей нашей Родины — русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, туркмены, таджики, грузины, армяне, башкиры, чуваша. Взводный агитатор казах Аман Исенов в траншейном бою уложил гранатами 5 гитлеровцев. Пулеметчик коммунист башкир Галестинов метким огнем пулемета прокладывал путь стрелкам, искусно меняя огневые позиции. Грузин Зарикадзе и русский Четвертаков били врага врукопашную, как настоящие богатыри, и каждый из них старался помогать другим, вовремя защитить командира, товарища по роте. Бывший партизан С. Г. Гаврилов с честью выполнил свою клятву, показал себя истинным героем. Он, как и в прежних атаках, шел впереди, увлекая за собой воинов роты».

За два часа боя части дивизии прошли три с половиной километра и овладели первой позицией гитлеровцев. Особенно отличился в этом бою 1-й батальон 314-го полка под командованием Героя Советского Союза капитана И. С. Зенина. Смелой и внезапной атакой он овладел господствующей высотой и глубоко вбил клин в оборону врага. Остальные батальоны полка встретили упорное сопротивление и вели затяжной бой в лесу.

Левифланговый 340-й полк подполковника А. И. Зими́на наступал вдоль шоссе́йной дороги, преодолевая минные поля и инженерные заграждения. Вскоре он овладел сильными опорными пунктами Ланэ, Марама и Пикасэди. Выполнив ближайшую задачу, подполковник А. И. Зи-

мин ввел в бой второй эшелон — 3-й батальон капитана Ф. С. Михалева. Продвигаясь вперед, 340-й полк вышел к реке Амме. Один его батальон форсировал реку и захватил на берегу плацдарм. Успешно наступал и 314-й полк подполковника А. П. Мельникова. Два его подразделения овладели населенными пунктами Копли и Реесту и, преодолев реку Амме, заняли плацдарм глубиной до полутора и шириной до двух километров.

По мере нашего продвижения вперед сопротивление врага нарастало. Предприняв контратаку двумя пехотными батальонами с 25 танками, противник потеснил поредевшие подразделения 314-го полка. Тогда командир полка А. П. Мельников ввел свой второй эшелон. Командир противотанкового истребительного дивизиона майор Г. Л. Вольфсон переправил на плацдарм пушки. Взаимодействуя друг с другом, командиры 314-го и 340-го полков при поддержке артиллерии и авиации сумели не только отбить три вражеские контратаки (каждая силой до полка), но и расширить плацдарм в глубину до трех километров и по фронту до четырех.

Во время боя за плацдарм отлично действовал 1-й батальон 340-го полка под командованием капитана М. Ф. Петрова. Бойцы батальона первыми переправились через реку. В течение нескольких часов они отражали контратаки и обеспечили форсирование Амме главными силами полка.

Разговаривая со мной по радиции, Зимин то и дело нахваливал комбата Петрова.

— Не ранило его? — спросил я, зная, как всегда не везло капитану Петрову.

— Цел и невредим, — ответил подполковник Зимин, — сам удивляется, говорит, наконец-то осколки и пули стали обходить меня.

— Передайте капитану Петрову и его бойцам мою благодарность, — сказал я и добавил: — Бить врага — похвально, при этом самому оставаться невредимым — трижды похвально. Запомните это, Александр Иванович!

— Постараюсь запомнить, — ответил А. И. Зимин.

Этот разговор, видимо, крепко врезался в память командиру 340-го полка. Когда в одном из завершающих боев уже в Германии буквально накануне нашей победы Зимина тяжело ранило, он, лежа на носилках, словно оправдываясь передо мной, сказал:

— Плохо запомнил ваш наказ, товарищ генерал.

К слову сказать, командиры полков были у нас отличными мастерами боя. И если что и мешало им иногда, так это бравада, стремление самим возглавить атаку. Хотя все они хорошо знали, что оставлять НП, передоверять управление боем своему заместителю или начальнику штаба и идти вперед в цепи атакующих имеют право только в исключительных случаях. Часто я напоминал им об этом. Как-то Мельников простодушно признался:

— Легче идти в цепях атакующих, видеть все своими глазами, быстро принимать решения, чем ждать от комбатов донесения или выслушивать «накачки» вышестоящего начальства.

На совещаниях мы часто возвращались к начатому Мельниковым разговору. Я не переставал требовать от командиров полков учиться умению выбирать свое место в бою, не проявлять излишнюю нервозность, доверять подчиненным и, как правило, управлять подразделениями со своего НП.

Особенно это необходимо было делать во время наступления, когда мы стремились обходить врага с фланга и тыла, окружать его, отрезать от штабов, расчленять по частям и, в зависимости от обстановки, уничтожать или брать в плен.

Дальнейший ход событий показал, что умелое управление боем со своего наблюдательного пункта давало возможность командиру хорошо ориентироваться и принимать правильные решения.

Накануне одного из боев за сильно укрепленный опорный пункт командир 314-го полка подполковник А. П. Мельников передал мне по радию, что он находится в передовых цепях и собирается вести на штурм свою пехоту. Я приказал ему немедленно вернуться на наблюдательный пункт, подтянуть артиллерию, танки и обойти с флангов каменные строения, которые враг превратил в доты. Выполняя мой приказ, Мельников обошел вместе со своим полком опорный пункт. Бойцы устремились вперед. В тылу у 314-го полка осталась большая группировка противника. Она пыталась прорваться из окружения, применяя артиллерию. Нашему полку пришлось отражать атаки с фронта и с тыла. На помощь нам пришла авиация. Я приказал Александру Петровичу обязать подчиненных ему командиров всех степеней обозначать свое продвижение ракетами, чтобы наша авиация знала, где наши, а где противник. В этом была примечательная особен-

ность наступательных боев. Мы продвигались вперед, не обращая внимания на оставшиеся в тылу войска противника.

Возвращаясь к началу боев за освобождение Эстонии, приведу пример того, насколько зрелыми были уже у нас тогда не только командиры старшего и среднего звена, но и младшего.

Во время одной из контратак отделение младшего сержанта Евгения Романова, закаленного в боях сибиряка, попало во вражеское кольцо. Бойцы укрылись среди каменных строений хутора, решив удержать его до подхода наших подразделений. Как только стали приближаться атакующие цепи гитлеровцев, командир отделения приказал открыть огонь. Гитлеровцы отступили и начали артиллерийский обстрел хутора. Загорелись скотный двор и жилой дом, а невдалеке от Романова разорвался снаряд. Когда рассеялся едкий дым, командир отделения увидел рядом стонущего пулеметчика Пушковского, лицо которого было залито кровью.

— Ничего, брат, заживут раны, — подбадривал Романов бойца, перевязывая его. — Лежи. А я сам встану к пулемету.

Взвод гитлеровцев снова двинулся на позиции отделения. Вот они показались из-за пригорка и стали приближаться к хутору. Было тихо, никто не вел огня, и гитлеровцы, осмелев, побежали вперед. До хутора уже оставалось метров сто пятьдесят, когда из каменных домов грянули выстрелы. И снова десятка два фашистов были срезаны огнем, а остальные залегли, не рискуя в открытую идти против храбрецов. А вскоре на выручку отделению младшего сержанта Евгения Романова подоспела одна из наших рот. Перед хутором нашли свою смерть до 50 гитлеровцев.

Для развития наступления с утра 18 сентября был введен в бой второй эшелон дивизии — 176-й полк. Ночью он и 31-й танковый полк переправились на плацдарм. В 8 часов 30 минут утра после короткой артподготовки наша пехота при поддержке танков перешла в атаку. Свежие части сломили ожесточенное сопротивление гитлеровцев. Преодолев заграждения, заболоченные участки и прорвав вторую полосу вражеской обороны, дивизия вышла на рубеж Касси. Командир 314-го полка А. П. Мельников, посадив пехоту на танки и автомашины, начал преследование противника по параллельной дороге

на Валди — Ару — Кассинурме. Вскоре передовой отряд вышел в тыл обороняющемуся немецкому пехотному полку, перерезал ему путь отхода и совместно с 31-м танковым полком разгромил его в районе населенного пункта Ару.

Гитлеровцы не хотели примириться с потерей своей второй полосы обороны и неоднократно переходили в контратаки, пытаясь отбросить нас за реку Амме, но все было тщетно. Пришлось им ретироваться к реке Педья. По пятам преследовали отступавших наши передовые отряды. Порой им удавалось перехватывать пути отхода врага и наносить удары с тыла, дезорганизовывать его отступление, лишая возможности занять оборону на промежуточном рубеже.

314-й стрелковый и 31-й танковый полки быстро достигли реки Педья, буквально на плечах противника форсировали ее и захватили плацдарм на западном берегу. Полки, продолжая бой, овладели населенным пунктом Покасте, но дальше пробиться не смогли.

На одном из разборов, в котором приняли участие начальник штаба полковник Семенов, начальник оперативного отделения подполковник Окснер, начальник отделения разведки майор Шуленин, командующий артиллерией дивизии полковник Бальсин и другие, мы обсуждали ход боевых действий наших частей в наступлении и пришли к выводу, что противник пытается на промежуточных рубежах задержать наше продвижение, а перед отводом своих войск, как правило, наносит огневой удар и даже переходит в контратаку.

Так, например, 19 сентября утром противник силами до пехотного полка с 30 танками контратаковал подразделения 314-го полка, намереваясь сбросить его в реку. Удар оказался сильным. Два наших подразделения вынуждены были отойти. В деревне Покасте гитлеровцам удалось окружить роту старшего лейтенанта Измайлова. Подполковник Мельников запросил у меня помощи. Сам он со своим штабом находился в боевых порядках полка, отражая контратаки пехоты и танков.

Мы подтянули к месту боя дивизионную и поддерживающую артиллерию из соединения генерала В. С. Гнидина. Артиллеристы, открыв с левого берега сокрушительный огонь по фашистским танкам, помогли 314-му полку отразить контратаку врага и удержать плацдарм.

В это время рота Измайлова продолжала стойко обороняться против превосходящих сил противника. Ба-

табьон пехоты и 10 танков двигались на Покасте. Наше подразделение не имело здесь артиллерийских противотанковых средств, поэтому вражеские танки смогли подойти к западной окраине деревни. Один из них подобрался к развалинам дома, где оборонялось отделение младшего сержанта Ивана Кошелева. Командир отделения метнул противотанковую гранату и, очевидно, перебил гусеницу танка. Стальная громадина стала вдруг кружить на одном месте. В нее полетела и вторая граната. Из танка потянулась струйка дыма, которая быстро разрасталась...

Три танка врага ворвались в деревню, но наши бойцы сумели отсечь от них вражеских пехотинцев. Из окна дома кто-то из роты Измайлова бросил гранату. Попав на жалюзи, она взорвалась, и танк загорелся. Это заставило остальные два танка развернуться и на большой скорости покинуть деревню.

Однако рота буквально таяла. Многие бойцы погибли в неравной схватке, многие были ранены, но все, кто мог держать оружие, дрались. Уже смеркалось, когда солдаты Измайлова отбили последнюю контратаку и тут услышали стрельбу и гул моторов. Подоспели, наконец, наши. Немногие уцелели в роте Измайлова, но ее героический подвиг помог 314-му полку отразить все контратаки противника и удержать плацдарм.

НА ПОБЕРЕЖЬЕ!

Войска 2-й ударной армии, быстро продвигаясь вперед на таллинском направлении, угрожали замкнуть кольцо вокруг Нарвской группировки противника. Учитывая это, гитлеровское командование стало отводить свои войска из-под Нарвы и Таллина на Пярну и Ригу. Поэтому командарм И. И. Федюнинский перенацелил 108-й корпус с таллинского направления на пярнуское, чтобы перерезать пути отхода гитлеровцев из Эстонии. Перед 46-й и 90-й дивизиями возникла новая задача: наступать с рубежа реки Педья на побережье Пярнуского залива, овладеть городом Пярну закрыть пути отступления Нарвско-Таллинской группировки противника на Ригу.

В этот ответственный момент наступление нашей 46-й дивизии замедлилось. 314-й полк вел тяжелые бои с контратакующим противником за плацдарм на западном

берегу реки Педья. Задержка в продвижении дивизии обеспокоила не только командира корпуса В. С. Поленова, но и командарма И. И. Федюнинского, а также командующего фронтом Л. А. Говорова.

Я, как это нередко случается на войне, когда с одной стороны противник бьет, а с другой начальство ругает, оказался между «молотом и наковальней». Пока уточнял причины задержки наступления и докладывал обстановку, дивизионная разведка установила, что в районе населенного пункта Йыуне противник не имеет укреплений и сплошной обороны. Я принял решение: силами 176-го полка подполковника С. Ф. Семенова обойти противника слева в направлении Йыуне и во взаимодействии с 314-м стрелковым и 31-м танковым полками нанести удар по врагу с тыла и фронта, а затем окружить его в районе Симусты.

По лесным дорогам и болотам полк С. Ф. Семенова вышел к реке Педья в районе Йыуне, уничтожил оборонявшегося противника и к утру 20 сентября был уже в районе Симусты. В то же время 314-й полк не только отразил контратаки противника, но и расширил плацдарм, чем обеспечил переправу 31-го танкового полка на западный берег реки. Утром 314-й полк вместе с танкистами атаковал противника, разгромил до двух батальонов гитлеровцев и продвинулся за день на 15 километров. Боясь окружения, враг начал поспешно отводить свои основные силы. Подполковник Мельников, посадив пехоту второго эшелона на танки, стремительно преследовал отступающих гитлеровцев.

Во второй половине следующего дня 314-й стрелковый и 31-й танковый полки продвинулись на 20 километров и достигли узла дорог и крупного населенного пункта Айду. Взять его с ходу не удалось. Завязался ожесточенный бой. Снова задержка. А обстановка требовала дальнейшего стремительного продвижения.

Вместе с командующим артиллерией дивизии полковником Бальсиным и начальником оперативного отделения подполковником Оксером я выехал в 314-й полк. По пути нас нагнал командир корпуса генерал Поленов. Эта поездка едва не стоила всем нам жизни. На дороге у небольшого моста наши машины попали под сильный артиллерийский налет. Мы бросились в кювет. Вокруг рвались снаряды и свистели осколки. К счастью, никто не пострадал, но машины оказались буквально изрешеченными.

Когда добрались до места, то узнали, что перед 314-м полком оборона противника состояла из сильно укрепленных огневых позиций артиллерии и зарытых в землю самоходок и танков. Разведка установила, что одной артиллерии, кроме штурмовых орудий-самоходок, у гитлеровцев было 4 дивизиона. Наступать в лоб не имело смысла. Необходимо было осуществить обходный маневр.

340-му стрелковому и 31-му танковому полкам предстояло обойти укрепленный узел справа и во взаимодействии с 314-м полком уничтожить противника, окопавшегося в Айду. Одновременно я направил один батальон в обход гитлеровцев слева, чтобы перерезать шоссе на дороге в районе населенного пункта Оя, идущую из Айду на Пильтсамаа.

Около шести часов пробирались бойцы-пехотинцы вместе с танкистами по бездорожью, по лесам и болотам. Поздно вечером мы слышали шум боя где-то севернее Айду. Тут же подполковник А. И. Зимин доложил по радиии: «Атакуем противника во фланг; батальон капитана Новикова с тыла успешно атаковал огневые позиции артиллерийского дивизиона и захватил все его пушки».

Чтобы лучше управлять боем, командир 340-го стрелкового полка А. И. Зимин и командир 31-го танкового полка Прокопенко сели в танк. На броне танка ехали командир 1-го дивизиона 393-го артполка Ф. Н. Шевченко и два разведчика с радиостанцией. При въезде в Айду противник открыл огонь прямой наводкой по танку. Механик-водитель сразу свернул с дороги в поле. Первыми соскочили на землю Шевченко и разведчики с радиией. Зимин и Прокопенко также, к счастью, успели выйти из танка до того, как он был подбит. Шевченко быстро выбрал наблюдательный пункт, определил на глаз координаты, подготовил исходные данные и приказал командиру 1-й батареи подовать цель. Вражеский орудийный расчет был полностью уничтожен.

Гитлеровцы ожесточенно дрались за каждую улицу в Айду. Успеху боя способствовали удары с фронта 314-го полка. Совместными действиями сопротивление противника было сломлено, и в 23 часа населенный пункт Айду был очищен от врага.

Бывалые воины в боях за Айду показали пример новичкам. Был момент, когда на позиции одной из рот пошли три «тигра», а вслед за ними — автоматчики. Противотанковые ружья не могли пробить броню этих вражеских

танков. Новички чуть было не отступили. Ветераны 314-го полка бойцы пулеметного расчета М. А. Александрова и 45-мм орудия Сотникова сумели быстро сменить огневые позиции, отсечь пехоту противника от танков и уничтожить ее. А «тигры» потом были подбиты артиллеристами 1-го дивизиона 393-го артполка.

Пример ветеранов помог новичкам преодолеть чувство страха, они втянулись в бой и действовали довольно умело, так, как их учили командиры перед наступлением.

Остатки разгромленного здесь 1149-го немецкого пехотного полка с танками и артиллерией отступили в город Пильтсамаа. Батальон под командованием капитана Ф. С. Михалева, который слева обходил Айду, к сожалению, с опозданием вышел в назначенный пункт и не успел перерезать пути отхода противнику. Мы приняли все меры, чтобы ускорить преследование.

За 5 суток напряженных боев я почти не спал. Добравшись до штаба дивизии, решил прилечь. Но долго не мог заснуть, сказалось большое нервное напряжение. Спустя два часа проснулся и услышал, как начальник штаба дивизии полковник Семенов строго кого-то отчитывает:

— Доложите, почему полк топчется на месте?

Ему что-то ответили.

— Какой там к черту противник! — горячился начштаба. — Он отходит из Пильтсамаа, а вы бездействуете!

Начальник штаба, оказывается, разговаривал с командиром 340-го полка, который доложил, что его полк в пяти километрах южнее Айду невдалеке от лесного массива ведет упорный бой. Между тем на фронте не было слышно ни одного выстрела. Стояла непривычная тишина.

Я взял трубку. Зимин повторил мне все и добавил, что противник даже пытался контратаковать его полк. Мы с начальником штаба переглянулись. Не требовалось долгих размышлений, чтобы понять — фашисты контратаковали его мелкими пехотными подразделениями, а главные свои силы в это время отводили на новый рубеж. Такой тактический прием врага был нам не в новинку. Следовало не упустить момент, сразу же начать активно преследовать противника, не давая ему оторваться и организовать оборону на новом рубеже.

— Немедленно переходите к преследованию! Сейчас выезжаю к вам, выставьте на дороге «маяк».

В «виллисе» со мной ехали два радиста и офицеры штаба — артиллерист, оператор и разведчик. Невдалеке

от Айду нас встретил офицер полкового штаба и указал место, где находится передовой батальон.

— Командир полка сейчас там, — сказал офицер штаба.

Мы направились туда, но ни командира полка, ни комбата там уже не нашли.

Гитлеровцы, как мы и предполагали, отошли. Командир полка, посадив пехоту на танки и самоходки, стал преследовать противника, который так хитро обвел его. Полк, стремительно продвигаясь вперед, с ходу опрокидывал заслоны.

Однако противнику все же удалось остатками разгромленных пехотных полков сдержать нашу пехоту и танки на подступах к городу Пильтсамаа и ближайшим к нему населенным пунктам Паракузе и Сумуствере.

В половине седьмого утра части дивизии подошли к оборонительному рубежу противника на подступах к городу Пильтсамаа. Враг разрушил мосты, и поэтому наши танки и артиллерия отстали. Попытка 340-го полка с ходу овладеть населенным пунктом Паракузе не принесла успеха. Пришлось направить на помощь А. И. Зимину 176-й полк С. Ф. Семенова. Полку предстояло, двигаясь в обход на Паюзи, выйти в тыл противнику и совместно с 340-м стрелковым и 31-м танковым полками уничтожить его в районе города Пильтсамаа.

Спешно была подтянута дивизионная, приданная и поддерживающая артиллерия. Мы провели разведку и спланировали артподготовку. 176-й полк вышел в районе Паюзи, переправился через реку Пильтсамаа и устремился в тыл оборонявшимся. В 12 часов 30 минут после двадцатиминутной артподготовки с фронта в атаку пошли пехота и танки. Они смяли вражескую оборону и ворвались в город Пильтсамаа. Отступить немцам было некуда. К 20 часам дивизия полностью овладела городом. В этом бою гитлеровцы потеряли до 2 тысяч убитыми солдат и офицеров и 1700 пленными, не считая тех, кто разбежался по лесам.

В боях за город Пильтсамаа пал смертью героя один из наших лучших офицеров-специалистов, начальник артиллерийской разведки 1-го дивизиона старший лейтенант Иванов, были ранены командир 393-го артполка полковник С. А. Миль, командир 31-го танкового полка подполковник Прокопенко и командир 1-го дивизиона капитан Н. Ф. Шевченко.

Чтобы не дать противнику организованно отвести свои разбитые части, мы создали из подразделений 176-го и 340-го полков два подвижных передовых отряда и посадили их на танки 31-го танкового полка. Я приказал им совершить маневр: повернуть строго на запад, преследовать противника в направлении город Пярну — населенный пункт Синди и отрезать пути отхода Нарвской группировке противника на Ригу. Командир 176-го полка подполковник С. Ф. Семенов пошел со своим отрядом на Пярну, а командир 340-го полка подполковник А. И. Зимин — на Синди. Я отправился вместе с Зиминным.

Многие участки дороги на Пярну были заминированы противотанковыми минами. Здесь хорошо потрудились бойцы-саперы под командованием кавалера орденов Славы трех степеней старшины П. Ф. Семенова. По этой дороге на Пярну ни один наш танк не подорвался на mine. Танкисты мчались вперед, не подозревая, сколько было обезврежено мин, сколько труда и пота это стоило саперам, какому риску они себя подвергали.

23 сентября мы освободили Синди и Пярну и вышли на побережье Пярнуского залива, отрезав путь разбитым частям немецких войск, отступающим из Таллина на Ригу.

Затем 340-й полк, наступая вдоль побережья, овладел городом Айнажи. Здесь мы встретились с частями 67-й армии, наступавшими на Ригу.

После взятия Пярну Семенов передал мне по радиции: «Нахожусь на побережье. Пью балтийскую водичку». Я просил передать благодарность всем участникам боев за Пярну и в шутку заключил: «У нас с Зиминным в бокалах тоже балтийская водичка. За ваше здоровье!»

Приказом Верховного Главнокомандующего 176-му стрелковому полку было присвоено почетное наименование Пярнуского. Тем же приказом 393-му артиллерийскому полку, который отлично действовал под командованием полковника С. А. Миля в этих боях, впрочем, как и во всех наступательных операциях по освобождению Ленинградской области и Эстонии, присваивалось наименование Пярнуского. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР 393-й артиллерийский полк был награжден орденом Красного Знамени.

Во время боев за Синди и Пярну не раз случалось, когда солдаты противника, оказавшись в окружении, сразу прекращали сопротивление и разбегались.

Один из пленных офицеров заявил, что немецкие сол-

даты бояться сдаваться в плен, дескать, потому, что русские всех расстреливают. Командир полка А. И. Зимин разъяснил офицеру, что это геббельсовская брехня, и приказал ему вести своих солдат на сборный пункт военнопленных. Офицер тут же построил своих людей в колонну и повел ее. Не успела она отойти и 200 метров, как из леса стали выходить многочисленные группы немцев и примыкать к колонне.

Со взятием Пярну и выходом нашей дивизии на побережье Пярнуского залива почти вся территория Советской Эстонии за исключением островов Моонзундского архипелага была освобождена от гитлеровских оккупантов. В боях за Советскую Эстонию наши бойцы всегда ощущали всестороннюю поддержку эстонского народа. Эстонцы тепло встречали советских воинов, указывали им лесные дороги в обход вражеских опорных пунктов, помогали вылавливать укрывшихся гитлеровцев.

26 сентября я получил приказ командарма И. И. Федюнинского сосредоточить дивизию в районе города Тарту. За 10 дней наша 46-я дивизия прошла с боями около 300 километров. Нам привелось четырежды прорывать вражескую оборону и четырежды форсировать водные рубежи, преодолевать густые минные поля, вести ночные бои, совершать марши в любое время суток. Непрерывное наступление и организация подвижных отрядов преследования не дали противнику возможности оторваться от наших частей и подготовить сильную оборону на промежуточных рубежах. Не обошлось, разумеется, без недостатков: иногда мы запаздывали с применением маневра на охват и обход противника. Но все же дивизия успешно справилась с боевой задачей, полностью разгромив 1148-й, 1149-й и 186-й пехотные полки гитлеровцев, потерявших только убитыми около трех тысяч солдат и офицеров. Нами были взяты большие трофеи.

Участием в эстонской операции закончились боевые действия 2-й ударной армии и нашей дивизии на Ленинградском фронте. Не хотелось расставаться с фронтом, где мы сражались с первых дней войны. Но утешением для нас было то, что Ленинградская область и Эстонская ССР уже освобождены от фашистских захватчиков. Значит, мы едем бить врага поближе к его логову.

Военный совет фронта издал специальный приказ, в котором высоко оценил вклад войск 2-й ударной армии в разгром врага под Ленинградом. Боевые знамена ее

частей, отмечал приказ, навсегда овеяны неувядаемой боевой славой.

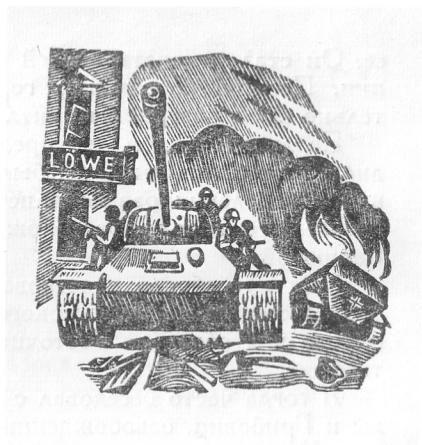
Командование фронта устроило нам теплые проводы. Память об этом у нас, воинов-ленинградцев, осталась на всю жизнь.

Перед отъездом мы получили очень дорогое всем нам письмо, подписанное председателем исполкома Ленинградского городского Совета П. С. Попковым и секретарем Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецовым. Вот оно:

«Ленинградский городской комитет ВКП(б) и исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся в связи с вашим отбытием на другой участок фронта, за пределы всем нам родного Ленинградского фронта, считают своим долгом еще раз отметить вашу боевую роль в обороне города Ленинграда и в разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом... Просим принять на добрую память наше письмо, как знак признательности и благодарности ленинградцев.

Да пусть благородное имя ленинградцев, которым вы именуетесь, и впредь будет вдохновлять вас на дальнейшие боевые успехи, на самоотверженное служение Родине...»

В первой половине октября дивизия погрузилась в железнодорожные эшелоны, и мы снова слышали стук колес. Поезд мчал нас на запад...

ВЕЛИКИЙ ПОРЫВ

В ПОЛЬШЕ

В одной из ленинградских газет я прочитал недавно о своеобразном сувенире времен Великой Отечественной войны. В заметке рассказывалось о старой обкуренной трубке, на которой были начертаны слова на немецком и русском языках. На немецком: Париж, Великие Луки, Невель, Витебск, Тарту. На русском: Лахверн, Тарту, О. Мазовецкий, Цеханув, Дойч-Айлау, Мариенвердер, Данциг, Штеттин, Рюген, Шверин.

В заметке говорилось, что хозяин трубки — художник Трошичев, но не упоминалось, в каком соединении или части он служил. Меня все это очень заинтересовало. Я решил, что художник — ветеран 46-й дивизии, ибо на трубке были названы города, за которые сражалось наше соединение.

И вот я беседую с деканом графического факультета Института имени И. Е. Репина доцентом Александром Александровичем Трошичевым. Он сразу узнал командира своей дивизии и рад нашей встрече.

Оказывается, трубка раньше принадлежала немецкому обер-лейтенанту. Александр Александрович не курил

ее. Он стал отмечать на ней освобожденные города Эсто-нии, Польши и, наконец, города Германии, где оконча-тельно была разгромлена гитлеровская армия.

Первым городом за пределами нашей Родины, где дислоцировалась дивизия, был Остров Мазовецкий. Части и подразделения разместились в лесах недалеко от этого небольшого города, расположенного между Белостоком и Варшавой.

Нам предстояло участвовать в боях за окончательное освобождение от фашистского ига братского польского народа и в разгроме Восточно-прусской группировки про-тивника.

Я тогда часто беседовал с местным населением сел Ду-ды и Грибовиц, освобожденных от гитлеровских захватчи-ков. Крестьяне выглядели очень плохо: бледные, худые, осунувшиеся. Одежда на них — рваная. В деревнях тихо. Петухи и то редко поют.

— Все подчистую забрали фашисты, — жаловались по-ляки.

Во время нашей встречи бывший литературный со-трудник дивизионной газеты «За Родину» Александр Александрович Трошичев читал мне свои дневниковые записи, сделанные им в Польше зимой 1944 года. При-веду здесь одну из них. Она весьма точно передает все виденное и слышанное нами на польской земле:

«У взрослых и детей изможденные лица, все они одеты в лохмотья. Немец — «герман», как говорят поляки, не только не считался с ними, но и «ох уж мордовал и мор-довал». Лесник Вишневский, работавший в Пултуском воеводстве, рассказал нам, что эта часть Польши была от-торгнута немцами от их страны, присоединена к Восточ-ной Пруссии и переименована в Остбург. С присоедине-нием Пултуского и других воеводств к Восточной Прус-сии гитлеровцы начали насаждать здесь своих колонистов. Они отобрали землю у крестьян, присоединили ее к угодь-ям бывших польских помещиков и поспешили отдать не-мецким гаулейтерам, которые становились владельцами крупных хозяйств. Сразу же из Германии с соответствую-щим мандатом на все готовое прибывал новоявленный хозяин и привозил с собой рабов — военнопленных, деву-шек и юношей, пригнанных в неволю из России, Франции, Бельгии и Голландии.

Сегодня я услышал от группы местных жителей ужас-ный рассказ о том, как в 1942 году эсэсовцы «собирали»

и Польше теплые вещи. В одно из воскресений после окончания богослужения немецкие солдаты частей СС и СД, опцевив костелы, стали насильно снимать с поляков все теплые вещи: пальто, шерстяные свитеры, валенки, теплые чулки, носки и т. д. Женщин, стариков и детей эти изверги оставили буквально голыми и босыми на снегу...»

Польское население повсюду радушно встречало советских воинов. В деревнях под Острувом Мазовецким жители уцелевших домов приглашали нас размещаться у них, но мы не хотели стеснять местное население и жили в землянках. Крестьяне охотно угощали нас всем, что было в их скудном хозяйстве. Предлагали и «млеко», хотя мы знали, что коров почти ни у кого не осталось, многие семьи с маленькими детьми еле могли прокормить одну козу. И бывали случаи, когда и обидеть не хотелось гостеприимного хозяина, и угощаться у него значило оставить детей без молока. Как тут быть? И наши солдаты и офицеры, садясь за стол, старались больше сами угощать сгущенкой, колбасой, консервами, хлебом, маслом, а то и просто наваристыми щами из солдатской кухни.

Офицер нашего штаба майор И. И. Боснев, которому было поручено наладить снабжение и обеспечение войск и населения в освобожденных районах, как-то сказал:

— Трудное это дело, — и, улыбнувшись, добавил: — Поляки хоть и называют друг друга панами, а самим есть нечего и ходят эти паны в латаных-перелатаных штанах.

В начале декабря нас, командиров корпусов и дивизий, вызвал к себе на совещание командующий 2-й ударной армией генерал-полковник И. И. Федюнинский. Он сообщил, что армия получила боевую задачу нанести главный удар в направлении Земон — Цеханув — Бродица и во взаимодействии с 48-й и 65-й армиями уничтожить Млавско-Цеханувскую группировку противника.

46-й Лужской стрелковой дивизии, усиленной 94-м тяжелым танковым и 1476-м самоходно-артиллерийским полками, а также 13-й инженерной бригадой (без одного батальона), предстояло прорвать оборону противника на двухкилометровом фронте и овладеть опорными пунктами Госьцево, Глодово и лесом «Закрент». В дальнейшем наступать в направлении Буды-Дебуны — Рушниково и овладеть рубежом Вуйты-Трояны и фольварком Козлово.

Самоходный артиллерийский и танковый полки, конечно, сила большая, думал я, но времени для выявления

целей у них будет мало, поэтому надо действовать по принципу «на бога надейся, а сам не плошай».

С начала декабря рано утром я, командующий артиллерией полковник А. И. Бальсин, вернувшийся из госпиталя командир 393-го артполка полковник С. А. Миль и командиры дивизионов майоры Ф. Н. Шевченко, И. И. Карапищенко и Быков ежедневно стали бывать на наблюдательных пунктах командиров частей и подразделений, находившихся в обороне. Мы тщательно изучали передний край противника, систему его огня, наносили на карты разведанные цели. Возвращались мы в свои штабы поздно вечером.

Я приказал артиллеристам произвести топографическую привязку позиций и наблюдательных пунктов к целям, а наиболее важные из этих целей пристрелять. Затем утвердил план артиллерийской подготовки, который предусматривал после обработки переднего края сопровождать пехоту на глубину до двух километров; далее же действовать методом последовательного сосредоточения огня и как можно надежнее, точнее подавлять группы вновь выявленных в ходе боя целей.

Мы изучили свою полосу наступления и с учетом ее особенностей организовали обучение войск.

На специально оборудованных полях наши офицеры и сержанты учили солдат стремительно атаковать противника, вести бой в глубине обороны, в крупных населенных пунктах, где имеются каменные строения, блокировать долговременные железобетонные огневые точки. Я и офицеры штаба — командующий артиллерией А. И. Бальсин, начальник оперативного отделения Окснер, начальник инженерной службы Г. З. Карасик, начальник отделения разведки А. М. Шуленин, бывая каждый день на учениях, внимательно следили за подготовкой подразделений к предстоящим боям.

Во 2-м батальоне 176-го полка мы наблюдали «обкатку» личного состава танками. Батальон располагался в траншеях, а по ним проходили танки. Личный состав должен был своими средствами вести борьбу с танками «противника». После нескольких таких «утюжек» танкисты уже шли с закрытыми люками, не опасаясь раздавить пехоту, а болванки гранат все чаще попадали под гусеницы и на жалюзи.

Танкисты в один голос потом заявляли, что если бы им пришлось атаковать такого противника, как 2-й ба-

тальон нашего 176-го полка, то они не смогли бы пройти и двух-трех траншей. А кто-то из механиков-водителей в шутку заметил: «Ну, ребята, даю ручательство — гитлеровские танкисты еще до встречи с вами могут уже сейчас заказывать себе гробы». Дальнейший ход событий показал, что в этой шутке была не доля правды, а вся правда. О действиях 2-го стрелкового батальона капитана В. Г. Арсенина, в котором было много бывалых воинов-ленинградцев и молодых бойцов, недавно призванных из освобожденных от оккупантов районов, я еще расскажу более подробно.

Одновременно с батальонными и полковыми учениями проводились большие инженерные работы в исходном районе для наступления: сооружались и оборудовались наблюдательные и командные пункты, огневые позиции для артиллерии, блиндажи для укрытия личного состава и траншеи к ним, подъездные пути и дороги. Вся подготовка велась скрытно.

Особое внимание командование уделяло материально-техническому обеспечению войск. Непосредственно на огневые позиции артиллерии было доставлено до двух боевых комплектов снарядов и мин. Создавались также запасы горючего и продовольствия.

Командующий армией генерал-полковник И. И. Федюнинский провел рекогносцировку с командирами корпусов в полосе наступления армии на местности и отработал вопросы взаимодействия. Затем и мы, командиры дивизий, провели рекогносцировку с командирами частей и подразделений в своих полосах наступления, еще раз уточнили на местности их задачи, объекты для подавления огнем артиллерии, вопросы взаимодействия между частями, соседними дивизиями и родами войск.

Во всех частях и подразделениях организовали встречи ветеранов дивизии с молодыми солдатами, значительная часть которых прибыла к нам из освобожденных районов Западной Украины и Молдавской ССР. Как-то я и начальник политотдела полковник Михаил Павлович Меркушев были свидетелями такой встречи. Заместитель командира 176-го полка по политической части подполковник Владимир Георгиевич Рубцов представил молодым солдатам кавалеров орденов Славы всех трех степеней И. Д. Голубева, В. Я. Тупкаленко и А. В. Шушаняна. Они не столько рассказывали о своих подвигах, сколько делились боевым опытом, наставляли новичков.

Политотделы и секретари партбюро в частях проводили большую партийно-политическую работу, занимались укреплением партийных организаций в ротах и батареях. Перед наступлением сотни бойцов и командиров подали заявления с просьбой принять их в партию.

К началу 1945 года подготовка войск к наступлению завершилась тактическими учениями с боевой стрельбой, в процессе которой отрабатывались вопросы управления войсками, взаимодействия пехоты с танками, артиллерией и авиацией.

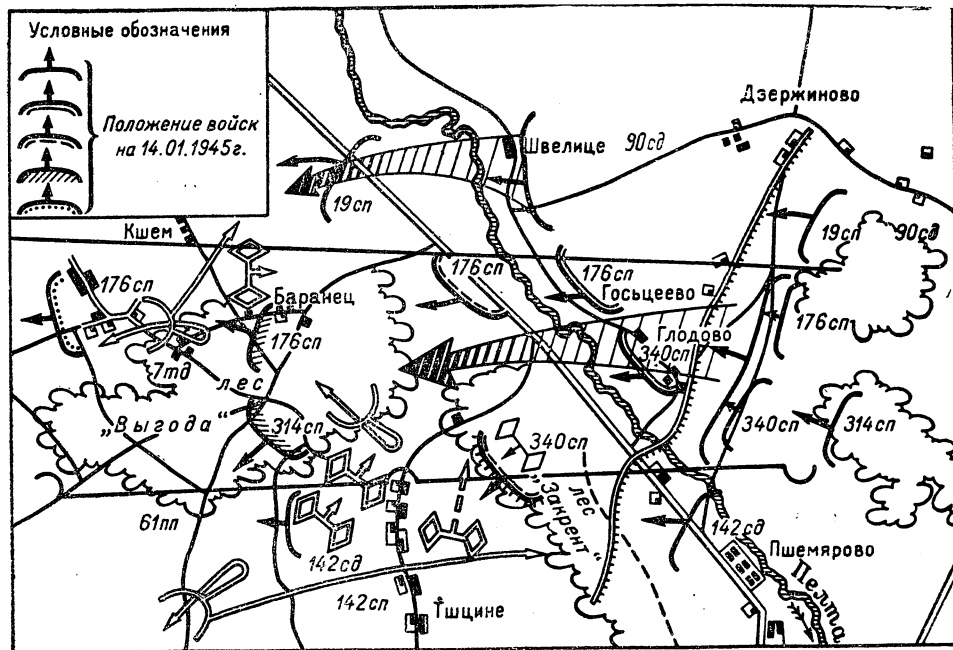
Новый год встречали в приподнятом настроении. С фронтов приходили хорошие вести. Мы знали, что скоро начнутся большие дела и у нас. На душе было радостно. В землянке по-праздничному накрыли стол. Провозглашали тосты за победу, за Родину, за нашу партию, которая сплотила советский народ и его армию, дала им силу выстоять и погнать врага на запад. Товарищи, сидевшие за столом, вспоминали новогодние встречи сорок второго, сорок третьего и сорок четвертого годов на Ленинградском фронте, в пригородах осажденного города. Больше всего, конечно, всем была памятна ночь под Новый, сорок второй год — с чаем вместо вина в кружках и с очень скудным блокадным ужином. Припомнил эту ночь и я...

Наша 168-я стрелковая дивизия, где я был тогда начальником штаба, переправлялась по льду Финского залива на Ораниенбаумский плацдарм. В Лисьем Носу мы с командиром дивизии генерал-майором П. А. Зайцевым зашли в отведенный нам для отдыха маленький домик. За пустым столом сидели два пожилых человека — муж и жена. Коптила какая-то лампадка, а в углу стояла елка. Хотя она и не была украшена игрушками и расцвечена огнями, но все же это была новогодняя елка.

— Это для детишек, — смущенно сказала женщина.

Мы оглянулись. В доме, кроме мужчины и женщины, никого не было.

— Все ее причуды, — сказал муж. — Какие там детишки? Взрослые уже. Один — морской офицер, тут же, на Балтике, воюет. Сейчас, правда, стал офицером морской пехоты. Другой от Москвы фашистов гонит, капитан, батальоном командует. Дочь — младшая она у нас — едва исполнилось семнадцать, могла бы еще и вокруг елочки потанцевать, да вот взяла и ушла на фронт, с октября не видели. Пишет часто, просит не волноваться. Она санинструктор.

Прорыв обороны и отражение танковой контратаки противника 46-й Лужской стрелковой дивизией в Польше севернее города Пултуска 14—15 января 1945 г.

Мы выложили на стол продукты, какие у нас были, и вместе с хозяевами отметили наступающий Новый, 1942 год.

— Дай-то вам бог дойти до Берлина, — пожелала нам на прощанье хозяйка...

Прошло три военных года. Генерала П. А. Зайцева уже нет в живых, погиб под Нарвой, командуя корпусом... «Доведется ли мне исполнить твое напутствие, дорогая ленинградская мать?» — подумал я, сидя за праздничным столом.

После летнего наступления 1944 года советские войска полностью очистили нашу Родину от фашистских захватчиков. В конце 1944 года армии Вооруженных Сил СССР уже находились на территории фашистской Германии, на освобожденных землях Польши, Венгрии, Чехословакии и Югославии.

Восточная Пруссия, северную часть которой в это время также занимали наши войска, издавна была осиним гнездом немецкой военщины. В течение пяти веков злейшие враги славян — прусские юнкера — не раз начинали отсюда захватнические походы. Для фашистской Германии Восточная Пруссия была важным военно-стратегическим плацдармом и мощным щитом прикрытия Центральной Германии с северо-востока.

Придавая особое значение Восточной Пруссии, гитлеровское командование надеялось, что группа армий «Центр», насчитывающая 34 пехотные, 4 моторизованные и 3 танковые дивизии, а также много специальных формирований, 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий и 515 самолетов, сумеет остановить наше наступление¹.

В первых числах января командующего армией генерал-полковника И. И. Федюнинского, командира корпуса генерал-лейтенанта В. С. Поленова, командира 90-й Ропшинской ордена Красного Знамени стрелковой дивизии генерал-майора Н. Г. Лященко и меня вызвал для доклада командующий фронтом маршал К. К. Рокоссовский. Нас пригласили в домик, где жил и работал в те дни маршал. Мы представились. Рокоссовский предложил командующему армией Федюнинскому заслушать наши решения. Первым докладывал командир 90-й дивизии Ля-

---

¹ «Великая Отечественная война Советского Союза». Краткая история. М., Воениздат, 1965, стр. 464.

щенко, за ним я. Когда я закончил доклад, один из находившихся там генералов задал мне вопрос:

— Предусмотрели ли вы, что расчетам орудий сопровождения будет нужна помощь пехоты?

Я ответил, что не предусмотрел, потому что стрелковые роты и так малочисленны, а выделять бойцов в помощь артиллеристам — значит ослабить ударную силу пехоты. Сейчас у нас много самоходной артиллерии, которая сопровождает стрелковые части. И если другие орудия сопровождения отстанут, самоходки нас выручат. Генерал, задавший мне вопрос, не согласился со мной. Но тут вмешался в разговор маршал.

— А ведь командир дивизии прав, — тихо, но решительно сказал он. — На то мы и ввели самоходную артиллерию, чтобы сопровождать пехоту и танки в наступлении.

Рокоссовский утвердил наши решения. Затем напомнил нам, что в предстоящей операции планируется применение большого количества танковых соединений. В частности, в полосе наступления нашей 2-й ударной армии в прорыв будет введен 8-й гвардейский танковый корпус. После прорыва обороны противника мы должны обеспечить ввод корпуса. Затем, взаимодействуя с ним, стремительно развивать наступление.

Поставив нам задачу, маршал внимательно посмотрел на нас и сказал:

— У меня все. Желаю вам удачи. В добрый час!

Это была моя первая встреча с прославленным полководцем Великой Отечественной войны. Он произвел впечатление удивительно скромного, обаятельного человека. Беседуя с нами, маршал просто и убедительно доказывал ошибочность одних решений и правильность других, стараясь, как я заметил, не оставить у собеседника недоуменных вопросов или каких-нибудь сомнений. Мы достаточно много слышали и читали о выдающемся полководческом таланте К. К. Рокоссовского, под чьим командованием войска одерживали победы под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, в Белоруссии и под Варшавой. Теперь, после знакомства с этим человеком, я проникся к нему еще большим уважением.

В начале января К. К. Рокоссовский приехал к нам в дивизию для проведения строевого смотра и проверки готовности к наступлению. Маршал внимательно заслушивал доклады командиров частей. Если делал замечание,

то форма его была настолько тактической, а существо настолько верным, что кроме благодарности оно никаких чувств не вызывало у наших офицеров.

Во время смотра командующий фронтом беседовал с солдатами и сержантами, спрашивал у некоторых из них, откуда они родом, что пишут им из дому, имеются ли у них жалобы. С каким вниманием, я бы даже сказал влюбленностью, слушали солдаты прославленного полководца.

5 января 1945 года подготовка войск к наступательной операции была полностью завершена. Я объехал все полки и перед строем вручил отличившимся в предыдущих боях солдатам, сержантам и офицерам высокие правительственные награды: орден Ленина и медаль Золотая Звезда — командиру батальона Герою Советского Союза майору И. С. Зенину, орден Красного Знамени — командиру батальона майору М. Ф. Петрову, орден Отечественной войны 1-й степени — командиру роты старшему лейтенанту Астафьеву, орден Славы — разведчику С. П. Бурматову, медаль «За отвагу» — командиру отделения сержанту Михайлову и многим другим отважным воинам.

После вручения наград состоялся митинг. Выступавшие на нем молодые бойцы заявили, что будут сражаться в бою так же, как наши герои.

НА ПОДСТУПАХ К ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

За три дня дивизия совершила восьмидесятикилометровый марш и к утру 9 января сосредоточилась в районе населенных пунктов Гнойно, Сверчин и Выгода.

Накануне наступления в полках перед строем зачитали обращение Военного совета фронта, в котором говорилось:

«Дорогие товарищи! Боевые друзья! Верные сыны Советской Родины — солдаты, сержанты, офицеры, генералы!

Настало время полностью рассчитаться со злейшим врагом нашей Родины немецко-фашистскими захватчиками за все их злодеяния, за страдания и муки нашего народа, за кровь и слезы наших детей, жен, матерей и отцов, за уничтожение и разграбление советских городов и сел.

В этот решительный час наша Родина, наша родная партия призывают вас с честью выполнить свой воинский

долг, воплотить всю силу своей ненависти к врагу в единое желание разгромить немецких захватчиков, новым мощным ударом ускорить гибель врага!

Наш боевой клич отныне должен быть только один: „Вперед на разгром врага! Вперед на Берлин!“»

В полках и батальонах прошли короткие митинги. Выступавшие на них солдаты, сержанты и офицеры клялись Родине окончательно добить фашистского зверя.

В ночь с 11 на 12 января наши подразделения сменили 624-й стрелковый полк соседней дивизии. Тогда же полковая, дивизионная и приданная артиллерия заняла огневые позиции. Только на прямую наводку было поставлено 80 орудий.

Огневой вал планировался на глубину 3—4 километров. Необходимо было точно определить его рубежи на местности. Начальник разведки 1-го дивизиона старший лейтенант В. А. Клинов, начальник разведки полка капитан Соловьев, командиры батарей капитаны Калашников и Протасов, старший лейтенант Некрасов две недели трудились вместе со своими разведчиками на НП.

Как только батареи заняли огневые позиции, командир артиллерийского полка С. А. Миль и командиры дивизионов Ф. Н. Шевченко, И. И. Карапищенко, Быков приступили к пристрелке реперов. Они контролировали точность подготовки данных по основным рубежам огневого вала, ежедневно производили контроль точности огня по реперам.

Ночью 14 января саперы под командой майора М. Н. Верещагина скрытно подползли к минным полям противника и начали делать проходы. Враг непрерывно освещал ракетами местность перед своим передним краем. Саперам приходилось то и дело прижиматься к земле и замирать. Взводы лейтенантов Козлова и Кодникова, отделения сержанта Атарчука и младшего сержанта Агафонова быстро сделали проходы и заложили заряды тола, чтобы взорвать и уничтожить затем все минные поля. Ловко и четко действовали рядовые Семушев, Немытищев и Тарасов.

Когда саперы укладывали заряды, лейтенант Кодников заметил приближающихся гитлеровцев. Что делать? Не бросать же работу! Кодников решил подпустить их как можно ближе и бесшумно уничтожить. Однако оружие применять не пришлось. Очутившись лицом к лицу с нашими саперами, немцы сразу подняли руки вверх.

Не менее умело и самоотверженно действовали саперы взвода лейтенанта Козлова. Старшина Брянцев, сержант Хмелев и рядовые Степанов и Шекин находились так близко от противника, что даже слышали, как гитлеровцы кололи дрова и переговаривались... Буквально под носом у них саперы за полчаса проделали пять проходов в минных полях и заложили 12 зарядов, соединив их детонирующим шнуром.

Ночь перед боем была промозглой. Валил мокрый снег. Под утро поднялся туман. Хотелось верить, что он вскоре рассеется. Но, к сожалению, туман все больше и больше усиливался. Буквально за 100 метров ничего не было видно.

— Везет же противнику, — с горечью проговорил командующий артиллерией дивизии полковник А. И. Бальсин, стоявший рядом со мной на НП. — Мало того, что авиация работать не будет, так мы еще не увидим результатов артподготовки.

«При таком тумане мы не сможем наблюдать, как наступают пехота и танки», — подумал я, но где-то в глубине души все еще таил надежду на хорошую погоду. Уж на что в Ленинграде она капризна — и то бывает, что плотная пелена тумана сразу как-то незаметно растает и выглянет солнце.

Однако время шло, а предательский туман не исчезал. После войны о нем напишут многие мемуаристы. Можно сказать, он станет «историческим».

Мы переговаривались с командиром корпуса генерал-лейтенантом В. С. Поленовым, высказывали различные предположения о погоде и сходились на том, что наступать все же надо.

Недавно из воспоминаний И. И. Федюнинского я узнал о разговоре его в то утро с К. К. Рокоссовским.

«Нечего было и думать об использовании в подобных условиях авиации, — пишет И. И. Федюнинский, — хотя по плану намечалось, что в ночь перед наступлением будет произведено не менее 1000 самолето-вылетов, а утром на участке прорыва начнут действовать две штурмовые авиадивизии.

За два часа до начала артподготовки позвонил командующий фронтом:

— Ну как, будем наступать или подождем, пока рассеется туман?

— Оттягивать начало, по-моему, не стоит, люди будут

первичать. К тому же противник может обнаружить средоточенные на исходных позициях войска.

Маршал Рокоссовский ничего не ответил, положил трубку. Как видно, погода и его сильно беспокоила. Он понимал, что туман не только заставит отказаться от применения авиации, но и значительно снизит эффективность артиллерийского и минометного огня.

Прошло около часа в напряженном ожидании. Снова позвонил командующий фронтом:

— Начнем точно в назначенное время. Откладывать не будем»¹.

Время, как на грех, тянулось медленно. Офицеры, переговариваясь, поругивали туман, который защитил гитлеровских бандитов от ударов нашей авиации.

— Богу войны — нашей артиллерии — придется потрудиться и за себя, и за авиацию, — в шутку заметил А. И. Бальсин.

— У вас ведь уже все цели пристреляны, — подзадогнал я командующего артиллерией. — Милль мне докладывал, что его орлы до этого проклятого тумана много дней контролировали точность по реперам. Посмотрим, действительно ли у ваших орлов зоркий и точный глаз.

Ровно в 10 часов утра заработала артиллерия фронта. Все вокруг задрожало от залпа нескольких тысяч орудий. Земля на какое-то мгновение, казалось, покачнулась, как от землетрясения. В течение 80 минут наша артиллерия уничтожала живую силу и огневые средства противника. Одновременно с первым залпом был произведен взрыв всех зарядов, заложенных саперами на минных полях. В воздух полетели комья мерзлой земли, обломки кольев, обрывки колючей проволоки. Путь для танков и пехоты был открыт.

Вслед за огневым валом последнего артиллерийского налета пехотинцы 176-го стрелкового полка подполковника С. Ф. Семенова и 340-го стрелкового полка подполковника А. И. Зимина пошли в атаку. Их поддерживали танкисты 94-го танкового, артиллеристы 393-го и 1476-го самоходного полков. Первые дружные крики «ура» обрадовали нас. Затем слышна была только стрельба.

Туман лишил нас возможности наблюдать с НП за действиями пехоты и танков. Пока не поступили доклады

---

¹ И. И. Федюнинский. Поднятые по тревоге. М., Воениздат, 1961, стр. 218—219.

командиров частей, мы чутко прислушивались к шуму боя, чтобы уловить его пульс, попытаться представить себе картину сражения. С большим нетерпением ждали донесений.

Через 30 минут командиры частей сообщили по радию, что наша пехота и танки почти без потерь овладели первой траншеей противника. Прижимаясь к огневому валу, первыми ворвались на передний край бойцы батальона майора А. В. Щербины. Расстреливая на ходу сопротивляющихся гитлеровцев, они устремились вперед и с ходу овладели узлом обороны Госцеево. В 12 часов 20 минут весь 176-й полк очистил населенный пункт от противника и вышел к реке Пелта, по западному берегу которой враг имел более сильную оборону.

Мы, конечно, не могли учесть такую случайность, как туман, синоптики нам его не предсказывали. Но по опыту войны знали: «планируешь бой, будь готов ко всему, гарантируй себя от капризов природы». Теперь-то нас и выручили артиллерийская разведка целей, контроль точности ведения огня по реперам, чем терпеливо многие дни до начала наступления занимались командование и разведчики нашего 393-го артиллерийского полка.

Вот как вспоминал потом о результатах стрельбы наших артиллеристов командир 1-го дивизиона 393-го артполка майор Ф. Н. Шевченко: «Мой дивизион поддерживал батальон майора А. В. Щербины. Несмотря на плохую видимость, мы вели огонь согласно графикам, тщательно заранее рассчитанным по времени. В назначенный час пехота и танки перешли в атаку, а артиллерия приступила к артподдержке атаки — начала вести огонь по рубежам огневого вала.

Как только пехота пошла в атаку, я вместе с командиром батальона майором А. В. Щербиной оставил НП и ушел за пехотой. Вскоре мы с ним были уже в первой траншее.

Вот тут-то я убедился, что не зря мы так долго и кропотливо потрудились до начала этого боя. Туман нам не помешал. Через каждые 15—20 метров были прямые попадания снарядов в траншею или бруствер...»

Командир 340-го полка подполковник А. И. Зимин доложил мне, что овладел первой и частично второй траншеями, но встретил сильное сопротивление противника со стороны узла обороны Глодово, откуда противник ведет по атакующим огонь из подвалов каменных зданий, бро-

исколпаков и вкопанных в землю танков. Нельзя было медлить. Я приказал Зимину использовать успех Семёнова, частью сил обойти Глодово справа и атаковать одновременно противника с фронта и тыла. В полк отправился мой заместитель по политической части начальник политотдела полковник М. П. Меркушев. На ходу он бросил свою любимую фразу:

— Пойду к братцам-ленинградцам.

Батальон капитана Михалева зашел с тыла, а батальон капитана Новикова приготовился для атаки с фронта. Мы произвели двенадцатиминутный огневой налет по Глодову. Началась атака. Через 40 минут Глодовский узел обороны был в наших руках. В этом бою большой героизм и отвагу проявили командир полка подполковник Зимин, его ординарец сержант Фадеев и начальник политотдела дивизии полковник Меркушев. Находясь в боевых порядках, они первыми выскочили из траншей и с криком «ура» повели за собой пехоту.

О начальнике политотдела полковнике М. П. Меркушеве хочется сказать особо. Это был блестящий организатор партийно-политической работы в войсках, человек большой душевной чистоты, глубоко идейный, принципиальный. Вся работу политотдела дивизии, замполитов, пропагандистов, партийных организаций частей и подразделений наш начподив искусно подчинял одной цели — выполнению боевой задачи. Он умел увлекать людей в бой и словом и личным примером.

Отважно сражались воины-ленинградцы. Командир огневого взвода лейтенант Чистяков и командир расчета сержант Плаксин под огнем противника выдвинули оружие на прямую наводку и подавили несколько пулеметных точек противника. Это обеспечило успех атаки 1-го батальона капитана Новикова. Командир 1-й роты старший лейтенант Астафьев вместе с бойцами отделения сержанта Мамедова первым ворвался в деревню Глодово. Увидев, что из подвала каменного дома гитлеровцы ведут пулеметный огонь и мешают продвижению 2-й стрелковой роты, Астафьев приказал Мамедову подавить огневую точку. Сержант подкрался к подвалу и забросал его гранатами. Пулемет смолк.

Для дальнейшего развития успеха я решил ввести в бой второй эшелон дивизии — 314-й полк, который должен был выйти в тыл обороняющегося противника и во взаимодействии с 340-м стрелковым полком уничтожить

его, а в дальнейшем, к исходу дня, овладеть рубежом Вуйты-Трояны и фольварком Козлово.

Тем временем 176-й стрелковый полк форсировал реку Пелта, сломил сопротивление противника и, успешно наступая, к 17 часам овладел северной частью леса «Выгода». При прорыве обороны на западном берегу реки снова отличился батальон майора А. В. Щербины. Он первым переправился через реку и ворвался на передний край обороны противника, при этом очень умело действовали командиры рот старшие лейтенанты Рупасов, Баракута и Смирнов. Завоевав маленький плацдарм, они постепенно расширили его и надежно закрепились на нем.

Во второй половине дня 314-й полк под командованием подполковника А. П. Мельникова перешел в наступление на участке 176-го полка. Преодолевая упорное сопротивление, полк во взаимодействии с 340-м стрелковым полком, наступавшим с фронта, окружил и уничтожил крупный гарнизон противника. Усиленный пехотный полк гитлеровцев занимал здесь оборону в укреплениях на двух высотах. Это он три месяца назад отбивал все атаки наших частей. Гитлеровцы давали возможность подразделениям просачиваться между высотами, а затем открывали по ним огонь. Мы сделали выводы из неудач наших предшественников, которые, к слову сказать, до этого были измотаны боями в Белоруссии и Польше. Подразделения Семенова и Мельникова взяли врага в клещи. Когда полк противника попал в окружение, куда только девались упорство и самоуверенность гитлеровцев. Командир полка, не кодируя, открытым текстом, настойчиво взывал по радиции о помощи. Но фашистскому командованию было не до окруженного полка: оборона гитлеровцев трещала по швам на всем фронте.

14 января к исходу дня наша дивизия овладела лесом «Закрент» и вышла на рубеж Баранец — Буды-Дебуны. Прорвав главную первую полосу обороны, мы продвинулись на глубину до 5—6 километров. Наибольший успех при прорыве укрепрайона имел 176-й Пярнуский стрелковый полк под командованием подполковника Сергея Федоровича Семенова. Это был сравнительно молодой командир полка. До этого дня во время больших наступательных боев его полк находился обычно во втором эшелоне и вводился в прорыв. На сей раз я доверил ему ответственную и почетную задачу наступать в первом эшелоне и был рад, что он с честью справился с ней.

Гитлеровское командование решило восстановить прежнее положение своей обороны. В ночь с 14 на 15 января противник из района Цеханува выдвинул свой резерв — 7-ю танковую и 5-ю легкопехотную дивизии — в район прорыва 2-й ударной армии для нанесения контрудара по нашим войскам. Засланная нами в тыл противника разведгруппа во главе со старшим сержантом В. Я. Тупкаленко уже несколько дней находилась в расположении немецких войск. Отважный разведчик, отлично действовавший в боях за освобождение Ленинградской области и Эстонии, выполнял и сейчас самые ответственные задания храбро и умело. Пробираясь к штабам и важным коммуникациям врага, он по радию передавал нужные сведения. В очередном донесении, полученном от Тупкаленко, говорилось, что его группа обнаружила большую колонну танков. Она шла к линии фронта в тумане с включенными фарами. Получив разведданные, я приказал всем командирам частей и подразделений привести в готовность наши противотанковые средства. И хорошо, что мы своевременно это сделали...

15 января в 8 часов 20 минут противник нанес тридцатиминутный сильный огневой удар по боевым порядкам 2-й ударной армии. Только по нашей 46-й дивизии вели огонь более восьми артиллерийских полков и до шести дивизионов шестиствольных реактивных минометов. Вслед за огневым ударом перешли в контратаку танки и пехота противника. Главный контрудар танков в полосе 2-й ударной армии пришелся по 142-й, нашей 46-й и 90-й дивизиям. К сожалению, все еще стоял туман, который не позволял наблюдать за вражескими танками. Но вот из туманной пелены появились еле различимые силуэты танков, которые периодически включали фары, освещая себе путь. Метрах в трехстах от наших войск мы уже могли видеть лавину «тигров», «пантер» и «фердинандов». Покачиваясь на ухабах, они двигались на нас. За ними наступала гитлеровская пехота. Расстояние между нашими войсками и противником все больше сокращалось.

Командир 314-го стрелкового полка подполковник А. П. Мельников приказал командиру полковой артиллерийской группы полковнику С. А. Милю открыть по танкам огонь прямой наводкой. Заработала наша артиллерия.

Тем временем начали поступать донесения от командиров частей и разведки. Командир 176-го стрелкового полка подполковник С. Ф. Семенов сообщил, что его

контратакуют до 30 танков и до полка пехоты со стороны Вуйты-Трояны, и просил помочь ему артиллерией. Семенов передал мне координаты, и я тут же приказал командующему артиллерией дивизии полковнику А. И. Бальсину открыть огонь по танкам.

Едва я отдал приказание, как услышал голос радиста сержанта Анисимова:

— Товарищ генерал, вас вызывает командир триста четырнадцатого полка.

Взяв трубку из рук радиста, я услышал возбужденный голос Мельникова:

— Прошу нанести артиллерийский удар по танкам на выходе из Пенкова и по входу в горловину между лесом.

— Сколько их?

— До пятидесяти, наступают на боевые порядки полка из направления Господский Двор — Пенково. Ведут огонь на ходу.

Я приказал полковнику А. И. Бальсину силами дивизионной и поддерживающей артиллерии нанести удар по указанному А. П. Мельниковым рубежу. Не прошло и минуты, как раздался залп нескольких сот орудий. Перед танками противника встала сплошная завеса заградительного противотанкового огня.

Я не отходил от радиации, поддерживая постоянную связь с Мельниковым и Семеновым. Легче стало дышать, когда они доложили мне, что боевые порядки вражеских танков расстроились, «тигры», «пантеры» и «фердинанды» пятятся назад. На поле боя осталось до двух десятков подбитых и догорающих машин. На подступах к населенным пунктам Баронец, Буды-Дебуны и западной опушке леса «Закрент» вокруг подбитых танков лежат убитые и раненые гитлеровцы.

Первая контратака противника была отбита. Наши артиллеристы продолжали наносить удар за ударом по танкам и пехоте противника, накапливающимся для новой контратаки.

Как сказал мне потом полковник С. А. Миль, наши артиллеристы показали чудеса храбрости и мастерства. Мне запомнился из его рассказа один очень яркий эпизод. На первом орудии 6-й батареи были ранены наводчик и заряжающий, повреждены орудийный щит и прицел. Танк шел прямо на нашу пушку. Командир орудия старший сержант Иванов через ствол навел орудие на еле видимый в тумане ориентир и произвел выстрел. Танк

был подбит в 40—50 метрах от орудия. Иванов ударил так точно, что с «тигра» сорвало башню.

М. П. Меркушев доложил, что в передовые подразделения направлены работники политотдела. Им приказано использовать каждый свободный час, чтобы разъяснять воинам боевую задачу.

Как мы и предвидели, после первой контратаки противник предпринял вторую на участке 176-го полка. Наши подразделения, используя немецкие траншеи, упорно оборонялись. Они отразили 7 контратак, подбили и сожгли несколько десятков танков.

Все поле боя было усеяно трупами гитлеровцев. Во второй половине дня гитлеровское командование ввело в бой танковые резервы. На отдельных участках врагу удалось вклиниться в наши боевые порядки.

В этих боях исключительно умело действовал 2-й батальон 176-го полка. Комбат капитан В. Г. Арсенин, весь офицерский состав батальона, рядовые бойцы показали себя отважными и зрелыми мастерами боя, умеющими хорошо ориентироваться в самых сложных условиях, использовать любую оплошность противника, громить еще достаточно сильного врага, преследовать его и уничтожать.

Командир полка подполковник С. Ф. Семенов во второй половине дня ввел в бой батальон капитана В. Г. Арсенина для отражения контратаки.

Сзади батальона на расстоянии двух-трех километров протекала небольшая речка с поймой и обрывом. Вдоль поймы на правом фланге находилась роща, на левом — поляна, а за нею — лес. Слева батальона в лесу оборонялся наш 314-й полк. Арсенин занял траншеи на открытой местности. Впереди между двумя рощами была поляна шириной метров 300—400. Поддерживали батальон 3-й дивизион майора Быкова и противотанковая батарея.

К исходу дня в батальон к В. Г. Арсенину прибыл еще и командир танковой роты с четырьмя тяжелыми танками. Оставлять танки на открытой местности было нецелесообразно. Арсенин поставил задачу командиру роты танков, командирам взводов автоматчиков и пулеметчиков замаскироваться на опушке леса на левом фланге. За правый фланг капитан был спокоен — там стояла противотанковая батарея.

С наблюдательного пункта хорошо просматривались весь район обороны батальона, поляна слева и открытая

местность справа. Контратаку противника комбат ожидал с левого фланга.

Так оно и случилось. На следующее утро противник нанес огневой удар. Правда, по расположению батальона огневого налета не было. Гитлеровцы, видимо, считали, что русские закрепились на берегу реки. Вслед за своим огненным налетом они пошли в атаку. Впереди двигались танки, а за ними шла пехота. Атаковал враг почти колонной — в 3—4 ряда танков.

Командир 6-й роты, получив легкое ранение в руку, растерялся. Часть личного состава начала во главе с командиром роты беспорядочный отход. В. Г. Арсенин, его заместитель по строевой части старший лейтенант Б. А. Дворкин и парторг батальона старший лейтенант В. Л. Лозовский бросились останавливать бегущих. Это им удалось сделать. Командование 6-й роты принял на себя парторг старший лейтенант В. Л. Лозовский. Комбат приказал ему направить 6-ю роту в расположение 5-й. Выполнив приказ, Лозовский организовал оборону. 6-я рота под его командованием, что называется, вросла в землю и стойко отражала контратаки танков и пехоты противника.

Здесь арсенинцы стали свидетелями потрясшего их эпизода. Увлекавший в атаку бойцов капитан Дворкин не заметил, что на него идет танк. Уходить было поздно. Мгновение решало его судьбу. Единственное, что он успел сделать, это схватиться руками за ствол пушки. Так, повиснув на ней, он проехал около 20 метров. Сидевшие в танке гитлеровцы, видимо, решили, что советский офицер неизбежно погибнет под гусеницами танка, поэтому не стреляли в него. Действительно, силы оставили капитана. Он упал под танк. К счастью, Б. А. Дворкин оказался между гусеницами и остался жив.

Часть танков противника повернула на наблюдательный пункт 2-го батальона. Командир дивизиона майор Быков просил командира 393-го артиллерийского полка полковника С. А. Миля помочь огнем. Наши артиллеристы вовремя открыли огонь. На поле боя осталось несколько горящих фашистских танков.

Экипажи четырех наших танков, которые комбат Арсенин предусмотрительно направил на опушку леса, подпустив немецкие танки на 400 метров, открыли по ним огонь с фланга и тыла. «Тигры» и «пантеры» начали гореть.

Метко били по танкам и наши артиллеристы. Хватало дела и пехоте. Один танк подошел почти к самому наблюдательному пункту. Он остановился в 10 метрах от него. Лейтенанты Мазур и Сергеев, а также старший сержант Суворов забросали его противотанковыми гранатами. Огнем пехоты, минометов, прямой наводкой артиллерийских орудий пехота противника была отсечена от танков и в основном уничтожена. Немецкие танки начали отход, так и не дойдя до берега речки. Истребители танков из 6-й роты под командованием Лозовского успели подбить еще несколько танков. Фашисты оставили в расположении батальона 22 сгоревших и подбитых танка и более 100 убитых солдат и офицеров.

Через некоторое время противник вновь повторил атаку, но, потеряв еще 6 танков, начал отход. Было взято в плен несколько десятков гитлеровцев. От них Арсенин узнал, что сигналом к отступлению будет пожар в деревне Баронец.

Комбат решил срочно воспользоваться этим и попросил командира полка сделать огневой налет по деревне Баронец зажигательными снарядами. План удался. Противник был обманут. Пожар в деревне он принял как сигнал к отступлению. Комбат сразу же организовал преследование противника. К этому времени подошли наши танки. Танкисты, увидев, что здесь им делать нечего, поблагодарили Арсенина и повернули вправо.

Арсенин приказал командирам 6-й и 5-й рот преследовать противника. Сам же во главе 4-й роты ворвался в траншею врага. Здесь гитлеровцы спокойно собирались к отходу, не подозревая, что русские без артиллерийской подготовки пойдут в атаку. Тех, кто опомнился и начал сопротивляться, наши пехотинцы уничтожали, а человек 20 взяли в плен.

Батальон продвигался вперед очень быстро. Противник не оказывал активного сопротивления. Бой завязался лишь на участке 5-й роты, но и здесь он вскоре прекратился. Гитлеровцы начали в панике разбегаться. Бойцы 5-й роты стали прочесывать лес.

Трудное положение создалось у нас и на левом фланге. Имея численное превосходство, противник сумел потеснить части соседней с нами 142-й дивизии. Теперь левый фланг нашей дивизии оказался оголенным. Мы спешно выдвинули второй эшелон — 340-й стрелковый полк — на южную и юго-западную опушки леса «Выгода». Однако еще не успел

340-й полк занять оборону на опушке леса, как был атакован четырьмя десятками танков. Бойцы прямо из-за деревьев бросали противотанковые гранаты под гусеницы танков, ворвавшихся на лесную просеку.

В этом бою отличился расчет сорокапятимиллиметрового орудия бывшего партизана из-под Пскова младшего сержанта И. Д. Голубева. Он пришел к нам в дивизию с новым пополнением уже после освобождения Ленинградской области. За свои подвиги в боях на Карельском перешейке, в Эстонии, а затем и на земле врага был награжден тремя орденами Славы. Голубев уже не раз подавлял и уничтожал огневые точки своей «сорокапяткой». А тут прямо на него двигались два мощных танка — «тигр» и «пантера», с которыми его пушке трудно было справиться. Но вдруг один из танков, не дойдя сотни метров до опушки леса, повернул в сторону и подставил свой бок. Этим воспользовался Голубев. Открыв огонь по гусенице, он сумел перебить ее. Танк завертелся на месте. Второй танк подбили пехотинцы противотанковыми гранатами.

Об отличившихся бойцах, сержантах и офицерах выпускались листки-молнии. Вот один из них: «В бою 15 января 1945 года первый номер противотанкового ружья Ткач Нил Григорьевич подбил бронемашину, сержант Хохлов Александр Константинович и рядовой Кушаров Григорий Васильевич подбили противотанковыми гранатами две самоходки. За этот бой они награждены орденом Славы III степени».

Несмотря на потери, гитлеровцы продолжали наращивать свои удары, стремясь отбросить нас на исходные позиции. Вскоре тапки противника снова ринулись в контратаку. Около 40 «тиграм» и «пантерам» удалось прорваться через наши боевые порядки на стыке 314-го и 340-го полков. По открытой поляне между массивами лесов «Закрент» и «Выгода» танки устремились вперед. За ними шла в атаку пехота. Обстановка складывалась критическая. Врагу удалось выйти в тыл полкам Мельникова и Семенова. Бойцы 340-го полка не дрогнули, сумели отсечь пехоту от танков.

Я приказал 94-му танковому полку выдвинуться на западную опушку леса «Закрент», а командиру саперного батальона майору М. Н. Верещагину поставить мины на пути движения танков противника. Сам комбат возглавил отряд заграждения. Еще до подхода танков противника саперы успели создать минные поля.

Вот почему, когда командир 314-го полка подполковник Мельников доложил мне, что у него в тылу танки, я спокойно ответил:

— Держите оборону, не волнуйтесь, все будет в полном порядке.

Как раз в это время фашистские танки подошли к нашим минным полям. Раздались три мощных взрыва. Сразу же вслед за этим открыл огонь с фланга наш 94-й танковый полк. Двенадцать фашистских «тигров» и «пантер» тут же были подбиты и задымились. Остальные заматались, сбились в кучу. В течение 30 минут наши танкисты подожгли 34 танка врага. Остальные повернули вспять. После этой танковой дуэли противник заметно ослабил огонь и прекратил контратаки в полосе нашей дивизии.

15 января вечером на нашем участке фронта наступило затишье. К нам на НП приехал командир корпуса генерал-лейтенант В. С. Поленов. Он поблагодарил за успешные действия в этом тяжелейшем сражении и сообщил, что войска 2-й ударной армии, отразив контрудар противника, разгромили его 7-ю танковую, 21-ю и 5-ю пехотные дивизии.

Наши части немного отдохнули, пополнились боеприпасами. Ровно в полночь я приказал по радиции командирам 176-го и 314-го стрелковых полков перейти в наступление. Конечно, после такого тяжелого боя необходимо было длительное время для приведения подразделений в порядок. Я это понимал. Но что поделаешь? Промедлить — значит дать противнику возможность собраться с силами и снова перейти в контратаку. Высказав это соображение, я приказал командирам полков через 30—40 минут сообщить о готовности к наступлению. Ровно через 40 минут подполковник Мельников доложил, что после огневого налета 314-й полк начал атаку, но противник встретил наступающих организованным огнем, в том числе и огнем танков.

Не скрою, меня это огорчило. Неужели после такого напряженного, длительного боя у врага есть еще силы, чтобы продолжать обороняться на занимаемых позициях? Не может этого быть! И вообще, немцы не особенно-то умели вести ночные бои, старались всячески избегать их. Наверняка это оказывает сопротивление оставленное ими сильное прикрытие, а основные силы отходят на вторую подготовленную полосу обороны. Ведь у нас был уже такой случай в Эстонии. Нет, ни в коем случае нельзя дать

врагу оторваться от нас. Я приказал подполковнику Мельникову подготовить и повторить атаку с предварительной двадцатиминутной артподготовкой.

Только я отдал приказ, как меня вызвал по радиии подполковник Семенов. В приподнятом настроении он доложил, что полк, сломив сопротивление врага, овладел населенным пунктом Вуйты-Трояны и успешно продвигается вперед.

— Решил выделить в передовой отряд второй батальон капитана Арсенина, посадить его на танки и перейти к преследованию, — заключил Семенов свой доклад.

Я приказал ускорить преследование и к утру овладеть второй полосой обороны противника южнее населенного пункта Голымин Стары. Затем связался по радиии с подполковником Мельниковым и спросил, что нового на его участке.

— Нового ничего нет, — ответил командир 314-го полка. — Противник продолжает оказывать упорное сопротивление.

Я сообщил Мельникову об успешных действиях его соседа Семенова и приказал немедленно перейти в решительное наступление, при этом не лезть в лоб, а, используя успех 176-го полка, обойти противника и с ходу овладеть второй полосой обороны в районе Гарново Стары.

В это время начальник отделения разведки дивизии майор А. М. Шуленин доложил, что находящиеся в тылу врага разведчики, возглавляемые старшим сержантом В. Я. Тупкаленко, сообщают: немцы отводят танки в тыл. Значит, мы правильно определили замысел противника. Теперь наша главная задача заключалась в том, чтобы не дать ему отвести войска и организованно занять оборону на заранее подготовленном рубеже.

Через час Мельников сообщил, что полк сломил сопротивление врага и успешно наступает. Беспокоясь о флангах, я связался с нашими соседями — командиром 90-й дивизии Н. Г. Лященко и командиром 142-й дивизии Г. А. Сонниковым. Обрадовался, узнав, что и у них дела идут хорошо.

Своевременный переход дивизии в наступление не позволил противнику организованно отвести свои войска и занять оборону на заранее подготовленном рубеже. Утром 16 января 176-й и 314-й полки совместно с частями 8-го гвардейского танкового корпуса с ходу прорвали вторую полосу обороны противника и овладели узлами обороны

Голымин Стары и Гарново Стары. Враг стал поспешно отходить в направлении города Цеханува.

Коммунисты, как всегда, были впереди, своей отвагой воодушевляли всех воинов. Парторг 1-го батальона 314-го полка младший лейтенант Терешин со взводом бойцов, обороняясь в охваченной пламенем деревне, давал точные целеуказания нашим артиллеристам. Герой пал смертью храбрых, но до конца выполнил свой воинский долг. В этом бою наводчики противотанковых орудий Лебедев, Заброта и Чувашпаев подбили 3 танка и 2 бронетранспортера противника.

Третий день нашего наступления был солнечным и сравнительно теплым. Наша авиация, как бы наверстывая упущенное, непрерывно наносила удары по противнику.

Я вывел во второй эшелон 314-й полк, имевший большие потери во время прорыва первой полосы обороны, и ввел в бой 340-й полк. Теперь 176-й и 340-й полки совместно с танкистами-гвардейцами неотступно преследовали противника вдоль шоссе Гоголе — Вельке — Цеханув и по другой дороге, идущей также на Цеханув через Буркаты.

Штаб нашей дивизии неотступно следовал за своими частями. В то утро мы оказались на поляне между двумя лесными массивами «Закрент» и «Выгода». Едва выехали из леса, как перед нами предстала картина недавнего боя. Вся поляна была усеяна трупами гитлеровцев и разбитой боевой техникой врага. Мы насчитали 34 подбитых и сгоревших вражеских танка. Во многих из них зияли огромные пробойны. Проезжая деревню Баронец, мы увидели еще 28 подбитых немецких танков. Да, хорошо поработали наши артиллеристы, танкисты и пехотинцы.

Дорога была изрыта траншеями, ходами сообщений, воронками от снарядов и авиабомб. Дальше наши машины проехать не могли. Пока дивизионные отряды разграбления прокладывали нам путь, я, мой адъютант Н. И. Руденко и начальник разведотделения А. М. Шуленин решили пройти по бывшим некогда улицам деревни Гарново Стары. Дома кругом были разрушены, кое-где торчали стволы обуглившихся деревьев. Все здесь казалось вымершим. Неожиданно перед нами появилась дворняжка. Она до того перепачкалась в грязи и саже, что цвет ее трудно было определить. Мы окликнули собаку. Она осторожно подошла, недоверчиво поглядывая на нас. Я погладил ее. После этого, куда бы мы ни шли, она бежала следом. Но вдруг у развалин одного из домов собака остановилась

и завывала. Я взглянул на закопченный остов простой деревянной печи, покореженную утварь. Здесь, видимо, жил ее хозяин — польский крестьянин...

Колонна наших машин тронулась дальше. Пустынная сожженная деревня и одинокая дворняжка не выходили у меня из головы. Долго стоял в ушах вой собаки. Дождется ли она возвращения на пепелище своего хозяина?

Преследуя отступающего противника, мы все ближе подходили к Восточной Пруссии. Передовой отряд 340-го полка — 3-й батальон капитана Михалева — совместно с 1476-м самоходно-артиллерийским полком перерезал в районе Беньки железную и шоссейную дороги, идущие из Варшавы на Цеханув. Одновременно отряд 314-го полка овладел населенными пунктами Горушки и Доли и вышел к внешнему оборонительному рубежу на ближние подступы к городу Цехануву. Наше наступление было настолько стремительным, что противник не имел возможности даже разобратся в обстановке.

Ночью 16 января недалеко от Цеханува произошел любопытный эпизод. Едва батальон Михалева овладел лесом юго-восточнее Цеханува, как на шоссе показалась грузовая машина. Она ехала из города с зажженными фарами. Наши бойцы остановили машину. Гитлеровский шофер сначала недоумевал, думая, что его задержали в темноте свои, но, услышав смех и русскую речь, все понял.

Вслед за этой машиной на дороге появилась целая автоколонна. Передовые подразделения окружили ее. Несмотря на предупредительный огонь, гитлеровцы не только пытались прорваться, но и обстреляли наших воинов из автоматов. Тогда по первой из машин был сделан прямой наводкой выстрел из орудия. Машина опрокинулась поперек дороги и преградила путь остальным. После короткой схватки было убито 15 и взято в плен 12 вражеских солдат во главе со взводным офицером, захвачено 10 машин с боеприпасами и 4 бронетранспортера.

О том, как дальше развивались события на Варшавском шоссе вблизи города Цеханува, я узнал из рассказа командира батальона Ф. С. Михалева.

«У нас оказался один шофер — командир минометного расчета сержант Николай Кузнецов. Он завел немецкую автомашину. В нее была посажена часть солдат 9-й роты во главе с командиром старшим лейтенантом Федосовым. Достигнув предместья города Цеханува, рота заняла выгодный рубеж. С наступлением рассвета командир и сол-

даты изучили местность. Федосов выяснил обстановку в городе.

Весь батальон вслед за 9-й ротой продолжал продвигаться вперед и к 4 часам утра 16 января вышел к назначенному рубежу. Командиру полковой батареи 76-мм пушек было приказано уничтожить крупнокалиберный пулемет у железнодорожной насыпи. Командир 9-й роты старший лейтенант Федосов под прикрытием артиллерии начал наступать на пригород Цеханува — Александровку. Слева наступали 7-я и 8-я стрелковые роты батальона. К 9 часам утра Александровка была взята. Завязался интенсивный бой на окраине Цеханува. Гитлеровцы были застигнуты врасплох, среди них началась паника.

9-я стрелковая рота захватила орудие, и старший лейтенант Федосов повернул его в сторону противника».

В результате трехдневного сражения войска 2-й ударной армии прорвали первую и вторую оборонительные полосы противника, отразили его контрудар и продвинулись на глубину до 30 километров, при этом они разгромили 7-ю танковую, 21-ю и 5-ю пехотные дивизии немцев, бригаду штурмовых орудий, до десяти артиллерийских полков и других спецчастей. Противник потерял до 10 тысяч солдат и офицеров убитыми и более 3 тысяч пленными. Мы захватили до 100 исправных танков и около 200 орудий разного калибра. Кроме того, было подбито 120 вражеских танков, 58 бронетранспортеров, захвачено много другой боевой техники.

Гитлеровское командование вводило в бой все новые резервы. Но уже второй день нашего наступления стал для противника роковым. Нам потребовалось всего лишь несколько часов, чтобы разгромить его главную ударную силу — 7-ю танковую дивизию.

Наша 46-я дивизия продолжала наступление. Разведка донесла, что на западном берегу реки Лыдыня южнее города Цеханува противник не имеет сплошной обороны. Я принял незамедлительное решение в ночь с 16 на 17 января 314-м полком совершить обходный маневр по маршруту Соколув — Нужево, форсировать реку Лыдыня в районе фольварка Нужево, к утру выйти в район Неходзин и затем овладеть западной частью Цеханува.

В 9 часов утра после тридцатиминутной артподготовки части дивизии перешли в наступление. Одновременно начали наступление наш правый сосед 90-я стрелковая дивизия и танкисты 8-го гвардейского корпуса.

В авангарде нашего 314-го полка шел 3-й батальон под командой капитана Ивана Петровича Докало. Ему удалось сравнительно легко форсировать реку Лыдыня и через небольшой перелесок выйти на открытую местность. Однако не успел батальон пройти 200—300 метров, как по нему с флангов ударили две скорострельные крупнокалиберные пушки и одна противотанковая, расположенная на холме недалеко от шоссе. Батальон быстро развернулся в цепь и занял оборону. Находившийся в передовой цепи заместитель командира батальона по политической части Кубасов приказал сержанту С. И. Морякову, младшему сержанту Федорову и еще двум байцам-сибирякам, фамилии которых, к сожалению, не установлены, подобраться к противотанковой пушке и уничтожить ее. Дело шло к вечеру. Когда стемнело, смельчаки подползли к пушке и с расстояния 5—6 метров в упор расстреляли часть оружейной прислуги. Оставшиеся в живых вражеские артиллеристы неоднократно пытались открыть ответный огонь.

Уже после войны ленинградский рабочий, бывший сержант С. И. Моряков рассказывал мне: «Мы своим огнем буквально не давали им пошевелинуться, произвести хотя бы один выстрел. Но подорвать пушку гранатами нам не удавалось, было как-то несподручно, — ведь она находилась на холме, а мы лежали у подножия. Боязно было, что гранаты не долетят. Кроме того, ребята из нашего батальона, не зная, что мы находимся недалеко от вражеской пушки, вели огонь, чем сковали наши действия. Капитан Кубасов, оставив нас продолжать блокировать вражеское орудие, сам уполз назад, чтобы доложить командиру батальона обстановку.

Когда огонь вдоль шоссе прекратился, младший сержант Федоров подполз по скату холма еще ближе к пушке и противотанковой гранатой подорвал ее, уничтожив при этом оставшихся в живых гитлеровцев. Мы быстро заняли холм и залегли в траншее. Сделали это вовремя. Услышав, видимо, разрывы гранат и стрельбу, немцы поспешили на помощь своим, но было уже поздно. Всю ночь пытались они обойти и уничтожить нашу группу.

Вчетвером мы отбили несколько атак противника и держались до рассвета. Очень беспокоились мы за капитана Кубасова. С ним, должно быть, случилось неладное. Не может быть, чтобы он нас оставил в беде. Потом подошли ребята из нашего батальона и рассказали, что капитан Кубасов с группой бойцов спешил нам на помощь, но был

тяжело ранен. Рана оказалась смертельной. Желая быстрее выручить нас, замполит не полз, а бежал. Спасая нас, он погиб. Без него бойцы не могли нас в темноте обнаружить. Они слышали стрельбу, но не знали, где немцы, а где мы.

Когда подоспела помощь, мы разгромили фашистов. На холме возле пушки валялось 11 вражеских трупов. Из нас четырех один сибиряк пал смертью храбрых, а другой был ранен. Я и Федоров за эту вылазку были награждены орденами Славы».

340-й полк, поддержанный 1476-м самоходно-артиллерийским и 393-м артиллерийским полками, а также 60-м отдельным истребительно-противотанковым дивизионом, стремительной атакой прорвал оборону противника, занял высоты и во взаимодействии с 314-м стрелковым полком, наступающим с юго-запада, овладел юго-восточной и юго-западной частями города Цеханува. Первым в город ворвался 3-й батальон 340-го полка под командованием капитана Ф. С. Михалева.

Перед этим боем на окраине Цеханува произошел неприятный инцидент. Полк Зимина наступал на Цеханув с фронта, а полк Мельникова — в обход с юго-запада. Штаб 340-го полка стоял уже на окраине города. Командир этого полка Зимин оставил на Варшавском шоссе засады, так как из-под Варшавы, Пултуска и Макува отступали разрозненные немецкие части и нередко нападали на нас с тыла. На одну из засад 340-го полка и напоролся Мельников, который спешил на трофейном «мерседесе» в свой передовой батальон. Ночь была темной. На оклики и предупреждающие выстрелы Мельников не ответил. В машину полетела граната. К счастью, ни Мельникова, ни шофера, ни адъютанта не задело. Они заняли оборону, решив, что нарвались на противника. В это время их и задержали бойцы из охраны штаба Зимина. Когда «пленного» Мельникова привели к Зимину, между ними, конечно, произошла стычка.

— Твой только и умеют со своими воевать! — горячился Мельников.

— Не будешь впредь ездить по чужим дорогам! — парировал Зимин.

— Эх, вы, вояки, ни одного из нас даже не поранили.

— А мы, может быть, хотели вас целехонькими в плен взять.

Конечно, Зимин, прежде чем отпустить Мельникова, не преминул доложить мне по радию о случившемся, а также и о том, что Мельников просит «возместить убытки» — дать другую трофейную машину.

Я сказал Мельникову:

— Это вам наука. Походите пешком, а впредь будете знать, что на войне не каждую короткую дорогу можно считать близкой.

На этом инцидент был исчерпан.

В уличных боях в Цехануве отважно действовало отделение сержанта Круглова. Во время атаки батальон Михалева на юго-восточной окраине города встретил организованный артиллерийско-минометный и автоматнo-пулеметный огонь. Бойцы залегли в 200 метрах от каменных зданий. Сержант Круглов, используя огонь самоходок и артиллерии, повел свое отделение вперед. Бойцы подползли к дому, откуда враг вел пулеметный огонь, забросали его гранатами и уничтожили пулеметный расчет. От этого дома они перебежали к следующему строению — каменному сараю, откуда противник вел орудийный огонь.

И вдруг сержант Круглов увидел, что здесь не орудие, а танк.

— Противотанковую гранату! — передал он по цепи.

Сержант метнул ее точно в люлзю. Еще несколько гранат полетело в танк. Он загорелся и смолк. Бойцы батальона воспользовались этим, поднялись в атаку и ворвались в город. Сержант Круглов за этот подвиг был награжден орденом Славы.

В это же время с восточной стороны первым ворвался в город 137-й Выборгский Краснознаменный стрелковый полк под командованием подполковника И. Рябко из 90-й дивизии. Части нашего соединения, преодолевая упорное сопротивление врага, во взаимодействии с 90-й дивизией 17 января к 16 часам полностью освободили от гитлеровских захватчиков польский город Цеханув.

Пал последний крупный узел сопротивления гитлеровцев на подступах к Восточной Пруссии. Осматривая потом первую и вторую полосы обороны врага, каждая из которых имела в глубину от 12 до 14 километров, мы, офицеры штаба, не могли не восхищаться отвагой и возросшим мастерством наших солдат, сержантов и офицеров. Всюду видны были развороченные доты, глыбы железобетона, бронеколпаки, валявшиеся колья с колючей проволокой, подбитые орудия и танки.

Наше наступление было стремительным. Враг теперь не всегда успевал взрывать, разрушать дома мирных жителей. Как только мы занимали какой-нибудь населенный пункт, на улицы выходили поляки и все от мала до велика радостно приветствовали нас.

В Цехануве я беседовал со многими местными жителями. Язык друг друга мы не понимали, но по отдельным словам и жестам быстро улавливали смысл той или иной фразы. Приятно ласкало слух неоднократно повторявшееся в их речи слово «добже», схожее с нашим украинским «добре». Больше всего жители Цеханува опасались, «как бы не вернулся герман». Когда я говорил собеседнику, что гитлеровцы сюда больше никогда не вернуться, он обычно радостно улыбался и чистил: «Добже, добже, добже».

Но все же некоторые жители, особенно женщины, были фашистами до того запуганы, что даже боялись разговаривать с нами. Гитлеровцы трубили по радио, всячески изощрялись в печати разными рассказами о зверствах коммунистов.

Как-то в одну из квартир зашла группа наших артиллеристов — солдат и офицеров. В квартире было восемь женщин. Они испугались, но когда капитан А. В. Саченко попросил всего лишь кипятку, чтобы попить чаю, они забегали по комнате, достали заварку и даже сахар. Командир взвода управления дивизиона лейтенант Жиров завел оживленную беседу с двумя женщинами. Одна из них спросила: «Есть ли среди вас коммунисты?» Жиров, не долго думая, указал на Саченко. Женщины стали бочком пятиться к двери. Через несколько минут в квартире осталась только одна из них, но и она пыталась незаметно исчезнуть. Жирову очень хотелось выпить хотя бы стакан горячего чая, ведь на печке уже грелся чайник, и он начал убеждать женщину:

— Да ведь я пошутил!

Она вышла из дому, а через несколько минут вернулась со всеми своими подругами.

Прощаясь с женщинами, А. В. Саченко объяснил им, что среди русских офицеров и солдат много коммунистов и они желают им только добра.

— Почему вы боитесь коммунистов? — спросил наш капитан.

Женщины стали просить прощения, оправдываясь тем, что гитлеровцы все время их запугивали коммунистами, рассказывали всевозможные страшные истории о них.

За несколько часов, пока наш штаб стоял в Цехануве, мы успели спасти награбленные гитлеровцами зерно, продовольственные и промышленные товары. Противник, отступая, поджег пристанционные склады. Железнодорожные пути были забиты эшелонами с мукой, сахаром, консервами, колбасой и промышленными товарами, изъятными у хозяев магазинов и населения.

Я приказал своему заместителю по тылу подполковнику Огородникову послать для спасения всего этого добра нашу химроту и мобилизовать ей в помощь пожарные команды, железнодорожников, горожан. Через два часа Огородников доложил, что пожары потушены, все склады охраняются нашими бойцами.

Штаб уже собирался в дорогу, когда адъютант Н. И. Руденко доложил, что поляк, хорошо разговаривающий по-русски, просит принять его.

— По какому делу? — спросил я у Руденко.

— Говорит, что желает лично поблагодарить русского генерала за освобождение города от фашистов.

Вошел седой высокий человек. Оказывается, он жил в доме, где размещался наш штаб, несколько раз видел меня, но боялся подойти. Много лет назад этот поляк служил в русской армии. Их полк стоял в Оструве Мазовецком. Командовал им суровый генерал. С тех пор у него и остался страх перед генералами. Сейчас он отважился на встречу со мной не только потому, что решил поблагодарить за изгнание гитлеровцев из Цеханува, но ему еще очень хотелось, судя по его словам, «перед смертью поговорить хоть с одним генералом...»

— Еще наговоритесь не раз, — сказал я. — С нами вместе против фашистов воюют польские генералы. Они, как и мы, из простых людей, из рабочих и крестьян.

Старик, казалось, верил и не верил мне. Ведь когда-то даже ротный и то с ним ни разу не разговаривал. Поляк сказал, что ему просто повезло: в одном доме с ним остановился русский генерал и поэтому можно по-соседски побеседовать.

340-й и 314-й стрелковые полки, не задерживаясь в Цехануве, продолжали наступление. В 10 километрах северо-западнее города они овладели несколькими крупными населенными пунктами и вышли на рубеж Павлово — Малиняк. Но в нескольких километрах от этих населенных пунктов противник все же встретил нас организованным огнем на промежуточном рубеже. Я приказал закрепиться, под-

тянуть артиллерию, пополнить боеприпасы, накормить людей и быть готовыми с утра возобновить наступление.

В 7 часов утра 18 января после огневого налета до полка пехоты и до двух десятков танков противника ударили по второму эшелону 340-го полка, огневым позициям 60-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона майора Вольфсона и 120-мм минометной батарее старшего лейтенанта Насонова. Как потом выяснилось, гитлеровцы, отрезанные еще 16 января в районе населенного пункта Голотчизна, пробивались из окружения, чтобы уйти в Восточную Пруссию.

В результате неожиданной контратаки с тыла и фланга противнику удалось окружить 60-й дивизион и нашу минометную батарею. 2-й стрелковый батальон капитана Петрова с трудом удерживал занятые позиции. Командир 60-го артиллерийского истребительно-противотанкового дивизиона майор Вольфсон быстро организовал круговую оборону, поставил орудия на прямую наводку и, находясь в боевых порядках, лично руководил отражением контратаки танков и пехоты. Несмотря на потери, враг лез напролом. Трем немецким танкам удалось подбить два орудия, но два других расчета в упор подбили два танка. Третий танк раздавил одно орудие, но и сам был подожжен. Артиллеристы во главе со своим командиром действовали отважно, умело и расчетливо.

Г. А. Вольфсон работал в Ленинграде инженером-проектировщиком. В начале войны его не взяли в армию. У него была «броня», и директор института, где он работал, категорически отказывался его отпустить. Увидев как-то на Невском проспекте отряд ополченцев, Вольфсон пристроился к нему и так в нем и остался. Его зачислили в одно из подразделений. Трудный путь от рядового бойца до майора, командира дивизиона, умелого, грамотного артиллериста, прошел бывший ленинградский инженер-проектировщик.

Командир полка подполковник А. И. Зимин снял с фронта 1-й батальон и бросил его на помощь своему 2-му батальону и дравшимся в окружении артиллеристам. При поддержке 1476-го самоходно-артиллерийского полка 1-й батальон атаковал противника и во взаимодействии со 2-м батальоном наголову разбил пробивавшуюся в Восточную Пруссию вражескую колонну. Как показали пленные, это были остатки 21-й пехотной дивизии. На поле боя противник оставил до 200 человек убитыми, 12 танков и

12 орудий. Уцелевшие гитлеровцы, поддержанные танками, отошли от Маршевица, но были перехвачены 314-м полком и полностью уничтожены. Так на границе Восточной Пруссии нашла свой бесславный конец 21-я пехотная немецкая дивизия.

После ее разгрома враг больше не оказывал нам серьезного сопротивления до самой границы Восточной Пруссии с Польшей. Командир 108-го корпуса генерал-лейтенант В. С. Поленов поставил дивизии задачу — быстрее выйти к границам Восточной Пруссии.

Мы преследовали отходившего противника по двум маршрутам. За день два наших полка — 176-й и 340-й — продвинулись на 40 километров и освободили более сотни населенных пунктов, в том числе польские города Домбров, Зарейки, Беньково, Касцелько и другие.

Отступая, гитлеровцы поджигали дома. Далеко в небе видны были отсветы багрового пламени и клубы дыма. Фашисты расстреливали и вешали польских патриотов.

Однажды я застал в штабе майора А. М. Шуленина в очень подавленном состоянии. Александр Михайлович рассказал мне, что в Домброве видел шесть расстрелянных и двух повешенных поляков. Трупы их были обезображены; глаза выколоты, руки вывернуты. Местные жители горестно проводили в последний путь зверски замученных патриотов.

ВОТ ОНА, ЗЕМЛЯ ВРАГА!

19 января на рассвете 176-й стрелковый полк под командованием подполковника С. Ф. Семенова вышел к старой польско-германской государственной границе. Это произошло в районе населенных пунктов Любовидзе и Руда. Несколько позже подошел к границе и 340-й полк под командованием подполковника А. И. Зими́на.

В последние часы перед вступлением на немецкую землю во всех частях и подразделениях чувствовался особый подъем. Началось своеобразное соревнование, кто первым достигнет вражеской территории.

Наконец-то дождались желанного часа! Вот она, земля врага!

Сколько верных сынов нашей Родины пало смертью храбрых на поле боя, погибло в концлагерях и тюрьмах! Сколько невинных людей расстреляно, замучено, повешено,

закопано живьем в траншеях и глубоких оврагах! Сколько погибло от голода, артобстрелов и бомбежек в осажденном Ленинграде! Сколько пришлось перенести горя нашим матерям, отцам, родным, близким, прежде чем мы дошли до границ вражеской территории!

Невольно вспомнились жестокие бои в августе — сентябре сорок первого года у стен Ленинграда — под Тосно, Слуцком, Колпином и в ноябре — декабре сорок первого — на «Невском пяточке». Как не хватало нам авиации, танков, противотанковой артиллерии! С пехотными гранатами и бутылками с горючей смесью выходили наши бойцы на борьбу с танками. Какими же стали мы сейчас богатыми! Почти каждое наступление поддерживают средние и тяжелые танки, самоходная и реактивная артиллерия, авиация.

Подполковника С. Ф. Семенова, первым сообщившего мне по радию о переходе старой польско-германской границы, я спросил:

— Как отметили это событие?

— Дали салютный залп из автоматов, а потом я танцевал.

— Как... танцевал?

— Очень просто, товарищ генерал, — взволнованно ответил командир полка, — когда у человека большая радость, он танцует и поет.

— Значит, и песни пели?

— Пели «Интернационал» и «Песню о Родине».

— А противник где?

— Бежит!

Вот тебе и на, подумал я. Десятилетиями гитлеровцы создавали и совершенствовали оборону на границе Восточной Пруссии. Даже каменные дома во всех населенных пунктах строили с окнами на восток. И сейчас каждое такое окно — амбразура дота. И вдруг — бегут. Значит, удар советских войск по врагу в Польше — на подступах к Восточной Пруссии — был настолько сильным и устрашающим, что, видимо, на какое-то время деморализовал его солдат. Вот вам за сорок первый год! Мы-то выстояли! Посмотрим, как это удастся вам. С перепугу даже проскочили свой мощный укрепрайон, который не без основания называли «Зубами дракона». Следовательно, недалек тот день, когда попросите пощады в Берлине!

Почему-то снова вспомнился наш хуторский сапожник дед Савич, его рассказы о бегущих басурманах. «У нашего

Трошки задрожали ножки, — лукаво посмеиваясь в усы, любил он говорить в такие минуты. Помолчав, добавил: — Затеял нам худо, не быть и тебе добру».

Я поехал в 314-й полк. По дороге встретил командира дивизионной разведроты молодого капитана Николая Ивановича Суркова. Он доложил, что гарнизоны противника так и сидят в своих дотах, но не стреляют.

— Обалдели фрицы, — пошутил Сурков. — Здорowo, видать, оглушили их наши артиллерия и авиация.

Мы осмотрели первые линии укрепрайона. Они состояли из больших, уходящих глубоко в землю железобетонных сооружений. От них разветвлялась система траншей, огневых позиций и противотанковых рвов глубиной до 5 и шириной до 7 метров. Все это было опоясано несколькими рядами колючей проволоки.

Противотанковые рвы застопорили движение наших колонн. Образовались пробки. На дороге застряли танки, орудия, машины. Я связался по радиc с начальником инженерной службы дивизии майором Г. Э. Карасиком и приказал обеспечить продвижение наших колонн. Вечером того же дня наша боевая техника двинулась вперед.

В укрепленном районе мы захватили много пленных. Даже в глубине обороны противник оказал нам незначительное сопротивление. Зато на подступах к городам Дойтш-Айлау и Ново-Място гитлеровцы, как и следовало ожидать, опомнились. Каменные дома этих городов были превращены в доты и представляли собой сильно укрепленные узлы обороны. Пехота врага при поддержке полевой артиллерии и авиации отчаянно сопротивлялась. 176-му полку пришлось вести напряженные и кровопролитные бои за город Дойтш-Айлау, а 314-му полку — за Ново-Място. 21 января 176-й полк, овладев населенным пунктом Бартанья, ворвался на южную окраину Дойтш-Айлау и завязал бой за город.

День уже клонился к вечеру, когда 314-й полк, сломив сопротивление обороняющихся гитлеровцев, овладел городом Ново-Място и стал успешно продвигаться дальше, преследуя отступающего противника.

А 176-й полк в это время продолжал еще вести тяжелые бои за Дойтш-Айлау. Командир полка подполковник Семенов доложил:

— Противник ожесточенно сопротивляется, несем большие потери...

Я связался по радиc с Зиминым и приказал ему в те-

чение ночи обойти Дойтш-Айлау с тыла и, взаимодействуя со 176-м полком, разгромить врага.

Бои за Дойтш-Айлау, как и за все города Восточной Пруссии, носили очень ожесточенный характер. Враг оказывал нам отчаянное сопротивление. Уже после войны я узнал из опубликованных у нас документов, что в ставке Гитлера еще 21 сентября 1944 года был утвержден приказ командующего немецкими войсками на западе генерал-фельдмаршала Рундштедта. Этот приказ по поручению Гитлера начальник партийной канцелярии Мартин Борман разослал командирам соединений, рейхслейтерам и гаулейтерам. В нем говорилось: «Фюрер приказал: поскольку борьба на многих участках перекинулась на немецкую территорию и немецкие города и деревни оказались в зоне боевых действий, необходимо фанатизировать ведение нами боев»¹.

Раньше свои неудачи на Восточном фронте гитлеровцы объясняли непонятным фанатизмом русских. Сейчас Гитлер надеялся, что «фанатизм» его солдат и офицеров поможет добиться успеха. Именно поэтому он и требовал: «В зоне боевых действий нашу борьбу следует довести до предельного упорства, а использование каждого боеспособного человека должно достигнуть максимальной степени. Каждый бункер, каждый квартал немецкого города и каждая немецкая деревня должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечет кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами. Речь может идти только об удержании позиции или уничтожении».

Немецкие офицеры старались рьяно выполнять волю фюрера. Вспоминая сейчас наши первые бои на территории врага, я должен сказать, что упорство солдат противника в основном объяснялось страхом перед своими командирами, в особенности нацистами, жестоко расправлявшимися с теми, кто проявлял малейшее неповиновение.

22 января в 8 часов подполковник Зимин доложил, что полк вышел северо-западнее города Дойтш-Айлау, овладел шоссейной дорогой Дойтш-Айлау — Мариенвердер и отрезал пути отхода противнику. Настала пора начинать штурм. Орудия были подтянуты к городу. В 9 часов после артподготовки 340-й полк с тыла, а 176-й при поддержке

---

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы. М., «Наука», 1967, стр. 553.

393-го артиллерийского и 1476-го самоходно-артиллерийского полков с фронта перешли в наступление. Наши соседи справа — части 372-й стрелковой дивизии — также бросились на штурм. Жестокий бой продолжался на улицах города несколько часов. Враг был разгромлен, город Дойтш-Айлау взят.

Во время штурма заместитель командира 176-го полка по политчасти майор В. Г. Рубцов находился в 1-м батальоне. Когда на окраине города бойцы залегли под огнем противника, замполит поднялся во весь рост и, взмахнув рукой с автоматом, крикнул:

— За мной! Вперед!

Бойцы, все как один, бросились в атаку. Батальон первым ворвался в город, а за ним и весь полк. Семенов и Рубцов находились в передовых подразделениях, руководили уличными боями.

Как-то я спросил у группы солдат и офицеров — участников боев за Дойтш-Айлау:

— Трудно вести уличные бои?

Одни отвечали: «Ничего страшного, бить немца можно и в городе», другие уточняли: «Главное, обойти дом, а оставшиеся в тылу не сопротивляются — сдаются». А капитан В. М. Рачковский, недавно вернувшийся в 176-й полк из госпиталя после третьего тяжелого ранения, сказал:

— В уличном бою видишь угол дома, подвал, откуда стреляют, и немецкую каску. Враг старается быть незамеченным, и ты обязан, не обнаруживая себя, подавлять все, что стреляет.

Наши артиллеристы шли в цепях пехоты и часто попадали в тяжелое положение. Вот только один из эпизодов, который после боя за Дойтш-Айлау рассказал командир 1-го дивизиона 393-го артиллерийского полка майор Ф. Н. Шевченко: «Наш 393-й артиллерийский полк обеспечивал огнем боевые действия 176-го стрелкового полка. Мой 1-й дивизион, как всегда, поддерживал 1-й стрелковый батальон майора А. В. Щербины. Батальон успешно прорвал оборону и продолжал наступление. Мы с командиром батальона выдвинули свои НП ближе к боевым порядкам. Огнем дивизиона были уничтожены две самоходные установки и до роты пехоты. Я связался по радию с командиром артполка полковником С. А. Милем, чтобы доложить ему обстановку и просить разрешения на смену НП. В это время майор А. В. Щербина ушел на новый

III. Когда я получил разрешение своего командира и дал команду на смену НП, начальник разведки дивизиона старший лейтенант В. А. Клинов мне доложил:

— Товарищ майор, справа, со стороны опушки леса, наш НП атакует до роты пехоты.

Что делать? Наша пехота ушла от нас на 2—2,5 километра. Хорошо, что мы всегда во взводе управления дивизиона имели ручной пулемет. Я приказал взводу залечь на высоте, развернуть пулемет и без команды не стрелять. Когда немцы подошли к нам метров на 200—250, я приказал открыть огонь из пулемета, карабинов и автоматов. Мы убили до 30 гитлеровцев, остальные повернули обратно и ушли в лес. Мы быстро догнали батальон А. В. Щербины и продолжали поддерживать его огнем своего дивизиона».

В этих боях были разгромлены подразделения 11-го морского, 828-го и 263-го отдельных батальонов и части 5-й легкой пехотной немецкой дивизии. Противник потерял еще 5000 солдат и офицеров убитыми и 1500 пленными. Мы захватили 200 орудий, не считая находившихся в дотах и дзотах, большое количество вооружения, до 15 эшелонов с военным имуществом, продуктами и промтоварами на железнодорожной станции в Дойтш-Айлау.

Казалось удивительным, почему гитлеровцы не взорвали или не подожгли эшелоны. Пока шли бои за Дойтш-Айлау, у них для этого было достаточно времени. Я приказал командиру 176-го полка подполковнику С. Ф. Семенову поставить часовых и никого не подпускать к эшелонам, а командиру саперного батальона майору М. Н. Верещагину выслать на станцию группу своих людей с заданием тщательно проверить эшелоны, и если они заминированы, немедленно обезвредить их.

Мои предположения подтвердились — все 15 эшелонов были заминированы. Гитлеровцы до сих пор считали нас простачками. Дескать, русские сразу набросятся на продукты и барахло...

Группа бойцов под командованием опытного сапера П. Ф. Семенова быстро разминировала все эшелоны.

В городах Ново-Място и Дойтш-Айлау мы впервые увидели белые и красные флаги, свешивающиеся из окон нескольких домов.

В течение трех суток дивизия неотступно преследовала остатки разгромленных вражеских частей, отходивших на Мариенвердер.

Гитлер требовал от командования Восточно-прусской группировки войск остановить наступление русских. Фашистская пропаганда по радио, в печати, листовках распространяла клеветнические, злостные слухи о том, что солдаты Советской армии якобы занимаются разбоем, поголовно истребляют немцев. К сожалению, многие верили этой клевете. Вернее, боялись, что придется всем немцам держать ответ за те злодеяния, которые чинили гитлеровцы на нашей территории. Мы всячески разъясняли немецким солдатам и мирному населению, что отвечать за свои злодеяния будут только военные преступники. С мирным населением, со сдавшими в плен солдатами и офицерами наши люди обращаются гуманно, как и подобает воинам армии-освободительницы.

Тем не менее в некоторых населенных пунктах почти не оставалось жителей. Они бросали свой кров, имущество, скот и в панике бежали на запад. И все же, несмотря на приказы Гитлера и геббельсовскую пропаганду, гитлеровские солдаты сотнями дезертировали из фашистской армии. В одном из захваченных нами приказов Гитлера говорилось: «Каждый дезертир является предателем родины. Он будет расстрелян, а семья его подлежит разорению и репрессиям; всякий, кто, не имея ранения, попадет в плен к русским, приговаривается к смертной казни заочно, а семья его идет на каторгу или в концентрационный лагерь».

Преодолевая сопротивление противника, 176-й полк овладел городами Фрейштадт и Розенбург, а 314-й полк, преследуя врага по параллельной дороге, отрезал ему пути отхода в районе Гонифельде. Взаимодействуя друг с другом, наши два полка разгромили до двух полков пехоты противника.

Мы убедились, что вместе с ветеранами отлично бьют врага и воины из молодого пополнения. Комсомольцы Вакуленко, Федоров и Кабанов в критическую минуту боя подобрались к немецким зенитным орудиям, мешавшим 3-му батальону 314-го полка продвигаться вперед, и забросали их гранатами. Воины батальона с криком «ура» атаковали противника и заняли его траншеи.

На другой день молодые бойцы-автоматчики Речкалов, Попов, Баженов и пулеметчик Тошевилов, вступив в неравную схватку с врагом, отразили четыре фланговые атаки.

На пути от Дойтш-Айлау до пригородов Мариенвердера во всех деревнях и фольварках мычали голодные кор-

вы. Удравшие хозяева оставили их на привязи. Я приказал командирам полков позаботиться о скоте. Были выделены солдаты из хозвзводов. Они сбивали замки с дверей скотных дворов, выводили коров и гнали их в поле. Там наши люди разгребали бурты кормовой свеклы и занесенные снегом стога сена. Коровы жадно набрасывались на корм.

24 января дивизия вышла к юго-восточному и восточному оборонительным рубежам на подступах к городу Мариенвердер. Попытки с ходу овладеть им не имели успеха. Мы решили 314-м стрелковым полком продолжать наступление с востока, а 176-м и 340-м стрелковыми и 1476-м самоходно-артиллерийским полками обойти город Мариенвердер с севера и перерезать все дороги, соединяющие Мариенвердерскую и Эльбингско-Мариенбургскую группировки.

Совершая обходный маневр, 176-й стрелковый полк 25 января вышел северо-восточнее города Мариенвердер, овладел местечком Тифенау, перерезал шоссе на дорогу Эльбинг — Мариенвердер и вклинился в оборону противника на 3 километра. 340-й стрелковый полк совершил глубокий обход с севера. Батальон капитана С. Ф. Михалева вышел севернее Мариенвердера к реке Висле в районе города Меве.

Таким образом, Мариенвердерская группировка войск противника оказалась отрезанной от Эльбингско-Мариенбургской. Это вызвало тревогу у гитлеровского командования, и оно предприняло попытку соединить свои группировки. 340-й полк был атакован с двух направлений — от Мариенбурга и от Мариенвердера — силами до двух пехотных полков, поддержанных танками и артиллерией. Имея большой перевес в силах, гитлеровцы сумели расчленил боевой порядок 340-го стрелкового и 1476-го самоходного полков и соединиться.

Особенно все усложнилось к ночи. Прервалась связь батальонов со штабом 340-го полка. Подполковник А. И. Зимин приказал командиру разведвзвода старшему лейтенанту Грекову уточнить обстановку. Взвод в темноте удачно миновал боевые порядки противника и вышел к обороняющимся батальонам. При возвращении в штаб полка разведчики были замечены противником и окружены, но сумели с боем вырваться. Греков доложил Зимину, что 2-й и 3-й батальоны держатся стойко, отражают все контратаки.

Действия 340-го стрелкового полка Зимина поддерживал 393-й артиллерийский полк Миля. Артиллеристы в этих боях показали чудеса храбрости.

Две 76-мм пушечные батареи 1-го дивизиона Ф. Н. Шевченко стали на прямую наводку и вместе с пехотой ждали подхода основных сил. Гаубичная батарея и штаб дивизиона заняли огневые позиции в фольварке на шоссе, примерно в двух километрах от реки Вислы.

Артиллеристы быстро подготовили данные для ведения огня и пристреляли передний край. Неожиданно на шоссе появился крупный отряд войск противника с танками и артиллерией. Гитлеровцы стремились выйти к городу Меве.

По команде Ф. Н. Шевченко артиллеристы быстро заняли круговую оборону и развернули гаубицы для стрельбы прямой наводкой. Но огневая позиция не была подготовлена для круговой обороны (не обеспечен достаточный обзор), поэтому приходилось после каждого выстрела вручную подкатывать орудия. Противнику удалось подойти на дистанцию прямого выстрела. В самый разгар боя артиллеристы по радио сообщили командиру полка полковнику С. А. Милью, что отбивают атаки сильно превосходящих сил противника, который пытается прорваться к городу Меве.

Полковник С. А. Миль ответил, что высылает одну 76-мм батарею самоходных установок с десантом, и приказал во что бы то ни стало держаться. Атаки противника становились все яростнее, гибли люди, были выведены из строя две гаубицы и тягачи. Наши артиллеристы решили вызвать огонь на себя. Только это и спасло положение. Противник был остановлен.

В этом бою все наши солдаты и офицеры проявили исключительную стойкость. Особенно мне хочется отметить действия химинструктора дивизиона, ветерана дивизии старшины Новосельцева. Раненный, он трижды водил артиллеристов врукопашную на врага. Герой в последней схватке пал смертью храбрых.

Арттехник дивизиона старший техник-лейтенант Б. В. Белый с самого начала боя находился на батарее, отражая атаки фашистов с группой бойцов на левом фланге огнем из автомата и гранатами, трижды ходил врукопашную. После того как были убиты командир расчета и наводчик, он с группой бойцов отбивал атаки противника огнем из гаубицы.

Однако вскоре фашистам удалось окружить огневые расчеты, штаб дивизиона и отрезать их от пехоты. Артиллеристы, частью сил заняв круговую оборону, поддержали своим огнем батальон, который отражал контратаку противника с тыла. Немцы попытались атаковать штаб дивизиона, но огнем стрелкового оружия и артиллерии были обращены в бегство.

Командир 393-го артполка полковник С. А. Миль, который вместе с командиром 340-го стрелкового полка подполковником А. И. Зиминим также оказался в кольце, управлял артогнем при отражении атак пехоты и танков противника. Четко работала связь. Ее обеспечивал находившийся здесь же старший лейтенант Петр Игнатьевич Стржельчик — брат ныне народного артиста РСФСР Вячеслава Игнатьевича Стржельчика. Между прочим, каждый раз, когда я вижу Владислава Стржельчика в роли фашистского офицера, которую он обычно исполняет очень мастерски, мне думается, что ветеран нашей дивизии Петр Стржельчик немало рассказал своему брату, тоже бывшему солдату Советской Армии, о злодеяниях гитлеровцев.

Примерно в 24 часа пехота противника, поддержанная танками, атаковала нас со стороны Мариенвердера. Бой длился всю ночь. Атаки были отбиты расчетами наших шести орудий и экипажами двух самоходных установок. На поле боя остались 4 фашистских танка.

В эту ночь с тыла, со стороны Мариенбурга, враг атаковал 8-ю гаубичную батарею 3-го дивизиона 393-го артполка. Бой был жестокий. Расчеты успели развернуть орудия и открыли огонь по противнику. В этом бою было уничтожено свыше 200 фашистов. Но и мы понесли большие потери. В живых на батарее осталось всего 6 человек, и каждый из них имел ранение.

Среди погибших и раненых не оказалось заместителя командира батареи по политической части. Его долго искали. И вдруг утром его принес немецкий солдат. Оказалось, что ночью во время одной из рукопашных схваток он унес его тяжелораненым в рядом стоящий дом, оказал первую медицинскую помощь, согрел его. Кто был этот немецкий солдат? Антифашист или человек, желавший искупить свою вину перед русскими, нам так и не удалось выяснить в этой обстановке.

Утром 26 января я вызвал по радиции Мельникова, полк которого находился во втором эшелоне в Тифенау, и сказал ему:

— Выручайте-ка своего друга.

После двадцатиминутной артподготовки полк Мельникова с востока, а полк Зимина с запада атаковали противника и отбросили его. При этом полк Зимина вышел на восточный берег реки Вислы, а полк Мельникова продолжал наступать с севера на Мариенвердер. В разгроме контратакующего противника нам активно содействовали 372-я стрелковая дивизия генерала П. И. Радыгина, штурмовавшая сильно укрепленный врагом Мариенбург, и 90-я дивизия генерала Н. Г. Лященко, наступавшая с востока на Мариенвердер.

В тот же день 1-й батальон 340-го полка под командованием капитана Б. Н. Федотова на утлых лодчонках и небольших плотках, не задерживаясь, переправился на западный берег реки и захватил южнее города Меве плацдарм в два километра по фронту и полтора километра в глубину. Батальон перерезал шоссе и разгромил до двух рот пехоты противника, двигавшихся по дороге на автомашинах.

Как только Зимин доложил мне о захвате плацдарма, я немедленно выехал к нему, чтобы организовать форсирование Вислы всей дивизией. Начальник оперативного отделения дивизии подполковник Окснер уже ездил в штаб 340-го полка, знал туда дорогу и поэтому поехал впереди. Нам предстояло двигаться вдоль линии обороны противника на удалении не более километра от него, а фронт не везде был прикрыт нашими войсками.

Отъехав от штаба дивизии не более 8 километров, мы оказались у перекрестка дорог. Нужно было ехать прямо. Но Окснер вдруг повернул влево по дороге на Мариенвердер.

— А ведь подполковник, пожалуй, ошибся, — сказал я своему шоферу Крицкому. — Надо просигналить ему.

Выехав из-за поворота, мы увидели перегородивший дорогу противотанковый забор и уткнувшийся в него «виллис». В машине никого не было. Видимо, наши товарищи выскочили из нее и укрылись в кювете.

В «виллис» полетели гранаты. Противник открыл огонь из пулемета. С нашей стороны кто-то автоматной очередью уложил пулеметчика наповал. Как выяснилось потом, это стрелял старший лейтенант Н. И. Руденко, ехавший вместе с начальником оперативного отделения.

Медлить было нельзя. Мой шофер дал задний ход. Мы скрылись в тумане. К счастью, недалеко от перекрестка остановились разведчики и две самоходные установки.

И приказал им атаковать обороняющегося у забора противника и выручить наших товарищей. Не успели разведчики отъехать от перекрестка дорог, как один за другим появились Руденко, Оксер, шофер Цуприян и радист Анисимов. К счастью, только Цуприян был легко ранен, а остальных беда миновала. Вскоре вернулись и разведчики. К одной из самоходок они прицепили изрешеченный пулями «виллис», в котором находилась наша рация.

Сержанта Цуприяна отправили в медсанбат. Там он рассказал, что все, кто ехал с комдивом к Висле, попали к немцам, а сам генерал, видимо, убит.

В это время я уже был на берегу Вислы в 340-м полку. Только успел спуститься к переправе, как меня вызвал по рации командир корпуса генерал-лейтенант В. С. Поленов.

— Вы живы? — спросил он.

— Так точно!

Комкор строго отчитал меня за оплошность, потом спросил, как обстоят дела с форсированием.

Я доложил, что сегодня на Висле начался сильный ледоход, который все сметает на своем пути. А у нас пока кроме подручных средств ничего нет. Да и их уже почти не осталось. Попытка переправить на плацдарм орудия окончилась неудачно.

Я докладывал командиру корпуса то, что видел своими глазами. Первые два расчета с орудиями погрузились на плоты, но едва отошли от берега, как на них налетела огромная льдина. От удара оба орудия скатились с плотов и утонули. Артиллеристы спаслись вплавь.

Весь день батальон героически отбивал контратаки. Несколько раз танки противника прорывались через боевые порядки батальона, и каждый раз его пехота отсекалась от танков огнем наших пехотинцев.

В одном из неравных боев смертью героя погиб командир 1-й стрелковой роты старший лейтенант Астафьев. Дорого стоила противнику его жизнь. Астафьев подбил противотанковыми гранатами два фашистских танка и уложил из автомата 26 гитлеровцев. Командир батальона капитан М. И. Федотов был ранен, но, преодолевая боль, продолжал командовать.

Вместе с десантом на маленький плацдарм западного берега Вислы переправились командир 4-й батареи 2-го дивизиона 393-го артиллерийского полка старший лейтенант Юрченко и командир взвода управления лейтенант Уфимцев.

Немцы решили сбросить наш десант в реку. До полка пехоты противника при поддержке 12 танков атаковали защитников плацдарма. По реке все шла и шла сильная шуга с большими льдинами. Попытки переправить еще два орудия на плотях успеха не имели. Старший лейтенант Юрченко был грамотным и смелым артиллеристом. Он очень умело управлял огнем орудий, находившихся на восточном берегу. Сразу же произвел пристрелку, давал целеуказания 393-му артиллерийскому полку. После гибели командира 1-й роты Астафьева Юрченко принял на себя командование ротой. Командир батальона Федотов несколько раз передавал по радиции на восточный берег:

— Отлично действует Юрченко!

К вечеру на плацдарме сложилась тяжелая обстановка. У нашего батальона кончились гранаты, на исходе были и патроны. Погиб еще один командир роты — старший лейтенант Баранов. На помощь 1-му батальону с большим трудом была переправлена стрелковая рота. С замиранием сердца следили мы, как бойцы этой роты, прыгая с одной льдины на другую, устремлялись к противоположному берегу. Но этих сил для отражения контратак гитлеровцев было мало.

Переправляться на западный берег Вислы помогали 1-му батальону 340-го стрелкового полка саперы батальона майора М. Н. Вережагина. Кавалер ордена Славы трех степеней старшина Семенов, бойцы Коренов, Ахмеджанов, Абурахманов и другие разбирали деревянные дома и сколачивали плоты. Дул сильный ветер со снегом, работать было тяжело, но дело у саперов спорилось. Они же и помогали бойцам и командирам переправляться на захваченный плацдарм.

Переправа через Вислу, о которой здесь рассказывает, проходила в очень невыгодных для нас условиях. С утра стояла ясная, солнечная погода, река была спокойной. Наши воины знали уже по опыту: хочешь захватить плацдарм, ошеломляй врага внезапностью. И, выйдя к Висле, они тотчас же устремились на западный берег и захватили плацдарм... А дальше, как назло, началась метель, ветер достигал ураганной силы... Спешившему нам на помощь армейскому понтонному полку преградила путь группа противника, пробивавшаяся из окружения.

Мы стремились изо всех сил удержать плацдарм, но кроме поддержки артиллерией с восточного берега больше пока ничем не могли помочь.

Смертью героев, выходя против танков с гранатами, гибли наши люди на плацдарме, тонули при попытке переправиться через Вислу. Один из самых отважных людей дивизии старшина Нестеренко, который отличался в боях почти за всех переправах и плацдармах, встречавшихся на нашем боевом пути от Невы до Вислы, пытаюсь вплавь перебраться на восточный берег с важным заданием, утонул...

Сейчас боевые друзья старшины Нестеренко вспоминают о нем с особой теплотой. Они много рассказывают о его отваге и скромности. Случилось как-то так, что он четырежды награждался орденом Славы и тем не менее не считался полным кавалером этого почетного солдатского ордена. По ошибке ему вручили два ордена одной степени и два ордена — другой. И сколько друзья ни уговаривали его обратиться к начальству, он наотрез отказывался. Как жаль, что я только недавно об этом узнал... Тогда на переправе о его гибели нам сообщил кто-то из бойцов, сумевший с большим трудом вплавь добраться до нашего берега. Он сказал, что и Нестеренко доплыл бы, но его настиг в реке шальной осколок.

Не имея противотанковой артиллерии, под давлением превосходящих сил противника федотовцы стали отходить. В конце концов они оказались прижатыми к реке. Мы поддерживали батальон артиллерийским огнем с восточного берега. Благодаря этому огневому щиту наши бойцы смогли переправиться обратно через Вислу.

Особенно велика заслуга в этом старшего лейтенанта Юрченко. Он был тяжело ранен, но продолжал давать цели батареям, которые прикрывали огнем переправу батальона. Уфимцева он отправил на восточный берег, оставив при себе только радистов. Сам же Юрченко, тяжело раненный, отбивался от гитлеровцев гранатами. Последняя группа пехотинцев из взвода прикрытия взяла с собой уже бездыханное тело героя и, рискуя своей жизнью, на скользких бревнах доставила его на восточный берег. Бойцы-пехотинцы — эти суровые люди, выдавшие много смертей и сами недавно чуть не погибшие, — плакали.

Я спросил у одного из пехотинцев, знал ли он Юрченко раньше, тот ответил: «Нет, не знал. Но сколько буду жить, не забуду его... Он думал только о нас и о победе. Просил нас скорее переправляться на восточный берег. Клялся, что будет прикрывать наш отход... Не думал погибать парень».

Хоть было и тяжело переправлять его на бревнах, но он достоин того, чтобы мы его похоронили с почестями. Д достоин вечной памяти...».

Юрченко похоронили у дороги недалеко от Вислы. Потом, как мне сообщили, коллективно написали матери Юрченко, жившей в Ильипецком районе Винницкой области, о героической гибели ее сына.

Подготовка к наступлению на город Мариенвердер продолжалась. Начальник разведотделения штаба дивизии майор А. М. Шуленин в эти дни находился в 314-м полку вместе с дивизионными разведчиками. Здесь готовился ночной поиск: необходимо было разведать оборону противника на дороге, идущей из Мариенбурга на Мариенвердер. В ночь на 27 января разведчики под командованием капитана Н. И. Суркова ушли в поиск. Утром мы узнали печальную весть — погиб командир разведроты дивизии капитан Николай Иванович Сурков. Он прошел с нами по военным дорогам от Ленинграда до Вислы. Этого заботливого и умного наставника, отважного командира любили все солдаты.

Кто-то из них написал на смерть Николая Ивановича простые, незатейливые стихи, которые кончались следующими словами:

От стен Ленинграда славой украшен
Разведчиков путь боевой,
Клянемся прославить в подвигах наших
Имя твое, командир дорогой!

Переводчик разведотделения дивизии Виктор Маркович Оленин — бывший ленинградский архитектор — нарисовал портрет героя. Эти стихотворные строки и портрет мы смонтировали в обелиск на его могиле. Капитана Н. И. Суркова похоронили на той самой развилке, где я его встретил в последний раз.

Сколько уже было могил героев на нашем боевом пути! 28 января командующий армией генерал-полковник И. И. Федюнинский приказал 108-му стрелковому корпусу ликвидировать мариенвердерский предмостный плацдарм противника, перейти к обороне и начать основательную подготовку к форсированию Вислы. На следующий день после тридцатиминутной артподготовки одновременно перешли в наступление 46-я дивизия с севера и 90-я — с востока. Наши два полка — 176-й и 314-й, а также два полка нашего левого соседа 90-й дивизии прорвали оборону и

в первый же день боя вышли на северную окраину города. 30 января мы во взаимодействии с частями 90-й дивизии овладели крупным городом Мариенвердер и ликвидировали плацдарм противника на восточном берегу Вислы.

Это был тяжелый штурм. Противник упорно оборонял Мариенвердер. В одном из этих боев 314-й полк вышел из леса на открытую местность, которая простиралась на 4 километра вплоть до самого Мариенвердера. Целый день полк вел тяжелые бои, но продвинуться вперед ему не удалось. Я приказал Мельникову идти в обход левее шоссе-ной дороги. Связался по ради-и с командиром дивизиона гвардейских минометов и попросил поддержать атаку 314-го полка.

В назначенное время два наших батальона после ошеломляющих залпов «катюш» перешли в атаку и заняли один из пригородов Мариенвердера. Но гитлеровское командование бросило в контратаку до двух полков пехоты, поддержанных большим количеством танков и авиации. 314-й полк был потеснен. Я приказал Мельникову продолжать атаковать. Всю ночь шли кровопролитные бои. Пригород трижды переходил из рук в руки. К утру полк все же закрепился в нем.

В этом бою в передовых цепях находилось большинство работников штаба полка — не хватало людей, многие командиры и солдаты были ранены или убиты. На другой день после перегруппировки полк начал новое наступление. Впереди шел 3-й батальон капитана И. П. Докало. К вечеру в 2—3 километрах от центра Мариенвердера противник силой до пехотного полка при поддержке более 20 тяжелых танков контратаковал батальон. Завязался жестокий неравный бой. У батальона было всего 4 противотанковые пушки. Ведя огонь с невыгодных позиций, наши артиллеристы все же подбили 6 танков. Гитлеровцы остановились. Но и наши стрелки залегли. Капитан И. П. Докало понял, что если не поднять батальон, наступление захлебнется надолго. Иван Петрович поднялся, и солдаты услышали его голос:

— В атаку!

Стрелки и пулеметчики бросились за любимым комбатом, нагнали и опередили его. Но Докало был уже дважды ранен. Кто-то оказал ему первую медицинскую помощь. Иван Петрович тут же поднялся, чтобы продолжать управлять боем. Он как-то особенно умел улавливать ритм боя. Возвремя, в доли секунды замечал, откуда противник наме-

ревается вести огонь, и давал цели противотанковой пушке, оказавшейся рядом с ним. Но перевязанный бинтами комбат был замечен врагами. На этот раз его ранили в живот. Сержант С. И. Моряков подбежал к Ивану Петровичу и стал его оттаскивать за угол дома. Комбат кричал:

— Не трогай меня, надо взять город, потом в медсанбат!

Долго мучился сержант, пока ему не удалось уговорить комбата. Уже совсем ослабевший, он еле слышным голосом проговорил: «Передай по цепи замполиту Прияткину, чтобы принял командование, а потом эвакуируй меня».

Передав приказ комбата, сержант чудом отыскал лошадь,пряженную в повозку, и доставил раненого комбата на ПМП, где ему прямо на месте сделали операцию. Хирург, закончив операцию, сказал:

— У меня другого выхода не было, до медсанбата его живым не успели бы довести. Дело решали минуты. Теперь он будет жить.

Когда бы ни приезжал я потом в 3-й батальон, солдаты и командиры неизменно вспоминали этот подвиг своего комбата капитана Ивана Петровича Докало, который, как утверждали они, во многом способствовал захвату одной из окраин Мариенвердера.

Мы прилагали много усилий, чтобы как можно быстрее эвакуировать в тыл всех раненых. Мужественным и самоотверженным медицинским работникам большую помощь в этом оказывали не менее мужественные и самоотверженные, никогда не унывавшие шоферы медсанбата. Как-то я встретил на дороге начсандива майора Серегина. Он познакомил меня с водителями Сушковым и Станкевичем и рассказал, как они делают многокилометровые рейсы по объездным дорогам, часто пробиваются сквозь огонь врага, но раненых всегда доставляют по назначению.

А недавно произошел такой случай. Гитлеровские варвары загнали большую группу советских и польских граждан в четырехэтажный дом и хотели было уже поджечь его. Сушков и Станкевич спешили к линии фронта, когда их остановил старик. Он сказал, что ему удалось вырваться из окруженного фашистами дома. Сушков и Станкевич, не задумываясь, повернули машины. Они вовремя пришли на помощь. Всего 10 минут потребовалось им для того, чтобы снять часовых, уложить из автоматов факельщиков и спасти советских и польских граждан от мученической смерти.

За 15 суток Восточнопрусской операции наша дивизия прошла с боями до 300 километров. Темп наступления был высоким — за сутки мы продвигались вперед на 20—25 километров.

Войска 2-й ударной армии освободили от фашистов несколько сот населенных пунктов, в том числе 10 городов, и среди них такие крупные, как Цеханув, Эльбинг, Дойтш-Айлау, Мариенвердер, Мариенбург. Наша дивизия разгромила 828-й и 263-й отдельные и 11-й морской батальоны, а также участвовала в разгроме 7-й танковой, 5-й легкой и 21-й пехотной дивизий.

За период Восточнопрусской операции только 46-я дивизия взяла в плен более 3 тысяч солдат и офицеров, подбила 126 танков и 30 бронетранспортеров, захватила 22 исправных танка и 30 бронетранспортеров, 25 эшелонов с военным имуществом, продовольствием и промышленными товарами, большое количество автотранспорта, боевой техники и вооружения. На протяжении операции дивизия ни разу не выводилась в резерв и успешно справлялась с возложенными на нее боевыми задачами.

За мужество и отвагу более тысячи солдат, сержантов и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями Советского Союза. 340-му стрелковому полку за умелые боевые действия было присвоено почетное наименование Мариенбургского.

Главный итог Восточнопрусской операции заключался в том, что пути отхода на запад всей группировки немецко-фашистских войск, сражавшейся здесь, были отрезаны. Разгромив крупные силы врага в западной части Польши, советские войска не только перенесли войну в самое опасное гнездо прусской военщины, но благодаря обходным маневрам смогли внезапными и стремительными действиями сравнительно быстро и без больших потерь прорвать создававшуюся десятилетиями одну из самых мощных в Европе глубоко эшелонированную оборону противника.

ПАДЕНИЕ ВОСТОЧНОПОМЕРАНСКОГО БАСТИОНА

В первых числах февраля войска Центральной группы и левого крыла 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Г. К. Жукова, успешно развивая наступление, вышли к реке Одере.

Обстановка на советско-германском фронте сложилась довольно своеобразная. Крупные силы немцев были

окружены нашими войсками в Курляндии и Восточной Пруссии. Гитлеровцы еще удерживали Восточную Померанию, а наши войска уже находились на Одере в 60—70 километрах от Берлина.

Ясно было, что все свои надежды на спасение гитлеровское командование будет сейчас возлагать на Восточную Померанию. Они уже называли ее своей стеной, опорой, мостом, валом, неприступным бастионом. Отсюда, из Восточной Померании, гитлеровское командование намеревалось нанести удар по войскам 1-го Белорусского фронта, вышедшим к Одеру, отсечь их, разгромить и отвести угрозу, нависшую над Берлином.

«Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая создавшуюся обстановку, освободила 2-й Белорусский фронт от дальнейшего участия в боевых действиях на территории Восточной Пруссии и поручила ему ликвидировать Восточнопомеранскую группировку врага. Советским войскам предстояло очистить все побережье Балтийского моря, от устья Вислы до устья Одера, и овладеть портами Данциг (Гданьск) и Гдыня»¹.

Нашим войскам, в частности и 46-й ордена Суворова Лужской стрелковой дивизии, также предстояло наступать в направлении на Данциг, поэтому небезынтесным будет здесь сказать, что в феврале 1945 года об этом городе на Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Англии — шел особый разговор.

Вот как об этом вспоминает один из членов советской делегации адмирал флота Н. Г. Кузнецов: «В докладе английского адмирала Кенингхема прозвучала нота трудностей борьбы с немецкими подводными лодками. Есть основания ожидать новой вспышки битвы за Атлантику, сказал адмирал. Как потом выяснилось, он имел в виду строительство в Германии новых подлодок XXI серии, оборудованных шноркелем, позволяющим им заряжать батареи, не всплывая на поверхность, а также некоторыми новыми приборами и торпедами. Кенингхем сказал, что с такими лодками самолетам и надводным кораблям бороться будет труднее. Указав, что эти лодки строятся главным образом в Данциге, он закончил выступление так: «Как моряк, я хочу, чтобы русские поскорее заняли Данциг».

---

¹ «Великая Отечественная война Советского Союза». Краткая история, стр. 460.

Эту же тему затронул Рузвельт, спрашивая Сталина: как скоро ожидается овладение Данцигом? «Данциг находится еще в недосягаемости для нашей артиллерии, но есть надежда, что скоро это произойдет», — ответил Сталин. Черчилль высказал свое удовлетворение этим, замечая, что Данциг является крупным центром сборки немецких подводных лодок.

Положение Данцига в дни Крымской конференции было уже безнадежным: с суши к городу подходили советские сухопутные части, а Балтийский флот своими подлодками закрывал гитлеровцам единственный путь отступления морем¹.

Восточнопомеранская операция явилась как бы продолжением Восточнопрусской и Висло-Одерской наступательных операций, продолжением грандиозного стратегического наступления Советской Армии, начатого в январе 1945 года. По своему размаху и результатам она была одной из крупнейших стратегических операций 1945 года. Гитлеровское командование сосредоточило в Восточной Померании крупные силы.

Гитлер приказал этим войскам, входившим в группу армий «Висла», любой ценой задержать наступление советских войск, а затем перейти в контрнаступление. Для вящего устрашения своих солдат и офицеров фюрер возложил командование группой армий «Висла» на своего обер-палача Гиммлера.

Наступление наших войск в Восточной Померании, проводимое силами 1-го и 2-го Белорусских фронтов и 1-й армии Войска Польского, протекало в очень тяжелых условиях. Местность здесь изобилует озерами, множеством узких дефиле между ними и лесными массивами. Отступая, гитлеровцы взрывали все мосты, минировали дороги, а многие из них затопляли, превращали в непроходимые болота.

Еще в середине тридцатых годов немцы возвели в Восточной Померании укрепленную линию вдоль бывшей польско-германской государственной границы (Тольп, Руммельсбург, Нойштеттин, Шнайдемюль) фронтом на юго-восток, а также Гдыньский и Данцигский укрепленные районы. Кроме того, гитлеровцы в 1945 году построили оборонительный рубеж по левому берегу реки Вислы от ее устья до города Бромберг фронтом на восток и

---

¹ «Ленинградская правда», 3 февраля 1970 г.

далее по рекам Нетце и Варте до реки Одера фронтом на юг. Все населенные пункты Восточной Померании были приспособлены к обороне.

Утром 10 февраля 65-я, 49-я и 70-я армии перешли в наступление с плацдарма на левом берегу Вислы севернее городов Бромберг и Грауденц.

2-я ударная армия, в состав которой входила и наша дивизия, совершив марш-маневр из района Мариенбурга и Мариенвердера, к 14 февраля сосредоточилась на плацдарме западнее города Грауденц. Перед армией была поставлена задача: наступать в направлении Данцига (Гданьск), разгромить противостоящего противника, во взаимодействии с 65-й армией овладеть городом и одновременно завершить ликвидацию противника, окруженного в крепости Грауденц.

Когда мы созвали в штабе дивизии всех командиров полков и их заместителей по политической части, чтобы объявить приказ о новом наступлении, никто не стал жаловаться на усталость, на большие потери в частях и подразделениях. Все понимали: остановишься, значит дашь врагу передохнуть, собраться с силами. Неудачи первого периода войны научили всех нас ценить фактор времени. Люди уже хорошо знали, что значит на войне стремительность и внезапность. На вопросы наших офицеров: «Будет ли пополнение?» — я вынужден был ответить так, как ответил мне командующий армией:

— Нет!

Нашей дивизии предстояло наступать в направлении Дубельно, разгромить противника, овладеть опорными пунктами Дубельно-Вольфсбрук и Рехдорф и в дальнейшем продолжать развивать наступление на Пила — Скурц. К исходу дня мы, согласно приказу командующего армией, должны были выйти на рубеж Пила — Нойдорф.

Сначала все шло хорошо. 16 февраля в 11 часов после артиллерийской подготовки наши части — 176-й и 314-й стрелковые полки — при поддержке двух самоходно-артиллерийских полков и танков перешли в наступление. Двигаясь за огнем артиллерии, пехота и танки ворвались на передний край противника и, сломив сопротивление 7-го полка 252-й немецкой пехотной дивизии, во второй половине дня овладели сильно укрепленными опорными пунктами Рехдорф и Дубельно-Вольфсбрук, рубежом Пила — Нойдорф и продвинулись в глубь обороны противника до 8 километров. Наш правый сосед 90-я дивизия

также прорвала оборону и успешно продвигалась вперед.

Но к исходу дня враг контратаковал 314-й полк и потеснил его правый фланг. Обстановка осложнилась. Я ввел в бой второй эшелон — 340-й полк. Уже наступала полночь. 176-й и 340-й полки нанесли удар по противнику и к утру 17 февраля продвинулись вперед еще до 7 километров. Они овладели опорными пунктами Штайнгов и Ролау и завязали бой за город Варлюбен.

Чем ближе бой подходил к Данцигу, тем упорнее оборонялся враг. Каждый городишко или деревню нам приходилось брать в тяжелых кровопролитных боях.

Многие немецкие солдаты дрались здесь с отчаянным упорством не потому, что хотели защитить гитлеровское государство. Просто у них было безвыходное положение. Дело в том, что Гиммлер, посланный Гитлером, прибыв в штаб группы армий «Висла», принимал драконовские меры, чтобы удержать фронт. В каждом подразделении были представители гестапо, получившие лично от своего высокопоставленного шефа неограниченные полномочия. За попытку к отступлению или сдачу в плен они расстреливали на месте. Кроме того, были созданы заградительные отряды, которые без суда и следствия расстреливали всех отступающих и дезертиров. Пленные не раз подтверждали, что многие давно бы сдались, но боялись расправы фашистских молодчиков из гестапо.

В своем рвении выполнить волю фюрера Гиммлер не знал себе равных. Опыт массовых убийств и умерщвлений, приобретенный им с годами, был главным его козырем и здесь, на фронте. Дошла очередь и до своих. Каждый день летели головы с плеч офицеров и солдат, вина которых состояла только в том, что они оставляли тот или иной рубеж. Вот один из образчиков приказов Гиммлера: «Довожу до сведения, что бывший командующий войсками СС и начальник полиции г. Бромберг фон Залиш за трусость и сдачу своего города расстрелян на месте. Полковник Хассештейн, который без приказа и без всякого основания оставил порученный ему район обороны, был приговорен судом к расстрелу. Приговор мной утвержден и приведен в исполнение»¹.

18 февраля после перегруппировки 46-я дивизия во взаимодействии с частями 90-й дивизии прорвала оборону

---

¹ И. И. Федюнинский. Поднятые по тревоге, стр. 236.

противника и овладела опорными пунктами Варлюбен и Гросс-Плахович. Противник, потеряв их, начал отводить остатки своих войск на Скурц. Передовой отряд дивизии — 314-й стрелковый и 1297-й самоходно-артиллерийский полки — преследовал гитлеровцев. Не встречая особого сопротивления, он за трое суток продвинулся на 60 километров.

В это время каждый наш батальон по численности своей был меньше роты. Можно без преувеличения сказать, что один солдат сражался с врагом за десятерых. Во многих трудах советских историков на основании документов подтверждается, что дивизии 2-го Белорусского фронта во время Восточнопомеранской операции насчитывали всего по 4—5 тысяч человек, были утомлены предшествующими боями, располагали недостаточным количеством артиллерии и танков. Противник же имел здесь заранее подготовленный, сильно укрепленный оборонительный рубеж «Померанский вал», который состоял из нескольких оборонительных полос, хорошо оборудованных в инженерном отношении.

По истечении многих лет я не перестаю думать над тем, откуда брались силы у наших людей. Известно, что наступающая сторона должна иметь превосходство и в людях, и в технике. А перед началом Восточнопомеранской операции, как я уже говорил, наша дивизия не получила пополнения и не имела времени, чтобы подготовиться к прорыву сильной, глубоко эшелонированной обороны врага. После напряженных боев в Восточной Пруссии мы, можно сказать, с ходу начали штурмовать укрепления противника. За последние же 10 дней наступления уже здесь, в Восточной Померании, наши части и подразделения еще больше поределели. Бывало, отдаешь приказ командиру полка, называешь номера батальонов, а у самого сердце обливается кровью, потому что знаешь — весь полк по количеству штыков не больше батальона.

И несмотря на все это, несмотря на то, что наши воины уже больше месяца не выходили из боев, они взламывали оборону врага и продвигались вперед.

Недавно в разговоре со мной ветеран нашей дивизии бывший старший сержант В. И. Егоров, отличившийся в боях в Восточной Померании, метко заметил:

— Мы тогда думали так: чем дальше от дома, тем ближе к нему. А ведь воевать-то, сами знаете, приходилось малыми силами. И все же одолели фашистов.

Он рассказал мне об одном бое. Было это 15 февраля. Батальон попал под губительный огонь. Вражеский дзот находился недалеко от опушки леса на высоте. Замполит ленинградец капитан Феонин поднял людей в атаку. Дзот подавили, и батальон продвинулся вперед.

Во время боя капитана Феонина сразила пуля. Когда Егоров подполз к замполиту, он успел сказать перед смертью: «А все же наша берет». Старший сержант вынес тело капитана Феонина с поля боя. В это время Егорова ранило осколками снаряда в бедро.

— Я тогда был, можно сказать, мальчишкой, — заключил Егоров, — только девятнадцать лет исполнилось. Потом много думал о замполите, бесстрашном коммунисте, человеке с седой головой. Он как-то все делал просто, с душой. Смотрел я на него уже мертвого и вспоминал, как всего несколько часов назад он брал пробу из котла походной кухни и отчитывал повара, что приготовил солдатам пресноватый суп, мало консервов заложил. Заставил добавить. Потом перед боем ел этот суп с аппетитом и, поглядывая на нас, приговаривал: «Нажимайте, ребята, а то пока город не возьмем, не до еды будет...» И эти его обыкновенные житейские слова как-то всех успокоили. Мы поверили, что и город скоро возьмем, и ужинать там будем. И когда в атаку шел за Феониным, никакого страха не чувствовал. Он и сейчас, как живой, стоит перед моими глазами... Все свои поступки в жизни стараюсь мерить по таким людям, как он...

21 февраля, подойдя к населенному пункту Скурц с северо-востока, провели разведку и выяснили, что на линии Ольшовен — Скурц — Руехов противник имеет заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж с системой траншей и ходов сообщений, с долговременными огневыми точками, бронеколпаками и зарытыми в землю танками. Населенные пункты приспособлены к круговой обороне. Кроме этого, пленные показали, что перед нами находятся в обороне свежие части 35-й и 551-й пехотных дивизий.

В конце февраля наступила распутица, наш транспорт застревал в непролазной грязи. Нельзя было проехать не только по полю, но и по разбитым войной дорогам. Тяжело было маневрировать артиллерией, подвозить боеприпасы. Основные силы дивизии, сосредоточенные на правом фланге, должны были обойти противника, обороняющего Скурц с севера, уничтожить его и овладеть городом.

23 февраля, в День Красной Армии, мы начали бить за город Скурц — важный узел обороны врага на пути к Данцигу. 176-й стрелковый полк подполковника С. Ф. Семенова и 314-й стрелковый полк подполковника А. П. Мельникова вместе с танками и самоходной артиллерией через 30 минут после начала атаки ворвались в первую траншею противника. К 12 часам дня 176-й полк продвинулся до трех километров, овладел опорными пунктами Вельбрандово и Борнау и перерезал шоссейную дорогу, связывающую Скурц с Данцигом. А 314-й полк к этому времени прорвал первую позицию и завязал бой на восточной окраине Скурца.

Казалось бы, все шло хорошо. Но в 14 часов Семенов передал мне по радию, что противник после интенсивного огневого налета силой до пехотного полка, поддержанного 30 танками, перешел в контратаку с севера на Скурц, нанес удар по выдвинувшемуся правому флангу 176-го полка и очистил себе дорогу на Данциг.

В сложившейся обстановке самое важное было не отступать, крепко держать оборону, пока не будет введен в бой второй эшелон — 340-й полк, который в это время совершал глубокий обходный маневр. Я приказал Семенову подтянуть артиллерию и во что бы то ни стало удержаться на занятом рубеже. С. Ф. Семенов, выполняя приказ, решил не только удержать занимаемые позиции, но и атаковать обороняющегося противника и перерезать дорогу Скурц — Данциг. Первые две атаки не имели успеха. Наконец, после подавления огня противника нашей артиллерией батальону майора А. В. Щербины удалось перерезать дорогу.

Особенно умело и отважно действовала рота старшего лейтенанта коммуниста Рупасова. Его в полку все любили. Это был человек исключительной скромности. В перерывах между боями он старался быть в тени, не выделяться. Зато в бою преображался. Казалось, нет для него невыполнимых задач. До войны Рупасов не был военным и сейчас не блистал строевой выправкой, но выделялся даже среди самых отважных офицеров своим редким самообладанием и бесстрашием в бою.

Во время одной из атак командир роты вырвался вперед с группой бойцов. Им удалось овладеть фольварком. В этом бою Рупасова тяжело ранило. Гитлеровцы перешли в контратаку и потеснили наше подразделение. Рупасов был взят в плен. Узнав об этом, командир полка

С. Ф. Семенов приказал отбить фольварк. Атаку возглавил сам комбат А. В. Щербина. Когда бойцы заняли фольварк, они нашли Рупасова мертвым. На его спине гитлеровцы вырезали звезду.

В этом фольварке было взято 300 пленных. Немецкие солдаты рассказывали, что тяжелораненого Рупасова допрашивал эсэсовский полковник. Ни единого слова не проронил советский офицер. Тогда по приказу полковника ему стали сдирать ногти с пальцев. Рупасов сделал знак головой, подзывая к себе полковника. Тот решил, что теперь русский наконец заговорит, и подошел к нему. Рупасов попросил приподнять его, и, когда просьба была исполнена, он плюнул полковнику-эсэсовцу в лицо...

Господский дом, во дворе которого пытали Рупасова, принадлежал, видимо, этому полковнику-палачу. На стенах висели его портреты. В альбомах были фотографии, запечатлевшие эсэсовца улыбающимся на улицах Парижа и Киева, на фоне Эйфелевой башни, Триумфальной арки, Нотр-Дама, среди развалин Крещатика и у груды камней Успенского собора в Киево-Печерской лавре. Здесь хранились и фотографии повешенных людей с надписями на русском, польском, словацком, сербском языках. Бандит, видимо, хвастал перед своими собратьями по разбою, показывал, как отменно он умел вешать, не подозревая, что в своем имении его ждет та же участь.

Все гитлеровцы, истязавшие старшего лейтенанта Рупасова, в том числе и полковник-эсэсовец, понесли заслуженную кару.

Хоронили старшего лейтенанта Рупасова с воинскими почестями. У свежей могилы героя солдаты дали клятву отомстить фашистским извергам за своего любимого командира.

В этом бою, 23 февраля, много подвигов совершили артиллеристы 393-го полка. Когда противник оттеснил нашу пехоту, ему удалось окружить 5-ю батарею 2-го дивизиона. Заняв круговую оборону, старший офицер на батарее старший лейтенант Ефремов умело руководил боем. Артиллеристы отражали непрерывные атаки врага. Батарея продержалась с 16 до 23 часов, пока не подошел батальон Щербины. Артиллеристы подбили самоходное орудие «фердинанд» и уложили 80 солдат и офицеров противника.

6-я батарея в тот же день стреляла прямой наводкой. Одно из ее орудий было подбито на дороге. Командир

другого орудия старший сержант Иванов, заметив танк и самоходное орудие противника на дороге, быстро развернул свою гаубицу и подбил «фердинанд» и «пантеру». За этот подвиг старший сержант Иванов был награжден вторым орденом Славы.

К дому, где находился наблюдательный пункт командира дивизиона капитана Карапищенко, приближались вражеские танки. Надо было уходить, но в дом попал снаряд. Осколком Карапищенко тяжело ранило. Тогда артиллерийский разведчик-наблюдатель ефрейтор Гибало взвалил на плечи раненого командира. Несмотря на сильный огонь, ефрейтор сумел пробраться через боевые порядки противника и спасти командира дивизиона.

Бой у дороги Скурц — Данциг, начатый 23 февраля, продолжался 4 дня. Как сражалась горстка наших храбрых против значительно превосходящих сил противника, видно из донесения, подписанного командиром полка С. Ф. Семеновым и его заместителем по политчасти В. Г. Рубцовым:

«Во время наших атак и отражения контратак противника отважно действовали командир отделения автоматчиков младший сержант М. Я. Немчинов и его двоюродный брат рядовой К. С. Трифонов. Отделение Немчинова ворвалось в первую траншею, на ходу расстреливая сопротивлявшихся гитлеровцев, и, не задерживаясь, атаковало вторую траншею. Автоматчики блокировали дзот, забросали его амбразуру гранатами, уничтожили вражеский пулемет и обеспечили атаку 7-й стрелковой роты. При отражении контратаки противника 3-й взвод лейтенанта Мамедова, отделение автоматчиков младшего сержанта Немчинова и взвод 45-миллиметровых орудий были окружены. Заняв круговую оборону в деревне Бархау, бойцы под командованием лейтенанта Мамедова в течение нескольких часов героически отражали все атаки гитлеровцев. Тогда противник бросил на их позиции 12 танков и две роты солдат. Первым открыл огонь расчет 45-миллиметрового орудия сержанта Новоселова. Снаряд попал в лобовую броню танка, не причинив ему никаких повреждений. А фашистские танкисты, обнаружив стрелявшее орудие, вывели его из строя. В это время они не заметили, как подставили корму своего танка под второе орудие сержанта Астанина. Наш сержант не растерялся и молниеносно двумя прямыми попаданиями поджег фашистский танк. Как только он загорелся, остальные одиннадцать начали

пятиться назад, а за ними стали отходить и фашистские пехотинцы. В этом бою погиб смертью храбрых рядовой Константин Степанович Трифонов.

Несмотря на ожесточенные атаки, противнику так и не удалось сбить с позиций и уничтожить наших смельчаков. В 23 часа с ними соединился 2-й стрелковый батальон нашего 176-го полка. Когда враг был отброшен, то перед обороной взвода лейтенанта Мамедова стояли два подбитых танка «пантера» и валялось до сотни убитых гитлеровцев...»

Наконец, 27 февраля 340-й стрелковый полк, совершивший глубокий обходный маневр, вышел в тыл обороняющегося врага. В это же время подошел наш левый сосед — части 105-го стрелкового корпуса. При их содействии дивизия вечером овладела городом Скурц и населенным пунктом Эбенау.

Большой интерес, думается мне, представляют записи, сделанные в тот день литературным сотрудником нашей дивизионной газеты «За Родину» старшим лейтенантом А. А. Трошичевым.

«27.2.45.

Сегодня ходил в 1-й батальон 176-го полка майора Анастаса Владимировича Щербины. В январских и февральских боях батальон принял на себя всю тяжесть фашистских контратак и не отступил ни на шаг.

Командиры рот Рупасов, Варакута и Смирнов на днях под Скурцом пали смертью храбрых. Я встречался с ними не раз за время боев и потому особенно близко принимаю к сердцу их утрату...

Майора А. В. Щербину застал у себя на КП. Батальон только что выведен из боя. Из трех рот сформирована одна — 5-я рота под командой младшего лейтенанта Агапова.

Майор Щербина собирался бриться, давал распоряжения ординарцу: подшить воротничок, пришить пуговицы к гимнастерке и т. д. Пробовал шутить. С болью вспомнив о гибели Рупасова, Варакуты, Смирнова, Анастас Владимирович добавил:

— Теперь, видно, моя очередь.

Бойцы, небритые, с воспаленными глазами, лежали здесь же на соломе. Некоторые спали.

По совету комбата я пошел в роту сводного состава. Многих из моих знакомых, ставших мне друзьями бойцов я уже не встретил. Герои моих заметок Николаев,

Рыжкин, Семенов и другие или убиты или выбыли из строя по ранению. Оставшиеся в живых выглядят очень усталыми. Обычно нас, газетчиков, встречают тепло, много рассказывают об убитых немцах, подбитых танках и самоходках. Сейчас, не оправившись еще от впечатлений тяжелых боев и близких утрат, люди молчат.

Погибли лучшие из лучших — самые отважные. Оставшимся в живых неудобно было говорить о собственных заслугах. Этим они как бы отдавали дань уважения погибшим боевым друзьям. Их безмолвие говорило о многом. Чего стоит подбитый танк, если рядом с тобой погиб твой товарищ, а ты жив. Герой он, а не я!»

В течение восьми дней дивизия, тесня обескровленные остатки подразделений 35-й немецкой пехотной дивизии и штрафного полка «Кальтофен», продвинулась с боями до 150 километров и освободила от фашистских захватчиков на исконно польской земле сотни населенных пунктов и десятки городов.

В начале марта 1945 года дивизия вышла на ближние подступы к городу Данцигу. Оборонительный рубеж врага пересекала автострада Берлин — Данциг — Кенигсберг. Вправо и влево от автострады убегали шоссейные и проселочные дороги, по которым противник осуществлял маневр войсками и подвоз материальных средств для обеспечения войск. Чтобы лишить гитлеровцев этих возможностей, необходимо было как можно скорее овладеть Данцигом.

На ближних подступах к городу гитлеровское командование заблаговременно создало сильно укрепленный внешний обвод обороны. Сам Данциг был сильнейшей крепостью. Убедительно свидетельствует об этом маршал К. К. Рокоссовский. В своей книге он пишет:

«Прочные, хорошо замаскированные форты держали всю местность под обстрелом своих орудий. Старинный крепостной вал кольцом охватывал город. А перед этим — валом — внешний пояс современных капитальных укреплений. На всех командных высотах — железобетонные доты. Система долговременных сооружений дополнялась позициями полевого характера, а территория, прилегающая к городу с юга и юго-востока, затапливалась»¹.

Части нашей дивизии 8 марта пытались с ходу про-

---

¹ К. К. Рокоссовский. Солдатский долг. М., Воениздат, 1968, стр. 343.

рвать оборону недалеко от Данцига — на фронте Лагшау — Заббовитц, но успеха не достигли. После полуторамесячного наступления без отдыха мы так устали, что только и мечтали об одном — как бы хоть немного отоспаться.

Видимо, командование армии и корпуса учло это обстоятельство. 11 марта нашу дивизию вывели в резерв. Но не долго пришлось нам отдыхать. 20 марта командир 108-го корпуса генерал-лейтенант В. С. Поленов приказал прорвать оборону на фронте Лагшау — Заббовитц и в дальнейшем развивать наступление в направлении Прауст — Данциг.

В 9 часов утра после тридцатипятиминутной артподготовки наши пехотинцы вслед за танками пошли на штурм последнего оборонительного рубежа на подступах к городу Данцигу. Было теплое весеннее утро. Ярко светило солнце. Со своего НП я хорошо видел оборону противника. Вражеские траншеи были битком набиты солдатами, на солнце отсвечивали их каски. Бойцы подразделений Мельникова и Зимина шли стремительно в атаку. Солдат у нас было настолько мало, что, думалось, на каждого нашего приходится по 20 вражеских. Никогда не забыть минуты этого тяжкого ожидания. И вдруг в траншеях врага в нескольких местах взметнулись белые флаги.

— Сдаются! — услышал я ликующие голоса моих боевых товарищей.

Впервые мы увидели, как сдаются в плен массы солдат. Из траншей их высыпало так много, что, казалось, капитулирует вся вражеская армия. Солдаты бежали толпами, волна за волной, и так притко, как бывает, когда участники массового кросса стремятся обогнать друг друга у самого финиша. На самом же деле они боялись пули в спину от гитлеровских молодчиков. За час в плен нам сдались 2500 человек. Потом их прибавилось еще больше. Мы уже перестали считать. Отправляли пленных в тыл под командой их же младших офицеров. На каждую тысячу мы могли выделить только одного нашего конвоира из солдат комендантского взвода.

К 14 часам наши войска овладели узлами обороны противника Лагшау, лесом Штатс-форст и Заббовитц. Мы ликовали, не подозревая, что радость наша преждевременна. Гиммлер, угрожая расстрелом, требовал от командующих армиями, командиров соединений и частей немедленно восстановить прежнее положение обороны.

Командование 2-й немецкой армии группы «Висла» решило нанести контрудар на узком участке фронта. Пехотная дивизия при поддержке 40 танков ударила на стыке нашей и соседней с нами 372-й дивизии. Противнику удалось отбросить 3-й батальон 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии и 2-й батальон 340-го полка на правом фланге нашей дивизии, продвинуться до четырех километров и завязать бой за населенный пункт Заббовиц. Бой принял затяжной характер.

Рота вражеской пехоты вместе с пятью танками прорвалась к самому командному пункту 340-го стрелкового полка. Командир полка А. И. Зимин быстро организовал круговую оборону. Офицеры, несколько солдат штаба и артиллеристы 76-мм батареи, которая находилась на огневых позициях вблизи командного пункта, мужественно отбивались от наседавших танков и пехоты. Нашим артиллеристам удалось подбить два танка. Один из них горел недалеко от огневых позиций батареи. Остальные три танка остановились и открыли огонь по батарее. Наши орудия умолкли. Гитлеровцы решили, что теперь можно смело атаковать русских. Танки противника снова двинулись вперед. В этот критический момент оставшаяся целой единственная наша пушка открыла огонь и двумя снарядами подбила немецкий танк. Расчетом этого орудия командовал сержант Плаксин. На помощь окруженному штабу полка подоспел 1-й батальон. Противник был отброшен назад.

На другом участке дралась в окружении 7-я стрелковая рота под командованием старшего лейтенанта Измайлова. Мы помнили, как еще в Эстонии эта рота, отрезанная от своих, героически сражалась до подхода наших подразделений. Правда, в роте сейчас людей было гораздо меньше, чем тогда в Эстонии. И все же измайловцы с успехом отбили первую атаку. Разъяренные неудачей, гитлеровцы после сильного артиллерийского обстрела снова попытались уничтожить роту. При отражении этой атаки был тяжело ранен комроты Измайлов. Но он продолжал командовать до тех пор, пока не потерял сознание. Командование ротой принял на себя командир 3-го взвода лейтенант Мамедов, а его в свою очередь заменил сержант Немчинов. Противнику удалось, наконец, ворваться на позиции 7-й роты. Началась рукопашная схватка. Но горстка храбрецов во главе с Немчиновым отстояла позиции роты.

Однако силы были далеко не равными. Враг наседал. Сержанта Немчинова тяжело ранило осколками разорвавшейся мины. Истекая кровью, Немчинов продолжал сражаться. Когда он сразил четырнадцатого фашиста и сам получил в грудь пулевое ранение, командование ротой принял его друг рядовой Пушкин. Немчинов попытался дотянуться до выпавшего из рук автомата и потерял сознание. Вскоре подоспела помощь. Измайлова и Немчинова эвакуировали в один из тыловых госпиталей. Наши медики заявили, что состояние их безнадежное, вряд ли они выживут.

Двадцать лет я ничего не знал об их судьбе. И вдруг пришло письмо от лейтенанта запаса Михаила Яковлевича Немчинова. Вскоре я имел счастье встретиться с ним. Вспомнили бои, товарищей. Я был несказанно обрадован, узнав, что командира 7-й роты старшего лейтенанта Измайлова наши медики тоже сумели спасти.

Пришедший на помощь Зимину полк Семенова решил успех дела. Контратаки были отбиты, и противник стал отступать. Преследуя его, дивизия продвинулась вперед до 32 километров и вышла на рубеж реки Родунс-Флиев и города Прауст. Здесь враг снова предпринял отчаянную попытку остановить нас. Мы подтянули артиллерию, провели доразведку. Затем с утра 21 марта мы продолжали наступать. Мой НП находился на чердаке господского дома. Отсюда, так же как и у Заббовиц, хорошо просматривалась вся оборона противника. К сожалению, здесь в траншеях казалось, что его солдат было еще больше.

Накануне я допрашивал двух эсэсовцев. Они показали, что к ним в часть два дня назад приезжал Гиммлер, призывал сражаться до последнего, говорил о секретном оружии, которое, мол, скоро изменит весь ход войны в пользу Германии, приказывал расстреливать на месте без суда и следствия колеблющихся.

В 10 часов 30 минут наша пехота форсировала реку Родунс-Флиев и ворвалась в первую траншею. Преодолевая сопротивление противника, 314-й полк захватил плацдарм на северном берегу. Вслед за пехотой мы быстро переправили на плацдарм полковую артиллерию и танки. При их поддержке сопротивление врага было окончательно сломлено.

Полк пошел на северо-запад в обход Праустского узла обороны. Необходимо было перерезать дорогу, соединяющую Данциг с Праустом. Противник придавал большое

значение ее обороне. Наша пехота залегла у дороги. У командира 314-го полка А. П. Мельникова был сейчас небольшой резерв — взвод автоматчиков под командой лейтенанта Полякова. Александр Петрович любовно называл автоматчиков «своей гвардией». Наши наблюдательные пункты находились рядом — на чердаке того же господского дома. Когда пехота залегла, Мельников сказал: «Сейчас будет все в порядке», — и исчез.

Через несколько минут он вернулся. Вскоре мы увидели, как автоматчики во главе с лейтенантом Поляковым — он был высокого роста и выделялся среди всех — зашли в тыл гитлеровцам и, ведя на ходу огонь из автоматов, стали бросать в траншеи врага гранаты. Тогда подразделения 314-го полка поднялись в атаку. Тридцать минут длился бой в траншеях. Сопротивление гитлеровцев было сломлено, а дорога Прауст — Данциг перерезана. И тут хоть и с опозданием, но произошло то же самое, что и у Заббовитц. Взметнулись вверх белые флаги. Немцы стали сдаваться в плен. Я приказал Мельникову представить к награде Полякова и бойцов его взвода.

— Вот орлы, — нахваливал своих автоматчиков Александр Петрович, — а я хотел было их наказать.

Я поинтересовался, в чем дело. Оказывается, когда Александр Петрович спустился вниз, то застал автоматчиков из своего резерва за игрой в домино и возмутился — дескать, такой бой идет, немец бьет снарядами и минами по дому, а они «козла» забивают. Автоматчики заверили командира полка, что выполняют приказ, зайдут немцам в тыл и помогут пехоте, наступающей с фронта.

— Между прочим, — улыбнулся Мельников, — партию «козла» все-таки, черти, после боя доиграли.

Продолжая наступление, 314-й и 340-й полки овладели городом Прауст, взяли в плен до 3 тысяч гитлеровцев, захватили до 50 орудий и много другого вооружения, боевой и транспортной техники.

Наши части и подразделения в течение трех суток вели ожесточенные бои за каждый пригородный населенный пункт, за каждую высоту. 22 марта дивизия овладела узлом обороны Ротмансдорф и предместьем города Данцига — Ора.

Во время наступления на Данциг мы снова заслали в тыл противника разведгруппу под командованием старшего сержанта В. Я. Тупкаленко и регулярно получали от нее сведения о противнике. В ночь на 21 марта группа

находилась севернее Прауста, у шоссе на дороге на высоте, наблюдая за передвижением вражеских колонн. В час ночи на дороге разведчики увидели колонну, человек триста.

Как только она поравнялась с ними, Тупкаленко дал команду. Разведчики открыли автоматный огонь и забросали гитлеровцев гранатами. Фашисты в панике начали удирать, но потом залегли и стали отстреливаться. Разведчики уложили на дороге более сотни гитлеровцев и скрылись в лесу.

Пятнадцать суток без отдыха, ваяясь с ног от усталости, выполняли разведчики боевое задание в тылу врага. За героические действия вся группа была награждена орденами. Старший сержант В. Я. Тупкаленко был награжден третьим высшим солдатским орденом — орденом Славы I степени. Ему было присвоено офицерское звание — младший лейтенант.

Восточнопомеранская операция — одна из крупнейших в минувшей войне. Она была блистательно разработана и осуществлена под общим руководством наших выдающихся полководцев маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского.

Как командир одной из дивизий, участвовавшей в этой операции, я рассказал о боях на нашем участке. В таких же тяжелых условиях проходило наступление всех наших частей и соединений. Войска правого крыла 1-го Белорусского и всего 2-го Белорусского фронтов вбивали глубокие клинья в оборону вражеских войск, рассекали их по частям и уничтожали на всем протяжении от Данцига до Штеттина.

Если учесть, что наше наступление было непрерывным, не имело оперативной паузы, что дивизии не получали пополнения и прорывали укрепленные полосы глубоко эшелонированной обороны врага с малым количеством войск (во много раз меньшим, чем немецкие 11-я и 2-я армии группы «Висла»), то станет ясным, с какими воистину беспримерными мужеством и отвагой сражались советские воины. Не надо забывать, что в битве за Восточную Померанию Гитлер и его генералы ставили на карту все, ибо хорошо понимали, что, выиграв это сражение, они отвели бы угрозу от Берлина и получили бы возможность усилить свою центральную группировку войск за счет эвакуации дивизий, окруженных в Курляндии и Восточной Пруссии.

Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб Советской Армии верили в силу и возросшее мастерство наших офицерских кадров, сержантского и рядового состава, верили в четкую работу штабов, которые осуществляли непрерывное управление войсками, поддерживали взаимодействие между родами войск на каждом этапе боя. Советские войска оказались способными в определенных условиях прорывать оборону противника с ходу и тем самым лишать врага возможности планомерного ведения обороны, маневрирования резервами, накапливания сил на отдельных участках.

Расчеты Гитлера и его генералов на то, что русские, подойдя к главной позиции каждого укрепленного района (а в Восточной Померании их было предостаточно), должны будут вести длительную подготовку к их прорыву, потерпели крах. В конце марта войска группы армий «Висла» были фактически разгромлены. Сопротивлялись только отдельные ее окруженные части и соединения.

24 марта командующий 2-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский во избежание бессмысленных потерь предъявил гарнизонам Данцига и Гдыни ультиматум о капитуляции. В нем говорилось:

«Генералы, офицеры и солдаты 2-й немецкой армии!

Мои войска вчера, 23 марта, заняли Цоппот и разрежали окруженную группировку на две части.

Гарнизоны Данцига и Гдыни изолированы друг от друга. Наша артиллерия обстреливает порты Данцига и Гдыни и подходы к ним с моря. Железное кольцо моих войск все теснее сжимается вокруг вас.

Ваше сопротивление в этих условиях бессмысленно и приведет лишь к вашей гибели и гибели сотен тысяч женщин, детей и стариков.

Я предлагаю вам:

1. Немедленно прекратить сопротивление и с белыми флагами в одиночку, отделениями, взводами, ротами, батальонами и полками сдаваться в плен.

2. Всем сдавшимся в плен я гарантирую жизнь и сохранение личной собственности.

Все офицеры и солдаты, которые не сложат оружие, будут уничтожены в предстоящем штурме.

Вся ответственность за гибель гражданского населения падет на ваши головы».

Но гитлеровское командование оставило без ответа этот ультиматум. Немецко-фашистские войска продолжали

сопротивляться. 2-я ударная армия генерала И. И. Федюнинского, 65-я армия генерала П. И. Батова и 1-я гвардейская танковая армия генерала М. Е. Катукова 30 марта начали штурм Данцига и в тот же день полностью освободили его от гитлеровских захватчиков. Старинный польский город Данциг, крупный морской порт и военно-морская база, был возвращен польскому народу.

Из частей нашей дивизии при штурме Данцига отличился 340-й Мариенбургский стрелковый полк под командованием подполковника Александра Ивановича Зимина. Он первым ворвался на южную окраину города. В уличных боях особенно отважно сражался личный состав 3-го стрелкового батальона капитана Михалева, поддерживаемый взводом 120-мм минометной батареи под командой лейтенанта Чудина и 60-м отдельным истребительно-противотанковым дивизионом майора Вольфсона. Стрелки, минометчики и артиллеристы вели жаркий бой за каждый дом и квартиру. Они стремительно продвигались вперед.

Противник атаковал с фланга взвод 120-мм минометной батареи. Командир боевого огневого взвода лейтенант Чудин поднял минометчиков в атаку. Ведя на ходу автоматный огонь, они вступили затем в рукопашную схватку и уничтожили до 50 гитлеровцев. Лейтенант Чудин пал, сраженный автоматной очередью. Командование взводом принял сержант Катаев. Враг был отброшен. Это позволило 3-му батальону занять еще одну улицу.

Данциг — один из красивейших и крупных портовых городов Польши — гитлеровские варвары при отступлении почти полностью уничтожили. Они подорвали все научно-учебные, административные и общественные здания, промышленные предприятия, судостроительные верфи, затопили в гавани суда.

Мы с трудом пробирались по городу. Все его улицы были завалены кирпичом и балками, разрушенные дома окутаны густым едким дымом.

С 1 по 7 апреля наша дивизия наступала строго на восток от города. Противник оказался загнанным в район заболоченной дельты реки Вислы. Стремясь любыми способами задержать наше продвижение, гитлеровцы затопляли дамбы. Как только мы брали с бою дамбу, специально оставленные врагом команды взрывали следующую. Обширная территория плодородной низменности оказалась под водой. Мы продвигались медленно, солдаты и

офицеры шли по грудь в воде. Кое-где выручали плавающие бревна, доски, двери от разбитых домов. Солдаты быстро сооружали плоты.

Вскоре мы получили приказ отвести дивизию в резерв. За умелые действия, мужество и отвагу наших воинов в боях с врагом в Восточной Пруссии и Восточной Померании 46-я дивизия была награждена орденом Суворова второй степени и отныне именовалась 46-й Лужской ордена Суворова второй степени стрелковой дивизией.

Только одна наша дивизия разгромила более двух немецких пехотных дивизий, штрафной полк «Кальтофен», боевые группы «Хеузер», «Вутти», батальон «Данциг» и другие. Дивизия с боями прошла до 200 километров, взяла в плен несколько тысяч солдат и офицеров, захватила большое количество танков.

Уничтожив группировку немецко-фашистских войск в Восточной Померании, Советская Армия выполнила свою великую миссию по освобождению исконно польских земель, захваченных немецкими агрессорами.

Не могу не вспомнить одну листовку, написанную в ведомстве доктора Геббельса и очень насмешливую нас. Гитлеровские пропагандисты, которые в свое время всячески изощрялись в обольщивании немецких солдат, призывая их расширить границы Германии до Урала, теперь жалобно взывали к совести советских солдат, умоляя их не вступать на чужую территорию. Дескать, свою страну вы освободили, чего вам еще надо! Давайте жить врозь — вы в России, а мы в Германии. Наши солдаты смеялись над этими листовками, приговаривая: «Поздновато, господин Геббельс, раньше надо было думать», «Дурачком прикидывается, как будто и не было сорок первого года...».

Восточнопомеранский бастион гитлеровцев пал. Овладев портами Данциг и Гдыня и очистив побережье Балтийского моря от косы Путцигер-Нерунг на востоке до Померанской бухты на западе, наши войска лишили гитлеровцев военно-морских баз в этих районах. Командование немецко-фашистских войск не могло больше пользоваться морскими коммуникациями для снабжения продовольствием и боевой техникой Курляндской и Восточно-прусской группировок.

В марте — апреле советские войска уже готовились к последнему заключительному сражению — к битве за Берлин.

БРОСОК НА СЕВЕР ОТ БЕРЛИНА

Мы покидали Восточную Померанию. Дивизия получила приказ совершить трехсоткилометровый марш-маневр и сосредоточиться на восточном берегу Штеттинской бухты.

После освобождения Данцига наступаем строго на восток, тесня остатки войск противника к дельте реки Вислы. Бои осложняются тем, что немцы взрывают дамбы и затопляют поймы. По склонам дамб продвигаться нельзя — это сплошные минные поля. Для разминирования их не хватает ни времени, ни людей. Около деревни Вальддорф стадо коров, оставшееся без присмотра и ошалевшее от стрельбы, бросилось бежать по дамбе. Мы видели, как они подрывались на минах. Спасти животных не было никакой возможности.

Исполнявший обязанности командира батальона замполит капитан Прияткин повел бойцов в наступление по проходам, сделанным в минных полях несчастными буренками. Гитлеровцы открыли огонь из окон большого двухэтажного каменного дома. Пулеметчик Царев обошел здание и стал бить по окнам из ручного пулемета, но вражеская пуля сразила героя. Тогда капитан Прияткин попросил артиллеристов, поддерживающих его батальон, проложить путь стрелкам. Командир орудия кавалер ордена Славы всех трех степеней Иван Дмитриевич Голубев выкатил свою пушку на прямую наводку и сделал несколько выстрелов. Враг замолчал. Бойцы бросились в атаку и заняли деревню Вальддорф.

Из подвала каменного здания вышли люди. Здесь укрывались от огня жители деревни и итальянцы, которые работали на строительстве оборонительных рубежей.

— Кто так метко стрелял? — спросил один из итальянцев. — Покажите нам, пожалуйста, этого артиллериста.

Сержант Михаил Федорович Иванов ответил:

— Я не знаю, кто стрелял. Видно, опытный артиллерист, точно попал в окно. Мы вообще всегда стараемся избегать лишних жертв и ненужных разрушений.

Итальянцы оживились. Они рассказали, как успокаивали немецких крестьян, уверяя их, что русский парень сделает все, чтобы заставить поскорее замолчать тех, кто стреляет, и не причинить вреда мирным жителям.

— Нам не верили, — говорил итальянец. — Но как все были потом поражены, когда вашему артиллеристу потре-

бовалось всего четыре снаряда, чтобы попасть точно в окно!

Много лет спустя случай свел в псковской деревне Молоди преподавателя физики сельской школы Михаила Федоровича Иванова и рабочего-железнодорожника Ивана Дмитриевича Голубева. Разговорились. Узнали, что воевали в одной дивизии. Припомнили бои. И тут выяснилось, что со склона дамбы по окнам двухэтажного дома в деревне Вальддорф стрелял из своей пушки Голубев.

— Я действительно тогда был озабочен тем, как бы не промахнуться, — признался Иван Дмитриевич. — В первых, надо было скорее поразить цель, а во вторых, я понимал, что там могут укрываться от обстрела старики и дети...

Значит, сержант Иванов сказал тогда итальянцу чистую правду. Жаль, что они не увидели русского артиллериста. Они бы, наверное, не поверили, узнав, что у солдата, оберегавшего их, большое семейство, которому фашистские оккупанты причинили немало горя.

Немцы постепенно приходят в себя. Все меньше и меньше верят геббельсовской брехне о зверствах русских, все доверчивее относятся к Советской Армии.

В Восточной Померании жили поляки и немцы. Поляки с первых дней радушно встречали нас, немцы же уходили на запад или прятались в лесах и в лабиринтах городских развалин. Но чем дальше мы продвигались в глубь Германии, тем больше встречали населения. Продолжали даже работать фабрики и заводы.

А однажды я был немало удивлен, когда уже за Одером на террасе небольшого ресторана увидел подполковника Мельникова и нескольких офицеров его штаба. Развалился в удобных креслах, они попивали из больших стеклянных кружек пиво. Вокруг них хлопотала пышнотелая фрау. Вежливая улыбка блуждала у нее на лице. Признаюсь, меня эта идиллия не порадовала. Уж очень резко контрастировала она со всем, что происходило вокруг. Где-то справа совсем близко была слышна канонада, по дороге шли к фронту танки, самоходки, машины, груженные снарядами. Да и офицерам штаба 314-го полка во главе с их командиром предстояло завтра руководить боем за сильно укрепленный опорный пункт обороны врага.

— Вы что же, воевать кончили? — спросил я у Мельникова.

Он объяснил мне, что полковая кухня где-то застряла в обозе, офицеры после рекогносцировки на местности проголодались, а тут сама фрау любезно предложила пиво и бутерброды.

— Чем расплачивается?

— Марками, — ответил Мельников, — да и рублями. Фрау берет их даже охотнее, чем марки.

16 апреля дивизия сосредоточилась в районе населенных пунктов Наугард, Голлнов и Штатгард. Уже на третий день немцы перестали бояться нас. Они выходили из своих укрытий на улицы. Вид у людей был измученный, подавленный. Серые, землистые лица, воспаленные глаза. Стали возвращаться в свои города и села беженцы. За плечами рюкзаки. Многие толкали перед собой тележки, повозки и коляски, груженные тюками и разным домашним скарбом. Беженцы старались держаться поближе к обочинам дорог, чтобы не загораживать нам путь. Они часто присаживались, отдыхали, провожали нас не то равнодушным, не то каким-то вроде бы ничего не понимающим взглядом. Правда, это была не одноликая масса. Попадались люди, которые улыбались нам, пытались помочь подтолкнуть застрявшие на разбитых дорогах машины. Бойцы и командиры незлобиво переговаривались с ними, объясняли через наших людей, знающих немецкий язык, а то и просто жестами или отдельными словами, что немецкому народу нечего бояться Советской Армии.

Особенно тепло относились наши солдаты к детям. Они брали их на руки, ласкали, кормили, дарили им всякие сувениры.

Мальчиков и девочек, потерявших родных, мы сажали в свои машины, чтобы довести до нашей ближайшей комендатуры, зная, что оттуда их определяют в детские дома. Дети везде есть дети. Солдаты баловали их и, видимо, тем самым хоть как-то скрадывали тоску по родному дому.

Наблюдая это, я не мог избавиться от страшных воспоминаний. Я видел трупы детей, умерших от голода и погибших от артобстрела и бомбежек на улицах и проспектах Ленинграда. Видел обугленные останки детей, сожженных эсэсовцами в домах и сараях сел Ленинградской области. Все это видели, пережили и наши солдаты. Ведь среди них было много ленинградцев и бывших партизан из-под Оредежа, Луги, Пскова, Новгорода. И ленинградцы, и партизаны пострадали вдоволь. Одни теряли

своих детей, жен, матерей в Ленинграде, другие — от рук гитлеровских палачей на оккупированной территории... И вот я вижу, с какой сердечностью солдаты — ленинградцы, лужане, псковичи, новгородцы — хлопочут вокруг немецких ребятишек, желая избавить их от страха. Конечно, ничего удивительного в гуманизме и великодушии наших солдат нет. И все же, если вспомнить все злодеяния, совершенные гитлеровцами, нельзя не восхищаться благородством советских воинов.

Никогда не забыть мне рассказ моего соседа справа — командира 90-й стрелковой ордена Красного Знамени Ропшинской дивизии генерала Н. Г. Лященко:

— Попалась нам колонна пленных отроков и юнцов от четырнадцати до семнадцати лет, на которых фашистские офицеры натянули солдатские мундиры. Мальчики, скажу тебе, представляли жалкое зрелище. Стоят все вместе, плотно сгрудившись, и со страхом ожидают, что же с ними в конце концов будет. Фашисты ведь внушали им, что русские их расстреляют. Когда же я запуганным мальчишкам сказал только одно слово «мутер» (мама), они закричали хором: «Цур мутер! Цур мутер!» («К маме! К маме!»)

И конечно же, матери вскоре обняли своих детей... И, может быть, многие из них сразу поняли, сколько вранья ежедневно слышали они по радио и читали в газетах о «зверствах» русских...

В то время как в высоких штабах разрабатывались планы предстоящих операций, в войсках непрерывно продолжалась боевая учеба. Мы готовились форсировать Одер. Советские воины жили в эти дни одним — скорее взять Берлин, окончательно добить фашизм и победоносно завершить войну.

Политработники и коммунисты рассказывали бойцам не только о наших победах в этой войне, но и о замечательных победах русской армии в прошлом. Многие бойцы не знали, что 9 октября 1760 года русскими войсками под командованием генерала Захара Григорьевича Чернышева была взята столица Пруссии Берлин. Жадно слушали солдаты, сержанты и офицеры рассказы политработников о героическом пути русских войск, прошедших через всю Пруссию в Семилетнюю войну. Когда пропагандисты и агитаторы называли немецкие города, которые русские солдаты брали с боями еще 185 лет назад, наши воины с большим удовлетворением отмечали, что многими из этих

городов и они недавно овладевали. Реакция слушателей была очень бурной. Задавали много вопросов, интересовались подробностями подвигов, совершенных Александром Васильевичем Суворовым, который в чине подполковника участвовал в Семилетней войне и особенно отличился при разгроме пруссаков под Вейситином.

Героическое прошлое русской армии и блистательные победы советских войск в Великой Отечественной войне наши политработники умело использовали в своих докладах и беседах. Солдаты, сержанты и офицеры, выступая на собраниях и митингах, призывали своих товарищей умножать славные традиции Советской Армии, быть достойными преемниками воинской славы русских солдат.

На политбеседах и партийных собраниях командиры и политработники подчеркивали значение Берлинской операции в разгроме гитлеровских вооруженных сил.

24 апреля 1945 года нам стало известно, что войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов замкнули кольцо вокруг Берлина.

Желание всех наших воинов участвовать в штурме Берлина было настолько велико, что пришлось разъяснять личному составу суть Берлинской операции. Штурм Берлина будет тем успешнее, чем лучше будет осуществляться взаимодействие нескольких фронтов. Где бы солдат ни участвовал в завершающей битве — на юге от Берлина или на севере от него, он все равно является участником штурма столицы фашистской Германии.

Первоначально командующий фронтом маршал К. К. Рокоссовский поставил перед командующим 2-й ударной армией генералом И. И. Федюнинским задачу форсировать своими войсками Одер севернее города Штеттин (Щецин). Но потом, когда обстановка изменилась, 2-я ударная была введена в сражение с плацдарма, захваченного 65-й армией под командованием генерала П. И. Батова южнее Штеттина — в районе населенного пункта Гартц. Наша дивизия готовилась наступать в направлении станции Шойне, чтобы обойти Штеттин с юго-запада и запада, а в дальнейшем наступать на Торгелов, Анклам и Грейфсвальд.

По дороге на Штеттин наши саперы обнаружили, что противник покрывает мины тонким слоем асфальта. Поэтому трудно было установить, где поставлены мины. И все же саперы быстро научились находить эти опасные

участки дороги, извлекать оттуда мины и обезвреживать их. Особенно умело действовал здесь наш прославленный сапер, полный кавалер ордена Славы Павел Федорович Семенов, назначенный в это время командиром взвода и получивший за отличие в боях первое офицерское звание младшего лейтенанта.

Для подготовки к бою нам дали очень мало времени — всего двое суток. В ночь с 25 на 26 апреля 176-й и 314-й стрелковые полки нашей дивизии сменили один полк 193-й стрелковой дивизии 65-й армии. Командиры полков заняли уже наблюдательные пункты. Я спешил на свой НП. Вместе со мной шли командующий артиллерией дивизии полковник Бальсин, начальник оперативного отделения подполковник Окснер и мой адъютант старший лейтенант Руденко. Враг нервничал и все время наносил огневые удары по переправам и боевым порядкам наших войск. Под один из таких огневых налетов попали и мы. Стреляли немецкие шестиствольные минометы, прозванные нашими бойцами за странный рев их мин «ишаками». Попасть под их огонь, как говорят, не велика радость. Пришлось пережидать в окопчиках. К счастью, обстрел немного утих, и мы успели проскочить на НП невредимыми.

А на других участках было более спокойно. Командир 176-го полка подполковник С. Ф. Семенов доложил мне, что рекогносцировка прошла нормально. После доклада он шутя поругивал командира 2-го батальона Арсенина, из-за которого они «натерпелись немало страха». Дело в том, что на правом берегу у переправы через Одер они встретили командующего фронтом маршала К. К. Рокоссовского.

— Думал, беды не миновать, — Семенов добродушно посмеивался, — враг недалеко, а капитан Арсенин гарцует верхом на лошади. Кто его знает, может этим самым Арсенин и демаскировал нас. А запретить ему я не мог. Сами знаете, под Данцигом он был ранен в ногу, сбежал из медсанбата, сейчас хромает и не расстается со своей лошадкой. Правда, как увидел маршала, мигом соскочил на землю. Ну, думаю, все равно попадет нам сейчас за этот цирк. Спешу, докладываю командующему фронтом, кто мы такие и откуда возвращаемся. Он внимательно выслушал меня, затем стал спрашивать у каждого из комбатов, как они понимают задачу. Когда дошла очередь до Арсенина, маршал Рокоссовский сочувственно взглянул на него. От взгляда командующего, конечно,

ничто не ускользнуло. Он успел заметить, как всадник соскочил с коня и как, сделал шаг, другой, слегка припадая на больную ногу.

Рокоссовский молча выслушал доклад Арсенина. Только потом благожелательно заметил:

— Догадываюсь — ранены в ногу, ценю за преданность воинскому долгу, но все же надо было вам долечиться.

— Наше счастье, что противник не заметил нас, — заключил свой рассказ Семенов, — или, скорее всего, на этом участке у него туговато с артиллерией, и он, должно быть, решил, что всадник — это уловка русских, которые хотят выявить и засечь его огневые позиции...

26 апреля в 8 часов утра залп гвардейских реактивных минометов и артиллерии возвестил о начале нашего наступления. После мощной артиллерийской подготовки наша дивизия во взаимодействии с 90-й дивизией начала штурм Штеттина. Враг не выдержал натиска советских войск. Мы прорвали его оборону и в 10 часов 30 минут овладели крупным промышленным городом и портом Штеттин.

Вечером того же дня был передан по радио приказ Верховного Главнокомандующего, в котором объявлялась благодарность войскам 2-го Белорусского фронта, в том числе и нашей дивизии, за взятие Штеттина (Щецина).

Конечно, мы бы не смогли так быстро взять Штеттин, если бы не были введены в прорыв с плацдарма, завованного войсками генерала П. И. Батова.

После взятия Штеттина мы выслали вперед разведку под командой старшего лейтенанта Грекова. Он регулярно передавал нам в штаб дивизии данные о противнике, поэтому мы подробнейшим образом были информированы о всех передвижениях немецких войск. «Враг в беспорядке отступает...» Это было последнее донесение разведчиков. Их рация замолчала. Позже мы узнали, что они подорвались на фугасе, заложенном под железнодорожным полотном. Подъехав к перекрестку дорог, мы увидели печальную картину: зияла огромная воронка, а вокруг нее лежали погибшие и раненые бойцы. Командир взвода старший лейтенант Греков был наполовину засыпан землей. Мы бросились к нему, откопали. К счастью, он оказался жив. Срочно была организована помощь раненым, эвакуация их в госпиталь. Наши медицинские работники сделали все, чтобы спасти их.

Потеряв Штеттин, противник, прикрываясь арьергардами, поспешно отходил на северо-запад. Части дивизии, неотступно преследуя его, к исходу дня продвинулись вперед до 35 километров и овладели населенным пунктом Дабер.

Последние бои хотя и были успешными, но стоили нам немалых жертв. Из строя один за другим выбывали наши ветераны. В жарком бою за населенный пункт Дабер 26 апреля был тяжело ранен в плечо и руку командир 340-го стрелкового полка подполковник А. И. Зимин, а через два дня в бою на подступах к городу Анклам был ранен в лицо командир 176-го стрелкового полка подполковник С. Ф. Семенов.

Как же мы обрадовались, когда, подлечившись в госпитале, наши боевые товарищи вернулись в свои полки.

ГРЕЙФСВАЛЬДСКАЯ ИСТОРИЯ

ПАРЛАМЕНТЕРЫ И РУССКИЙ ПЕРЕВОДЧИК

Гребельсовская пропаганда на все лады превозносила рейхскомиссара и гаулейтера Штеттина Шведе-Кобурга, ставила всем в пример его «героическое» решение защищать город до последнего человека. И вдруг именно Штеттин был довольно быстро занят русскими.

В своих мемуарах, вышедших в ГДР и переведенных на русский язык, комендант и начальник гарнизона города Грейфсвальда полковник Рудольф Петерсхаген, с которым после войны мы стали друзьями, вспоминает:

«Как же я был поражен, когда в моем штабе собственной персоной появился этот защитник Штеттина! Шведе-Кобург переменил свое «героическое» решение и в сопровождении колонны машин пустился наутек. Пассажиров в машинах было немного, зато добра хоть отбавляй»¹.

Немецко-фашистские войска отходили, бросая технику, обозы. Наша дивизия, неотступно преследуя противника, 28 апреля овладела городом Торгелов и, развивая наступ-

¹ Р. Петерсхаген. Мятая совесть. Пер. с нем. М., Воениздат, 1958, стр. 38.

ление, к исходу дня вышла на ближние подступы к городу Анклам.

Среди документов, захваченных войсками 1-го Белорусского фронта в имперской канцелярии Гитлера, был обнаружен дневник верховного главнокомандующего вооруженными силами фашистской Германии за период с 20 апреля по 9 мая 1945 года. Когда этот дневник после войны был опубликован в одном из наших журналов, я обратил внимание на запись, сделанную 28 апреля, т. е. в день выхода нашей дивизии на ближние подступы к городу Анклам.

«В 19 часов 15 минут генерал-полковник Йодль разговаривает по телефону с генерал-полковником Хейнрици. (В то время командующий группой армий «Висла». — С. Б.) Генерал-полковник Хейнрици докладывает, что под влиянием обстановки, складывающейся в районе Нейбрандесбурга — Фридланда, где отдельные танки прорвались в районе южнее Анклама, он вынужден отвести свой правый фланг за канал Хафель-Фосс и за реку Хафель, чтобы можно было перебросить часть сил в район прорыва»¹.

Генерал-полковник Хейнрици был явно плохо информирован. К вечеру 28 апреля не отдельные танки, а два пехотных полка нашей дивизии — 176-й и 314-й — и поддерживающие их танковые и самоходные части подошли к Анкламу.

Видимо, Гитлер, не надеясь удержать войска маршала Рокоссовского, отрезавшие северную группировку от остальных войск, оборонявших Берлин, думал только об усилении флангов армии Венка («Армии спасения»). Из дальнейшего разговора генерал-полковника Йодля и генерал-полковника Хейнрици видно, что командующий группой армий «Висла» уже не в силах был штопать все бреши, образующиеся в своей обороне.

«В 23 часа 30 минут, — как дальше свидетельствует запись в дневнике, — фельдмаршал Кейтель отстраняет от должности за неповиновение командующего группой армий «Висла» генерал-полковника Хейнрици и его начальника штаба генерала фон Трота. Вместо них назначают генерал-полковник Штудент и генерал Детлефсен»².

---

¹ «Совершенно секретно. Только для командования!», стр 583—584.

² Там же.

Все эти смещения и назначения не могли уже помочь Гитлеру и его генералам. Накануне полного краха нацистская верхушка еще продолжала уповать на случай, ждать чуда. В то время как Берлин был окружен советскими войсками и всему миру стало ясно, что дальнейшее сопротивление немецко-фашистской армии только увеличивает страдания и жертвы немецкого народа, Гитлер отдавал приказ за приказом, требуя сражаться до последнего солдата.

Утром 29 апреля передовые части советских войск находились всего в 500 метрах от рейхсканцелярии. Гитлер ждал от командующего «Армией спасения» генерала Венка известий, но их не было. О страхах Гитлера, его надеждах, похожих на мираж, о бегстве, подобно крысам с тонущего корабля, ближайших соратников фюрера ни армия, ни народ ничего не знали. От них тщательно скрывалось все, что свидетельствовало об агонии нацистской верхушки, доживавшей свои последние дни. Разбитые и разрозненные части и соединения гитлеровцев продолжали оказывать советским войскам сопротивление.

Наша дивизия пыталась с ходу прорвать передовым отрядом 314-го полка оборону у Анклама, но успеха не достигла. За ночь мы подтянули к самому городу свои главные силы. 29 апреля после тридцатиминутной артподготовки 314-й и 340-й полки перешли в наступление и ворвались в город. К полудню овладели южной частью Анклама и вышли к реке Пеене, которая делит город на две части.

Враг подорвал все мосты и занял оборону по северному берегу реки. Он цеплялся за каждый дом. Все здания были приспособлены к обороне, а улицы перегорожены каменными заборами.

Утром я связался по радиации с подполковником А. П. Мельниковым. Он доложил, что 314-й полк готовится форсировать реку Пеене. Затем через несколько часов Мельников сообщил, что передовые подразделения форсировали реку и завязали бои в домах на противоположном берегу.

В это время саперы майора М. Н. Верецагина под огнем противника восстанавливали подорванный мост. Одновременно артиллеристы пытались разбить, а затем разобрать каменный противотанковый забор, перекрывающий выход с моста на улицу. Но по ним открыл огонь тяжелый немецкий танк, стоявший где-то за углом мно-

гоэтажного дома. Командира батальона М. Н. Верещагина взрывной волной отбросило в сторону и контузило. Придя в себя, он встал и, покачиваясь, пошел к реке продолжать руководить восстановлением моста.

Вскоре бойцы одного из подразделений 314-го полка, делая короткие перебежки, добрались до многоэтажного дома, за которым стоял вражеский танк. Пехотинцы взобрались на второй этаж дома и оттуда, забросав танк гранатами, подорвали его.

Бой за Анклам был в самом разгаре, когда мы вместе с командиром корпуса генералом В. С. Поленовым на машине въехали на окраину города. Танки и артиллерия уже переправились через реку и вместе с 314-м полком штурмовали дом за домом. Город горел. Мы медленно ехали вперед, расспрашивая у бойцов, где находится НП командира их полка. Вдруг к нам подбежал командир взвода старший лейтенант Поляков и крикнул:

— Товарищ генерал, вы проехали НП! Здесь опасно! Скорее поворачивайте назад! Сейчас будет «концерт»!

Человек пятьдесят автоматчиков устремились на кладбище и в центр города, откуда немцы вели огонь фаустпатронами.

Этим эффективным видом оружия в условиях уличных боев овладели и наши пехотинцы. Сейчас после нескольких залпов «катюш» наши бойцы продолжали выкуривать немцев из домов автоматным огнем и фаустпатронами.

Наконец мы нашли НП Мельникова и оттуда стали наблюдать за боем. Он был упорным. Об одном из интересных эпизодов, происшедшем в центре города, мы узнали потом от сержанта М. Ф. Иванова. «Осторожно пробирались мы от дома к дому, — рассказывал он, — стремясь использовать всякую возможность, чтобы укрыться от пуль и фаустпатронов. Из большого дома вели интенсивный автоматный огонь. Мы подавили автоматчиков и пошли осматривать дом — нет ли там спрятавшихся фашистов с оружием.

Когда я толкнул дверь в подвал, то невольно вздрогнул: передо мной сидели, лежали и стояли десятки оцепеневших от страха людей. Здесь были и дети. Они цеплялись за матерей. Все немцы продолжали испуганно смотреть на меня. Мне даже показалось, что они, эти люди, не дышали. Конечно, я представляю, какое впечатление произвело на них неожиданное появление русского солдата с автоматом наизготовку.

— Есть здесь солдаты? — спросил я по-немецки.

— Нет, нет, мы все цивильные! — раздалось в ответ несколько голосов.

— Люди, вам нечего нас бояться! — сказал капитан В. П. Прияткин. — Идите к вашим солдатам и скажите им, что у нас здесь много танков и сопротивляться бесполезно. Мы не хотим бессмысленного кровопролития.

Я перевел слова капитана. Раздался вздох облегчения. Люди задвигались, зашумели. Но что это? Вдруг один из них стал протягивать нам карманные часы, другой — кольцо... Вскоре кто-то подал нам, стоявшим у порога, шляпу, наполненную драгоценностями: золотыми портсигарами, кольцами, брошками, серьгами...

— Верните эти ценности их владельцам, — сказал капитан Прияткин, — к вам пришли не грабители. Мы освобождаем вас, немцев, от фашизма. Город горит. Идите лучше тушить пожары и спасать свое имущество от огня.

Люди окружили нас, плакали. Им все еще не верилось, что их не расстреляют. Они не понимали, почему русский офицер отказался от «выкупа». Хорошо, что я знал немецкий язык и смог им объяснить, что они свободны, что мы не та армия, которая живет в их воображении благодаря фашистской пропаганде. Нам было неприятно видеть, как они все еще заискивающе смотрели на нас. До чего мог подавить, унижить, утратить фашизм этих людей...»

К рассказу сержанта Михаила Федоровича Иванова мне хочется добавить, что сам он видел зверства гитлеровцев на Псковщине, бежал из концлагеря, партизанил. Уж он-то настрадался, вынес много горя и лишений. Он был типичным представителем Советской Армии, благородным, великодушным воином, человеком исключительной душевной чистоты, который пришел на землю фашистской Германии не мстителем, а освободителем...

Надвигался вечер. Отдельные группы немецко-фашистских войск еще продолжали сопротивляться в нескольких кварталах Анклама. В прорыв был введен полк самоходных установок. Кроме них по Анкламу стреляли орудия противотанково-истребительного дивизиона майора Г. Л. Вольфсона и артиллерийского полка, которым командовал полковник С. А. Миль.

Недавно С. А. Миль — двоюродный брат известного конструктора вертолетов-гигантов — сказал мне, что он

как-то в разговоре в шутку упрекнул своего брата, что тот не создавал свой столь эффективный вид воздушного транспорта во время войны. Дескать, были бы у нас тогда эти вертолеты, мы бы забрасывали к немцам в тыл огромные массы воздушных десантов с танками и легко брали бы города.

А пока 393-му артиллерийскому полку, которым командовал С. А. Миль, как и всем нашим частям и подразделениям, победа доставалась очень тяжело. В уличных боях орудийные расчеты шли вместе с пехотой и выкуривали гитлеровцев из каменных домов. Вот и сейчас, казалось бы, весь Анклам уже очищен от врага и можно входить в город. Но со стороны аэродрома все еще стреляют вражеские скорострельные пушки. Должно быть, подумал я, прикрывают отлет своих фашистских главарей. Звоню С. А. Милю, приказываю подавить вражеские зенитные орудия, а он отвечает, что в обход аэродрома уже направлен огневой взвод...

Об этом разговоре с командиром 393-го артполка я недавно вспомнил, получив письмо от бывшего командира огневого взвода М. Дементьева, в котором излагались подробности боя за аэродром в Анкламе. «Мне приказал командир батареи, — писал мне Дементьев, — своими орудиями поддержать пехоту, подавить скорострелки фашистов. Я в свою очередь приказал командиру орудия В. А. Бересту поддерживать наш стрелковый взвод, наступающий в направлении на юго-восток, а сам со вторым орудием и огневым взводом пошел в обход по балке с юго-запада. Мы ворвались на аэродром. Враг нас не заметил, и мы быстро открыли огонь, разгромив его. Наши автоматчики бросились вперед и заняли крайние дома. Противник стал стрелять из окон чердаков фаустпатронами. Но автоматчики 314-го полка засекли все эти чердаки и подавили огонь. Бой за аэродром длился буквально считанные минуты. Здесь была ликвидирована оказывавшая нам сопротивление группа фашистов, видимо собиравшаяся в драп-полет. Гитлеровские офицеры увидев, что их план может провалиться, приказали фаустникам остановить нас. Но им это не удалось. Не смогли остановить нас и сами вражеские офицеры... Мы нарушили их «рейсовое расписание». Как говорится, погода оказалась для них нелетной...»

29 апреля в 20 часов части нашей дивизии полностью овладели Анкламом. Почти весь город был разрушен.

Противник начал поспешно отходить к Грейфсвальду. 314-й полк преследовал врага.

В 18 километрах от этого города наши части были остановлены организованным огнем с заранее подготовленных позиций.

Мой командный пункт разместился в Анкламе в одном из уцелевших маленьких домиков на Блутслустерштрассе.

Вечером враг начал бомбить город. Я очень беспокоился за судьбу наших тяжелораненых и медиков из 36-го медсанбата. Дело в том, что тяжелораненых нельзя было транспортировать, поэтому здесь в двухэтажном доме в центре города была развернута шоковая палата, где работали военврач К. Н. Кац, медицинская сестра Дуся Полянская и сандружинница Лиза Зеликович. Раненых готовили к операции, делали им переливание крови. Когда бомбежка окончилась, мне сообщили, что одна из бомб, как назло, попала именно в край того дома, где была развернута шоковая палата. Часть дома обрушилась, и под обломками оказались раненые, врач, медсестра и сандружинница. Я немедленно послал им на помощь бойцов коммандантского взвода.

Допоздна работали со мной начальник штаба полковник П. Д. Федоров, командующий артиллерией полковник А. И. Бальсин, офицеры оперативного и разведывательного отделений. Мы связывались со штабами полков, уточняли обстановку, отдавали приказание. Дивизии предстояло наступать на Грейфсвальд.

Теперь этот город знаменит. О нем пишут книги, мемуары, научные исследования, создают фильмы. Тогда же он стоял на нашем пути как очередной сильно укрепленный опорный пункт врага. Разведка донесла, что Грейфсвальд и подступы к нему имеют хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону, а в самом городе большой гарнизон, готовый дать нам бой.

Штурм города должен был начаться рано утром. Артиллерия — и наша, и приданная нам — была подтянута, заняла боевой порядок и готова была с утра начать артиллерийскую подготовку. Я решил немного отдохнуть перед наступлением.

Только прилег, как дверь открылась и в комнату вошел старший лейтенант Н. И. Руденко.

— Товарищ генерал, — доложил он, — командир триста четырнадцатого полка подполковник Мельников сооб-

щает, что к нему явились парламентареры для переговоров о сдаче города без боя, и спрашивает, что с ними делать.

— Передайте Мельникову, чтобы направил парламентарев к нам в штаб, — приказал я.

О прибытии парламентарев в расположение дивизии я тотчас доложил командиру корпуса генерал-лейтенанту В. С. Поленову. Через некоторое время Поленов сообщил, что командующий армией генерал-полковник И. И. Федюнинский приказал переговоры вести мне.

Группу парламентарев возглавлял помощник коменданта и начальника гарнизона города полковник Вурмбах — человек среднего роста, тучноватый, в летах, однако с хорошей строевой выправкой. Он предъявил мне полномочия и представил своих коллег — ректора университета профессора Энгеля, профессора Катша и других. Переводчиком у парламентарев был человек в форме офицера советского Военно-Морского Флота. Мы познакомились. Им оказался ленинградский инженер Борис Леонидович Матусов. Он кратко рассказал о себе. Незадолго до войны его призвали на флот. В 1941 году, во время оборонительных боев на острове Даго, он попал в плен и находился в лагере военнопленных, расположенном вблизи Грейфсвальда.

Рассматривая мандат Вурмбаха, я спросил, кто комендант города, чья подпись стоит на документе, не эсэсовец ли?

— Нихт, нихт! — поспешно ответил Вурмбах и продолжал: — Господин генерал, мы прибыли договориться с вами о капитуляции военного гарнизона и сдаче города без боя. В нашем старинном городе скопилось несколько тысяч беженцев. В Грейфсвальде находится один из древнейших университетов Германии. Мы прибыли от имени коменданта и бургомистра города просить вас пощадить беженцев и мирное население города, не допустить кровопролития, сохранить наш университет и город. Каковы будут ваши условия?

Я ответил, что фашистская армия совершила неслыханные злодеяния на моей Родине, расстреляла и истребила в душегубках миллионы ни в чем не повинных детей, женщин и стариков. Гитлеровские фашисты чинили насилия и бесчинства над мирными советскими людьми, разорили и сожгли сотни тысяч сел, городов, превратили в зону пустыни захваченную ими советскую территорию. Но

Советская Армия даже в условиях такой жестокой войны всегда была верна принципам гуманизма.

— Судьба населения и города, — заключил я, — будет зависеть от вас и вашего командования.

Парламентеры записали условия капитуляции:

1. В пять часов утра 30 апреля немецкие войска прекращают боевые действия, и с этого момента не должно быть сделано ни одного выстрела.

2. К девяти часам утра войска должны быть сняты с рубежа обороны и сосредоточены для сдачи на южной окраине города Грейфсвальда у дороги, идущей на Анклам.

Продиктовав эти условия, я добавил:

— В десять часов утра в город придут представители советского командования принимать капитуляцию. За нарушение условий капитуляции будете нести ответственность вы и командование гарнизона.

Глава делегации полковник Вурмбах, посоветовавшись со своими коллегами, сказал:

— Господин генерал! Мы принимаем ваши условия и обязуемся выполнить их. Опасаемся только, что фашисты, узнав о нашей поездке к вам, попытаются помешать нам осуществить сдачу города.

Как показали дальнейшие события, эти опасения не лишены были оснований.

После завершения переговоров полковник Вурмбах сказал, что одна из их автомашин вышла из строя, и обратился с просьбой помочь им добраться до линии фронта. Начальник штаба полковник П. Д. Федоров предоставил парламентарам автомашину и выделил солдат для их сопровождения.

С ними отправился мой адъютант старший лейтенант Н. И. Руденко.

Когда парламентеры уехали, я долго думал над тем, что заставило коменданта и начальника гарнизона Грейфсвальда полковника Петерсхагена сдать город без боя. Глава делегации полковник Вурмбах охарактеризовал мне его как боевого офицера-фронтовика, командовавшего полком под Сталинградом, дважды раненного в бою до пленения 6-й армии, награжденного Рыцарским крестом. Я знал, что согласно приказу Гитлера любой фашистский фанатик может безнаказанно расправиться с тем, кто сдаст русский город без боя. Приказ фюрера гласил, что такой офицер, какие бы заслуги он ни имел, лишается чести и

звания, подлежит расстрелу на месте, а семья его подвергается суровым репрессиям.

Еще ни разу противник не присылал к нам парламентариев. Были случаи, когда начальники гарнизонов рейхс-комиссары и гаулейтеры, подобно штеттинскому, призывали солдат сражаться до последнего, а сами бежали. Но чтобы поставленный гитлеровцами во главе обороны города офицер, к тому же еще кавалер Рыцарского креста, сдавал город без боя, такого еще не было.

Кто он, этот полковник Петерсхаген? Кто они, те люди, которые ему помогают? Какая тайна, какие политические, военные и психологические факторы кроются за этой историей? Проще всего было бы объяснить все это очевидным поражением немецко-фашистских войск. Но ведь еще сильна была у офицерства вера в неминуемое чудо, которое вот-вот изменит весь ход войны. «Главное выстоять, время играет на нас!» — кричали газеты, радио, весь аппарат фашистской пропаганды.

Снова и снова пускалась в ход версия о поступающем на вооружение секретном оружии, раздувались всякие измышления о разладе в лагере союзного блока противника и успешных переговорах между гитлеровцами и англо-саксами, воскрешалась тень «старого Фрица» — Фридриха Второго, гений которого якобы унаследован фюрером.

Коменданты и начальники гарнизонов отвергали все наши ультиматумы, и только по их вине многие города на пути наступления советских войск в Германии лежали в развалинах.

Думая обо всем этом, я снова и снова мысленно возвращался к Петерсхагену: «Или он очень хитрая лиса, или мужественный, мудрый человек, который многое понял и извлек уроки из этой страшной, навязанной фашистами миру войны».

Очень хотелось, чтобы оказалось верным мое второе предположение. Однако, откровенно говоря, я мало верил в это. Мог ли я тогда знать, что к этому решению Петерсхаген и его друзья пришли после долгой душевной борьбы...

Через несколько часов Руденко доложил мне по телефону из штаба 314-го полка, что немцы в Грейфсвальде, видимо, приняли наши условия капитуляции.

— Почему так неуверенно докладываете? Где парламентарии?

— Мы столкнулись с эсэсовцами, дали возможность парламентарам проскочить, а сами задержались. Тут была небольшая заминка, но сейчас все в порядке. Грейфсвальдский гарнизон не оказывает сопротивления. Должно быть, комендант принял наши условия.

— Ждите меня в полку, — приказал я Руденко.

И вот мы въезжаем в Грейфсвальд. В машине нас трое: я, А. П. Мельников и Н. И. Руденко. После руин безлюдного Анклама этот город кажется нам мирным островком. Старинные здания готического стиля. На улицахлюдно. Нам улыбаются, приветливо машут. Из окон и с балконов свешиваются белые флаги, сделанные из простыней, наволочек и скатертей. Такие же флаги в витринах. Кое-где мелькают и красные флаги. Работают магазины. Город живет, бурлит, будто и нет кругом войны!

С полковником Петерсхагеном нам не удалось тогда познакомиться — был получен приказ наступать дальше на запад, брать с боем города Гриммен, Штральзунд, остров Рюген с городами Берген, Загард, Засстниц, Бинц.

Командир корпуса генерал В. С. Поленов сообщил мне, что коменданты и начальники гарнизонов Гриммена и Штральзунда боятся сдать город без боя, хотя и понимают бессмысленность сопротивления. Следовательно, отдадут гарнизоном приказ сопротивляться, а сами дрападут. Опять драться, проливать кровь, терять боевых товарищей накануне победы. До чего все это во сто крат больше и обиднее именно сейчас!

Вот уже и Грейфсвальд позади. Машина катит по ровной дороге. Война еще не прошла по ней своей разрушительной силой. Обычно живой, общительный Мельников теперь сидит притихший, мрачный. Молчалив и задумчив Руденко. Оба они ранены. У Мельникова недавно из лица извлекли семнадцать мелких осколков, у Руденко перевязана рука. Его ранили фашисты, пытавшиеся нагнать и уничтожить парламентаров. Как позже я узнал из книги Петерсхагена, это были крейслейтер Грейфсвальда Шмидт, его адъютант, предводитель «Вервольфа» («оборотней» — военной организации, созданной из юнцов в конце войны для диверсий и убийств) и руководитель «Гитлерюгенда».

— Спасибо Пете Крицкому, — говорит Руденко, — не подоспел бы вовремя с автоматом, убили бы они меня.

Оказывается, в 12 километрах от города Грейфсвальда, у деревни Гансхаген, машина с парламентарями едва не столкнулась с мчавшимся навстречу «мерседесом», в кото-

ром находились Шмидт и его подручные. Заметив нашу машину, фашисты резко затормозили. «Мерседес» начал пятиться назад, пытаясь развернуться. Руденко приказал парламентарам ехать дальше, а нашим автоматчикам окружить машину. Сам он первым подскочил к «мерседесу», рывком открыл дверь и увидел у сидящих на рукавах повязки с фашистской свастикой. Один из фашистов направил на него пистолет. Руденко мгновенно выбил его. Другой гитлеровец бросился на него с ножом, ранил в руку и ударил ногой в живот. Руденко упал. В этот момент к машине подбежал сержант Крицкий. Он автоматной очередью уложил трех фашистов и ранил шофера. Этот шофер сообщил, что, когда Шмидт и его помощники узнали об «измене» коменданта полковника Петерсхагена, они решили его расстрелять, но нигде не могли найти. Тогда нацисты направились по дороге на Анклам, чтобы при возвращении парламентаров в Грейфсвальд захватить их и уничтожить.

— Ехали мы вот сейчас по улицам целехонького Грейфсвальда, — говорит Мельников, — а я все еще мысленно вел бой в горящем Анкламе и на переправе через Одер.

И он рассказал, как в Анкламе у него на глазах осколком снаряда оторвало руку сандружиннице разведзвода Клавье Шуваловой, ушедшей на фронт из хореографического училища, мечтавшей стать хорошей балериной, какой была и ее мама. А на переправе через Одер погиб под бомбежкой друг Мельникова, начальник артиллерии полка капитан Владимир Лептин, только перед войной окончивший Ленинградский инженерно-строительный институт. Скромный, застенчивый молодой человек, как мечтал он о скорейшем возвращении в Ленинград, о встрече с женой. Война разлучила их сразу же после свадьбы.

— Конечно, приятно было видеть ликующих граждан Грейфсвальда, — сказал Мельников, — их мечты сбылись. А вот мечты Клавьи Шуваловой и Володи Лептина...

Он тяжело вздохнул, так и не закончив фразы.

Я еще не знал тогда, как парламентары Грейфсвальда добрались до Мельникова. И мне не хотелось спрашивать об этом у Александра Петровича. По всему видно было, что после боев за Штеттин и Анклам, после потери боевых друзей нервы его взвинчены до предела.

Много лет спустя я узнал об этом от Матусова. Помнится, Борис Леонидович очень просил меня тогда

оставить его в нашей дивизии, чтобы участвовать в завершающих боях с фашизмом. Сам он был ленинградцем, жил на улице Петра Лаврова, окончил Политехнический институт, работал главным электриком на строительстве театра имени Ленинского комсомола, а перед войной — военным инженером в частях береговой обороны Краснознаменного Балтфлота, участвовал в строительстве оборонительных укреплений на острове Даго, а затем и в обороне этого одного из важнейших островов Моонзундского архипелага, где при стечении трагических обстоятельств попал в плен.

Я ответил Матусову, что он обязан вернуться в Грейфсвальд и довести свое дело до конца — быть переводчиком во время оформления акта о капитуляции города.

И вот после войны мы встретились с главным энергетиком станкостроительного объединения имени Я. М. Свердлова, членом правления Ленинградского отделения Общества советско-германской дружбы Б. А. Матусовым. Меня интересует Грейфсвальд по ту сторону фронта в апреле 1945 года, все подробности, связанные с подготовкой к сдаче города без боя советским войскам, переход линии фронта партамерами в ночь с 29 на 30 апреля.

Борис Леонидович задумывается, вздыхает, проводит ладонью по крупной бритой голове.

— Можно немножко истории? — спрашивает он.

И я с большим интересом слушаю его. Многое из того, что он рассказывает, узнаю впервые.

На самой территории концлагеря в Грейфсвальде было 2000 заключенных, но за лагерем числилось 15 000 человек. Это были команды военнопленных, работавшие на предприятиях в Гриммене и Штеттине, на полях у хозяев крупных поместий, на подземных заводах в Свинемюнде и Пенемюнде, изготавливавших реактивные снаряды «Фау-1» и «Фау-2». Ночью из лагеря видны были где-то над Свинемюнде огромные вспышки. Это очередные реактивные снаряды взлетали в небо и ложились курсом на Лондон.

Среди сведений о положении на фронте, поступающих в подпольный комитет лагеря разными путями, наблюдение за полетом реактивных снарядов тоже имело свое значение. Все потом взвешивалось, сверялось, анализировалось, затем составлялась своеобразная сводка, которая передавалась из уст в уста. Надо ли говорить о том, как

она ободряла людей, придавала силы даже самым больным, ослабевшим, не чаявшим уже дожидаться дня освобождения. Кстати, члены антифашистского лагерного комитета, куда входил и Матусов, делали все для того, чтобы подольше задержать этих людей в госпитале для военнопленных. Их снабжали продуктами, которые удавалось раздобыть бельгийским, французским и югославским товарищам, работавшим у хозяев ремесленных предприятий Грейфсвальда. Эти же военнопленные получали в городе богатую информацию о положении на фронтах и сообщали ее антифашистскому комитету.

Уже давно исчезли огненные вспышки в ночном небе над Свинемюнде. Теперь только были слышны гул самолетов, пролетающих над лагерем, и далекие отзвуки взрывов.

По тому, откуда переводились рабочие команды, грейфсвальдские узники узнавали, какими городами овладевали наши войска. Из городов Штеттина, Свинемюнде и Пенемюнде команды перебрасывались на оборонительные работы под Анклам, Грейфсвальд, Штральзунд, Росток, Висмар...

У антифашистского комитета было в эти дни много работы. Уже давно он выявлял предателей, полицаяв, осведомителей гестапо и незаметно для лагерного начальства совершал над ними свой справедливый суд. Сейчас следовало закончить это дело, чтобы не дать изменникам Родины затеряться в общей массе военнопленных и выдавать себя за жертв фашизма. Кроме того, комитет вынес решение: при подходе советских войск разоружить охрану и пробираться навстречу своим. Ждали вестей, чтобы в нужный момент дать сигнал к началу восстания.

Но вдруг администрация лагеря запретила вывод военнопленных на работу в город. Исчез самый надежный источник информации. Где советские войска? Далеко ли они от Грейфсвальда? Никто из заключенных этого не знал.

Однажды со стороны Анклама донесся гул канонады — вестник скорой свободы.

— Кто бы мог подумать, — замечает Борис Леонидович, — что избавление от фашистской неволи несут нам воины-ленинградцы! В тот день было много переживаний и много радостей.

Около полудня в барак советских военнопленных вошел дежурный унтер-офицер и позвал Матусова.

— За тобой приехали от военного коменданта города, — сказал он, — быстро собирайся, пошли.

Матусов и его друзья встревожились. Неужели немцы узнали об их намерениях?

Однако надо было идти, унтер ждал, и малейшее промедление могло вызвать у него подозрение. Матусов попрощался с товарищами. Никто не знал — вернется ли он, увидятся ли они когда-нибудь. У ворот лагеря стояла легковая машина, за рулем сидел обер-фельдфебель. Дежурный унтер-офицер передал ему Матусова под расписку. Через несколько минут машина остановилась у двухэтажного дома на небольшой тихой улице.

Когда вошли в просторный кабинет, обер-фельдфебель доложил, что из шталага 2Ц (так официально именовался их лагерь) доставлен советский военнопленный.

За столом сидели немецкий полковник с Рыцарским крестом, справа от него — какой-то господин в штатском, слева — пожилой полковник авиации. Матусов понял, что полковник с Рыцарским крестом и есть военный комендант. Именно он приказал обер-фельдфебелю выйти. Когда тот удалился, полковник обратился к Матусову:

— Вы говорите по-немецки?

— Да.

— Город Грейфсвальд — один из самых старинных университетских центров Европы, — вежливо и спокойно продолжал полковник. — На базе университета работают многочисленные клиники. Город переполнен эвакуированными с востока женщинами, детьми, ранеными. В вашем лагере также очень много людей. Я и мои друзья пришли к выводу, что сопротивление бессмысленно, и поэтому решили передать город без боя командованию Советской Армии. Согласны ли вы быть переводчиком у парламентаров и поехать вместе с ними в распоряжение русской дивизии?

Чего угодно, но только не такого разговора ожидал Матусов у коменданта города. Мгновенно промелькнула мысль о том, что надо каким-то путем сообщить о предложении полковника товарищам в лагерь. Ведь если город сдастся без боя, незачем поднимать в лагере восстание.

— Господин полковник, разрешите мне посоветоваться с моими товарищами в лагере?

— Хорошо, — ответил комендант, — возвращайтесь в лагерь. Но в восемь вечера будьте готовы, за вами придут.

Полковник приказал обер-фельдфебелю отвезти русского военнопленного в лагерь и привезти вечером обратно.

Неожиданное возвращение Матусова в лагерь и его сообщение о предложении коменданта города вызвало бурную радость военнопленных.

Вечером за Матусовым приехала машина. В доме коменданта его встретила супруга полковника и проводила в небольшую комнату, где попросила подождать. Через несколько минут она вернулась и принесла рюмку вина, печенье и пару сигарет. Он остался один в затемненной комнате, дверь была чуть-чуть приоткрыта. Матусов наблюдал за входившими и выходившими людьми. Приходили офицеры, гражданские, слышны были возбужденные голоса, следовали вопросы: «Что делать?», «Будет ли город обороняться?», «Близко ли большевики?», «Что собирается делать комендант?». Матусов успел заметить, как из кабинета коменданта вышли два капитана лагерного управления — Литцау и Ритц — и быстро сбежали по лестнице. «Наверное, бегут из города», — решил он.

Постепенно шум в доме утих. В комнату вошла супруга полковника.

— Пойдемте, пора, — сказала она.

Они спустились вниз. У подъезда стояли две легковые машины и возле них несколько человек. Среди них комендант, опирающийся на палку.

— Садитесь, — сказал он, указав на первую машину.

Матусов сел на заднее сиденье вместе с ректором университета профессором Энгелем. Впереди, рядом с водителем, тем самым обер-фельдфебелем, который привез Матусова из лагеря, сел полковник авиации Вурмбах — заместитель коменданта города. Во вторую машину кроме водителя бывшего однополчанина Рудольфа Петерсхагена Оскара Лемака сели полковник медицинской службы профессор Катш и еще какой-то человек в штатском. Как позже выяснилось, он немного владел русским языком и, по-видимому, был взят для того, чтобы контролировать советского переводчика из военнопленных.

В последнюю минуту супруга коменданта открыла переднюю дверцу машины и подала полковнику Вурмбаху салфетку, которая должна была служить парламентарам белым флагом. Было около одиннадцати часов вечера, когда они тронулись в путь по дороге на Анклам, где предполагалось встретить передовые части Советской

войны: «Анклам усердно строится, но разрушение шло быстрее, чем строительство...» За этими строками угадывается скрытая гордость человека, который сделал все, чтобы участь Анклама не постигла Грейфсвальд.

В апреле 1945 года в этом городе было 36 тысяч жителей и примерно столько же беженцев, больных и раненых. Проявляя заботу о судьбе старинного Грейфсвальда, Петерсхаген и его друзья сделали свой выбор. Но это был только первый шаг, который потом вполне закономерно привел их в иной открывшийся им мир, мир подлинной свободы, демократии и социализма.

Наивно было бы думать, что Петерсхаген только в ночь с 29 на 30 апреля 1945 года принял решение о сдаче города советским войскам без боя. В условиях гитлеровской Германии даже в период завершающего этапа войны, когда запугивание зверствами русских, псевдопатриотические призывы фашистской пропаганды имели еще, к сожалению, свое влияние на население, потребовалось немало времени — целых четыре месяца, пока Петерсхаген нашел и отобрал себе единомышленников, людей, на которых он мог во всем положиться. Все эти месяцы полковнику приходилось играть роль человека, преданного режиму, и в то же время находить лазейки, чтобы не выполнять преступные приказы Гитлера и его клики. Это была скрытая, сложная борьба, когда малейшая неосторожность могла привести к роковой развязке...

ПУТЬ К ВЫСШЕМУ МУЖЕСТВУ

В первых числах сентября 1942 года радиокomentатор геббельсовского ведомства пропаганды Ганс Фриче готовил большую передачу «Падение Сталинграда». От каждого армейского корпуса 6-й армии Паулюса должен был выступить по берлинскому радио один из награжденных Рыцарским крестом.

Кавалера этого ордена командира 92-го Грейфсвальдского полка 60-й моторизованной пехотной дивизии полковника Рудольфа Петерсхагена, раненного в правую руку, отправили лечиться на родину и заодно приказали участвовать в радиопередаче, посвященной падению Сталинграда. Он приехал в родной Грейфсвальд, где его, героя битвы за Сталинград, приняли с почестями высокопоставленные отцы города.

«Прекрасные осенние дни летели неудержимо, — вспоминает Петерсхаген в своих мемуарах. — Сводки верховного командования ежедневно сообщали о новых успехах. На Эльбрусе — самой высокой вершине Кавказа — водружен флаг со свастикой.

А «падение Сталинграда» все никак не состоится.

О победном гимне Фриче, в котором я должен был выступать солистом, никто больше не вспоминал... Как опытный солдат, я понимал, что за всем этим кроются ожесточенные оборонительные бои. Вероятно, наступление провалилось, и немецкое командование вовсе не по доброй воле приняло решение об отказе от дальнейших завоеваний¹.

Герой похода на Восток, кавалер Рыцарского креста, начинает уже многое понимать. Когда жена одного из офицеров, уловив неопределенность в поведении Петерсхагена, спрашивает у него: «Вы думаете, мы проиграли войну?» — он не без ехидства отвечает: «Я думаю, что выиграть ее мы уже не можем».

Как признается далее сам Петерсхаген, от сомнений он спасается «бегством на фронт».

«Прошел сентябрь. Наступил день отлета в Сталинград. Я не хотел напоследок огорчать жену, но от нее не ускользнула моя задумчивость. Она понимала, что я тревожусь за судьбу 92-го Грейфсвальдского полка и всей 6-й армии»².

Часто вспоминая грейфсвальдскую историю, я как-то невольно думаю о своей судьбе, судьбе хуторского парня с Дона, отец которого с оружием в руках отстаивал Советскую власть в годы гражданской войны, был членом комитета бедноты, участвовал в разделе земли богатеев, потом долгие годы мечтал, чтобы сын его стал агрономом...

В те годы, когда Рудольф Петерсхаген учился в офицерском училище, командовал взводом, ротой, я баграчил у кулаков, был избачом, секретарем сельской ячейки комсомола, боролся за колхозы. Тогда я вполне искренне разделял мысли своего отца — очень хотел учиться на агронома. Семейные традиции, конечно, складываются годами. Рудольф Петерсхаген и такие, как он, росшие в семьях, где царила атмосфера военного психоза и реванша, с детства мечтали о карьере офицера. А мы, дети рабочих и крестьян, мечтали о мирных профессиях. Но так

¹ Р. Петерсхаген. Мятая совесть, стр. 10.

² Там же, стр. 13—14.

уж вышло, что тучи войны надвигались на нашу страну, и многим из нас пришлось изменить своим мечтам и взяться за изучение военных наук...

И все же, если бы моему отцу тогда сказали, что его сын через 15 лет станет генералом, командиром дивизии и что дивизия будет громить врагов Советской власти на земле той самой страны, с войсками которой ему и его товарищам пришлось сражаться еще в первую империалистическую и гражданскую, он бы не сразу поверил. Как не сразу поверил он мне уже во время нашей встречи после войны, что именно я принимал парламентариев того немецкого коменданта, который сдал город без боя.

— Ответь мне, сынок, тот комендант был за коммунистов? — спросил отец.

— Нет, — ответил я, — он воевал под Сталинградом...

— Добрая школа, — сказал отец. — Вовремя, значит, для себя и для города полковник извлек урок.

Интересно, что командиром дивизии я был назначен в ноябре 1943 года, когда Рудольф Петерсхаген после первого ранения вернулся на фронт под Сталинград и снова вступил в командование полком. Мы готовились к прорыву блокады, а дивизия, где служил Петерсхаген, оказывала сопротивление нашим войскам.

Слушая отца, я в шутку заметил:

— Когда твой сын проходил ленинградскую школу, сталинградская готовила ему неплохого противника...

Битва под Сталинградом уже подходила к концу. Вторично раненного, теперь уже в ногу, Р. Петерсхагена с последним самолетом эвакуируют из «котла» и он снова попадает в один из госпиталей своего города.

У него раздроблена голень. Прошел год, прежде чем он смог подняться и начать передвигаться по палате на костылях. Наконец его выписывают из госпиталя, но он еще ходит туда на перевязки. И вдруг из Берлина Петерсхаген получает приказ о своем назначении в Верховный военный трибунал. «Такая «честь» была для меня тяжелым ударом. Я уже достаточно наслышался об этом заведении. Мне предстояло ставить подписи под смертными приговорами товарищам, которые вслух говорили то, о чем со времен Сталинграда неотступно думал я сам. Этого не допускала моя совесть»¹.

Директор хирургической клиники университета про-

---

¹ Р. Петерсхаген. Мятежная совесть, стр. 13—14.

фессор фон Земен помогает ему выпутаться из сложной истории. Он удостоверяет, что больному необходимо остаться в Грейфсвальде для дальнейшего лечения. «Из Берлина, из управления кадров, ответ пришел быстро. Было приказано принять дела начальника гарнизона Грейфсвальда. На ближайшее будущее мой жребий определен»¹.

Сухопарого, еще не оправившегося от ран, хромого полковника с Рыцарским крестом знал весь город. Жители Грейфсвальда были довольны, что их судьбу вверили фронтовику, понимающему военное дело, а не какой-нибудь «тыловой крысе» из высокопоставленных эсэсовцев. Но никто в городе не догадывался, о чем думает комендант. А его с самого начала вступления на этот пост одолевали тяжкие мысли.

«Горько было сознавать, что Грейфсвальд с его средневековыми домами, с пятисотлетним университетом и древними церквями превратится в поле боя. Я вспомнил Варшаву, Львов, Днепропетровск, Ростов, Сталинград... Неужели Грейфсвальд... постигнет такая же страшная участь?

Нет, этого не должно быть! Все во мне бунтовало. Но я тут же останавливал себя: не мы ли превратили пол-Европы в развалины, не мы ли без долгих раздумий пролили реки крови, заставили страдать целые народы? Привыкшие к послушанию и победам, мы рвались к Москве и Сталинграду. А теперь война, точно бумеранг, обрушилась на нас самих. Эти размышления вконец измучили меня. Разве те, на кого мы напали, не любили свою родину так же, как мы свою? Мне было стыдно, что раскаяние проснулось во мне так поздно.

Я решил пойти наперекор Гитлеру и войне, хотя смог это сделать лишь в своей ограниченной сфере деятельности. Зато для жителей нашего города это могло иметь жизненно важное значение. Как осуществить свое решение? Ясного ответа у меня еще не было.

Всеми своими мыслями и сомнениями я привык делиться с женой. Но когда я сказал ей, что собираюсь сдать Грейфсвальд без боя, она испугалась. Отвернувшись от меня, она задумчиво и серьезно посмотрела на портреты двух своих предков: генерал-фельдмаршала фон Линдквиста и генерал-полковника фон Кесселя. Я тоже

¹ Р. Петерсхаген. Мятая совесть, стр. 13—14.

взглянул на этих увешанных орденами представителей прусского военного духа, и мы оба подумали, что спасение Грейфсвальда означает разрыв с традициями, которые были проклятием Германии. Для жены этот шаг был особенно тяжел, но она поняла, что он был неизбежен. А это было для меня очень важно.

Одному мне было не под силу осуществить этот план — необходимы помощники. Кому довериться, кого, быть может, перетянуть на свою сторону?»¹

Не только искренняя, звучащая как исповедь, книга «Мятежная совесть», но и вся последующая жизнь Петерсхагена в послевоенное время, его героическое поведение под пытками в тюрьмах Западной Германии, куда он был брошен на долгие годы агентами американской разведки Си Ай Си, его борьба за возрождение новой, демократической Германии свидетельствуют о том, что он, истинный сын своего народа, в ходе войны фашистской Германии с Советским Союзом понял, где его место в борьбе за будущее родины.

Ни Петерсхаген, ни его товарищи — помощник коменданта полковник Вурмбах, личный адъютант майор Шенфельд, бывший однополчанин, военный чиновник-инспектор, работавший в зенитном училище, Оскар Леман, профессора Энгель, Катш и многие другие — не были ни коммунистами, ни даже людьми, сочувствующими коммунистам.

«Допрашивая меня, — вспоминает Петерсхаген, — советские офицеры интересовались главным образом мотивами моего поступка. Наверное, им было бы приятнее услышать, что мои действия продиктованы коммунистическими воззрениями. Но я сказал, что действовал лишь по велению совести»².

Западная пропаганда, и в первую очередь боннская и американская, окрестила Рудольфа Петерсхагена и «красным полковником», и «коммунистическим крейслейтером». Единственным доказательством тому были акты гуманности по отношению к раненым советским военнопленным, равно как и к населению Грейфсвальда. В связи с этим весьма любопытен следующий эпизод, происшедший с Петерсхагеном в одной из тюрем Западной Германии, который описывает автор книги «Мятежная совесть»:

¹ Р. Петерсхаген. Мятежная совесть, стр. 32—33.

² Там же, стр. 219.

«Из председателя грейфсвальдского районного правления национально-демократической партии Германии меня вдруг превратили в «коммунистического крейслеитера»: Я узнал, что в Си Ай Си допрашивают всех, вернувшихся из советского плена, требуя доказательств моего „сотрудничества с Советами“. „Доказательством сотрудничества с Советами еще в 1941 году“ оказался вдруг следующий эпизод.

К концу лета 1941 года, захватив военный аэродром возле Днепропетровска, мы взяли в плен несколько сот советских солдат, среди них много раненых. Эвакуировать их мы не могли. Я предоставил в распоряжение пленных медицинских работников несколько домов на окраине города для размещения раненых и приказал обеспечить их из трофейных запасов. Когда мы, спустя две недели, отправились дальше, советский врач в присутствии раненых и медицинского персонала поблагодарил меня. Я ответил, что это естественный акт рыцарства. Теперь это рассматривалось как опасное „сотрудничество с красными!“¹

Многие страницы в книге Петерсхагена, человека большого мужества, рыцаря подлинной правды, посвящены гуманизму и великодушию Советской Армии-победительницы.

Командир 92-го Грейфсвальдского полка 60-й моторизованной дивизии лежит в 1943 году раненый в госпитале своего родного города. Он волнуется, переживает, беспокоясь о судьбе солдат, попавших в плен к русским под Сталинградом. В мирном небе Грейфсвальда появляется самолет с красной звездой и сбрасывает не бомбы, а листовки. Фашисты тщательно собирают их и сжигают. Распространение русских листовок карается смертью. Но в госпиталь к Петерсхагену приходит его бывший однополчанин Оскар Леман и осторожно достает листовку, которую он хранил на груди под рубашкой. Листовка рассказывала о том, что однополчанам в плену у русских живется хорошо. Командир полка узнает факсимиле — подписи своих подчиненных. Он спешит известить об этом родственников, которые ничего не знают о судьбе своих близких и считают их погибшими. Но можно ли верить русским? Не подделаны ли подписи, взятые из воинских книжек? Разве злые русские даруют жизнь пленным? Петерсхаген убеждает родственников солдат, что русским можно

---

¹ Р. Петерсхаген. Мятая совесть, стр. 219.

верить. На фронте были случаи, когда их Грейфсвальдский полк отбивал своих солдат, попавших в плен, особенно раненых. И те рассказывали, что советские солдаты обращались с ними очень гуманно.

И все же не все верят ему. Они спрашивают, почему из России нет писем, а из английского и американского плена письма доходят. Они не знают, что руководители гитлеровского государства наложили запрет на почту от военнопленных из Советского Союза. На запросы родственников власти отвечают отписками, распространяют слухи об ужасах советского плена. В Советском Союзе знают об этом коварстве гитлеровцев. Письма попавших в плен под Сталинградом начинают сбрасывать над Венгрией. Кто-то пересылает одно из них в Грейфсвальд. Так к родственникам военнопленных из России приходит еще одна весточка. В гуманизме русских родственники военнопленных уже не сомневаются.

О великодушии советских солдат, офицеров, генералов, всей нашей армии в книге Рудольфа Петерсхагена сказано много. Я привел лишь один пример, чтобы показать, как постепенно узнавалась правда о нашей армии, нашем советском народе, нашем социалистическом государстве. Она, эта правда, оказалась сильнее лжи, фальши, фашистской пропаганды. В связи с этим постепенно менялась психология не только немцев-солдат, но и честных, сильных духом офицеров.

Впервые мы встретились с Петерсхагеном и его верным другом и помощником супругой фрау Анжеликой в 1956 году, т. е. спустя 11 лет после войны, в Грейфсвальде, куда я был приглашен на празднование 500-летия университета.

Мы сидели за столиком в уютном банкетном зале. Наблюдая, с какой нежностью, заботой и особым тактом жена Петерсхагена ухаживает за мужем, я думал об удивительной, не совсем обычной судьбе этой женщины...

Она родилась и выросла в аристократической семье. Оба деда ее — генерал-фельдмаршал фон Линдквист и генерал-полковник фон Кессель — сподвижники и приближенные последнего кайзера Германии Вильгельма Второго. Генерал-фельдмаршал Линдквист — дед по линии отца — был адъютантом кайзера, дед по линии матери — генерал-полковник фон Кессель — комендантом Берлина в годы первой мировой войны. Мать Анжелики воспитывалась вместе с детьми кайзера, а дети наследного принца были

товарищами ее дочери, неизменно вовлекавшими ее в свои игры.

В 1934 году Анжелика, несмотря на протесты родных, выходит замуж за ротного командира капитана Рудольфа Петерсхагена. Это была настоящая любовь, ради которой она порвала с родными, пожертвовала блестящим положением в высшем аристократическом обществе.

Супруги Петерсхагены прошли через тяжелейшие испытания. Но они были по-настоящему счастливы, и фрау Анжелика никогда не жалела, что разделила судьбу с человеком, на долю которого выпало столько страданий и душевных невзгод. Она поддерживала мужа, ободряла его в тот тяжелый, тревожный период, когда он готовил сдачу Грейфсвальда советским войскам без боя, примирилась с его решением добровольно отправиться в плен, чтобы не искать для себя лучшей доли, чем его солдаты. Оставшись одна, фрау Анжелика работала прачкой, судомойкой, уборщицей, участвовала во всех общественных начинаниях, копала огород, мостила улицы...

Рудольф Петерсхаген вернулся из плена полным сил, энергии и жажды деятельности. Он становится городским советником, членом правления Общества германо-советской дружбы. Его избирают делегатом от Грейфсвальда на Третий немецкий народный конгресс, который в мае 1949 года утверждает проект конституции Германской Демократической Республики. Супруги Петерсхагены ведут большую переписку со многими общественными деятелями и простыми людьми, живущими за рубежом, активно участвуют в борьбе за укрепление мира между народами.

Но вот новые испытания обрушились на семью. В 1951 году Петерсхаген едет по личным делам в Западную Германию. Агенты американской разведки и неофашисты из числа недобитых гитлеровцев устраивают ему провокационную ловушку и бросают в тюрьму.

«Красного полковника» хотят переубедить, заставить клеветать на СССР и ГДР. Он выдерживает самые невероятные пытки, сидит месяцами в одиночках, голодает, переносит тяжелейшие болезни в сырых холодных камерах, но не сдается. Его приговаривают к восьми годам тюремного заключения. И снова незримо рядом с ним его Анжелика. Ее письма, постоянная забота ее и друзей помогают ему с честью пройти через все испытания и ужасы западногерманских застенков. Под влиянием широкой общественности, участвовавшей в борьбе за освобождение героя

Грейфсвальда, американская разведка и власти ФРГ вынуждены были выпустить на свободу ни в чем не повинного Рудольфа Петерсхагена.

...В те дни, когда мы впервые встретились на праздновании 500-летия Грейфсвальдского университета, еще не была издана книга «Мятежная совесть». Петерсхаген сообщил мне тогда, что он завершает работу над ней. Не зная еще всего того, что ныне известно о последних днях Грейфсвальда при фашизме, я спросил об этом у Петерсхагена.

— О, это длинная и, пожалуй, самая драматическая история, — сказал, погружаясь в раздумье, Петерсхаген. — В тот день, когда я узнал от моего бывшего начальства о подходе Советской Армии, мы были на волоске от смерти. Наши планы, так тщательно готовившиеся долгие дни и недели, могли рухнуть в одну минуту.

Вот что мне тогда вкратце поведал Петерсхаген. Командование 2-го армейского корпуса, которому подчинялся комендант Грейфсвальда, потребовало от Петерсхагена ответ, как долго он сможет удержать город силами гарнизона.

Петерсхаген ответил, что гарнизон сможет продержаться 4 часа. Он, комендант, надеялся, что из-за такого ничтожного срока командование 2-го армейского корпуса не станет рисковать древним университетским городом, его населением, где к тому же находилось еще несколько военных госпиталей и скопилось много беженцев. Но вскоре из Гюстрова, где был штаб 2-го армейского корпуса, позвонил начальник штаба полковник Штаудингер (кстати, родственник Петерсхагена) и дружеским тоном сказал, что командира корпуса ошарашил его срок. «Но, — сказал полковник Штаудингер, — мы здесь все тщательно проверили, взвесили и считаем, что ты прав. Наш генерал окажет тебе полнейшую поддержку. Он велел передать тебе, что если наша дивизия, которая действует под Анкламом, будет «иванами» оттеснена, то во изменение ранее поставленной задачи она получит приказ отходить с боями к Грейфсвальду и поступит в твое полное распоряжение».

Далее полковник Штаудингер дал ясно понять Петерсхагену, что Грейфсвальд рассматривается как плацдарм для будущего контрнаступления и его надо во что бы то ни стало оборонять изо всех сил и как можно дольше.

— Мне посулили звание генерала и «Дубовые листья» к Рыцарскому кресту, не понимая, как смешно тогда вы-

глядел бы весь этот пафос, ради которого я должен был расплачиваться кровью мирных жителей и городом, история которого насчитывает семь веков... Мне пришлось пуститься на хитрость, заставить разоткровенничаться своего родственника. Я спросил у него, какова была первоначальная задача их дивизии, действующей под Анклагом. Он удовлетворил мое любопытство и сказал, что ранее предполагалось, что гарнизон Грейфсвальда будет обороняться самостоятельно, а дивизию используют в другом месте.

Петерсхаген улыбнулся:

— Это нас и спасло...

В решительную минуту адъютант и друг Петерсхагена майор Шенфельд помог ему переслать командованию немецкого соединения, отступающего из Анклама на Грейфсвальд, фиктивный приказ, в котором говорилось, что их дивизия должна следовать в обход Грейфсвальда.

— Вы, Семен Николаевич, — продолжал Петерсхаген, обращаясь ко мне по-русски, делая ударение на отчестве, — тогда в Анкламе сильно потрепали ту дивизию, и ее командование обрадовалось, что следующий город можно миновать, иначе все, что уцелело от нее в Анкламе, было бы добыто в Грейфсвальде. Это всем было ясно. Лишь отдельные подразделения, никем не предупрежденные, оказались у нас, но и они, узнав о моем приказе, бросились догонять своих. Но что могли уже тогда решать такие потрепанные дивизии! Войска маршала Рокоссовского, в том числе и ваша дивизия, своим стремительным наступлением не давали им возможности занимать оборону в городах, которые можно было бы превратить в опорные пункты. Истинные патриоты Германии будут вечно благодарны советским воинам, спасшим от разрушения большинство городов Ростокского округа и всей Мекленбургской провинции Германии...

До сих пор на Западе время от времени поносят в газетах Петерсхагена, который якобы «осквернил» честь кавалера Рыцарского креста. Совершенно очевидно, что если у Рудольфа Петерсхагена и его друзей — бывших офицеров вермахта, нашедших в себе мужество порвать с гибельными для немецкого народа традициями прусской военщины, изменились понятия о подлинном рыцарстве, то у бывших гитлеровских генералов-реваншистов они остались прежними: жги, истязай, мучай, убивай, шагай к военной славе даже через трупы своих сограждан. Эту

мысль убедительно раскрывает Петерсхаген в своем ответе некоторым военным преступникам, с которыми американская разведка и тогдашние власти ФРГ сочли возможным содержать его вместе в тюрьме 4 года.

Однажды с провокационной целью один из этих военных преступников спросил Петерсхагена:

«— Как это вы, кавалер Рыцарского креста, без боя сдали Грейфсвальд красным ордам?»

Все выжидательно смотрели на меня. Я принял вызов:

— Именно мои ордена помогли мне принять это решение.

Многие удивленно вытаращили глаза и навестили уши. Я продолжал:

— Никто не сомневался в моем мужестве и готовности вступить в бой. Это освобождало меня от тщеславного стремления к военным лаврам. Я сумел понять главное стремление измученного немецкого народа: мир. Мне открылся путь к высшему мужеству»¹.

Летом 1964 года на Неве у моста Лейтенанта Шмидта бросил якорь учебный корабль одного из мореходных училищ ГДР, прибывший из Грейфсвальда. Меня пригласили к себе в гости курсанты. Командир корабля передал мне привет от Рудольфа Петерсхагена и сказал:

— А у нас есть для вас сюрприз.

Этим сюрпризом оказался фильм «Совесь пробуждается», поставленный по книге Р. Петерсхагена «Мятежная совесть». Там на корабле впервые я и посмотрел его. Все события, происходившие на экране, воспринимались мной заново.

Я знал, что гитлеровцы заочно приговорили Петерсхагена к смертной казни, знал, что рано утром 30 апреля 1945 года, т. е. за несколько часов до вступления в город советских войск, в комендатуру ворвались три эсэсовца с заряженными пистолетами и обратились к майору Шенфельду, исполнявшему в тот день обязанности дежурного, с требованием указать, где полковник Петерсхаген. Они заявили, что им поручено расстрелять его. Шенфельду удалось ускользнуть от эсэсовцев. Он выпрыгнул из окна и предупредил по телефону Петерсхагена. И все же, когда на экране появились палачи-эсэсовцы, охотившиеся за главным героем фильма, я волновался так, словно и не знал, что все кончится благополучно...

¹ Р. Петерсхаген. Мятежная совесть, стр. 219.

Вместе со мной волновались и переживали курсанты Грейфсвальдского мореходного училища, хотя они уже не раз смотрели этот фильм. Когда зажегся свет, курсанты обступили меня, стали задавать вопросы. Больше всего, конечно, спрашивали, насколько правдиво отображена в фильме история спасения Грейфсвальда, реальная ли была угроза его уничтожения, если бы Петерсхаген не выслал парламентаров.

— Многое показано так, как было. Но есть и художественный домысел, который, впрочем, не искажает самой сути всей грейфсвальдской истории.

Так я ответил немецким юношам, дополнив эпизод сдачи города без боя некоторыми подробностями. Что же касается угрозы уничтожения города, то она была вполне реальной. Дело в том, что после большого боя за Анклам мы пытались разведать, будет ли Грейфсвальд сопротивляться.

— Но Петерсхаген, видимо, большой конспиратор, — в шутку сказал я, — в свои замыслы он нашу разведку не посвятил.

Да, у нас были все основания начать штурм города. Фашистские газеты писали о том, что Грейфсвальд превращен в крепость, которая будет обороняться до последнего солдата. Данные нашей разведки говорили о скоплении войск в городе. Кроме того, арьергарды отступающей из Анклама дивизии вечером 29 апреля оказали организованное сопротивление огнем нашему 314-му полку. Все это говорило о том, что гарнизон не собирается ни отступать, ни капитулировать. Опоздай парламентары на 2—3 часа, Грейфсвальд лежал бы в развалинах так же, как и Анклам...

Я смотрел на крепких, загорелых немецких парней, многие из которых родились в Грейфсвальде уже после войны, и думал: вряд ли так счастливо сложилась бы их судьба, если бы Петерсхаген и его друзья 30 апреля 1945 года не проявили высокого гражданского мужества.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВЕСНА

В ДНИ ПОБЕДЫ

Известно, что в день неудавшегося гитлеровского путча в Мюнхене 9 ноября 1923 года поэтические слова «Раньше, чем покроются цветом деревья» фашисты избрали своим паролем. И как бы в насмешку над ними через 22 года история уготовила им бесславный финал в мае, когда ожила природа и деревья покрылись зелеными листьями.

30 апреля 1945 года Гитлер покончил самоубийством. Среди развалин Берлина буйно расцветала черемуха, тянулись к свету зеленые побеги, деревья шелестели молодой листвой. Армия и народ Германии еще не знали, что фюрера уже нет. На завтра его преемники, сообщив об этом по радио и в газетах, призвали армию продолжать оказывать русским сопротивление.

На подступах к городу Гриммен немцы пытались дать нашей дивизии бой. В эти последние дни войны мы, не обращая внимания на блуждавшие в нашем тылу группы гитлеровцев, стремились только вперед. Помнится такой случай. 1-й батальон майора А. В. Щербины шел в передовом отряде 176-го стрелкового полка. В течение несколь-

ких дней он продвигался с боями, сбивая арьергарды и преследуя отступающего противника. Войны батальона порядком устали и буквально валились с ног. Командир полка подполковник С. Ф. Семенов вывел батальон во второй эшелон. В 15 километрах от города Гриммен в лесу у дороги он расположился на отдых. На рассвете командира батальона майора Щербину растолкал связной.

— Товарищ майор, гитлеровцы!

— Где? — вскочил комбат.

— Да вон из леса на дорогу выходят.

В это время бойцы нашего охранения уже завязали бой с противником. Комбат поднял батальон в ружье. После короткой, но жаркой схватки немцы сложили оружие. Как выяснилось, это были остатки дивизии, дравшейся с нами в Анкламе. Командовали разрозненными подразделениями матерые эсэсовцы. Они пытались пробиться на запад и сдаться в плен англичанам, но из этого ничего не вышло. Пленные показали, что остатки других разбитых частей также получили приказ драться с русскими и сдаваться в плен англичанам, которые в это время на нашем участке фронта подходили к Эльбе.

Продвигавшийся по шоссе 176-й полк был неожиданно атакован противником с двух сторон. Мешкать было нельзя. Я тут же связался по радию с командующим артиллерией полковником А. И. Бальсиным, находившимся на своем НП.

— Афанасий Иванович, — спросил я, — какие у тебя силы недалеко от Семенова?

— Полк самоходок и противотанковый дивизион, — ответил он.

Я уточнил их местонахождение и приказал самоходкам отразить контратаку противника справа, а противотанковому дивизиону — слева. Заняв позиции, самоходно-артиллерийский полк и дивизион начали расстреливать гитлеровцев прямой наводкой. Солдаты и офицеры стали удирать. Однако большинство все же бросало оружие. Поднимая руки и махая белыми платками, они выкрикивали:

— Гитлер капут!

Даже бежавшие в лес вернулись, чтобы сдаться в плен. Скрылись, как оказалось, только эсэсовцы, которые до этого гнали рядовых солдат в контратаку.

Когда я приехал на командный пункт 176-го полка, подполковник С. Ф. Семенов, доложив обстановку, в шутку заметил:

— Идем в атаку гуськом по одному. Один солдат сто пленных берет. Так воевать можно.

Пленных немцев оказалось 12 тысяч человек, т. е. в несколько раз больше, чем было у нас активных штыков во всей дивизии. Охранять их я доверил нашим людям, освобожденным из немецкой неволи.

В самом Гриммене уличных боев не было. Когда наши части проходили по городу, большинство населения вышло на улицы и приветствовало советских воинов.

На войне бывают и забавные случаи. Из Демина на Гриммен двигалась колонной наша полковая артиллерия. Едва она остановилась на привал, как вдруг из ближнего хутора выскочил немец в матросской форме с автоматом в руках и побежал в лес. Командир огневого взвода лейтенант Голубев приказал рядовому Андрееву догнать его и задержать. Андреев вскочил на лошадь и пустился в галоп. Почти у самого леса он догнал немца.

— Товарищ командир, — спросил Андреев, — куда его? Расстрелять нельзя — не сопротивлялся, значит, пленный.

Голубев спросил у задержанного, откуда он. Тот ответил, что из города Гриммен и что шел домой. Голубев подумал-подумал и решил отпустить.

— Пусть идет домой, — сказал он, обращаясь к Андрееву.

Андреев тут же постарался, как мог, объяснить задержанному немцу решение командира.

— Иди нах хауз, — сказал он ему, указывая рукой на город.

Но пленный замотал головой и начал просить, чтобы его взяли с собой, так как его могут убить фашисты. Лейтенант Голубев махнул рукой:

— Ладно. Пусть идет с нами.

Дом немца оказался при въезде в город Гриммен. Когда подошли к нему, пленный заулыбался, начал что-то говорить и указывать рукой на дом. Лейтенант Голубев поверил немцу и вошел с ним в дом. Как только они переступили порог, жена немца вскрикнула и бросилась мужу на шею. От радости оба заплакали. Потом, улыбаясь и смахивая рукой слезы, извинились и стали приглашать лейтенанта к столу. Он объяснил им жестами, что ему некогда, и быстро вышел из дома. Во дворе его окружили бойцы.

— Соврал? — поинтересовались они.

— Правду сказал, — ответил лейтенант, — нельзя всех немцев стричь под одну гребенку.

Наш штаб дивизии располагался на западной окраине Гриммена. Не успели как следует оглядеться, как к нам подошла колонна чехословацких военнопленных со своим государственным флагом. Командир колонны обратился к командиру взвода охраны с просьбой разрешить встретиться с советским генералом. Я вышел из дома. Чехи стояли в строю. Поздоровался с ними. Обрадовался, услышав ответное приветствие на русском языке. Затем один из чехов от имени своих товарищей поблагодарил советский народ и его доблестную Советскую Армию за освобождение от фашистского плена. Он говорил об искренней дружбе чехословацкого и советского народов.

Я вглядывался в каждого, кто стоял передо мной. Все они были измождены, но в глазах светились радость и гордость. Это были лица друзей, счастливых и благодарных. Я пожелал им быстрее возвращения на родину.

Едва закончилась встреча с чехословацкими друзьями, как прибыл старый бургомистр города Гриммен приветствовать и благодарить Советскую Армию за освобождение города и мирного немецкого населения от фашизма. Бургомистр сообщил, что по случаю такого торжества он устраивает прием, на который приглашает меня и моих офицеров. Обстановка не позволяла нам принять это приглашение. Кроме того, в искренность этого бургомистра мы не особенно-то поверили.

Поздно вечером 30 апреля мы остановились со своим штабом в богатом имении какого-то барона. К нашему удивлению, семья барона — жена и дочь с двумя детьми — осталась в имении, не сбежала на Запад, как другие. Сам барон и его зять служили в гитлеровской армии, и семье было неизвестно, где они в то время находились.

В этом имении мы отмечали Первое мая. Был приготовлен праздничный обед. Хозяйка дома накрыла на стол. Надо отдать должное баронессе. Она старалась не за страх, а за совесть. На обеде были командиры частей и их заместители, а также офицеры управления штаба дивизии. За всю войну мы впервые так торжественно и по-домашнему, одной семьей отметили этот праздник.

Баронесса вела себя, как говорится, тише воды, ниже травы и старательно трудилась на кухне. Только осмелилась замолвить словечко за бургомистра. Не пригласить ли, дескать, и его, ведь он принял меры, чтобы спасти наш

Гриммен. Я не знал, почему гитлеровцы не оказали нам сопротивления в городе, но, вспомнив елеиную улыбочку бургомистра Вебера, его плутоватые глаза, решил, что такой не мог обладать теми качествами, которые приписывала ему баронесса.

И вот спустя много лет новый бургомистр Гриммена товарищ Пилгрим пригласил меня в городскую ратушу на торжественный обед по случаю 20-летия Германской Демократической Республики. В разгар торжества товарищ Пилгрим наклонился ко мне и говорит:

— А вы, товарищ генерал, правильно сделали, что тогда отказались от почестей, которые собирался оказать вам и вашим офицерам господин Вебер. Он ведь был хитрой лисой — исподтишка помогал коменданту города подготовить гарнизон к обороне. А потом среди населения и ваших войск играл роль спасителя.

— Откуда вам известно о неудавшемся торжественном обеде господина Вебера в нашу честь? — спросил я нового бургомистра.

— Нам все известно, и мы ничего не забываем. Мы многому учимся у советских людей. У вас, советских, сильно развито классовое чутье, я назвал бы его шестым органом чувства, поскольку пять даны человеку от природы, но по значимости поставил бы его на первое место...

Я рад был услышать эти слова от нашего немецкого друга. Да, новый бургомистр Гриммена прав. Отечественная война советского народа с фашистской Германией была не только борьбой армий, но и борьбой двух социальных систем, двух идеологий. Мы тогда почти безошибочно угадывали, кто стоит перед нами — нацист или антифашист.

Командир нашего корпуса генерал-лейтенант В. С. Поленов рассказывал мне, что генералы-нацисты, попав в плен, всячески пытались подбадривать себя. Некоторые из них умудрялись каким-то образом добывать шнапс и в ожидании допроса накачивали себя изрядными дозами спиртного. Вот как вспоминает об этом Рудольф Петерсхаген в своей книге «Мятежная совесть»:

«...меня поместили в вилле напротив штаба маршала Рокоссовского. Там уже находилось несколько пленных генералов. И каждый день прибывали новые. Настроение — как перед концом света. Одни из этих бывших полководцев взвешивали, не покончить ли жизнь самоубийством: эни, конечно, знали за собой вину, боялись возмездия и

неизвестного будущего. Другие пытались оглушить себя алкоголем из прихваченных с собой обильных запасов. Два генерала приветствовали меня с балкона, размахивая початыми бутылками и распевая пьяными голосами:

Пропьем бабку с потрохами,
с потрохами,
с потрохами...

Я был потрясен. Бесславно кончалась „Великая Германия“!»

Сам Петерсхаген после сдачи нам 30 апреля 1945 года Грейфсвальда без боя пытался по телефону уговорить начальников гарнизонов Гриммена и Штральзунда последовать его примеру, но они предпочли отдать частям своих гарнизонов приказ продолжать сопротивление, а сами наполнили машины барахлом и поспешно удрали на запад.

Кто же все-таки распропагандировал солдат гарнизона Гриммена, убедил их не сопротивляться, когда наша дивизия подошла 30 апреля к стенам города? Имена их сейчас известны всему Гриммену. Это была подпольная группа во главе с коммунистом, ныне покойным Максом Блендовом. Ему активно помогали антифашисты Август Репенхаген и Карл Бенцтин. С последним мне довелось встретиться на торжественном обеде в городской ратуше в честь 20-летия ГДР. Он слышал наш разговор с новым бургомистром. И на мой вопрос, как подпольщикам удалось 30 апреля 1945 года вопреки приказам вышестоящих начальников и хитросплетениям господина Вебера уговорить солдат гарнизона не сопротивляться, улыбувшись, ответил:

— И нам помогло шестое чувство...

2 мая 1945 года кто-то из офицеров штаба дивизии включил приемник, и мы услышали голос Левитана. Из приемника донеслись долгожданные слова: «...водрузив над Берлином знамя Победы!» Характерные левитановские интонации с ударениями над словами «Берлин» и «Победы» запомнились мне на всю жизнь. Они звучали как заключительные аккорды величественной симфонии.

Надо бы кричать «ура», обниматься. Но мы стоим молча, в глубоком раздумье. В горле что-то перехватило. Мы, познавшие столько горя, столько потерь, выстоявшие у стен Ленинграда, сокрушавшие «Северный вал», освобождавшие великий город на Неве от блокады, прошедшие сотни и тысячи километров с боями, редко плакали,

прощаясь навсегда с боевыми друзьями, павшими на поле боя, но сейчас не стеснялись своих слез.

В журнале «Юность» я прочел такие строки в статье Юрия Левитана: «...однажды, много лет спустя после войны, я выступал в Ленинграде. Как-то само собой случилось, что я прочел публике давнюю сводку Совинформбюро о прорыве блокады Ленинграда. Я воспроизвел не только текст, но и все нюансы той интонации, с которой читал эту же сводку в сорок третьем году. И увидел, что многие в зале плакали, а у меня самого вдруг пошли по телу мурашки. Мы все будто окунулись в атмосферу тех тяжелых лет, как если бы вернулся давно минувший день...»¹

Мне не довелось слышать голос Левитана, когда он читал по радио сводку Совинформбюро о прорыве блокады, потому что в тот день мы — участники этих боев — находились на рубеже, где вчера еще был враг. О сводке Совинформбюро мы узнали от товарищей из штаба армии по телефону. Статья Юрия Левитана, человека, с голосом которого сроднилась вся страна в дни тяжких испытаний и горя, радостей и побед, напомнила мне наше первомайское торжество 1945 года в маленьком городке на севере Германии и тот вечер, когда мы впервые по радио узнали о падении Берлина...

3 мая 90-я дивизия после короткого боя овладела портовым городом Штральзунд. 6 мая наша 46-я дивизия, взаимодействуя с ней, форсировала пролив Штральзунд-Фарфассер и, стремительным ударом, разгромив Рюгенскую группировку противника, овладела городами Берген, Загард, Засснитц, Винц. К исходу дня 7 мая остров Рюген был полностью очищен от немецко-фашистских войск. Здесь находился лагерь, где содержались советские военнопленные. Много трогательных встреч, неизменно сопровождавшихся расспросами земляков о родных местах, было в тот день...

Здесь я был свидетелем потрясшего меня эпизода. По дороге шли наши советские люди, освобожденные из концлагерей. Вдруг из толпы выбежала девушка, бросилась к нашему прославленному разведчику Тупкаленко и, обняв его, закричала:

— Василь, браток ты мой!

---

¹ Ю. Левитан. Говорит Москва. «Юность», 1966, № 12, стр. 62.

И мужественный, отчаянный разведчик наш, Василий Яковлевич Тупкаленко, на лице которого, как говорится, никогда ни один мускул не дрогнул, плакал, приговаривая по-украински:

— Ах, ты сестринка моя, що ж вони, гады, з тобой зробили, ишь яка худа стала... Только очи твои можно и признаты...

Вдоль острова Рюген от портового города Засснитц и по всему северо-восточному побережью простираются живописные меловые берега, спускающиеся в море. Они кажутся причудливыми башнями, словно выточенными из словеновой кости. Величественно и горделиво стоят они на берегу, обрамленные зеленью вековых буков и грабов.

Как рассказывали нам местные жители, об этих горах сложено много легенд. Одна из них повествует, будто моряк Клаус Штертебекер — любимец народа, гроза богачей — запрятал в меловых горах золото и серебро, чтобы раздать их потом беднякам.

В связи с этой легендой мне вспоминается такой случай. Как-то в один из первых дней нашего пребывания на Рюгене офицер штаба дивизии майор В. М. Сумм, назначенный мной комендантом города Загард, доложил, что к острову причалили два корабля с баржами, груженными легковыми машинами и тюками добра. На берег сошли пассажиры, которые хотят переговорить с русским генералом. Я вышел к ним. Они оказались капиталистами и помещиками, бегущими из Пруссии, и просили меня не препятствовать их переезду на Запад.

Я спросил у них, знают ли они легенду о Клаусе Штертебекере. Они хмуро и нехотя сказали, что знают, но их имущество ничего общего не имеет с кладом, который спрятал в меловых горах для народа этот герой из сказки.

— Нет, имеет. Это тот самый клад, — ответил я, — и хотя вы его не нашли в меловых горах Рюгена, но достался он вам ценой пота и крови народной. Ему, народу, и вернем это имущество. Вас мы задерживать не будем. Идите.

И они уныло потопали пешком на Запад...

Узкой полоской вытянулся вдоль берега острова город Засснитц. Слева — меловые горы, справа — неоглядные просторы Балтики, посредине вдоль дороги чередуются аккуратные здания и коттеджи. Это — северные ворота Германии. От города рукой подать до Швеции.

Сюда, в Засснитц, 12 апреля 1917 года прибыл из Швейцарии Владимир Ильич Ленин. Отсюда он перебрался по морю в Швецию, а затем через Финляндию в революционный Петроград. Ныне в центре города установлен обелиск в память о пребывании Владимира Ильича Ленина в Засснитце.

«Немецкие Сочи» — так называют Рюген, самый большой и красивый остров Германии. До образования Германской Демократической Республики здесь веселились и прожигали жизнь богачи, приезжавшие сюда со всех стран мира. На острове в городе Засснитц по приказу Гитлера были построены санатории для высших чинов нацистской партии. Рюген был вотчиной юнкеров и баронов. Им принадлежали три четверти земель и лесов. Им принадлежали замки и дворцы. Сейчас летом со всей республики едут сюда отдыхать трудящиеся ГДР, зарубежные туристы и гости.

После освобождения острова Рюген 2-я ударная армия заняла демаркационную линию вдоль озера Церентин, города Бойценбурга и далее по Эльбе до Виттенберге.

46-я ордена Суворова Лужская стрелковая дивизия вышла на Эльбу на участке Бойценбург — Виттенберге. Так закончился ее боевой путь.

С жаркими боями и походами она преодолела тяжелый путь в 4800 километров — от берегов Невы до Эльбы. За участие в снятии блокады Ленинграда, освобождение и овладение городами Выборг, Пярну, Пильтсама, Цеханув, Дойтш-Айлау, Франштадт, Мариенбург, Мариенвердер, Данциг, Штеттин, Анклам, Гриммен, Штральзунд, Берген, Засснитц и другими нашей дивизии 18 раз объявлялась благодарность Верховным Главнокомандующим.

Апрельско-майские дни 1945 года вошли золотой страницей в историю советского народа и его Вооруженных Сил. Настал долгожданный день Победы! Этот день памятен всему человечеству. Пожалуй, не было в истории нашей Родины после Октября 1917 года другого такого радостного и счастливого дня, как 9 мая 1945 года.

Офицеры штаба дивизии и полков собрались вместе, чтобы отметить победу. В кругу друзей с перевязанной рукой сидел только что вернувшийся из госпиталя наш боевой товарищ подполковник Александр Иванович Зимин — коренной ленинградец, в прошлом грузик, в начале войны командир истребительного батальона, затем на-

чальник оперативного отделения штаба дивизии и, наконец, командир 340-го Мариенбургского стрелкового полка.

Недалеко от окна веранды расположился подполковник Александр Петрович Мельников — москвич, известный в свое время в столице футболист. Свою службу в армии он начал курсантом школы ВЦИК, а боевое крещение получил под Ленинградом и был всю войну командиром 314-го стрелкового полка.

Рядом с ним — самый молодой по возрасту и один из самых отважных и прославленных командиров нашей дивизии подполковник Сергей Федорович Семенов. В кругу друзей его шутливо называли «малышом», хотя он был высок и крепкого телосложения, а в бою умен и хитер постариковски. Лет одиннадцать назад он еще пас коров в своем Волосовском районе и в военном деле ничего не смыслил.

Среди нас были и военные корреспонденты «Ленинградской правды» М. Э. Ланской и М. Д. Михалев, захватившие к нам в гости по пути из Берлина в Ленинград.

Мы расспрашивали их о Ленинграде, а они нас — о последних боях.

В окно мы увидели две рыбацьи лодки, качавшиеся на мелкой волне. В одной из лодок сидели люди в гражданской одежде и в шляпах.

— Немцы? — спросил кто-то.

Зимин кивнул.

— Лодки конопатят. Пришли и предложили свою помощь. Народ — он всегда простой и дружелюбный. А вот фашисты... И откуда берутся такие!..

— Ну, между фашистами сорок первого и сорок пятого разница огромная, — заметил Александр Петрович Мельников. — Нас чем больше били, тем больше злости вызывали, а фашистов как прижали — сразу сбили спесь. Ведь на фронте у них в последние дни черт те что делалось. Любой наш повозочный мужественнее ста эсэсовцев.

Зимин рассказал, как два бойца у острова Рюген задержали два больших вражеских парохода с гитлеровцами. Это был, пожалуй, первый случай в истории войн, когда два пехотинца среди моря взяли в плен два парохода с живой силой.

Все засмеялись. И у каждого нашелся свой эпизод.

— Фашисты в последнее время от одного русского голоса бросали оружие и сдавались в плен, — презрительно сказал заменивший раненного в бою командира 340-го

полка подполковника А. И. Зимина молодой майор Яков Ильин. — Ночью мы взяли Францбург. А другой «бург» был в двадцати километрах в стороне, и нам не хотелось оставлять врага в тылу. Поэтому, как только во Францбург вошли, я сразу на телефонную станцию.

«Междугородная в порядке?» — спрашиваю.

«Работает».

«Соедините с бургомистром».

Слышу дрожащий голос. Говорю:

«Я советский командир, мы находимся во Францбурге. Требую капитуляции вашего гарнизона. Даю двадцать минут на размышление».

Жду на станции. Ровно через пятнадцать минут звонок, говорит бургомистр.

«Согласны».

Я ему:

«По моим сведениям, у вас гарнизон тысяча человек».

А сведений у меня и не было...

Бургомистр робко отвечает:

«Пятисот не будет».

«Неправда, — кричу. — Немедленно всех построить и под командой ваших офицеров направить во Францбург».

Оставил помощника начальника штаба для приема военнопленных, а сам вперед. Потом узнал, что привели не пятьсот, а что-то около тысячи.

— Скажу честно, — заговорил подполковник С. Ф. Семенов, — когда наши в сорок первом отступали, бывало, плакал. Особенно тяжело переживал известие о захвате врагом последних сухопутных коммуникаций, связывающих Ленинград со страной. Но мы и тогда верили в нашу победу. И мы завоевали ее! Сейчас прямо душа поет!

В тот вечер многое вспомнилось. Больше всего говорили о родном Ленинграде, на подступах к которому мы выдержали самые суровые испытания войны. Там, под Ленинградом, нам довелось пережить горечь отступления. Там мы познали и радость первой победы...

Через несколько дней позиции вдоль реки Эльбы нам сдавал английский бригадный генерал. Он был шотландцем. Мы разговорились. Генерал поругивал Черчилля, причем делал это с чисто английским юмором. Дескать, наш премьер понимает толк в винах, и если он любит русский коньяк, то не мешало бы ему по-настоящему познать душу русского народа, чтобы всегда жить с ним в мире и никогда не держать камень за пазухой.

Это было сказано английским генералом задолго до Фултонской речи Черчилля, положившей начало «холодной» войне.

Однажды после футбольного матча, в котором встречались команды нашей дивизии и английского гарнизона, он со вздохом сказал:

— Ах, если бы все мы сражались в будущем только на футбольных полях.

— Надо стремиться к этому, — ответил я.

Все наши части и подразделения расквартировались вдоль демаркационной линии по Эльбе. Здесь на первых порах перехода немецкого населения к мирной жизни нам приходилось уделять много времени, труда и средств, чтобы оказывать ему всяческую помощь. Только одна наша дивизия кормила из своих запасов около 10 тысяч беженцев. Мы расселяли этих людей в хорошие дома. В имении недалеко от Притцера была расквартирована одна наша часть. Когда мне доложили, что полторы тысячи беженцев нуждаются в крове, я приказал командиру этой части передислоцироваться в другой населенный пункт, а дома бывшего немецкого помещика предоставить беженцам.

Мы помогли также всем беженцам в устройстве на работу. Наши солдаты пришли на помощь местным крестьянам. В районе населенных пунктов Дебертин и Хагенов они вместе с ними убирали урожай.

Органы местного самоуправления только создавались, и нам пришлось помогать им налаживать в городах торговлю, работу мелких кустарных предприятий, выпечку хлеба. В Хагенове и Виттенберге мы помогли организовать занятия детей в пяти школах.

Всех дел не перечислить. Их было очень много. Мы, советские воины, сразу же после окончания войны считали себя мирными посланцами нашей страны, которая хотела жить в согласии и дружбе с немецким народом.

ГОРОД-СИМВОЛ

Весной 1965 года Грейфсвальд торжественно отмечал 20-летие освобождения от фашизма. Из Ленинграда на празднование были приглашены Б. А. Матусов и я, из Псковской области — ветеран нашей дивизии М. Ф. Иванов. На торжества приехали генерал И. И. Федюнинский

и наш неизменный сосед по боям от Выборга до острова Рюген генерал Н. Г. Лященко.

Мы с большим интересом осматривали Грейфсвальд, его древние узкие улицы с характерными домами в готическом стиле. Многие из этих домов сохраняются сейчас как памятники старинного зодчества. Любовались и просторными кварталами новой застройки. На улицах было оживленно. В Грейфсвальде население за 20 лет увеличилось на 12 тысяч человек — в 1965 году в городе насчитывалось 48 тысяч жителей. Строились новые предприятия, учреждения культуры и, как сообщил нам бургомистр города, за 20 лет народной власти жилых домов здесь было возведено намного больше, чем за 60 лет до нее. Между прочим, за 12 лет нацисты сооружали здесь только военные объекты, для трудящихся же не построили ни одного дома.

Здесь мне хочется сделать маленькое отступление от хронологического изложения событий. Через 5 лет мне сообщили из Грейфсвальда: «Сегодня сдана населению тысячная квартира, построенная в 1970 году в новом квартале Шенвальда. Этого еще не было ни в одном году за всю историю Грейфсвальда, которая насчитывает 720 лет! К 1975 году будут построены еще 6 тысяч квартир, несколько школ, учреждений для детей дошкольного возраста, клубов, домов отдыха, санаториев. А в районе Эльдена мы начали уже строительство морского курорта».

Но вернемся к прерванному рассказу..

Наш собеседник Эрих Нейгауз, бургомистр города, по профессии печатник. Он очень энергичный, деятельный и на редкость обаятельный человек. Мы беседовали с ним в городской ратуше. Он рассказывал о судьбах людей и города, за спасение которого они вступили в смертельную схватку с фашизмом.

Мы узнаем, что Оскар Леман, бывший однополчанин Рудольфа Петерсхагена, который во многом помогал ему в трудные дни подготовки города к сдаче советским войскам без боя, тот самый Оскар Леман, который добровольно согласился быть водителем машины, чтобы доставить парламентариев к нам через линию фронта, сейчас работает научным сотрудником Института гигиены Грейфсвальдского университета. У него много хлопот. Дело его нелегкое, но почетное. Он заботится об улучшении условий труда на предприятиях Ростокского округа, куда входит их город. У Лемана четверо детей. Один сын стал инже-

нером, другой — матросом, старшая дочь — воспитательница в детском саду, младшая еще учится.

Бывший майор Шенфельд, адъютант и друг Петерсхагена, который утром 30 апреля 1945 года спас его от расправы эсэсовцев, работает сейчас городским советником по коммунальному хозяйству. Только после освобождения страны от фашизма его работа обрела смысл. О службе в немецкой армии он вспоминает как о пропавших годах.

В своей книге Петерсхаген рассказывал о встрече с простой крестьянской девочкой, которая в тревожные апрельские дни 1945 года помогла ему над многим призадуматься. «Тринадцатилетняя деревенская девочка смотрела на вещи трезвее, чем иные военные»¹.

Мы поинтересовались судьбой бывшей крестьянской девочки, и бургомистр нам ответил, что Эльфрида Кальвейт — так звали ее — получила медицинское образование. Сейчас она работает врачом, пользуется большим уважением в своем городе.

О многом во время второй нашей встречи переговорили мы и с Рудольфом Петерсхагеном. Автор известной во всем мире книги «Мятежная совесть» был занят литературным трудом, и фрау Анжелика помогала ему в сборе материалов, переписке с читателями. Но она еще и как депутат городского Совета принимала деятельное участие в работе комиссии по культуре.

— О чем будет следующая книга? — спросил я у Рудольфа Петерсхагена.

— Это будет моя третья книга, — ответил он. — Вторая после «Мятежной совести» была «Жизнь — это не игра в кости». В ней я описываю судьбу одного из членов фашистской организации «Гитлерюгенд», где пытаюсь (не знаю, насколько мне это удалось с литературной точки зрения) разоблачить тех, кто развращал немецкую молодежь, превращал ее в послушных исполнителей воли фюрера. Третья книга будет о тех, кто помог прийти Гитлеру к власти, и охватывает период двадцатых — тридцатых годов.

Я высказал Петерсхагену свое восхищение судьбами людей, его старых друзей, которые в тяжелые дни зимы и весны сорок пятого года были рядом с ним.

— Да, — улыбаясь, ответил он, — это отдельная, большая тема.

---

¹ Р. Петерсхаген. Мятежная совесть, стр. 47.

И Петерсхаген рассказал о людях, помощь которых он ощущал, но никогда их в те дни не видел в лицо. Вот, например, рабочий Герман Линдгрэн. В те тяжелые апрельские дни 1945 года он проявил настоящее мужество, помешав забаррикадировать проходы в противотанковых заграждениях эсэсовцам и потерявшим головы от фашистского угара псевдопатриотам.

Оказывается, в Грейфсвальде действовала антифашистская группа национального комитета «Свободная Германия». И Герман Линдгрэн был ее активным членом. Сейчас он почетный гражданин Грейфсвальда. Имя Германа Линдгрена — старого коммуниста, борца-подпольщика в годы гитлеризма — стоит в одном ряду с именами еще трех почетных граждан города — видного ученого Фридриха Лёфлера, датского писателя-антифашиста Мартина Андерсена-Нексе, томившегося в застенках гестапо, и Рудольфа Петерсхагена.

Но были, к сожалению, люди, готовые ради спасения своей шкуры пожертвовать городом и его населением. Как-то зашел у нас разговор о неприятном инциденте при капитуляции Грейфсвальда — о взрывах на аэродроме. Петерсхаген нахмурился.

— Знаете, — сказал он со вздохом, — все это произошло по вине подполковника Реппенинга, бывшего коменданта военно-воздушной базы. Это он отдал преступный приказ взорвать аэродром. Теперь этот негодяй служит верой и правдой боннским реваншистам. Они даже посылали его вместе с какой-то делегацией в Вашингтон. Реппенинг числится у них специалистом по Грейфсвальду. Что ж, — горькая усмешка скользнула по лицу моего собеседника, — Грейфсвальд знает теперь, кто его друзья и кто его враги...

Когда популярному немецкому актеру Эрвину Гешонеку предложили играть главную роль в фильме «Совесть пробуждается», он наотрез отказался. Играть полковника фашистской армии, кавалера Рыцарского креста, казалось знаменитому актеру, старому коммунисту, подпольщику, активному борцу с фашизмом, прошедшему через испытания всех страшных гитлеровских концлагерей, невероятным и постыдным фактом. Но, прочитав книгу Петерсхагена, узнав о его мужестве, о его непоколебимой стойкости во время пыток в тюрьмах ФРГ, Эрвин Гешонек понял, что это даже интересно и почетно раскрыть характер героя, который пришел в наш лагерь борцов за мир, демо-

кратию и социализм такими сложными, противоречивыми путями...

В одном из залов исторического института Грейфсвальдского университета, где происходила научная конференция, посвященная событиям, участниками которых нам довелось быть 20 лет назад, Петерсхаген сидел рядом со мной. Он держал в руках изданную в Москве на русском языке его книгу. Раскрыв ее, Петерсхаген поблагодарил меня за предисловие.

Когда мне предоставили слово для доклада на этой научной конференции, признаться, я волновался. В зале сидели ученые, приехавшие из разных стран мира. Не думал я в сорок пятом году, что наш гуманный акт, столь естественный для советских воинов, войдет в историю, станет предметом научного интереса.

В своем докладе я особо подчеркнул, что мы, советские люди, никогда не отождествляли Германию и немецкий народ с гитлеровским режимом и его главарями. Мы знали другую Германию — Германию Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Карла Либкнехта и Розы Люксембург, Эрнста Тельмана, Клары Цеткин, Вильгельма Пика и многих тысяч героев рабочего движения. Для нас дороги Шиллер и Гёте, Лессинг и Гейне, Бах и Бетховен.

Армия первого в мире социалистического государства, вступая на территорию Германии, не могла руководствоваться чувством мести к немецкому народу. Мы хотели разгромить фашистскую нечисть, разбойничью армию, уничтожить нацистское государство, человеконенавистнический гитлеровский режим. Это соответствовало интересам самого немецкого народа.

Когда я сошел с трибуны, Петерсхаген крепко пожал мою руку.

Это была наша последняя встреча. Через 4 года Рудольф Петерсхаген, здоровье которого было надломлено войной и пытками в тюрьмах ФРГ времен «холодной» войны, скончался.

Во время поездки в Германскую Демократическую Республику я вместе с фрау Анжеликой посетил могилу Петерсхагена и возложил на нее венок.

Затем недалеко от Грейфсвальда я был на митинге, посвященном памяти советских воинов, погибших в боях с фашизмом. В центре братского кладбища возвышался обелиск. В нише его стояла шкатулка с горстью приневской земли. Я видел, как год назад немецкие пионеры

брали эту землю на бывшем «Невском пяточке». Ребята удивлялись тогда: как много металлических осколков в этой земле.

— Это осколки от снарядов и мин, — сказал я, — которые тоннами обрушивали фашисты на защитников Ленинграда. Но воины-ленинградцы разгромили гитлеровцев не только под стенами своего города, но и прошли тяжелый боевой путь от Невы до Эльбы, чтобы спасти ваших отцов и матерей от нацизма. Пусть эта горсть ленинградской земли вечно напоминает вам об этом!

Да! Человечество не забудет ужасов фашизма. Наша армия в тяжелейших боях с гитлеровскими войсками отстаивала свободу, честь и независимость своей Родины, освободила от фашизма народы Европы. И сейчас взоры всего прогрессивного человечества обращены на нашу могучую Родину — оплот мира, демократии и социализма на земле.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В ЛЕСАХ КАРЕЛИИ	3
По тревоге	3
На границе	8
Герои Сортавалы	12
БОНДАРЕВЦЫ	41
Приезд маршала	41
Встречный бой	51
«Слоеный пирог»	55
На реке Ижоре	61
В Павловском парке	76
Там, где их остановили	87
На «Невском пятачке»	94
ПРОРЫВ	131
На Приморском плацдарме	131
В резерве фронта	144
Накануне	155
Штурм	159
Не стреляли только мертвые...	172
РАЗГРОМ	181
В красноборском «мешке»	181
Близок час	186
У Вороньей горы	195
Глубокий маневр	203
В обход Луги	214
На Псков!	242
ДВА СОКРУШИТЕЛЬНЫХ УДАРА	261
Карельский вал	261
Натиск и темп	266
Таллинское направление	291
На побережье!	303

ВЕЛИКИЙ ПОРЫВ	311
В Польше	311
На подступах к Восточной Пруссии	320
Вот она, земля врага!	344
Падение восточнопомеранского бастиона	361
Бросок на север от Берлина	382
ГРЕЙФСВАЛЬДСКАЯ ИСТОРИЯ	390
Парламентеры и русский переводчик	390
Путь к высшему мужеству	408
НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВЕСНА	420
В дни победы	420
Город-символ , , ...	431

Семён Николаевич Борщев

ОТ НЕВЫ ДО ЭЛЬБЫ

Редактор М. А. Шаталина

Художники Б. А. Комаров, К. Ю. Швец

Художник-редактор О. И. Маслаков

Технический редактор Т. П. Гладышева

Корректор Л. В. Берендюкова

Сдано в набор 16/VIII 1972 г. Подписано к печати 16/I 1973 г.
М-37712. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 23,10
Уч.-изд. л. 25,02+вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ № 842.
Цена 1 р. 20 к.

Лениздат, Лескяград, Фонтанка, 59.

Ордена Трудового Красного Знамени

типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57